

ГБУ «ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

VESTNIK OF INSTITUTE OF ECONOMIC RESEARCH

Научный журнал

Основан в апреле 2016 г.

Периодичность выпуска
4 номера в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим специальностям:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки);
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки)

(Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 21.02.2023 г. №84-р)

№ 2(38) – 2025

Донецк

Редакционная коллегия:

А.В. Половян, докт. экон. наук (главный редактор)
(Российская Федерация);
О.А. Ашурков, канд. юрид. наук (зам. главного редактора)
(Российская Федерация);
В.П. Вишнеvский, докт. экон. наук (зам. главного редактора)
(Российская Федерация);
Е.С. Авдеева, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
М.Л. Альпидовская, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
Р.И. Балашова, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
А.Р. Бахтзин, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
Л.Н. Бражникова, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
А.А. Бачурин, канд. экон. наук
(Российская Федерация);
А.В. Белицкая, докт. юрид. наук
(Российская Федерация);
Вэй Сюянь, профессор
(Китайская Народная Республика);
Е.П. Губин, докт. юрид. наук
(Российская Федерация);
Гуо Хаомяо, докт. экон. наук
(Китайская Народная Республика);
Л.И. Дмитриченко, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
И.В. Дойников, докт. юрид. наук
(Российская Федерация);
С.А. Карелина, докт. юрид. наук
(Российская Федерация);
К.В. Кичик, канд. юрид. наук
(Российская Федерация);
Е.В. Куцурубова–Шевченко, канд. юрид. наук
(Российская Федерация);
Л.И. Куш, канд. юрид. наук
(Российская Федерация);
С.Н. Левин, докт. экон. наук,
(Российская Федерация);
Р.Н. Лепа, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
И.А. Майбуvров, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
А.М. Моисеев, докт. юрид. наук
(Российская Федерация);
С.Л. Орлов, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
Ю.Н. Полшков, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
А.В. Сигал, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
Е.А. Талыкин, канд. юрид. наук
(Российская Федерация);
Л.И. Тараш, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
В.Н. Тимохин, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
В.В. Трубчанин, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
Д.Ю. Федотов, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
Я.В. Хоменко, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
А.М. Чаусовский, докт. экон. наук
(Российская Федерация);
Н.В. Черкасская, канд. юрид. наук
(Российская Федерация);
Н.Л. Шелухин, докт. юрид. наук
(Российская Федерация);
Н.В. Шемякина, канд. экон. наук
(Российская Федерация);
И.С. Шиткина, докт. юрид. наук
(Российская Федерация);
Я.С. Голоднюк, ответственный секретарь
(Российская Федерация)

Editorial board:

A.V. Polovyan, Doctor of Economic Sciences (editor-in-chief)
(Russian Federation);
O.A. Ashurkov, Candidate of Legal Sciences (dep. editor-in-chief)
(Russian Federation);
V.P. Vishnevskiy, Doctor of Economic Sciences (dep. editor-in-chief)
(Russian Federation);
E.S. Avdeeva, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
M.L. Alpidovskaya, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
R.I. Balashova, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
A.R. Bakhtizin, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
L.N. Brazhnikova, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
A.A. Bachurin, Candidate of Economic Sciences
(Russian Federation);
A.V. Belitskaya, Doctor of Legal Sciences
(Russian Federation);
Wei Xiaoyan, professor
(People's Republic of China);
E.P. Gubin, Doctor of Legal Sciences
(Russian Federation);
Guo Haomiao, Doctor of Economic Sciences
(People's Republic of China);
L.I. Dmitrichenko, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
I.V. Doinikov, Doctor of Legal Sciences
(Russian Federation);
S.A. Karelina, Doctor of Legal Sciences
(Russian Federation);
K.V. Kichik, Candidate of Legal Sciences
(Russian Federation);
E.V. Kutsurubova-Shevchenko, Candidate of Legal Sciences
(Russian Federation);
L.I. Kushch, Candidate of Legal Sciences
(Russian Federation);
S.N. Levin, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
R.N. Lepa, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
I.A. Mayburov, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
A.M. Moiseev, Doctor of Legal Sciences
(Russian Federation);
S.L. Orlov, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
Yu. N. Polshkov, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
A.V. Sigal, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
E.A. Talykin, Candidate of Legal Sciences
(Russian Federation);
L.I. Tarash, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
V.N. Timokhin, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
V.V. Trubchamin, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
D.Yu. Fedotov, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
Ya.V. Khomenko, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
A.M. Chausovskiy, Doctor of Economic Sciences
(Russian Federation);
N.V. Cherkasskaya, Candidate of Legal Sciences
(Russian Federation);
N.L. Shelukhin, Doctor of Legal Sciences
(Russian Federation);
N.V. Shemyakina, Candidate of Economic Sciences
(Russian Federation);
I.S. Shitkina, Doctor of Legal Sciences
(Russian Federation);
Ya.S. Golodnyuk, executive editor
(Russian Federation)

Свидетельство о государственной регистрации средства
массовой информации от 13.09.2016 г. № 000010

Материалы печатаются на русском и английском языках

Рекомендован к печати ученым советом
ГБУ «Институт экономических исследований»
(протокол УС от 24.06.2025 г. №5)

Журнал «ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ» включен в международную научно-метрическую базу Научной электронной библиотеки **elibrary.ru** (Российский индекс научного цитирования – **РИНЦ**) – лицензионный договор от 05.10.2016 г. № 530–10/2016, в каталог научных ресурсов открытого доступа ROAD, в международные научно-метрические базы Academic Resource Index – ResearchBib (Япония) – письмо ResearchBib Team от 05.10.2016 г. № 213438, Google Scholar – письмо Google Scholar Team от 16.01.2017 г. № NMUjFcAAAAAJ, а также в Российскую научную электронную библиотеку КиберЛенинка – договор от 16.01.2017 г. № 33232–01

Электронная версия журнала размещена на сайте vestnik.econri.org

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов. Ответственность за точность приведенных фактов, фамилий, цитат несут авторы. При перепечатке ссылка на журнал «ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ» обязательна.

— «Это произведение доступно по лицензии Creative Commons с указанием авторства
4.0 Непортированная»

Содержание

Региональная экономика

Некрасова О.Л., Железняк В.Ю. «Территориально-производственный комплекс» и «кластер»: общность и различия концептов	5
Копытова Е.Д. Роль производственно-экономических связей в развитии малых городов	23
Миньковская М.В. Анализ региональной политики России в современных условиях	39
Стебленко В.В., Ершова И.Г. Оценка межрегионального экономического неравенства в России	53

Экономика промышленности

Лепя Р.Н., Савченко М.В., Заглада Р.Ю. Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона	62
---	----

Экономика инноваций

Белоброва Н.В. Технологический суверенитет: теоретико-методические подходы к определению	86
Бурлуцкий Б. В. Финансовое стимулирование изобретательской активности в России и мире	102

Экономика транспорта и логистика

Лукиных В.Ф., Тод Н.А. Методическое обеспечение логистического каркаса	119
Дунаенко Н.А., Кудрявцева Т.Ю. Стратегическое планирование грузоперевозок и факторы развития международных транспортных коридоров	131

Экономика сферы услуг

Усова Н.В., Логинов М.П. Трансформация цифровых услуг розничной торговли: тенденции и перспективы	148
---	-----

Экономика народонаселения и труда

Коваленко В.П. Инструменты управления качеством жизни населения и особенности их применения в Донецкой Народной Республике	163
Ягмур Е.А., Новодевичинская М.В. Инструменты преодоления трудовой бедности как средства государственного управления благополучием населения	177

Менеджмент и маркетинг

Аренков И.А., Зябриков В.В. Измерение показателей российской деловой культуры по Г. Хофстеде	193
--	-----

Финансы, денежное обращение и кредит

Манжула Т.Ю., Верич Ю.Л. Использование цифрового рубля в бюджетном процессе Российской Федерации	209
--	-----

Экономико-правовые аспекты обеспечения экономической безопасности

Хараберюш И.Ф. Совершенствования законодательства по обеспечению экономической безопасности Донецкой Народной Республики	222
--	-----

Правовое регулирование государственного управления в экономической сфере

Куц Л.И. Правовое обеспечение формирования и реализации промышленной политики в Донецкой Народной Республике в условиях экономической интеграции	236
--	-----

Contents

Regional economics

Nekrasova O.L., Zheleznyak V.Yu. "Territorial production complex" and "Cluster": commonality and differences of concepts	5
Копытова Е.Д. The role of industrial and economic ties in the development of small towns	23
Minkovskaya M.V. Analyzing russian regional policy in modern conditions	39
Стебленко В.В., Ершова И.Г. Оценка межрегионального экономического неравенства в России	53

Industrial economics

Лера R.N., Savchenko M.V., Zaglada R.Yu Conceptual basis for the formation of a mechanism for managing the development of regional industry	62
--	----

Innovation economics

Belobrova N.V. Technological sovereignty: theoretical and methodological approaches to the definition	86
Burlutsky B.V. Financial stimulation of inventive activity in Russia and the world	102

Transport economics and logistics

Lukinykh V.F., Tod N.A. Methodological support of the logistic framework	119
Dunaenko N.A., Kudryavtseva T.Yu. Strategic planning of cargo transportation and factors of development of international transport corridors	131

Service sector economics

Usova N.V., Loginov M.P. Transformation of digital retail services: trends and prospects	148
---	-----

Labour, population and demography economics

Kovalenko V.P. Instruments for managing the population quality of life and their application in the Donetsk People's Republic	163
Yagmur E.A., Novodevichinskay M. V. Tools for overcoming labor poverty as a means of state management of the well-being of the population	177

Management and marketing

Arenkov I.A. , Zyabrikov V.V. Measuring russian business culture according to G. Hofstede	193
--	-----

Finance, money circulation and credit

Manzhula T.Yu. Verich Yu.L. Using the digital ruble in the budgetary process of the Russian Federation	209
---	-----

Economic and legal aspects of ensuring economic security

Kharaberyush I.F. Improving the legislation on ensuring economic security of the Donetsk People's Republic	222
---	-----

Legal regulation of public administration in economic areas

Kushch L.I. Legal support for the formation and implementation of industrial policy in the Donetsk People's Republic in the conditions of economic integration	236
---	-----

УДК 332.012

JEL: R10

«ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС» И «КЛАСТЕР»: ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ КОНЦЕПТОВ

Некрасова О.Л. д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой международного бизнеса и делового администрирования, ORCID 0000-0002-4514-4695, e-mail: ol.nekrasova@donnu.ru, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Железняк В.Ю. канд. экон. наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ORCID 0000-0002-3412-6360, e-mail: zheleznyak_valeriya2017@mail.ru, Донецкий филиал Волгоградской академии МВД России, Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация. Наличие в современной академической среде широкого спектра мнений по вопросу дефиниции понятий «кластер» и «территориально-производственный комплекс» на фоне отсутствия общепризнанного обусловило интерес авторов к проблеме общности и различия их концептов. Принимая во внимание, что единое и всеобъемлющее определение для таких комплексных терминов как «кластер» и ТПК подобрать представляется практически невозможным в силу как сложности и многоплановости обозначаемых ими феноменов, так и зависимости дефиниции от специфики конкретного исследования, авторы выдвигают гипотезу о возможности формулирования их универсальных конструктов, сравнительный анализ которых позволит обоснованно разграничить концепты и сферы применения, что и составляет цель настоящего исследования. В процессе ее достижения

использовались теоретические методы исследования (анализ, обобщение и систематизация) и методологическая платформа системной парадигмы, что позволило выделить базовые признаки и обосновать конструкты дефиниций «территориально-производственный комплекс» и «экономический кластер». На основании предложенных авторами конструктов сделан вывод о наличии как общности, так и различий между ними. Общим признаком является их идентификация как целостных комплексов, указывающая на многокомпонентность и структурированность, базовые отличия имеют место по следующим параметрам: исходные образования, характеристика соединения, целенаправленность и механизм формирования эмерджентности.

Ключевые слова: дефиниция; детализация; системная парадигма; конструкт; формализованная модель.

"TERRITORIAL PRODUCTION COMPLEX" AND "CLUSTER": COMMONALITY AND DIFFERENCES OF CONCEPTS

Nekrasova O.L. Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, Head of the International Business and Business Administration Department, ORCID 0000-0002-4514-4695, e-mail: ol.nekrasova@donnu.ru, FSEI HE "Donetsk State University", Donetsk, DPR, Russian Federation.

© О.Л. Некрасова, В.Ю. Железняк, 2025

Zheleznyak V.Yu. Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, ORCID 0000-0002-3412-6360, e-mail: zheleznyak_valeriya2017@mail.ru, Donetsk branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Donetsk, DPR, Russian Federation.

Abstract. The presence in the modern academic environment of a wide range of opinions on the definition of the concepts of "cluster" and "territorial production complex" against the background of the lack of generally recognized has led the authors to interest in the problem of commonality and differences of their concepts. Taking into account that it seems almost impossible to find a single and comprehensive definition for such complex terms as "cluster" and TPC due to both the complexity and diversity of the phenomena they designate, and the dependence of the definition on the specifics of a particular study, the authors hypothesize about the possibility of formulating their universal constructs, a comparative analysis of which will make it possible to reasonably distinguish concepts and areas of application, which is the purpose of this study. In the process of achieving it, theoretical research methods (analysis, generalization and systematization) and the methodological platform of the system paradigm were used, which made it possible to identify the basic features and substantiate the constructs of the definitions of "territorial production complex" and "economic cluster". Based on the constructs proposed by the authors, it is concluded that there are both commonalities and differences between them. A common feature is their identification as integral complexes, indicating multicomponence and structurality, the basic differences occur in the following parameters: initial formations, connection characteristics, purposefulness and the mechanism of emergence formation.

Keywords: definition; detail; system paradigm; construct; formalized model.

► **Введение.** В современных теориях, концепциях и моделях

территориально-пространственной организации (ТПО) жизни общества широкое распространение получил термин «кластер», введение в экономический оборот которого общепринято связывать с именем представителя Гарвардской школы бизнеса Портера М. Данный термин применялся в научных исследованиях и ранее, но в ином смысле: как результат применения кластерного анализа в целях группировки многомерных объектов. И, если первые работы, описывающие методы кластерного анализа относятся к концу 30-х годов (обычно связываются с именем американского психолога Р. Трайона), то для обозначения экономического феномена термин «кластер» стал применяться только с 90-х гг. XX века. Нередко в экономических исследованиях термин «кластер» позиционируется как более прогрессивный относительно термина «территориально-производственный комплекс» (ТПК), активная разработка которого велась еще представителями советской экономико-географической научной школы: Н.Н. Колосовским, Н.Н. Баранским, М.К. Бандманом. При этом сравнительный анализ теории промышленных кластеров Портера М. и отечественных учений о ТПК указывает на их достаточно близкое сходство. В связи с этим закономерно возникает вопрос: не является ли применение термина «кластер» в отдельных научных исследованиях по проблематике ТПО простым следованием моде на иностранную терминологию, нередко влекущим за собой простую подмену ТПК. Обоснованный ответ на этот вопрос требует сравнительного анализа содержательного наполнения относительно нового в экономике термина

«кластер» с устоявшимся ранее в отечественной практике термином «ТПК».

► **Обзор литературы.** Проблема разграничения концептов этих терминов уже освещалась в исследованиях [1] и [2], но их авторы пришли к существенно различающимся выводам. Так, В.П. Сидоров и Н.П. Шамаева [2] видят главное отличие ТПК и кластеров в том, что первые создаются по распоряжению «сверху» (в основном характерных для плановой экономики), в то время как возникновение вторых – результат решения об объединении, принятого самими предприятиями в целях повышения прибыльности и/или конкурентоспособности. Данная позиция представляется достаточно спорной, поскольку авторы в своих выводах основываются исключительно на результатах анализа ряда отечественных определений кластера и ТПК на предмет их соответствия параметрам идеального экономического кластера (в качестве такового авторами выбрано определение Портера М.). Другим автором, В.Ю. Маловым [1], по результатам сравнения определения ТПК Бандмана М.К. и регионального кластера Пилипенко И.В., проведено сравнение концептов по четырем параметрам: происхождению, месту возникновения, целевой установке, составу и структуре. В результате, подчеркивая недопустимость отождествления термина «кластер» (в его экономическом понимании) и ТПК, В.Ю. Малов [1] приходит к следующему выводу: позиции, которые чаще всего указываются в качестве основных отличительных признаков, таковыми не являются. В заключительной части своего исследования автор обращает внимание на ряд характеристик кластера (как нового объекта в сравнении с ТПК), которые, по его мнению, являются действительно отличительными и уникальными. При этом отмечает серьезные трудности сравнения их содержания, обусловленные отсутствием приемов формального описания

характеристик кластера. Иной точки зрения придерживаются А.А. Маякова, В.А. Осипов и А.В. Осипов, характеризующие в своей работе [3] кластер как неполностью управляемый ТПК. Отсутствие единого мнения относительно формального описания кластера, как экономического феномена, просматривается и в исследовании Е.А. Погодиной и Е.Н. Катаева [4], в работе которых проанализировано 17 определений кластера, предложенных российскими и зарубежными учеными, набор содержательных признаков которых практически не повторяется.

Несомненно, единое и всеобъемлющее определение для таких комплексных терминов как «кластер» и ТПК подобрать представляется практически невозможным в силу как сложности и многоплановости обозначаемых ими феноменов, так и зависимости дефиниции от специфики и потребностей той или иной области экономического знания, того или иного исследования. Однако, по мнению авторов, есть все основания для предположения о наличии своеобразных универсальных «формул» (конструктов) для терминов «кластер» и «ТПК», которые позволят выявить общность и различия в их концептах и сферах применения, что и составляет цель настоящего исследования. Ее достижение потребовало решения следующих исследовательских задач: анализа существующих подходов к интерпретации содержания рассматриваемых терминов; выделения базовых признаков, характеризующих их смысловое наполнение, обоснования на их основе универсальных конструктов терминов с последующим проведением сравнительного анализа.

► **Данные и методы.** Специфика темы исследования определила использование теоретических методов (анализа источников по заявленной проблеме, включая материалы научных исследований российских и зарубежных авторов;

обобщения, сравнения и систематизации полученных результатов) и методологической платформы системной парадигмы (рассмотрения исследуемых явлений как структурированных и целенаправленно действующих комплексов элементов, которым в совокупности присущи новые интегративные свойства).

Для решения первой исследовательской задачи авторами были сформированы две выборки дефиниций – «ТПК» и «кластер». Выборку «ТПК» составили дефиниции Э.Б. Алаева [5], П.М. Алампиева [6], А.Г. Гранберга [7], О.Г. Карпович [8], Н.Н. Колосовского [9], Н.Н. Некрасова [8], А.Е. Пробста [10], Е.Д. Силаева [11], ИЭОПП СО АН РФ [12]. Принимая во внимание, что кластерная теория зародилась и достаточно долго развивалась на американской почве, выборка «кластер» была разделена на две группы: «кластер 1» и «кластер 2». Первую группу составили англоязычные формулировки, представленные в работах Л.С. Маркова [13] (М. Портер [14; 15], Х. Шмитц [16], М. Энрайт [17], П. Суон и М. Превезер [18], С. Розенфельд [19], У. Элснер [20], М. Штайнер и Ц. Хартманн [21], Т. Роланд и П. Хертог [22], Дж. Симми и Дж. Сеннетт [23], Э. Бергман и Э. Фезер [24], Т. Иган [25], С. Крауч и Х. Фарелл [26], Л. Ван ден Берг, Э. Браун, В. ван Винден [27], Э.-Я. Виссер и Р. Бошма [28], Т. Андерссон, С.С. Серджер, Дж. Сорвик и Э.В. Ханссон [29], а также материалах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [30]). Во вторую группу вошли дефиниции, содержащиеся в русскоязычных исследованиях (Е.Н. Акерман [31], Ю.А. Арутюнов [32], А. Воронов, А. Буряк [33], С.А. Дворкин [34], Г.Б. Клейнер, Р.М. Качалов, Н.Б. Нагрудная [35], В.М. Кутьин [36], С.В. Лозинский [37], А.А. Маякова, В.А.

Осипов, А.В. Осипов [3], Ю.О. Новикова [38], И.В. Пилипенко [39], Е.А. Погодина, Е.Н. Катаев [4], О.А. Романова, Ю.Г. Лаврикова [40], С.И. Соколенко [41], Е.М. Терешин, В.М. Володин [42], Т.В. Цихан [43]), а также аналитических материалах Ассоциации кластеров и технопарков¹. Несомненно, в эволюции термина «ТПК» также могут быть выделены два этапа (советский и постсоветский). Однако тот факт, что второй этап является результатом развития первого без выхода за пределы отечественной научной школы (в отличие от кластера, заимствованного из зарубежного опыта), а также количественные пределы настоящего исследования обусловили рассмотрение вышеуказанной выборки без разделения ее на отдельные группы.

В результате анализа дефиниций посредством метода обобщения, сравнения и систематизации полученных результатов были выделены базовые признаки, характеризующие ТПК и кластер с позиций экономической науки. Полученные результаты представлены с помощью диаграмм частоты упоминания отдельных содержательных признаков в сформированных выборках, а также структур выборок по уровню детализации содержательных признаков. Для построения диаграмм использовался функциональный инструмент визуализации и анализа данных – программы Excel. Анализ содержательных признаков дефиниций «ТПК» и «кластер» через призму кортежа дескриптивных признаков системности объекта (обоснован в работе [44]), позволил обосновать их универсальные конструкты и, таким образом, решить третью поставленную задачу.

► **Результаты исследования.** Руководствуясь принципом историзма, авторы исследования провели анализ подходов к

¹ Обзор промышленных кластеров в России / Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ

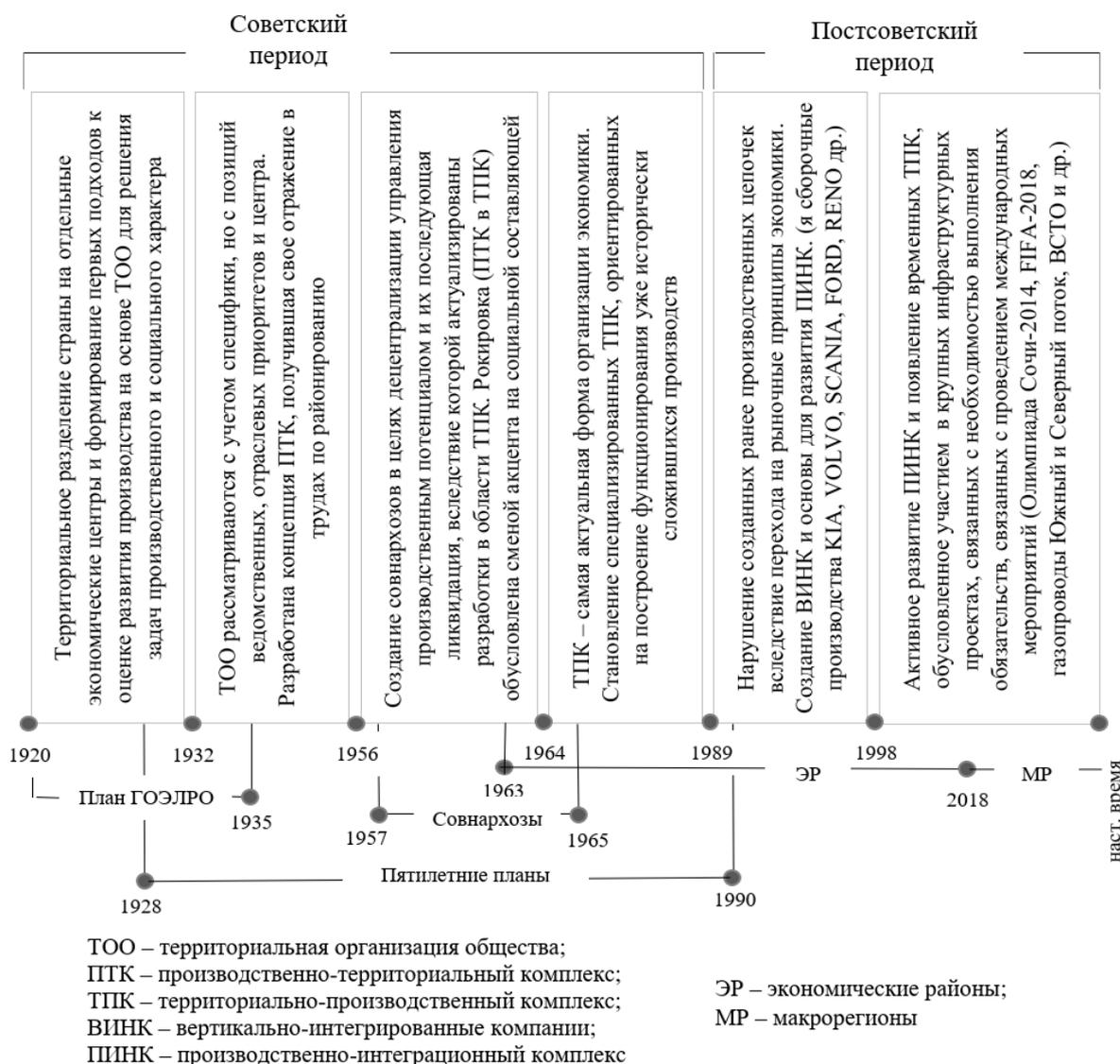
России [Электронный ресурс]. – Выпуск 1. – 2015. – URL: <https://akitrf.ru> (дата обращения: 28.11.2023)

«Территориально-производственный комплекс» и «кластер»: общность и различия концептов

пониманию термина «ТПК» в контексте условий возникновения и развития как самого термина, так и обозначаемого им феномена. В результате было установлено, что в советской науке «ТПК» предшествовали такие термины как «энерго-производственный цикл» (ЭПЦ) и «производственно-территориальные комплексы» (ПТК) (рис. 1).

При этом возникновение термина «ТПК» явилось ответом на изменение

общественных отношений и появление на определенных исторических этапах новых задач пространственного развития. Принимая во внимание тот факт, что понятие ТПК не отрицало предшествовавших ему, а лишь в силу объективных причин дополняло их новыми характеристиками (как это отмечал в своей работе В.Ю. Малов [1]) в выборку «ТПК»

Рисунок 1 – Развитие форм территориальной организации общества в российской практике (обобщено авторами на основе [45])

включены и родственные ему (производственно-территориальный комплекс, районный народнохозяйственный комплекс).

Подходы к пониманию сущности кластера в западных академических кругах достаточно подробно рассмотрены в монографии Л.С. Маркова [13, с. 10-12], содержащей выборку из 19 дефиниций. В связи с тем, что дефиниции ряда авторов представлены в [14; 15] в двух вариациях – промышленный кластер и кластер у М. Портера, промышленный и региональный кластер у Э. Бергмана и Э. Фезера [24] – объектом анализа фактически выступали 17 позиций, отражающих взгляды отдельных зарубежных ученых на кластер как экономический феномен. Выборка, составленная по результатам анализа русскоязычных исследований, насчитывала 16 дефиниций, отражающих позиции 15 ученых (дефиниция Ю.А. Арутюнова [32] представлена в двух вариациях – отраслевой и региональный кластер).

Отдельно следует подчеркнуть, что авторы придерживаются позиции В.Ю. Малова [1], согласно которой понятие «экономический кластер» является родовым относительно «промышленный кластер» и «региональный кластер» и экстраполируют ее также на другие видовые понятия кластеров. В связи с этим в соответствующих выборках помимо непосредственно термина «кластер» представлены такие его разновидности как промышленный, региональный, экономический и инновационный.

Естественно, размер всех трех выборок (равно как и число разновидностей кластера) может быть расширен до бесконечности. Однако для авторов научный интерес представлял не исчерпывающий анализ всех существующих на определенный момент подходов к пониманию терминов, а обоснование их универсальных конструкторов. В связи с этим объем представленных в исследовании выборок

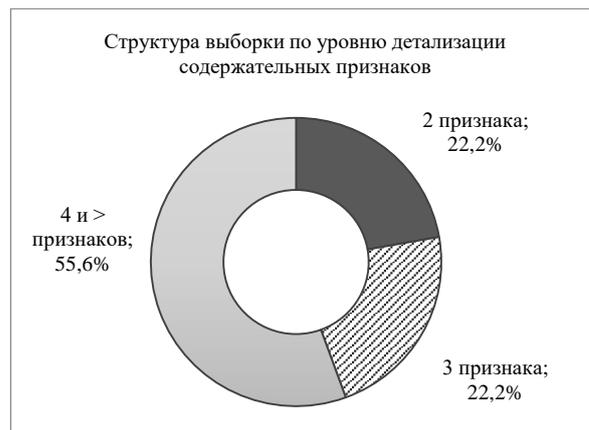
представляется авторам достаточным для достижения поставленной цели.

Анализ дефиниций выборок позволил объединить всю совокупность содержательных признаков терминов «кластер» и «ТПК» в четыре группы: характеризующие ее внутреннее строение (композиционные элементы), связующий компонент, локализацию в пространстве и прочие параметры (единично представленные в выборке), а также провести оценку структуры выборок по уровню детализации содержательных признаков (рис. 2, рис. 3).

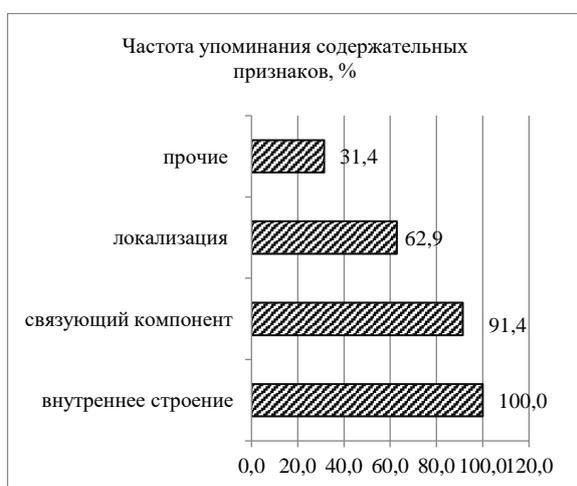
На первый взгляд, оба термина имеют одинаковую базовую формулу, включающую три базовые переменные, и некоторую дополнительную (прочие содержательные признаки), не являющуюся обязательной. В число базовых переменных были отнесены: «внутреннее строение», «связующий компонент» и – «локализация», представленные в 100,0%, 100,0% и 77,8% дефиниций ТПК и 100,0%, 91,4% и 62,9% дефиниций кластера соответственно. Однако при более близком рассмотрении картина предстает несколько в ином свете по той причине, что указанные переменные представлены в значительных вариациях. Это обусловило необходимость выделения в выявленных вариациях универсальных, объединяющих их начал.

Также проведенный анализ показал, что дефиниции термина «ТПК» отличаются более высокой детализацией в сравнении с кластером, на что указывает количество переменных, характеризующих объект изучения. Так, если из числа рассмотренных дефиниций термина «ТПК» более половины (55,6%) содержали четыре и более переменные, то относительно термина «кластер» этот показатель значительно ниже – 17,1%. Внутри выборки также «кластер» выявлены существенные различия между группами «кластер 1» и «кластер 2» (рис. 4, рис.5).

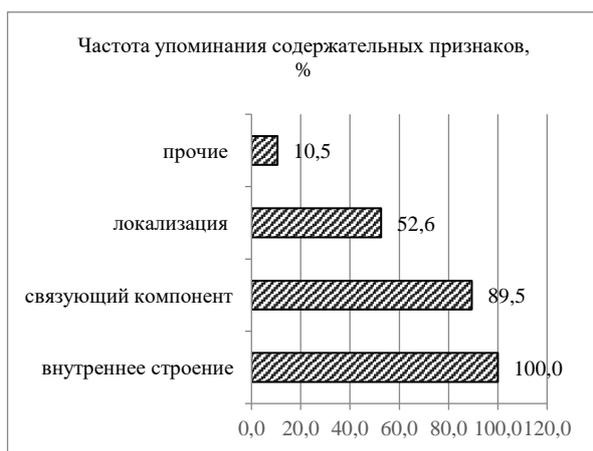
**«Территориально-производственный комплекс» и «кластер»:
общность и различия концептов**

Рисунок 2 – Результаты анализа дефиниций выборки «ТПК»

Рисунок 3 – Результаты анализа дефиниций выборки «кластер»

*Рисунок 4 – Результаты анализа дефиниций термина «кластер 1»
(англоязычные исследования)*

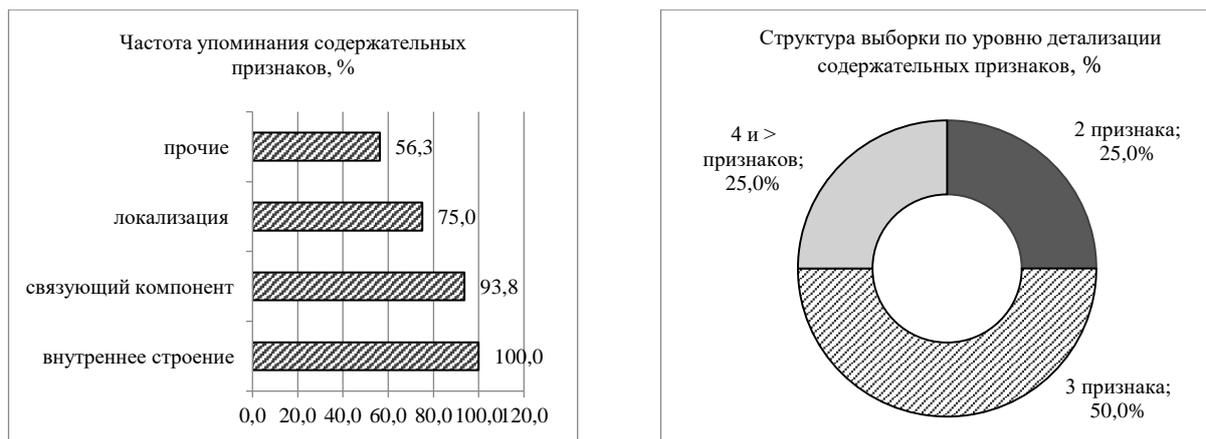

Рисунок 5 – Результаты анализа дефиниций термина «кластер 2» (русскоязычные исследования)

Сравнительный анализ выборок «кластер 1» и «кластер 2» позволил прийти к выводу, что в отечественной науке содержательное наполнение термина «кластер» после заимствования было расширено: число дефиниций, содержащих четыре и более содержательных признака в «кластер 2» более чем в два раза превышает их число в «кластер 1». Кроме того, в дефинициях «кластер 2» значительно чаще в сравнении с «кластер 1» имеет место переменная «локализация» – 75% дефиниций против 52,6%. При этом частота ее упоминания в отечественных дефинициях ТПК и кластера очень близки по своим значениям (77,8% против 75,0%), что служит в пользу предположения о сближении концептов «ТПК» и «кластер» в отечественной науке.

Также нельзя не отметить, что в совокупности подходов к пониманию термина «кластер» в русскоязычных исследованиях просматривается две группы дефиниций, первая из которых направлена на раскрытие сущности кластера как экономического феномена, вторая является результатом применения кластерного анализа как способа группировки многомерных объектов. Последняя представлена определением Кутыина В.М. [36], но частично присутствует и у других авторов (в том числе и зарубежных) в виде указания

на такой признак как схожесть, общность и ряд других.

В результате обобщения и рассмотрения экономических феноменов через призму кортежа дескриптивных признаков системности объекта (обосновано в работе [44]) авторами предложены следующие универсальные конструкты:

(1) для термина «ТПК» – целостный комплекс локализованных в пределах определенной территории и имеющих единую ресурсную базу производственных объектов, объектов производственной и социальной инфраструктуры, деятельность которого направлена на достижение целевого уровня социально-экономического развития данной территории и роста благосостояния ее субъектов;

(2) для термина «экономический кластер» – целостный комплекс субъектов предпринимательской деятельности и некоммерческих организаций, вовлеченных в единую научно-производственную цепочку создания добавленной стоимости, деятельность которого направлена на повышение конкурентоспособности акторов кластера.

Таким образом, формализованная модель ТПК и экономического кластера может быть представлена в виде совокупности следующих параметров (переменных) (табл. 1). Новые интегративные

**«Территориально-производственный комплекс» и «кластер»:
общность и различия концептов**

Таблица 1 – Параметры формализованной модели терминов «ТПК» и «экономический кластер» в контексте системного подхода

Параметр (переменная)		Содержание параметра (переменной)
ТПК		
X_1	Целостность	целостный комплекс
X_2	Исходные образования	производственные объекты, объекты производственной и социальной инфраструктуры
X_3	Характер соединения	локализация в пределах определенной территории и наличие единой ресурсной базы
X_4	Целенаправленность	достижение целевого уровня социально-экономического развития территории и роста благосостояния ее субъектов
Экономический кластер		
X_1	Целостность	целостный комплекс
X_2	Исходные образования	субъекты предпринимательской деятельности и некоммерческие организации
X_3	Характер соединения	вовлеченность в единую научно-производственную цепочку создания добавленной стоимости
X_4	Целенаправленность	повышение конкурентоспособности акторов кластера

свойства ТПК и кластера как системных объектов проявляются в наличии синергетического эффекта (как динамического аспекта эмерджентности) в части экономической эффективности.

Однако, если в ТПК такой эффект достигается за счет оптимизации логистического ресурсного и результативного потенциала территории, то в кластере – за счет формирования между акторами структурно-функциональных связей, обеспечивающих кооперационное взаимодействие. Таким образом, проведенное исследование позволило провести различия концептов термин «ТПК» по трем параметрам системности: исходным образованиям, характеру соединения и целенаправленности, которые, в свою очередь, обуславливают характер возникновения синергетического эффекта.

Результаты анализа интерпретаций понятий «кластер» и «ТПК», представленных в научной литературе, иллюстрируют широкий спектр теоретических подходов

к пониманию сущности соответствующих экономических феноменов. При этом наряду с совпадениями формулировок наблюдается большой разброс в перечне охватываемых ими содержательных признаков. Предложенные авторами конструкции не опровергают вышеуказанные подходы, а являются попыткой извлечения из них универсальных базовых концептов.

Так, переменная «внутреннее содержание», предложенная в редакции «производственные объекты, объекты производственной и социальной инфраструктуры» не противоречит пониманию композиционных элементов ТПК, приведенных в соответствующей выборке (табл. 2).

Несколько иная ситуация имеет место относительно переменной «связующий компонент», вариации которой, равно как и переменной «прочие параметры», в выборке практически не повторяются (табл. 2). Локализация, как переменная, напротив, практически не вызы-

Таблица 2 – Вариации понимания некоторых содержательных признаков «ТПК» отдельными учеными

Содержательный признак	Понимание содержательного признака отдельными учеными
Внутреннее строение	сочетание предприятий [9], одной или нескольких отраслей [8], совокупность предприятий различных отраслей [11], сочетание предприятий (и учреждений) [5], совокупность элементарных технико-экономических комплексов [10], сочетание производств с общими объектами производственной и социальной инфраструктуры [7], совокупность объектов отраслей [12], сочетание производств и обеспечивающей инфраструктуры [8].
Связующий компонент	взаимосвязанность [8], экономическая взаимообусловленность [9], однородность или тесная взаимосвязанность [10], сочетание и переплетение (характер не конкретизирован) [6], тесные производственные и экономические связи [11], территориальная общность [5], технологическая связь [7], использование производственной и социальной инфраструктуры территориального образования [8], устойчивая взаимосвязь, использование единой обслуживающей инфраструктуры [12]
Прочие параметры	экономический эффект за счет планового подбора предприятий [9], повышение экономической эффективности [5], высокая эффективность [8], плановость создания, эффективное использование ресурсов [12], нацеленность на выполнение определенной целевой программы [8]

ваит разночтений, что вполне закономерно в силу присутствия данного признака в самом термине «ТПК».

Результаты обобщения позволили сделать вывод, что ключевым аспектом ТПК является общность локализации как самих объектов, так и их ресурсной базы, выступающая фактором повышения экономической эффективности за счет, как указывалось ранее, оптимизации логистического ресурсного и результативного потенциала территории. При этом сами элементы ТПК являются неотъемлемой частью территории, как фрагмента физического пространства, отделенного от остального пространства определенного рода границами (административно-территориальными или условными, как, например, в случае экономического районирования), и составляют материально-вещественную компоненту базы удовлетворения материальных потребностей и роста благосостояния субъектов, для которых эта территория является средой жизнедеятельности.

Что касается конструкта (2), то переменная «внутреннее содержание», предложенная в редакции «субъекты предпринимательской деятельности и некоммерческие организации», как и в ситуации с ТПК, не противоречит пониманию композиционных элементов кластера, приведенных в соответствующей выборке, в том числе и в разрезе ее отдельных групп (табл. 3).

Более того, все приведенные в табл. 3 композиционные элементы в виде фирм, предприятий, компаний и других организаций (научно-исследовательских институтов, ВУЗов и др.) по своей природе подпадают под предложенную авторами формулировку.

Несколько иная ситуация имеет место относительно переменной «связующий компонент», понимание которой существенно варьируется от конкретного взаимодействия «поставщик-покупатель» и «покупатель-поставщик» до весьма расплывчатого «схожий тип бизнеса» и «вовлеченность в сходную деятельность» (табл. 4).

**«Территориально-производственный комплекс» и «кластер»:
общность и различия концептов**

Таблица 3 – Вариации понимания композиционных элементов кластера в отдельных исследованиях

Подгруппа выборки	Композиционные элементы
«кластер 1»	фирмы [17; 26]; группы фирм [18; 20], сеть фирм [22], группа предприятий [16]; концентрация фирм [19; 28; 30]; фирмы и другие действующие лица [29]; группа компаний и институтов, ряд отраслей [15]; группа коммерческих предприятий и некоммерческих организаций [24]; ряд фирм, исследовательских институтов и институтов развития [29]; отрасли и институты [24]; промышленные и/или сервисные компании [23]; форма промышленной организации [25]; локализованная сеть специализированных организаций [27]
«кластер 2»	предприятия и учреждения [41], специализированные предприятия [33], совокупность (сеть) компаний [4], компании смежных отраслей [39], организации разных сфер деятельности [38], компании, фирмы одной или нескольких отраслей [32], фирмы, поставщики, бизнес-климат [37], конкурирующие предприятия и организации [34], организации (компании, предприятия, объекты инфраструктуры, научно-исследовательские институты, ВУЗы и др.) [35], сеть организаций [31], фирмы, предприятия, создатели технологий, потребители [3], фирмы (производственные, финансовые, инфраструктурные и сервисные), институты (брокеры, консультанты), потребители [40], вертикальные, производственные цепочки, сети [43], сетевая группа организаций родственных отраслей [42]

Таблица 4 – Вариации понимания связующего компонента кластера в отдельных исследованиях

Подгруппа выборки	Композиционные элементы
«кластер 1»	взаимодействие «поставщик-покупатель», «покупатель-поставщик», общность технологий, каналов закупок или распределения, трудовые объединения; общности и взаимодополнения [14], сделки купли-продажи, общность технологий, покупателей, каналов распределения, рынка труда; общность рынка труда и инфраструктуры [24], принадлежность к одному сектору [16], принадлежность к одной отрасли, связанным отраслям [18], горизонтальная и вертикальная функциональная взаимосвязь [20], связанность через рынок труда и/или затраты-выпуск, и/или технологии, взаимодополняемость [21], принадлежность к одной цепочке создания добавленной стоимости [22], связанность через сотрудничество (обычно через цепь поставок), одинаковость рыночных условий функционирования [23], схожий тип бизнеса [26], связанность процесса процессов производства через обмен товарами, услугами и/или знанием [27], вовлеченность в сходную или связанную деятельность [28], кооперация вокруг определенной функциональной ниши [29].
«кластер 2»	партнерство на основе программы развития [34], кооперация [38], кооперационные и конкурентные связи [32], функциональная зависимость (в сфере, производства продукции, ее реализации или потребления ресурсов) [35], взаимодействие в рамках единой цепочки создания продуктов [3], взаимодействие в рамках единой цепочки создания стоимости [40], формирование вокруг головных фирм, связанность через взаимоотношения покупатель-поставщик, поставщик-покупатель, общность каналов закупок или распределения [43], кооперация, конкуренция и сетевые взаимоотношения [42], взаимодействие и взаимодополнение, общность сфер и целей деятельности, ресурсов и инфраструктуры [4], производство схожей или взаимодополняющей продукции [39].

Отдельно следует отметить, что в ряде дефиниций вышеуказанный компонент либо обозначен в виде упорядоченности [33], взаимосвязи [24; 30; 31; 41], взаимозависимости [19] без уточнения характера последних, либо вообще отсутствует [17; 25; 37]. В конструкте (2) в качестве связующего компонента предложена вовлеченность в единую научно-производственную цепочку создания добавленной стоимости. Данная формулировка отражает подходы, представленные в работах [3; 22; 28; 40], но содержит при этом в виде уточнения характера связи между композиционными элементами.

В отличие от двух вышеуказанных переменных, локализация в пространстве (как признак кластера) содержался только в каждой второй дефиниции выборки «кластер 1», на основании чего данная переменная не расценивалась в качестве базовой и на этом основании, не была включена в конструкт (2).

В числе прочих параметров кластера в зарубежных публикациях содержалось указание на повышение индивидуальной конкурентоспособности [24], нацеленность на усиление коллективной конкурентоспособности [29], способность генерировать синергетический эффект [19]. Принимая во внимание, что в большинстве изученных англоязычных научных работ категория кластера рассматривается в рамках освещения проблемы конкурентоспособности (даже в случае отсутствия прямого указания на него), в качестве базового параметра «целенаправленность» было предложено повышение конкурентоспособности акторов кластера. В пользу данного решения послужил и тот факт, что в большинстве дефиниций выборки «кластер 2» [4; 32; 34; 38; 39; 42] в том или ином формате содержалось указание на конкурентоспособность.

Отдельно следует отметить, что обозначая конструкт (2) как «экономический кластер», авторы исходили из следующих соображений: во-первых, применение

слова «экономический» подчеркивает его нацеленность на удовлетворение материальных потребностей социума, а во-вторых, позволяет разграничить концепт кластера как экономического феномена от его концепта как результата кластерного анализа.

Согласно предложенным универсальным конструктам общим признаком для концептов «ТПК» и «кластер» является их идентификация как целостных комплексов, указывающая на многокомпонентность и структурированность, базовые же отличия имеют место по следующим параметрам: исходные образования, характеристика соединения, целенаправленность и механизм формирования эмерджентности. Таким образом, предложенный авторами подход имеет значительные отличия от ранее опубликованных исследований [1-3].

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Анализ научной литературы показал, что в современных исследованиях связанных с ТПО проблем широкое распространение получил термин «кластер», нередко используемый в значении, практически неотделимом от значения другого термина – «ТПК». При этом, несмотря на относительную схожесть мнений отдельных ученых о смысловом наполнении дефиниции ТПК, мнения относительно кластера в академических кругах существенно разнятся. Последнее имело место даже на этапе становления кластера в качестве экономической категории в зарубежных исследованиях, а по мере заимствования отечественной наукой количество разночтений возросло кратно. Для решения проблемы разграничения концептов вышеуказанных терминов авторами была выдвинута гипотеза о возможности формулирования их универсальных конструктов (как набора базовых переменных, служащих для обозначения соответствующих экономических феноменов). Для проверки этой гипотезы были сформированы выборки дефиниций

«Территориально-производственный комплекс» и «кластер»: общность и различия концептов

отечественных и зарубежных авторов, анализ которых подтвердил наличие ряда базовых признаков, свойственных, в той или иной мере, большинству рассмотренных дефиниций. Такими признаками оказались признаки, характеризующие внутреннее строение и связующий компонент, что обусловило последующее применение системной парадигмы при формировании универсальных конструктов. При этом дефиниции ТПК характеризовались более высокой детализацией (на это указывало количество переменных) и высокой частотой упоминания локализации как неотъемлемого элемента ТПК. В результате обобщения и рассмотрения дефиниций выборки через призму кортежа дескриптивных признаков системности авторами были сформулированы универсальные конструкты, что служит подтверждением выдвинутой гипотезы. Отдельно следует отметить, что при решении поставленной задачи авторами принималось во внимание наличие существенных отличий в частоте упоминания содержательных признаков кластера в дефинициях, представленных в отечественных и зарубежных исследованиях. По итогам проделанной работы авторами получены универсальные конструкты терминов «ТПК» и «кластер», что позволило провести сопоставление дефиниций по пяти параметрам системности: целостности, исходным образованиям, характеру соединения, целенаправленности и природе возникновения синергетического эффекта. При этом совпадения конструктов имеют место только по параметру целостности, а по остальным параметрам наблюдаются расхождения различной степени. Так, если исходными образованиями в ТПК выступает совокупность производственных объектов, объектов производственной и социальной инфраструктуры, то для кластера – субъекты предпринимательской деятельности и некоммерческие организации. Если исходные образования в ТПК связаны единством локализации и ресурсной базы

производственных объектов, то в кластере – вовлеченностью в единую научно-производственную цепочку создания добавленной стоимости. Если деятельность ТПК направлена на достижение целевого уровня социально-экономического развития данной территории и роста благосостояния ее субъектов, то целью кластера является повышение конкурентоспособности акторов. И, наконец, если в ТПК синергетический эффект достигается за счет оптимизации логистического ресурсного и результативного потенциала территории, то в кластере – за счет формирования между акторами структурно-функциональных связей.

Отдельно следует подчеркнуть, что предложенный авторами конструкт кластера позволяет путем дополнения родового понятия (каковой является «экономический кластер») новыми переменными получить практически неограниченное количество видовых понятий. Так, дополнение родового понятия переменной в виде принадлежности к одному региону позволит впоследствии получить видовое понятие регионального кластера, отраслевого признака – видовое понятие промышленного, агропромышленного, туристического или любого иного кластера, акцентуализация на инновационной деятельности – видовое понятие инновационного кластера.

В заключение можно сказать, что предложенные авторами универсальные конструкты являются весьма общими, не претендуют на однозначность и завершенность, но, как нам представляется, в полном объеме решают проблему разграничения концептов ТПК и кластера в самом общем виде. Уточнение концептов ТПК и кластера как терминов, обозначающих соответствующие экономические феномены, и особенности их применения при решении конкретных научных задач является предметом дальнейших исследований авторов, посвященных проблеме социально-экономического развития территорий.

► Литература

1. Малов, В.Ю. ТПК и кластеры: общее, особенное, частное / В.Ю. Малов. – Текст : непосредственный // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2006. – № 11 (389). – С. 2-18.
2. Сидоров, В.П. Кластеры и территориально-производственные комплексы / В.П. Сидоров, Н.П. Шамаева. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. – 2011. – № 4. – С. 140-144.
3. Маякова, А.А. Производственный кластер региона как объект управления / А.А. Маякова, В.А. Осипов, А.В. Осипов. – Текст : непосредственный // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2014. – № 3 (71). – С. 92-106.
4. Погодина, Е.А. Теоретические подходы к сущности понятий «Экономический кластер» и «Кластерная политика» / Е.А. Погодина, Е.Н. Катаев. – Текст : непосредственный // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 37. – С. 54-66.
5. Алаев, Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь / Э.Б. Алаев. – М.: Мысль, 1983. – 290 с. – Текст : непосредственный.
6. Алампиев, П.М. Экономическое районирование СССР / П.М. Алампиев. – М.: Госпланиздат, 1963. – 248 с. – Текст : непосредственный.
7. Основы региональной экономики / А.Г. Гранберг; Гос. ун-т, Высшая школа экономики. – 4-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с. – ISBN 5-7598-0286-0 (в пер.). – Текст : непосредственный.
8. Карпович, О.Г. Место и роль территориально-производственных комплексов в экономике региона / О.Г. Карпович. – Текст : электронный // *π-Economy*. – 2009. – № 1 (71). – С. 118-121. URL: <https://economy.spbstu.ru/article/2009.10.21/> (дата обращения: 28.11.2023)
9. Колосовский, Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии / Н.Н. Колосовский. – Текст : непосредственный // Вопросы географии. – 1947. – № 6. – С. 133-168.
10. Пробст, А.Е. Размещение социалистической промышленности / А.Е. Пробст. – М.: Изд-во экон. лит-ры, 1962. – 340 с. – Текст : непосредственный.
11. Силаев, Е.Д. Производственно-территориальные комплексы / Е.Д. Силаев. – Баку: Азернешр, 1968. – 262 с. – Текст : непосредственный.

► References

1. Malov V.Y. (2006). TIC and clusters: general, special, private. *ECO*, 11(389), 2-18. [In Russian]
2. Sidorov V.P., Shamaeva N.P. (2011). The clusters and territorial-production complexes. *Bulletin of Udmurt University. Series Biology. Earth Sciences*, 4, 140-144. [In Russian]
3. Mayakova, A.A., Osipov, V.A., Osipov, A.V. (2014). Regional production cluster as the controlled object. *The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*, 3(71), 92-106. [In Russian]
4. Pogodina E.A., Kataev E.N. (2014). Theoretical Approaches to the Essence of the Concepts of Economic Cluster and Cluster Policy. *NATIONAL INTERESTS: priorities and security*, 37, 54-66. [In Russian]
5. Alaev E.B. (1983). *Socio-economic geography: a conceptual and terminological dictionary*. Moscow: Thought. [In Russian]
6. Alampiev P.M. (1963). *Economic zoning of the USSR*. Moscow: Gosplanizdat. [In Russian]
7. Granberg A.G. (2000). *Fundamentals of the regional economy*. Moscow: GU VSHE. [In Russian]
8. Karpovich O.G. (2004). The place and role of territorial production complexes in the economy of the region. *π-Economy*, 1, 118-121. [In Russian]
9. Kolosovskij N.N. (1947). Industrial and territorial combination (complex) in Soviet economic geography. *Voprosy geografii*, 6, 133-168. [In Russian]
10. Probst. A.E. (1962). *Placement of socialist industry*. Moscow: Izd-vo e`kon. litry`. [In Russian]
11. Silaev E.D. (1968). *Industrial and territorial complexes*. Baku: Azerneshr. [In Russian]

**«Территориально-производственный комплекс» и «кластер»:
общность и различия концептов**

12. Бандман, М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / М.К. Бандман; Отв. ред. А. Г. Аганбегян. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – 254 с. – Текст : непосредственный.
13. Марков, Л.С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода: монография / Л.С. Марков ; под ред. Н. И. Сулова ; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т экономики и организации пром. производства Сибирского отд-ния Российской акад. наук. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. – 299 с. – ISBN 978-5-89665-298-4. – Текст : непосредственный.
14. Porter. M.E. The Competitive Advantage of Nations / M.E. Porter. – New York: Free Press, 1990. – 855 p. – Текст : непосредственный.
15. Porter, M.E. On Competition / M.E. Porter. – Boston: Harvard Business School Press, 1998. – URL: <https://archive.org/details/oncompetition00port/page/n1/mode/2up> (дата обращения 11.10.2024). – Текст : электронный.
16. Schmitz, H. On the Clustering of Small Firms / H. Schmitz. – Текст : электронный // *IDS Bulletin*. – Vol. 23(3). – P. 64-69. – URL: <https://hdl.handle.net/20.500.12413/9414> (дата обращения 11.10.2024).
17. Enright, M. Regional Clusters and Economic Development: A Research Agenda / M. Enright // *Business Networks: Prospects for Regional Development* / U. Staber, N. Schaefer and B. Sharma. – Berlin: Walter de Gruyter, 1996. – P. 190– 213. – Текст : непосредственный.
18. Swann, P. A comparison of the dynamics of industrial clustering in computing and biotechnology / P. Swann, M. Prevezer. – Текст : электронный // *Research Policy*. – 1996. – Vol. 25 (7). – P. 1139-1157. – URL: <https://ideas.repec.org/a/eee/respol/v25y1996i7/p1139-1157.html> (дата обращения 11.10.2024).
19. Rosenfeld, S. Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development / S. Rosenfeld. – Текст : непосредственный // *European Planning Studies*. – 1997. – Vol. 5 (1). – P. 3–23.
20. Elsner, W. An Industrial Policy Agenda 2000 and Beyond — Experience, Theory and Policy / W. Elsner // *Industrial Policies After 2000. Recent Economic Thought* / W. Elsner, J. Groenewegen. – 2000. – Vol 72. – DOI: 10.1007/978-94-011-3996-0_14. – Текст : непосредственный.
21. Steiner, M. Learning with Clusters: A Case Study from Upper Styria / M. Steiner, 12. Bandman M.K. (1980). *Territorial production complexes: theory and practice of pre-planned research*. Novosibirsk: Science. [In Russian]
13. Markov L.S. (2015). *Theoretical and methodological foundations of the cluster approach*. Novosibirsk: IEOPP SO RAN. [In Russian]
14. Porter M.E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press.
15. Porter M.E. (1998). *On Competition*. Boston: Harvard Business School Press.
16. Schmitz H. (1992). On the Clustering of Small Firms // *The Institute of Development Studies and Partner Organizations. Journal contribution*. <https://hdl.handle.net/20.500.12413/9414>
17. Enright M. (1996). Regional Clusters and Economic Development: A Research Agenda. *Business Networks: Prospects for Regional Development*. Berlin: Walter de Gruyter.
18. Swann P., Prevezer M. (1996). A comparison of the dynamics of industrial clustering in computing and biotechnology. *Research Policy*, 25 (7), 1139-1157.
19. Rosenfeld S. (1997). Bringing Business Clusters into the Mainstream of Economic Development. *European Planning Studies*, 5 (1), 3–23.
20. Elsner W. (2000). An Industrial Policy Agenda 2000 and Beyond — Experience, Theory and Policy. *Industrial Policies After 2000. Recent Economic Thought*, 72. https://doi.org/10.1007/978-94-011-3996-0_14.
21. Steiner M., Hartmann C. (1998). Learning with Clusters: A Case Study from

C. Hartmann. – Текст : непосредственный // European Research in Regional Science. – 1998. – Vol 8. – P. 211-225.

22. Roelandt, T. Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making in OECD Countries: An Introduction to the Theme / T. Roelandt, P. den Hertog. – Текст : непосредственный // Boosting Innovation: The Cluster Approach, Paris: OECD. – 1999. – P. 9–23.

23. Simmie, J. The Spatial Dimensions of Innovation in the London City Region / J. Simmie, P. Wood, J. Sennett, D. Hart // Conference paper of the 39th Congress of the European Regional Science Association: "Regional Cohesion and Competitiveness in 21st Century Europe". – August 23-27. – Dublin, Ireland. – Louvain-la-Neuve: ERSA, 1999. – URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/114409>. – Текст : электронный.

24. Bergman, E.M. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications / Bergman E.M., Feser E.J. – Текст : электронный // Regional Research Institute. – 1999. – URL: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/chapter3.htm> (дата обращения 11.10.2024).

25. Egan, T. Toronto Competes: An Assessment of Toronto's Global Competitiveness / T. Egan. – Текст : электронный. – Toronto: Economic Development Office, 2000. – URL: https://web.archive.org/web/20070127122238/http://www.toronto.ca/business_publications/pdf/tocompetes_fullreport.pdf (дата обращения: 11.10.2024)

26. Crouch, C. Great Britain: Falling through the holes in the Network Concept / C. Crouch, H. Farrell. – Текст : непосредственный // Local Production System in Europe: Rise or Demise? / C. Crouch, P. Le Galés, C. Trogilia, H. Voelzkow. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 161-211.

27. Van den Berg, L. Growth Clusters in European Cities: An Integral Approach / L. van den Berg, E. Braun, W. van Winden. – Текст : непосредственный // Urban Studies. – 2001. – Vol. 38. – №1. – P. 186-206.

28. Visser, E.-J. Clusters and net-works as learning devices for individual firms / E.-J. Visser, R. Boschma. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228577973_Clusters_and_net-works_as_learning_devices_for_individual_firms. (дата обращения: 11.10.2024)

29. Andersson, T. The Cluster Policies Whitebook / T. Andersson, S. Schwaag-Serger, J. Sorvik, E.W. Hansson. – Текст : электронный. – Malmö: International organisation for knowledge

Upper Styria. *European Research in Regional Science*, 8, 211-225.

22. Roelandt T., den Hertog P. (1999). Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making in OECD Countries: An Introduction to the Theme. *Boosting Innovation: The Cluster Approach*. Paris: OECD.

23. Simmie J., Wood P., Sennett J., Hart D. (1999). The Spatial Dimensions of Innovation in the London City Region. *39th Congress of the European Regional Science Association: "Regional Cohesion and Competitiveness in 21st Century Europe"*. Louvain-la-Neuve: European Regional Science Association (ERSA).

24. Bergman E.M., Feser E.J. (1999). *Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications*. WVU: Regional Research Institute. <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/chapter3.htm>

25. Egan T. (2000). *Toronto Competes: An Assessment of Toronto's Global Competitiveness*. Toronto: Economic Development Office.

26. Crouch C., Farrell H. (2001). *Great Britain: Falling through the holes in the Network Concept. Local Production System in Europe: Rise or Demise?* Oxford: Oxford University Press.

27. Van den Berg L., Braun E., van Winden W. (2001). Growth Clusters in European Cities: An Integral Approach. *Urban Studies*, 38, 186-206.

28. Visser E.-J., Boschma R. (2002). *Clusters and net-works as learning devices for individual firms*. <https://www.researchgate.net/publication/228577973>

29. Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik J., Hansson E.W. (2004). *The Cluster Policies Whitebook*. Malmö, Sweden: International organisation for knowledge economy and

«Территориально-производственный комплекс» и «кластер»: общность и различия концептов

economy and enterprise development, 2004. – URL: http://www.hse.ru/data/2012/08/08/1256387033/The_Cluster_Policies_Whitebook_-_IKED.pdf. (дата обращения: 11.10.2024)

30. Competitive Regional Clusters: National Policy Approaches. OECD Reviews of Regional Innovation / OECD. – Текст : электронный // Innovation clusters in Europe: A statistical analysis and overview of current policy support” (PRO INNO Europe Paper No. 5). – Brussels: European Commission, 2007. – URL: <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/212169880?ysclid=m6ur6l2gog516233372> (дата обращения: 11.10.2024).

31. Акерман, Е.Н. Трансформация государственной экономической политики в условиях «новой экономики» / Е.Н. Акерман; под ред. О.В. Козловской. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 172 с. – Текст : непосредственный.

32. Арутюнов, Ю.А. Формирование региональной инновационной системы на основе кластерной модели экономики региона / Ю.А. Арутюнов. – Текст : непосредственный // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестн. Науч.-исслед. центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывк. гос. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 6-24.

33. Воронов, А.А. Кластерный анализ — база управления конкурентоспособностью на макроуровне / А.А. Воронов, А.Н. Буряк. – Текст : непосредственный // Маркетинг. – 2003. – № 1(68). – С. 11-20.

34. Дворкин, А.С. Кластеризация как перспективное направление экономического развития региона: на примере Самарской области : спец. 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством. : автореф. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Дворкин Антон Сергеевич. – Самара: Самарская государственная экономическая академия, 2004. – 23 с. – Текст : непосредственный.

35. Клейнер, Г.Б. Синтез стратегии кластера на основе системно-интеграционной теории / Г.Б. Клейнер, Р.М. Качалов, Н.Б. Нагрудная. – Текст : непосредственный // Управление наукой и наукометрия. – 2008. – № 7. – С. 9-39.

36. Кутын, В.М. Территориальная экономическая кластеризация (классификация) регионов России: социально-географический аспект / В.М. Кутын. – Текст : непосредственный // Безопасность Евразии. – 2003. – №1. – С. 525-539.

37. Левшина, О.Н. Современные тенденции развития Теории региональной кластеризации / О.Н. Левшина. – Текст : непосредственный // Вестник Российского нового

enterprise development. http://www.hse.ru/data/2012/08/08/1256387033/The_Cluster_Policies_Whitebook_-_IKED.pdf

30. OECD. (2007). Competitive Regional Clusters: National Policy Approaches. OECD Reviews of Regional Innovation. *Innovation clusters in Europe: A statistical analysis and overview of current policy support*. Brussels: European Commission <https://cluster.hse.ru>

31. Akerman E.N. (2011). *Transformation of state economic policy in the context of the "new economy"*. Tomsk: Tomsk State University. [In Russian]

32. Arutyunov Y.A. (2008). Formation of a regional innovation system based on the cluster model of the regional economy. *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, 4, 6-24. [In Russian]

33. Voronov A.A., Buryak A.N. (2003). Cluster analysis — the basis for managing competitiveness at the macro level. *Marketing*, 1(68), 11-20. [In Russian]

34. Dvorkin A.S. (2004). *Clustering as a promising area of economic development of the region: the example of the Samara region* [Extended abstract of candidate dissertation]. Samara State Academy of Economics. Samara. [In Russian]

35. Klejner G.B, Kachalov R.M., Nagrudnaya N.B. (2008). Synthesis of cluster strategy based on system integration theory. *Science Governance and Scientometrics*, 7, 9-39. [In Russian]

36. Kutin V.M. (2003). Territorial economic clustering (classification) of Russian regions: socio-geographical aspect. *Bezopasnost' Evrazii*, 1, 525-539. [In Russian]

37. Levshina O.N. (2012). Current trends in the development of the Theory of regional clustering. *Vestnik of Russian New University*.

университета. Серия: Человек и общество. – 2012. – № 2. – С. 73-79.

38. Новикова, Ю.О. Агропромышленные кластеры как форма инновационного развития отрасли / Ю.О. Новикова. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2019. – № 6 (61). – С. 137-146. – DOI: 10.22394/2304-3369-2019-6-137-146.

39. Пилипенко, И.В. Конкурентоспособность стран и регионов в мировом хозяйстве: теория, опыт малых стран Западной и Северной Европы / И.В. Пилипенко. – Смоленск: Ойкумена, 2005. – 496 с. – Текст : непосредственный.

40. Романова, О.А. Кластерное развитие экономики региона: теоретические возможности и практический опыт / О.А. Романова, Ю.Г. Лаврикова. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 87-92.

41. Соколенко, С.И. Промышленная и территориальная кластеризация как средство реструктуризации / С.И. Соколенко. – Текст : непосредственный // Безопасность Евразии. – 2002. – № 1. – С. 433-445.

42. Терешин, Е.М. Современная дефиниция понятия «кластер» и подходы к формализации этого явления / Е.М. Терешин, В.М. Володин. – Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2010. – № 2 (63). – С. 164-167.

43. Цихан, Т.В. Кластерная теория экономического развития / Т.В. Цихан. – Текст : электронный // Теория и практика управления. – 2003. – № 5. – URL: https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=128735&ysclid=m23dywbb4w287803226 (дата обращения: 23.01.2024).

44. Железняк, В.Ю. Социально-экономическая система: проблема дефиниции / В.Ю. Железняк. – Текст : непосредственный // Менеджер. – 2022. – № 3 (101). – С. 50-59. – DOI 10.5281/zenodo.7247290.

45. Хубиев, А.К. Эволюция форм организации территориально-производственных комплексов / А.К. Хубиев. – Текст : непосредственный // Вестник Университета. – 2013. – № 1. – С. 129-132.

Для цитирования: Некрасова, О.Л. «Территориально-производственный комплекс» и «кластер»: общность и различия концептов / О.Л. Некрасова, В.Ю. Железняк // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 5-22.

Series MAN AND SOCIETY, 2, 73-79. [In Russian]

38. Novikova Yu.O. (2019). Agro-Industrial Clusters as a Form of Innovative Development of the Industry. *Management Issues*, 6 (61), 137-146. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-6-137-146>. [In Russian]

39. Pilipenko I.V. (2005). *Competitiveness of countries and regions in the global economy: theory, experience of small countries in Western and Northern Europe*. Smolensk: Ojkumena. [In Russian]

40. Romanova O.A., Lavrikova Yu.G. (2007). Cluster development of the regional economy: theoretical possibilities and practical experience. *Economy of Regions*, 3, 87-92. [In Russian]

41. Sokolenko S.I. (2002). Industrial and territorial clustering as a means of restructuring. *Bezopasnost' Evrazii*, 1, 433-445. [In Russian]

42. Tereshin E.M., Volodin V.M. (2010). The modern definition of the concept of "cluster" and approaches to the formalization of this phenomenon. *Economics and management*, 2(63), 164-167. [In Russian]

43. Cihan T.V. (2003). Cluster theory of economic development. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 5. [In Russian] https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=128735&ysclid=m23dywbb4w287803226

44. Zheleznyak V.Y. (2022). Socio-economic system: the problem of definition. *The Manager*, 3(101), 50-59. [In Russian] <https://doi.org/10.5281/zenodo.7247290>.

45. Hubiev A.K. (2013). Evolution of forms of organization of territorial production complexes. *Vestnik Universiteta*, 1, 129-132. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 14.10.24

For citation: Nekrasova O.L., Zheleznyak V.Yu. (2025). "Territorial production complex" and "cluster": commonality and differences of concepts. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 5-22. [In Russian]

УДК 332.1

JEL: O12, O18, R12, R59

РОЛЬ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В РАЗВИТИИ МАЛЫХ ГОРОДОВ¹

Копытова Е.Д. канд. экон. наук, научный сотрудник отдела проблема социально-экономического развития и управления в территориальных системах, ORCID 0000-0001-6406-3148, e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ВолНЦ РАН), г. Вологда, Российская Федерация.

Аннотация. В соответствии с проектом Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года 86% малых и средних городов и 91% исторических поселений вошли в перечень опорных пунктов, посредством которых сформирован каркас системы расселения и территориальной организации России, что позволит осуществлять гибкую социально-экономическую политику по развитию городов различного масштаба и сельских территорий. При этом при планировании развития малых городов немаловажным является функционирование в городе крупных и средних промышленных предприятий. Актуальность обусловлена тем, что именно данные субъекты хозяйствования обеспечивают рабочими местами немалую часть трудоспособного

населения, являются источниками формирования доходной части бюджета города, являются производителем и поставщиком товаров и услуг и др. Однако в процессе рыночных трансформаций их производственно-экономические отношения с соседними территориями оказались разрушенными. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать наличие и состояние данных связей на примере малых территорий. Полученные результаты позволили сформулировать направления развития производственно-экономических связей по линии «малый город – село».

Ключевые слова: производственно-экономические отношения; связи; предприятия; малые города; сельские территории.

THE ROLE OF INDUSTRIAL AND ECONOMIC TIES IN THE DEVELOPMENT OF SMALL TOWNS

Kopytova E.D. Candidate of Economic Sciences, researcher, department of problems of socio-economic development and management on a territorial basis, ORCID 0000-0001-6406-3148, e-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation.

---

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2025-0013 «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов».

Abstract. According to the draft Strategy for Spatial Development of the Russian Federation until 2030, 86% of small and medium-sized towns and 91% of historical settlements were included in the list of support points through which the framework of the settlement system and territorial organization of Russia was formed, which will allow implementing a flexible socio-economic policy for the development of cities of various sizes and rural areas. At the same time, when planning the development of small towns, the functioning of large and medium-sized industrial enterprises in the city is of no small importance. The relevance is due to the fact that these business entities provide jobs for a significant part of the working-age population, are sources of formation of the income part of the city budget, are a manufacturer and supplier of goods and services, etc. However, in the process of market transformations, their production and economic relations with neighboring territories were destroyed. In this regard, it seems appropriate to analyze the presence and state of these links using small territories as an example. The results obtained made it possible to formulate the directions of production and economic links along the line «small town – village».

Keywords: production and economic relations; connections; enterprises; small towns; rural areas.

► **Введение.** В современных условиях новых вызовов для России (экономические санкции, закрытие границ зарубежных стран, переориентация на новые рынки и т.д.) все более важным становится поиск внутренних источников развития территорий. Города, как узловые

элементы экономического пространства, имеют определяющее значение для развития нашей страны. На территории нашей страны расположено 1118 городов, в которых проживает $\frac{3}{4}$ населения всей страны, соответственно, проблема обеспечения их устойчивости на сегодняшний день становится особенно актуальной. Однако одной из особенностей российской урбанизации является интенсивный рост отдельных крупных и крупнейших городов на фоне деградации значительной части малых и средних. Вместе с тем именно в них концентрируются экономические, финансовые, административные и человеческие ресурсы.

В Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г.¹ несмотря на признание значимости малых поселений, которые утратили базу своего социально-экономического развития, не прописан четко программно-целевой инструментарий реализации пространственного стратегирования именно для данных территорий. Главным отличием проекта новой Стратегии на период до 2030 г. является включение более 86% малых/средних городов и 91% сельских поселений в особую группу – опорные населенные пункты. Для них разработана программа развития и перечень целевых показателей инфраструктурного развития по коммунальным сетям, дорогам, объектам здравоохранения, образования, культуры и спорта. Как отмечает член-корр. РАН, профессор, д.э.н. А.А. Шилов, «система опорных населенных пунктов может стать гибким механизмом устранения разрывов в уровне жизни населения, в доступности базовых услуг и бюджетной обеспеченности»².

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс] / Портал ГАРАНТ.РУ. – URL:

<http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/> (дата обращения: 03.09.2024)

² Обновленная Стратегия пространственного развития предусматривает интеграцию новых регионов в экономику РФ [Электронный ресурс] // Министерств экономического развития

Одним из направлений развития малых территорий является восстановление и укрепление производственно-экономических отношений между хозяйствующими субъектами, обеспечивающие рост эффективности их работы, способствующие развитию транспортно-логистической системы, что в современных условиях новых вызовов для России (экономические санкции, закрытие границ зарубежных стран, переориентация на новые рынки и т.д.) становится весьма актуальным.

В связи с вышесказанным, целью данной статьи является проведение анализа состояния производственно-экономических связей на примере малых регионов России и разработка направлений их развития (на материалах Вологодской области).

► **Обзор литературы.** Изучению взаимодействия между городами и сельскими территориями посвящены работы как зарубежных (R. Meili, H. Mayer [1]; K. Volgmann, K. Rusche [2] и др.), так и российских ученых (М.С. Оборин, М.Ю. Шерешева [3]; В.А. Безвербный [4] и др.). В их исследованиях доказывается эффективность взаимодействия городов (крупных/малых/средних) на основе снижения территориальной удаленности (экономического расстояния).

Кроме того, как отмечают A. Steinführer, A. Vaishar, J. Zapletalová [5], города данного типа (средние и малые) представляют собой элементы структурных узлов в расселенческой сети и играют важную роль, частично выполняя функции крупных городов – обслуживание, развитие сельских районов и др. В работе J. Banski, K. Czapiewski, M. Gorczynska [6] доказано, что это

достаточно сильно проявляется в ситуациях укрепления производственных структур малых городов, поскольку они являются связующим звеном с сельскими районами, выступая центрами распределения товаров на близлежащие территории. Одновременно с этим, А.А. Абу-Корин [7] считает, что именно на территории малых городов крупные субъекты хозяйствования размещают свои филиалы несельскохозяйственных видов деятельности.

Развитие малых городов (в т.ч. моногородов) на основе возрождения функционирования находящегося на данной территории градообразующего предприятия за счет его переориентации, модернизации; создания новых производств (кластеров) на имеющихся промышленных площадках с помощью привлечения инвесторов; изменения специализации города, направленного на новые виды деятельности (досуговая сфера, туристско-рекреационная, логистическая и др.) предлагали в своем исследовании Е.М. Бухвальд и А.В. Кольчугина [8].

Развитию исследований в сфере производственно-экономических отношений способствовали труды Э.В. Долматова [9], В.М. Старченко [10], О.А. Родионовой [11], Н.Г. Тарасова [12] и других. Вопросы развития малых и средних городов в разрезе отраслей (в частности, промышленное производство) изучались А.И. Кузнецовой [13], А.С. Лучниковым, Р.С. Николаевым [14] и др. В каждой отрасли народного хозяйства (промышленность, сельское хозяйство) складываются свои особенности производственно-экономических отношений и связей, обусловленные спецификой технических процессов производства и сбыта продукции,

---

Российской Федерации. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/obnovlennaya_strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_predusmatrivaet_integraciyu_novyh_regionov_v_ekonomiku_rf.html (дата обращения: 03.09.2024)

экономическими и природно-климатическими условиями.

Так, несмотря на имеющийся задел в исследованиях, изучению производственно-экономических связей именно на уровне «малый город-село», эффективность отношений которых была бы обусловлена взаимной заинтересованностью предприятий в развитии производства, уделяется недостаточно внимания. Эти обстоятельства актуализируют значимость представленного исследования и определили его цель.

► **Данные и методы.** Теоретико-методологическую базу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной, пространственной экономики. Информационную основу – данные годовой бухгалтерской отчетности предприятий за 2021-2023 гг., собранные из базы данных Контур.Фокус и Контур.Закупки. Для изучения советского опыта и современного состояния производственно-экономических отношений были использованы общенаучные методы исследования (логический, системный подходы, анализ и синтез), статистические (выборки, группировки, обобщения), а также табличные приемы визуализации данных.

► **Результаты исследования.** В СССР производственно-территориальные связи осуществлялись по единому народно-хозяйственному плану. Экономические связи предприятий разделялись на типы: внутрирайонные (местные) и межрайонные. Например, в сфере добычи полезных ископаемых и в сельском хозяйстве производственно-экономические связи предприятий являются ближними, в обрабатывающей промышленности – дальними, поскольку наблюдается многочисленные перевозки на дальние расстояния. Что касается кооперирования предприятий, то связи подразделяются в зависимости от рациональной территориальной организации и экономико-

географического характера: сфера по переработке химического или сельскохозяйственного сырья в большинстве случаев образуют ближние связи; кооперирование предприятий в отрасли машиностроения и легкой промышленности образуют дальние связи.

В историческом аспекте [15] производственно-экономические связи выходили на первый план. Так, при формировании мест расселения людей разных типов данный аспект учитывался в первую очередь. То есть развитие населенных пунктов должно было быть обосновано наличием функциональных связей между ними с целью снижения и устранения различий между крупными/малыми городами и сельской местностью.

В настоящее время более устойчивой является экономика городов, задействованных в производственных цепочках крупных вертикально интегрированных компаний, которые специализируются на переработке востребованного продукта. Так, например, в г. Сокол Вологодской области производственную основу города составляют предприятия ВИК «Сегежа Групп» и других групп компаний сферы ЛПК, которые предоставляют рабочие места для трудоспособного населения данной территории и производят отчисления в бюджетную систему [16].

Современный российский малый город представляет собой результат плановой экономики СССР по размещению производительных сил. С переходом к рыночным отношениям такие города понесли большие потери, чем крупные (сокращение объема производства, инвестиций и доходов бюджета, отток населения), одной из причин которых стала зависимость от финансового состояния градообразующего предприятия, а также их неумение приспособливаться к новым условиям хозяйствования [17].

Таблица 1 – Направления экономической специализации некоторых малых городов Вологодской области

Советский период	Постсоветский период
г. Бабаево	
Деревопереработка	Деревообработка
Пищевая промышленность	Пищевая промышленность
Энергетика	
Микроэлектроника	
Железнодорожный транспорт	
г. Великий Устюг	
Деревообработка	Деревообработка
Торговля	Торговля
Ювелирная промышленность	Ювелирная промышленность
Легкая промышленность (пищевое, кисте-щеточное, текстильное производства)	Легкая промышленность (пищевое, кисте-щеточное, текстильное производства)
Внутренний водный транспорт	<i>Туризм</i>
Оборонная промышленность	
Судостроение	
г. Грязовец	
Торговля	Торговля
Пищевая промышленность (масло, молоко)	Пищевая промышленность (масло, молоко)
Сельское хозяйство (льноводство)	<i>Деревообработка</i>
Производство строительных материалов	
Транспорт	
Автомобилестроение и ремонт транспорта	
г. Красавино	
Сельское хозяйство (льноводство)	<i>Розничная торговля</i>
Легкая промышленность (текстильное производство)	Легкая промышленность (текстильное производство) (до 2012)
г. Кириллов	
Торговля	Торговля
Машиностроение (судоремонт)	<i>Туризм</i>
Деревообработка	<i>Пищевая промышленность</i>
г. Никольск	
Торговля	Торговля
Сельское хозяйство (животноводство и огородничество)	<i>Лесозаготовка, производство пиломатериалов</i>
Пищевая промышленность (молоко, масло)	
г. Сокол	
Деревопереработка (деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность)	Деревопереработка (деревопереобработывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, производство CLT -панелей)
Легкая промышленность (производство молочных продуктов)	Легкая промышленность (производство молочных продуктов)

* Примечание: Курсивом выделены новые сформировавшиеся отрасли специализации экономики малого города

Проведенный ретроспективный анализ экономического развития некоторых малых городов Вологодской области и научных публикаций в данной сфере позволил сделать вывод о том, что в советский период специализация экономики малых городов была более разнообразной, чем в наши дни. Как отмечает автор исследования [16], в результате рыночных реформ произошло разрушение базиса экономики малых и средних городов, что привело к их отставанию в социально-экономическом развитии. Это подтверждается результатами проведенного нами исследования экономической специализации некоторых малых городов Вологодской области (гг. Бабаево, Великий Устюг, Грязовец, Кириллов, Красавино, Никольск, Сокол) в советский и постсоветский периоды.

Таким образом, можно заключить, что в большинстве городов частично сохранились направления экономической специализации советского времени, учитывая, что в таких городах как г. Красавино, г. Сокол экономическая специализация сформировалась еще в досоветский период. В эпоху СССР в этих городах удалось сохранить усилить то, что было создано до нее. Однако в постсоветский период можно заметить, что в преобладающем числе случаев в городах утрачен тот потенциал, который был накоплен в XX веке. Лишь некоторым из рассмотренных городов удалось найти новые направления развития (например, туризм в г. Великий Устюг – Вотчина Деда Мороза, производство CLT-панелей в Соколе).

Кроме того, основу промышленности Великого Устюга составляют предприятия, созданные еще в советское время (Кисте-щеточная фабрика, лесоперерабатывающий комбинат «Новатор», пивоваренный завод «Бавария», завод «Северная Чернь»). Ряд из них приостанавливал свою деятельность в 1990-е и в 2000-е и возобновляли уже ближе к 2020-м гг. При

этом необходимо заметить, что по данным участия в госзакупках (базы данных «Контур.Закупки») указанные предприятия по производству изделий народных художественных промыслов (ЗАО «Северная чернь»), по производству метелок и щеток (ООО «Великоустюгская Кисте-Щеточная Фабрика») сотрудничают с другими регионами Центрального (г. Москва), Северо-Западного (г. Санкт-Петербург), Уральского (Челябинская область), Приволжского (Удмуртская Республика) федеральных округов (табл. 2). Аналогичная ситуация с госзакупками у ООО «МеталлБетонСтрой» – заказчиком на поставку продукции предприятия выступают фирмы из Республики Коми, Архангельской области, г. Санкт-Петербург; у ООО «Великоустюгский Механический Завод».

Стоит отметить, что предприятия, производящие продукты питания (ООО Сельскохозяйственное предприятие «Устюгмолоко» и ООО «Производственная Компания «Устюгхлеб») обеспечивают поставки товара близлежащим территориям – районы Вологодской области (Великоустюгский, Никольский, Кичменгско-Городецкий районы), а также граничащей на востоке с Кировской, на севере – с Архангельской областями.

Аналогичным примером изменения специализации экономики является г. Углич Ярославской области. После приобретения прав в 2000-х гг. известного предприятия по производству часов, начали появляться фирмы по восстановлению народных промыслов, открытия музея часов, созданием сувенирной продукции и т.д. В итоге в настоящее время туристическая инфраструктура города опирается на 14 частных музеев и 1 государственный, функционирование гостиниц, гостевых домов, работу информационного центра [4].

Таблица 2 – Основные производственно-экономические связи некоторых предприятий г. Великий Устюг

Наименование предприятия	Производственно-экономические связи		Вид услуги, продукции
	Регион	Наименование заказчика	
ЗАО «Великоустюгский Завод «Северная Чернь»	г. Великий Устюг	МБДОУ «Детский Сад № 23 «Золотой Ключик»	Аренда нежилого здания
	г. Санкт-Петербург	Межрегиональное Управление Федеральной Пробирной Палаты по Северо-Западному Федеральному Округу	Аренда части земельного участка
	г. Москва	Федеральное ГБУ Культуры «Государственный Историко-Культурный Музей-Заповедник «Московский Кремль»	Поставка товара
	г. Москва	Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания РФ	Поставка товара (Зажим для платка; Зажим для галстука; Запонки)
	г. Москва	Управление делами Президента РФ	Поставка товара (Бокал для воды серебряный; Кувшин серебряный; Бокал для воды серебряный; Чайник серебряный; Сахарница серебряная; Ложка чайная серебряная; Блюдце серебряное; Чашка кофейная серебряная; Ложка кофейная серебряная)
	Республика Татарстан	ООО «Управление по подготовке технологической жидкости для поддержания пластового давления»	Поставка сувенирной продукции
ООО «Великоустюгская Кисте-Щеточная Фабрика»	Удмуртская Республика	ОАО «136 центральная база производства и ремонта вооружения и средств радиационной, химической и биологической защиты»	Поставка щетины
	Челябинская область	ФГУП «Производственное Объединение «Маяк»	Поставка кистещеточной продукции
ООО «МеталлБетонСтрой»	Республика Коми	АО «Коммунальник»	Поставка железобетонных изделий
	Республика Коми	АО «Коми Тепловая Компания»	Плиты дорожные
	Архангельская обл.	АО «Котласское Дорожное Ремонтно-Строительное Управление»	Поставка плит дорожных
	г. Санкт-Петербург	ФГУП «Главное Военно-Строительное Управление № 4»	Поставка плит дорожных

Источник: составлено автором по данным базы данных «Контур.Закупки».

Малые города Великий Устюг и Углич своим примером и грамотно разработанной стратегии показывают, каким образом возможно возродить экономику малой территории, привлечь инвестиции, тем самым обеспечить местное население рабочими местами, осуществлять производственно-экономические связи не только с близлежащими сельскими территориями, но и с крупными городами.

Развивающимся малым городом является г. Сокол, экономическая специализация которого направлена на деревоперерабатывающую и целлюлозно-бумажную промышленность, производство и др. Именно в г. Сокол в 2021 г. впервые в России было запущено производство CLT-панелей.

Однако отсутствие документов на официальных площадках государственных и коммерческих закупок основных предприятий города не позволяет выявить и провести анализ производственно-экономических связей градообразующих предприятий г. Сокола. Представленные данные, на наш взгляд, не в полной мере отражают заказчиков ООО «Сухонский Молочный Комбинат» (поставки лишь в г. Вологду и Харовский район), ОАО «Сокольский ЦБК» (поставки в Чувашскую республику). Одновременно с этим СХПК «Сокольский Мясокомбинат» осуществляет поставки мясной продукции не только на территории г. Сокола, но и в областной центр Вологодской области, близлежащий Вологодский район, а также в г. Архангельск и Архангельскую область.

Ярким примером, иллюстрирующим производственно-экономические связи как с муниципальными округами Вологодской области, так и с близлежащим регионом (Республикой Карелия) демонстрирует предприятие ООО «Дор», занимающееся строительством жилых и нежилых зданий, автомобильных дорог и

автомагистралей, а также прочих инженерных сооружений.

Однако в других малых городах ситуации более критичная. Так, например, в г. Бабаево за годы рыночных трансформаций произошло разрушение производственно-экономической кооперации с другими городами. В настоящее время город специализируется на производстве пиломатериалов и продуктов питания (хлеб и хлебобулочные изделия, кондитерские и макаронные изделия – ООО «Лесторг-хлеб»). Анализ производственной деятельности предприятий г. Бабаево, основанный на отчетах, представленных, в базе данных Контур.Фокус и Контур.Закупки, выявил отсутствие производственно-кооперационных связей с соседними муниципальными районами и округами Вологодской области. Сотрудничество осуществляется лишь с Администрацией городского поселения г. Бабаево и с областным центром (табл. 3).

За годы перестроечного периода в г. Грязовец произошла утрата ряда вспомогательных и обслуживающих производств, в результате чего на территории г. Грязовца в настоящее время остались несколько предприятий пищевой (ОАО «Севермолоко») и деревообрабатывающей промышленности (ООО «Никола лес», ООО ТД «Белка»), также торговли (ООО «Продторг, потребительский кооператив «Промтовары», Грязовецкое горпо, ООО ТК «Соть»). Вместе с тем было сохранено промышленное производство молочной продукции. При этом как показал анализ производственно-хозяйственных связей ОАО «Северное Молоко», предприятие осуществляет экономические связи в рамках доставки продукции не только с областным центром и с близлежащими районами (Вологодский и Шекснинский районы, г. Череповец), но и с другими федеральными округами (г. Москва – Центральный федеральный

Таблица 3 – Основные производственно-экономические связи предприятий г. Бабаево

Наименование предприятия	Производственно-экономические связи		Вид услуги, продукции
	Месторасположение заказчика	Наименование заказчика	
АО «Бабаевский ЛПХ»	Бабаевский	Бабаевский лесхоз - филиал специализированного автономного учреждения лесного хозяйства Во «Вологодское лесохозяйственное объединение»	Заготовка древесины в Бабаевском лесничестве
	г. Вологда	Специализированное автономное учреждение Лесного Хозяйства Вологодской обл. «Вологодское Лесохозяйственное Объединение»	Выполнение работ по заготовке древесины
АНО «РИК «Наша жизнь»	г. Бабаево	Администрация Городского Поселения г. Бабаево	Оказание услуг (в т. ч. рекламные услуги) по размещению информационных материалов городского поселения г. Бабаево
	г. Бабаево	Администрация Бабаевского Муниципального Района	Информационное обслуживание с целью опубликования нормативно-правовых актов и других официальных документов в СМИ
	г. Вологда	Автономное учреждение Вологодской обл. в Сфере Средств Массовой Информации «Вологодский Областной Информационный Центр»	Оказание услуг по распространению информационно-аналитических материалов
	г. Вологда	Законодательное Собрание Вологодской обл.	Оказание услуг по освещению деятельности Законодательного Собрания Вологодской области

Источник: составлено автором по данным базы данных «Контур.Закупки».

округ, Ульяновская область – Приволжский федеральный округ).

г. Красавино представляет собой малый город с постепенно уменьшающейся численностью населения, где функционируют торговые организации ООО «Восход», ООО «Норд», туристический комплекс ООО «Горнолыжный Комплекс Красавино» и ООО «Красавинский комбинат строительных материалов». При этом география поставок продукции строительных материалов ограничена

Вологодской областью (Великоустюгский район и г. Вологда).

Преобразования в стране 1990-х гг. коснулись и г. Кириллова – основу экономики в настоящее время составляет торговля, ключевыми предприятиями являются ООО «Рандеву плюс», ООО «ТД Сантехника», ОООТК «Славянка», ООО «Оптторг». Присутствуют отдельные предприятия производства продуктов питания, в частности, ПО «Кооператор», деятельность которого направлена на производство хлеба, мучных кондитерских

изделий, тортов и пирожных. Однако заказчиком (по данным госзакупок) выступили лишь предприятия г. Кириллова и Ленинградской области. На территории г. Кириллова, также как и в ряде других изученных малых городах, функционирует местное издательское предприятие Автономное учреждение «Редакция Газеты «Новая Жизнь», распространяющая аналитические материалы об общественно-политическом, социально-экономическом и культурном развитии Кирилловского округа и Вологодской области.

Новым видом деятельности стал туризм, в силу нахождения в городе Кирилло-Белозерского монастыря (ЗАО Туристическое бюро «Странник»; ООО «Туристическая фирма "Пардус"»).

В настоящее время основу экономики г. Никольска составляют предприятия, осуществляющие лесозаготовки и производящие пиломатериалы, а также торговые организации. Однако по данным представленных закупок предприятиями в сфере лесозаготовок (ООО «Автодорлес», ООО «Никольский деревообрабатывающий комбинат») говорить о наличии производственно-экономических связей в данной отрасли г. Никольска затруднительно (зафиксированы лишь единичные поставки в г. Вологду и г. Санкт-Петербург). Вероятнее всего, это связано в том числе и представленными отчетными документами в открытые базы данных об осуществленных сделках.

Издательское предприятие АНО «Редакция газеты «Авангард» направлено на подготовку и размещение информационно-аналитических материалов об общественно-политическом, социально-экономическом и культурном развитии Вологодской области в периодическом печатном издании, распространяемом на территории Никольского района.

Одновременно с этим хлебопекарное предприятие (ООО «Никольский Хлебозавод») обеспечивает внутреннюю

потребность Никольского района в ассортименте и объемах хлеба и хлебобулочной продукции.

В качестве одной из причин накопившегося комплекса проблем в экономике малых городов А.И. Кузнецова [13] выделяет экономическую (в основном моноотраслевую) структуру городов данного типа, которая зачастую не удовлетворяет современным рыночным условиям (износ основных средств).

Однако несмотря на узкую специализацию экономики малых городов, данные территории является важным элементом пространства регионов, т.к. подчеркивают их внутреннюю территориальную связность [18]. Наличие предприятий на территории малых городов позволяет осваивать местность (в частности, добыча полезных ископаемых), способствует развитию отдаленных деревень, сёл и городов.

В современных условиях актуальным становится восстановление и укрепление производственно-экономических отношений и связей, организационное и экономическое сближение интересов субъектов хозяйствования на территории функционирования. Однако для осуществления данной задачи следует учитывать специализацию российской экономики. Трехсекторная модель экономики была сформулирована в 1935-1949 гг. Аланом Фишером, Колином Кларком и Жаном Фурастье. Согласно этой теории секторов, любая экономическая система состоит следующих элементов:

первичный сектор экономики (добыча сырья, сельское хозяйство, горнодобывающая, лесная и рыбная промышленность);

вторичный сектор экономики (промышленное производство, строительство);

третичный сектор экономики (сфера услуг, торговля, туризм, образование).

В работе Z. Kenessey [19] отдельно выделяется четвертичный сектор, в который включают отрасли передового образования, научные исследования и разработки.

По мнению О.О. Смирнова и В.А. Безвербного [4], именно специализацию экономики городов необходимо принимать во внимание при планировании территориального развития. При этом вектором/направлением развития может быть как усовершенствование текущих отраслей, так и их разнообразие (табл. 4).

Одним из направлений развития производственно-экономических связей может выступить договор о стратегическом партнерстве. Отмечает преимущества его использования и А.Т. Бицоев [22]: такая форма сотрудничества предполагает возможность заключения долгосрочных контрактов на поставку продукции, что особенно актуально сельхозтоваропроизводителям для реализации своей продукции, а для промышленных предприятий – гарантированное получение сырья.

Таким образом, проведенный анализ производственно-экономических связей на примере некоторых малых городов Вологодской области позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует взаимодействие в рамках производства, выполняется только функция по решению продовольственных проблем, а не кооперации производств. Как выявлено из ретроспективного анализа существующих исследований, это связано с проведением реформ, в результате которых разрушились хозяйственные и экономические связи между всеми населенными пунктами (село–малый–средний–крупный город). Это привело к обострению экономических, социальных, инфраструктурных, экологических и других проблем их развития.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Результаты проведенного анализа

состояния производственно-экономических связей на примере некоторых малых территорий позволили сформулировать следующие заключения:

1. Устойчивые тенденции к социально-экономическому развитию малых городов в наибольшей степени имеет благоприятные тенденции при наличии в нем крупных холдинговых компаний. Поскольку именно они сотрудничают с соседними и остальными регионами в рамках производственно-экономических связей (поставка сырья и материалов, продукции, транспортировка и реализация продукции и др.). К примеру, градообразующие предприятия г. Сокол входят в такие бизнес-объединения как ПАО «Сегежа Групп», «Объединенные бумажные фабрики», что обеспечивает им стабильное финансово-экономическое состояние. А это, в свою очередь, способствует сохранению занятости, пополнению местного и регионального бюджетов.

2. Изучение производственно-экономических связей в ретроспективном аспекте позволило установить, что размещение малых территорий проектировалось таким образом, чтобы его развитие было достигнуто за счет взаимосвязи с более крупным центром. То есть цели развития крупных и малых городов должны учитывать размещение производств, системы обслуживания населения, развлекательные центры, транспортное сообщение и т.д. Как показал проведенный ретроспективный анализ, в советские годы г. Грязовец соответствовал обозначенным направлениям развития малого города: вокруг развивающейся промышленности формировалась обширная обслуживающая инфраструктура. И такая практика была многочисленной – большинство малых городов обладали разнообразной специализацией экономики (машиностроение, строительство, легкая и пищевая промышленность и др.). Однако последствием рыночных преобразований стало

Таблица 4 – Векторы развития производственно-экономических связей по линии «малый город – село» в соответствии с секторами экономики

Сектор экономики	Направления развития
Первичный	Непосредственно связан с вторичным сектором, поскольку развитие по обозначенному направлению видится в следующем: в сельской местности осуществляется производство и хранение продукции, на малых территориях – переработка и реализация. Расширение специализации будет способствовать развитию кооперации (например, с учетом промышленной специализации малого города) и создаст дополнительные возможности для занятости населения, проживающего как на сельской территории, так и в городе [20]
Вторичный	Целесообразно развивать процесс переработки продукции в малых городах, которая произведена на близлежащих сельских территориях. То есть необходимо развивать инвестиционную инфраструктуру, повышать инвестиционную привлекательность, создавать или восстанавливать промышленные площадки, что в целом будет способствовать сохранению кадров на данной территории. Возможно размещение филиалов/подразделений крупных промышленных предприятий на малых территориях, что позволит расширить собственное производство и запустить узкую специализацию, характерную/обладающую возможностями на данной территории. Это будет способствовать созданию не только дополнительных рабочих мест, но и развитию направлений подготовки кадров
Третичный	С связи с тем, что большое число памятников культурного и исторического наследия сосредоточено на территории именно малых городов, целесообразно восстанавливать производственно-экономические связи посредством повышения их туристской привлекательности (создание туров выходного дня для жителей близлежащих и крупных городов; развитие сельского туризма). Это будет способствовать развитию связей не только по линии «малый город-село», но и с более крупными городами. Кроме того, развитие туризма повлечет за собой необходимость развития дорог, инфраструктуры, что наилучшим образом отразится на территориальном развитии в целом
Четвертичный	Особая роль отводится научной сфере, поскольку, как отмечал М. Lazzeroni, А. Piccaluga [21], университеты играют важнейшую культурную роль в городе. Кроме выполнения образовательных задач, они зачастую стоят новые или арендуют имеющиеся помещения, восстанавливая их. Развитие связей с сельскими территориями может заключаться в проведении необходимых полевых исследований, привлечении кадров, повышении доступности образования, привлечении инвестиций и т.д.; с крупным городом – в трудоустройстве выпускников на промышленных предприятиях, размещении исследовательских центров/лабораторий предприятий, формировании перечня необходимости подготовки кадров определенного профиля и т.д.

Источник: составлено автором по [4].

закрытие ряда вспомогательных/обслуживающих производств, что негативно отразилось на развитии и сохранении стабильности, кадров, населения не только территории малого города, но и сельской местности.

3. Наблюдается поиск новой специализации производств в малых городах, которые утратили свои экономические связи. Так, с течением времени г. Великий Устюг перестал быть торговым узлом России, что послужило фактором поиска новой специализации. Новым направлением для Великого Устюга стал туризм, одним из главных которых не только для Вологодской области, но и в целом для нашей страны является Вотчина Деда Мороза.

При этом необходимо отметить выявленную особенность г. Великий Устюг: продовольственными товарами обеспечивается местное население, при этом продукция иных производств направляется в другие федеральные округа Российской Федерации.

4. В большинстве случаев производственно-экономические связи предприя-

тий малых городов ограничиваются масштабами региона. В частности, хлебопекарные предприятия на таких территориях обеспечивают внутреннюю потребность области в ассортименте и объемах хлеба и хлебобулочной продукции. Это свидетельствует о том, что малые города выполняют свою социальную функцию, обеспечивая продовольствием близлежащие территории (округа). Между тем, не менее важна и производственно-экономическая функция.

Восстановление производственно-экономических связей создаст благоприятные предпосылки для развития экономики, социальной сферы, реализации совместных проектов, повышения эффективности государственного управления.

Материалы настоящего исследования могут быть представлять интерес для муниципальных и региональных органов власти и управления при разработке стратегий и документов пространственного развития, определения приоритетов развития, а также для повышения связности территорий.

► Литература

1. Meili, R. Small and Medium-Sized Towns in Switzerland: Economic Heterogeneity, Socioeconomic Performance and Linkages / R. Meili, H. Mayer. – Текст : непосредственный // *Erdkunde*. – 2017. – Vol. 71. – P. 313–332. – DOI:10.3112/erdkunde.2017.04.04

2. Volgmann, K. The Geography of Borrowing Size: Exploring Spatial Distributions for German Urban Regions / K. Volgmann, K. Rusche. – Текст : непосредственный // *Tijdschr. Voor Econ. En Soc. Geogr.* – 2020. – Vol. 111. – P. 60–79. – DOI:10.1111/tesg.12362

3. Оборин, М.С. Перспективы развития сетевого взаимодействия малых городов и районных центров / М.С. Оборин, М.Ю. Шерешева. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2017. – № 10 (156). – С. 41–50.

4. Смирнов, О.О. Потенциал развития секторов экономики малых городов России:

► References

1. Meili R., Mayer H. (2017). Small and Medium-Sized Towns in Switzerland: Economic Heterogeneity, Socioeconomic Performance and Linkages. *Erdkunde*, 71, 313–332. <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2017.04.04>

2. Volgmann K., Rusche K. (2020). The Geography of Borrowing Size: Exploring Spatial Distributions for German Urban Regions. *Tijdschr. Voor Econ. En Soc. Geogr*, 111, 60–79. <https://doi.org/10.1111/tesg.12362>

3. Oborin M.S., Sheresheva M.Yu. (2017). Prospects for the Development of Network Interaction of Small Towns and District Centers. *Bulletin of the Samara State University of Economics*, 10(156), 41–50. [In Russian]

4. Smirnov O.O., Bezverbny V.A. (2022). Development potential of economic

современные тенденции / О.О. Смирнов, В.А. Безвербный. – Текст : непосредственный // Социум и власть. – 2022. – № 1 (91). – С. 62–74. – DOI: 10.22394/1996-0522-2022-1-62-74

5. Steinführer, A. The small town in rural areas as an underresearched type of settlement / A. Steinführer, A. Vaishar, J. Zapletalová. – Текст : непосредственный // *Europ. Country*s. – 2016. – Vol. 4. – P. 322–332.

6. Banski, J. Impact of the locations of small towns in Mazovia (Poland) on their socio-economic structure and on their role in relation to the neighboring rural areas / J. Banski, K. Czapiewski, M. Gorczynska. – Текст : непосредственный // *Journal of Urban and Regional Analysis*. – 2016. – Vol. 8(2). – P. 117–131.

7. Abou-Korin, A.A. Small-size urban settlements: proposed approach for managing urban future in developing countries of increasing technological capabilities, the case of Egypt / A.A. Abou-Korin. – Текст : непосредственный // *Ain Shams Engineering Journal*. – 2014. – Vol. 5(2). – P. 377–390.

8. Бухвальд, Е.М. Малые и моногорода в Стратегии пространственного развития Российской Федерации: доклад / Е.М. Бухвальд, А.В. Кольчугина. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 30 с. – Текст : непосредственный.

9. Долматов, Э.В. Ценовое и финансовое регулирование в агропромышленных формированиях / Э.В. Долматов, Е.П. Юрков. – Текст : непосредственный // *Земельная и аграрная реформы России: проблемы и опыт: сб. науч. тр.* – М.: ВНИЭТУСХ, РАСХН, 1998. – С 114–127.

10. Старченко, В.М. Организационно-экономические основы создания и функционирования сельскохозяйственных производственных кооперативов / В.М. Старченко. – Текст : непосредственный // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. – 1997. – № 6. – С 31–36.

11. Родионова, О.А. Механизм экономических отношений в интегрированных агропромышленных формированиях / О.А. Родионова. – Текст : непосредственный // *Кооперация и интеграция агропромышленного производства: сб. науч. тр.* – Саратов, 1998. – С. 107–112.

12. Тарасов, Н.Г. Реализация интересов участников при сельскохозяйственной производственной кооперации / Н.Г. Тарасов. –

sectors of small towns in Russia: modern trends. *Society and power*, 1(91), 62–74. [In Russian]. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-1-62-74>

5. Steinführer A., Vaishar A., Zapletalová J. (2016). The small town in rural areas as an underresearched type of settlement. *Europ. Country*s, 4, 322–332.

6. Banski J., Czapiewski K., Gorczynska M. (2016). Impact of the locations of small towns in Mazovia (Poland) on their socio-economic structure and on their role in relation to the neighboring rural areas. *Journal of Urban and Regional Analysis*, 8(2), 117–131.

7. Abou-Korin A.A. (2014). Small-size urban settlements: proposed approach for managing urban future in developing countries of increasing technological capabilities, the case of Egypt. *Ain Shams Engineering Journal*, 5(2), 377–390.

8. Bukhvald E.M., Kolchugina A.V. (2019). *Small and single-industry towns in the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation*. Report. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. [In Russian]

9. Dolmatov E.V., Yurkov E.P. (1998). Price and financial regulation in agro-industrial formations. *Land and agrarian reforms of Russia: problems and experience: collection of scientific papers*. 114–127. Moscow: VNIETUSKH, RAAS. [In Russian]

10. Starchenko V.M. (1997). Organizational and economic foundations for the creation and functioning of agricultural production cooperatives. *Economy of agricultural and processing enterprises*, 6, 31–36. [In Russian]

11. Rodionova O.A. (1998). The mechanism of economic relations in integrated agro-industrial formations. *Cooperation and integration of agro-industrial production: collection of scientific papers*. 107–112. Saratov. [In Russian]

12. Tarasov N.G. (1998). Implementation of interests of participants in agricultural production cooperation. *Cooperation and*

Текст : непосредственный // Кооперация и интеграция агропромышленного производства: сб. науч. тр. – Саратов, 1998. – С. 93–94.

13. Кузнецова, А.И. Индустриализация инфраструктурной сферы городов России / А.И. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. – 2015. – № 3. – Вып. 14. – С. 37–42.

14. Лучников, А.С. Основные элементы и особенности территориальной организации промышленного комплекса Пермского края / А.С. Лучников, Р.С. Николаев. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. – 2017. – Т. 3 (69). – № 3–2. – С. 102–114.

15. Руководство по проектированию малых городов в системах расселения / ред. Л.Г. Калачева; ЦНИИП градостроительства. – М.: Стройиздат, 1979. – 129 с.

16. Кожевников, С.А. Модернизация экономики малых городов российского Севера на основе активизации межмуниципальных хозяйственных связей / С.А. Кожевников. – Текст : непосредственный // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2023. – № 3. – С. 150–164. – DOI: 10.37614/2220-802X.3.2023.81.010

17. Zemlyanskii, D.Yu. Single industry towns in Russia / D.Yu. Zemlyanskii. – Текст : непосредственный // Regional Research of Russia. – 2011. – Vol. 1. – №1. – P. 99–102.

18. Polska, A. Urban Marketing of Small Cities / A. Polska, J. Polski. – Текст : непосредственный // Barometr Regionalny. – Vol. 15(2). – 2017. – P. 129–136.

19. Kenessey, Z. The primary, secondary, tertiary and quaternary sectors of the economy / Z. Kenessey. – Текст : непосредственный // The Review of income and wealth. – 1987. – Vol. 33 (4). – P. 363–371.

20. Шерешева, М.Ю. Разработка направлений диверсификации сельской экономики в регионах России с учетом потенциала малых городов / М.Ю. Шерешева, М.С. Оборин, О.В. Шимук. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». – 2017. – Том 12. – № 4. – С. 632–648. – DOI: 10.17072/1994-9960-2017-4-632-648

integration of agro-industrial production: collection of scientific papers, 93–94. [In Russian]

13. Kuznetsova A.I. (2015). Industrialization of the infrastructure sphere of Russian cities. *Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1. Economics and Management*, 3(14), 37–42. [In Russian]

14. Luchnikov A.S., Nikolaev R.S. (2017). Main elements and features of the territorial organization of the industrial complex of the Perm Territory. *Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Geography. Geology*, 3(69), 102–114. [In Russian]

15. Kalacheva L.G. (ed.). (1979). *Guide to Designing Small Towns in Settlement Systems* Moscow: Stroyizdat. [In Russian]

16. Kozhevnikov S.A. (2023). Modernization of the Economy of Small Towns in the Russian North Based on the Activation of Inter-Municipal Economic Ties. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka*, 3, 150–164. [In Russian]. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2023.81.010>

17. Zemlyanskii D.Yu. (2011). Single industry towns in Russia. *Regional Research of Russia*, 1, 99–102.

18. Polska A., Polski J. (2017). Urban Marketing of Small Cities. *Barometr Regionalny*, 15(2), 129–136.

19. Kenessey Z. (1987). The primary, secondary, tertiary and quaternary sectors of the economy. *The Review of income and wealth*, 33(4), 363–371.

20. Sheresheva M.Yu., Oborin M.S., Shimuk O.V. (2017). Development of directions for diversification of the rural economy in the regions of Russia taking into account the potential of small towns. *Bulletin of Perm University. Series «Economics»*, 4(12), 632–648. [In Russian]. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2017-4-632-648>

21. Lazzeroni, M. Beyond 'town and gown': the role of the university in small and medium-sized cities / M. Lazzeroni, A. Piccaluga. – Текст : непосредственный // *Industry & Higher Education*. – 2015. – Vol. 29(1). – P. 11–23.

22. Бицоев, А.Т. Развитие экономических взаимоотношений между сельскохозяйственными и перерабатывающими предприятиями (на материалах Республики Северная Осетия – Алания) : спец. 08.00.05: Экономика и управление народным хозяйством : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Бицоев Артур Татарканович. – Владикавказ: Горс. гос. аграр. ун-т, 2005. – 16 с. – Текст : непосредственный.

21. Lazzeroni M., Piccaluga A. (2015). Beyond 'town and gown': the role of the university in small and medium-sized cities. *Industry & Higher Education*, 29(1), 11–23.

22. Bitsoev A.T. (2005). *Development of economic relations between agricultural and processing enterprises (based on the materials of the Republic of North Ossetia – Alania)* [Extended abstract of PhD dissertation]. Gorsky State Agrarian University. Vladikavkaz. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 02.04.25

Для цитирования: Копытова, Е.Д. Роль производственно-экономических связей в развитии малых городов / Е.Д. Копытова // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 23-38.

For citation: Kopytova E.D. (2025). The role of industrial and economic ties in the development of small towns. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 23-38. [In Russian]

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Миньковская М.В. канд. экон. наук, доцент, старший научный сотрудник, e-mail: mv2023mv@yandex.ru, ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Аннотация. В современных условиях России регионализация государственного управления находится под воздействием различных факторов глобализации. Развиваются внешние и внутренние процессы регионализации разными темпами. Процесс регионализации характеризуется возникновением внутренних, качественно новых, самодостаточных регионов, определяющих целостность российского государства, таких как Донецкая Народная Республика (ДНР). Формирование внутренних российских регионов связано с поиском оптимального варианта разграничения прав и ответственности между федеральным центром и регионами и для того, чтобы повысить социальное благополучие и качество жизни граждан, необходимо учитывать опыт развития каждого субъекта Российской Федерации.

В работе выявлена особенность развития регионов, особое внимание уделено дотационным регионам. Проведен анализ контрольно-надзорной деятельности регионов (КНДР). Определены проблемы КНДР, которая осуществляется посредством системы органов, с помощью которых достигаются стоящие перед государством на различных этапах его развития цели и задачи. В результате исследования представлены факторы, влияющие на формирование механизма контроля, которые качественно отражают новый уровень формирования КНД новых регионов. Рекомендованы направления усовершенствования КНД ДНР.

Ключевые слова: регион; анализ; контрольно-надзорная функция; дотации; дотационные регионы; качество; уровень; механизм.

ANALYZING RUSSIAN REGIONAL POLICY IN MODERN CONDITIONS

Minkovskaya M.V. Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, senior research associate, e-mail: mv2023mv@yandex.ru, SFI "Economic Research Institute", Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Abstract. In modern conditions in Russia, the regionalization of public administration is influenced by various factors of globalization. External and internal regionalization processes are developing at different rates. The process of regionalization is characterized by the emergence of internal, qualitatively new, self-sufficient regions that determine the integrity of the Russian state,

such as the DPR. The formation of internal Russian regions is associated with the search for an optimal option for delimiting rights and responsibilities between the federal center and the regions, and in order to improve the social well-being and quality of life of citizens, it is necessary to take into account the development experience of each subject of the Russian Federation.

© М.В. Миньковская, 2025

The paper reveals the peculiarities of regional development, with special attention paid to subsidized regions. An analysis of the control and supervisory activities of the regions (DPRK) was carried out. The problems of the DPRK are identified, which is carried out through a system of bodies with the help of which the goals and objectives facing the state at various stages of its development are achieved. As a result of the study, the factors influencing the formation of the control mechanism are presented, which qualitatively reflect the new level of formation of the KNI of new regions. Directions for improving the DPRK are recommended.

Keywords: region, analysis; control and supervisory function; subsidies; subsidized regions; quality; level; mechanism.

► **Введение.** Россия обладает уникальным по своим размерам и ресурсному потенциалу пространством, разнообразием регионов, что является одним из ее важнейших глобальных преимуществ. Проблематика региональной политики всегда имела ключевое значение, но отсутствие в течение 25 лет стратегического курса в этой сфере не позволило выработать модель устойчивого политического и социально-экономического развития с опорой на регионы [1-3]. Доминирование столичных регионов и сырьевая модель экономики (при крайне неравномерном распределении сырьевых ресурсов по территории) предопределили появление огромных диспропорций, в том числе неэффективное использование человеческого потенциала на уровне всех регионов.

Хронической и усугубляющейся проблемой становится дефицит региональных бюджетов, при этом доля регионального уровня в российской бюджетной системе устойчиво составляет менее 50%.

Подходя к пониманию регионализации с позиций системно синергетического подхода, Российскую Федерацию

необходимо рассматривать, прежде всего, как «российский регион» – подсистему системы международных отношений. Определять его как подсистему позволяет то, что это социоприродное образование состоит, в свою очередь, из совокупности элементов, формирующих внутренние регионы России. Среди которых выделяют новый регион ДНР с особенностью становления, адаптации и вливания в федеральную систему государственности РФ [4].

В России, под воздействием различных факторов глобализации, процесс внутренней регионализации характерно возникновение внутренних, качественно новых, самодостаточных регионов, но при сохранении целостности единого российского полиэтнического государства. Так, внутри российского региона-системы, как элементы выступают его внутренние регионы-подсистемы [5].

В 2024 году в России внутренние самодостаточные регионы полностью не сформированы. Происходит постепенное их становление. Это объясняется тем, что в условиях российской действительности внутренние регионы не отвечают всем требованиям регионообразующих факторов.

Особое внимание в периоде формирования ДНР, как нового самодостаточного региона РФ, необходимо уделять контрольным функциям в региональной системе, как фактору повышения эффективности распределения бюджетных средств, финансирования производственного и бюджетного контура региональной экономики республики.

Цель исследования – анализ особенностей развития и формирования функций контроля регионального уровня в ДНР с регламентаций функций контроля по уровням и предметам контроля.

► **Обзор литературы и результаты исследования.** На развитие регионов, как системы влияет множество различных

условий, и регионализация как процесс подразделяется на внешнюю, к ней относятся европейская, тихоокеанская, центрально-азиатская и кавказско-каспийская регионализация и внутреннюю регионализацию – европейский, азиатский, урало-поволжский, северо-кавказский, северо-западный, сибирский и дальневосточный регионы.

А.Д. Воскресенский представляет следующие варианты регионализации: как деятельность региональных держав (неформализованное понимание регионализации в мировой политике); как формирование региональных и интеграционных группировок, а также как политическую основу и движущую силу регионализма [3].

С точки зрения Ф. де Ломбарди, Ф. Содербаум, Л. Ван Лангенхове и Ф. Бэрта [1], регионализация может быть движима тремя факторами: необходимостью ликвидации экономических барьеров, построением региональных институтов и механизмов взаимодействия, а также желанием сформировать региональную геополитическую идентичность.

В теории «нового» регионализма необходимо фиксировать сочленение границ внутренних регионов России с границами федеральных округов, выделяя этот синергетический процесс предметом научной рефлексии. Это можно считать важной особенностью реализуемой политики внутренней регионализации России, так как данные территории соответствуют многим характеристикам и общенаучным представлениям региона, являя собой самодостаточные социумы, прежде всего в ресурсном и этнокультурном аспекте [4].

Формирующиеся внутренние российские регионы представляют собой конкретно-историческую территориальную и социально природную целостность,

обладающую свойством ресурсной, технологической, историко-культурной и ценностной антропологической самодостаточностью для расширенного социального воспроизводства, а также способная обеспечить (за счет перечисленных свойств) безопасность своего существования.

Одна из первых попыток осмыслить понятие регион, как субгосударственную категорию, содержалась в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», утвержденной 3 июня 1996 г., в которой отмечалось, что внутренняя регионализация России тесно взаимосвязана с региональной политикой государства, с принципами федерализма¹.

По мнению А.В. Багаевой [6] «регион – (от лат. regio страна, область) - 1) особый вид территории (акватории), характеризующейся специфической целостностью, крупная территориальная единица; в этом значении регион тождественен району; выделяются природные, политические, экономические и другие регионы; 2) основной объект регионалистики, территориальная общность, обладающая социокультурным кодом; социокультурное «множество в единстве», обеспечивающее оптимальное качество жизни с учетом разнообразных внешних и местных факторов (например, в европейском регионализме следующая за государством территориальная таксономическая единица между государством и индивидуумом); 3) элитный образец организации жизнедеятельности, но при этом элитность вовсе не означает каких-либо льгот или привилегий, а есть признание человеком регионального самоопределения [6].

Формирование внутренних регионов России приводит к укреплению целостности государства за счет интеграции

¹ Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 03.06.1996 N 803 [Электронный

ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-03061996-n-803/>

в крупные внутренние регионы разрозненных, в том числе и ослабленных, депрессивных, территорий. Так, центральные регионы, побеждая в экономической конкуренции, заставляют другие регионы находить свои конкурентные преимущества.

Внутренний регион России становится структурно-функциональным образованием, в рамках которого Российская Федерация может решать проблему исторической, нормативно-ценностной, культурной самоидентификации, тем самым обеспечивать эффективность развития экономической, политической, социальной, культурной сфер, определять

направление своего устойчивого развития и безопасного международного взаимодействия. В связи с этим актуализируется проблема обеспечения региональной безопасности как важной составляющей национальной безопасности.

Сегодня важно стратегическое видение процесса внутренней регионализации России, осмысление его необходимости для страны, прежде всего, в контексте национальной безопасности. Этому должно способствовать научное обоснование процесса для дальнейшего развития России. Существуют определенные проблемы в процессе развития регионализации в России (рис. 1).

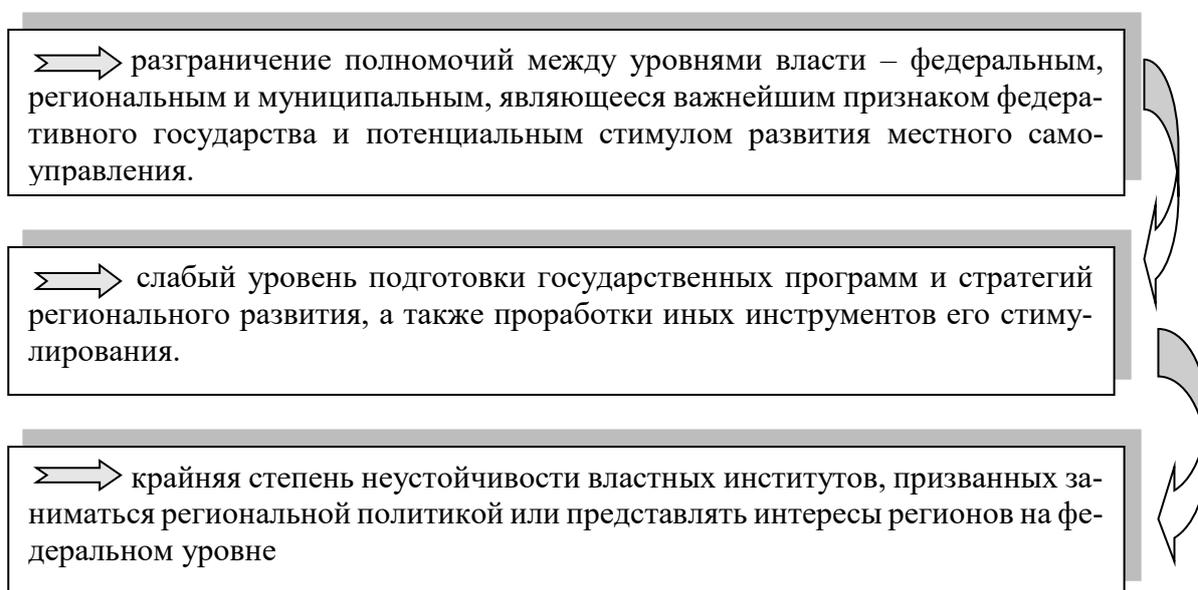

Рисунок 1 – Особенности процесса

Источник: составлено авторами.

Решительная регионализация является обязательным условием для модернизации российского общества и государства, и этот путь способен наполнить российский федерализм реальным социально-политическим и финансово-экономическим содержанием, обеспечивая экономический рост государства. В интересах развития страны целесообразно, чтобы в рамках специальной стратегии

пространственного развития, определялись ее приоритеты, что позволит сформировать единый, целостный каркас социально-экономического развития с последующим дополнением новыми точками роста.

В 2022 г. президент наделил глав регионов рядом существенных полномочий с широким усмотрением их осуществления (в частности, Указом от 16 марта 2022

№ 121 «О мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защиты населения в Российской Федерации»).

Для расширения функций контроля за развитием регионов были разработаны и введены в действие Законы Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Распоряжения Правительства Российской Федерации от 17 мая 2016 г. № 934-р «Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности»; индикаторы риска нарушения трудового законодательства утверждены Приказом Минтруда от 30.11.2021 № 838н.

К основным задачам государственного контроля необходимо отнести оценку законности и эффективности расходования государственных средств (федерального и регионального уровня) и использования государственной собственности на возможно более ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, а в отдельных случаях - привлечь виновных к ответственности; анализ состояния дел в подконтрольной сфере, информирование высших органов государственной власти о результатах проверок и мерах по результатам этих проверок; профилактика различных видов нарушений исполнительской дисциплин [8].

Существует два подхода к определению задач контроля, согласно чему определяются контролируемость состояния и поведения объектов контроля в соответствии с установленной нормой, производится сопоставление его с намеченными целями, оценивание ситуации и

предложение корректирующих мер в случае необходимости [9; 10].

На основании проведенного анализа контрольно-надзорной деятельности регионов, как одной из важнейших функций региональной политики развития в целом, установлено, что количество проверок в 2023 году на региональном уровне составило 124,75 тыс. (общее число всех проверок 340,07 тыс.ед.), с нарушениями 39,17 тыс. ед. Эффект проверок составил 31,4 %.

Доля профилактических визитов составила 31,0% от всех профилактических мероприятий, что выше, чем в 2022 году всего на 3%¹ [7].

Профилактические визиты (ПРВ), как инструмент профилактики использовались в 2023 году в большинстве субъектов Российской Федерации. В тоже время, по количеству профилактических визитов отмечена сильная дифференциация: около 43% всех визитов приходится на долю двух округов: Центральный (21,8%) и Приволжский (20,7%). Следующие по убыванию Сибирский и Северо-западный округа с 12,3% и 12,1% соответственно.

Поэтому необходимо интенсифицировать уровень ПРВ по регионам, особенно дотационным, так как их уровень в 2023 году снизился с 17,6% до 13,9 %.

В 2023 году, самым проверяемым видом деятельности на региональном и муниципальном уровне было управление недвижимым имуществом. Также в ТОП-5 самых проверяемых входят три вида деятельности, связанных со строительством – в сумме на них приходится 38% всех проверок в 2023 году (39% – в 2022 году). Среди них самыми проверяемыми были региональный строительный надзор (64 тыс. прв.), контроль за управлением многоквартирными домами (38,8 тыс. прв.),

¹ Аналитический обзор ключевых показателей по региональным и муниципальным видам контроля / Центр стратегических разработок

[Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/15a/kj1e1ak83dnixih3thkj0us2k6479wkt.pdf>

жилищный контроль (17,6 тыс.прв.), контроль в области охраны культурного наследия¹ [7].

По индикаторам риска РК (несоответствие использования юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем или гражданином земельного участка, площади использования и т.д.) рост числа проверок незначительный.

В 2023 году прокуратурой отклонено порядка 13,7 тыс. внеплановых проверок, направленных на согласование

контрольными органами регионального и муниципального уровня. Более половины отказов – 7,1 тыс. (51,8%) приходится на причины технического характера – неправильное оформление документов проверки либо их отсутствие.

Аналитический обзор РиМК содержит результаты анализа 191 ключевого показателя по 7 региональным видам контроля и 122 по 3 муниципальным видам контроля, с указанием количества показателей оценки (рис. 2).

1. Строительный надзор (СН)– 26
2. Контроль за деятельностью по управлению многоквартирными домами (КДМД) – 28
3. Жилищный надзор (ЖН) –32
4. Контроль (надзор) в области охраны объектов культурного наследия (КОХО) – 27
5. Экологический контроль (ЭКЛК) – 30
6. Контроль (надзор) на автомобильном транспорте и в дорожном хозяйстве (КАТ)– 26
7. Контроль в области розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции (КРПАЛКСП) – 22.

Рисунок 2– Количество используемых показателей для оценки уровня КНД региона
Источник: составлено автором

На основании данных экспертов Центра институционального развития контрольной (надзорной) деятельности ЦСР предоставили результаты анализа ключевых показателей наиболее массовых видов регионального и муниципального контроля (далее – РК и МК, соответственно).

Установлено, что из 191 ключевых показателей, используемых для анализа, 133 показателя не соответствует нормам Федерального закона № 248-ФЗ, только 15 соответствует.

¹ В России появится обязательный претензионный порядок подачи жалобы на свою УК [Электронный ресурс]. – 2024. – 02 ноября. – URL: <https://www.garant.ru/news/1764926/>

² Аналитический обзор ключевых показателей по региональным и муниципальным видам контроля / Центр стратегических разработок

Доля ключевых показателей, соответствующих всем критериям по РК по ключевым видам контроля составляет: КДМД – 18/%, ЖН – 12,5%, КОХО – 0%, ЭКЛК – 13%, СН – 0 %, КАТ – 4%, КРПАЛКСП – 5% ^{2,3}.

Доля ключевых показателей, соответствующих требованиям Закона о контроле: контроль за деятельностью по управлению многоквартирными домами – 54/%, жилищный надзор – 34%, контроль (надзор) в области охраны объектов

[Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/15a/kj1e1ak83dnixih3thkj0us2k6479wkt.pdf>

³ В России появится обязательный претензионный порядок подачи жалобы на свою УК [Электронный ресурс]. – 2024. – 02 ноября. – URL: <https://www.garant.ru/news/1764926/>

культурного наследия – 0%, экологический контроль – 40%, строительный надзор – 19 %, контроль (надзор) на автомобильном транспорте и в дорожном хозяйстве – 38%, контроль в области розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции – 23% [11].

Методика анализа строилась на основе норм Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Распоряжения Правительства Российской Федерации от 17 мая 2016 г. № 934-р «Об утверждении основных направлений разработки и внедрения системы оценки результативности и эффективности контрольно-надзорной деятельности».

Ключевые показатели отражают допустимый уровень ущерба в подконтрольных сферах, они являются ориентиром, определяющим интенсивность проведения контрольных (надзорных) и профилактических мероприятий любого контрольного органа. Результаты проведенного экспертами анализа могут применяться для корректировки ключевых показателей.

Проведено более 125 тыс. проверок в 2023 году по региональным видам контроля, из них 99,7% из них проведено по 7 видам регионального контроля. Строительный надзор – 64 тыс. проверок, факторы проверок отражены на рис. 3.

Рисунок 3 – Факторы, определяющие количество проверок
Источник: составлено автором

Ключевые показатели, не отражающие уровень вреда (ущерба) основаны на подсчете количества аварийных ситуаций на строительных объектах, определении доли объектов, получивших повреждения. Такие показатели требуют уточнения характера вреда, который может наступить в результате аварийной ситуации: количество погибших, пострадавших, сумма материального ущерба.

По итогам анализа ключевые показатели классифицируются по степени их

соответствия требованиям законодательства (рис. 4).

Для разделений полномочий регионального и федерального, муниципального уровня в условиях ДНР, проведен анализ элементов ЕРВК и выбран опыт регионального разделения полномочий в низко дотируемых регионах с учетом рейтингования регионов по методикам – «Рейтинг российских регионов по качеству жизни», «Рейтинг научно-технологического развития регионов», (разработчик – рейтинговое агентство

⇒ Группа 1 Показатели, соответствующие всем критериям.
Группа 2 Показатели, которые соответствуют требованиям Закона о контроле, но не отвечают одному или нескольким критериям Распоряжения N 934-р.
Группа 3 Показатели, которые не имеют корректных целевых значений, но при этом соответствуют остальным требованиям Закона о контроле.
Группа 4 Показатели, которые не отражают уровень минимизации вреда (ущерба) в соответствующей сфере, но при этом в них отсутствуют признаки «палочной» системы.
Группа 5 Показатели, установленные с грубыми нарушениями Закона о контроле. Прежде всего, это показатели, основанные на выявлении нарушений, назначении наказаний и принятии административных мер.

Рисунок 4 – Группа ключевых показателей для оценки КНД регионов
Источник: составлено автором.

«РИАРейтинг»)), «Оценка инвестиционной привлекательности регионов России» (разработчик – Национальное рейтинговое агентство), Рейтинг регионов по индексу конкурентоспособности (индекс конкурентоспособности регионов AV RCI) (разработчик – Консорциум «Леонтьевский центр – AV Group»¹).

Лидирующая группа состоит из 29 регионов, среди которых есть Белгородская область, Тульская, Тамбовская области, республика Дагестан, т.д.

Среди абсолютных аутсайдеров в 2023 году отмечаем Ингушетию (30 баллов), Тыва (21 балл), Калмыкию (20 баллов), Хакасию (19 баллов), Ненецкий автономный округ (НАО) (15 баллов в 2020 г.), Еврейскую автономную область (ЕАО) – 39 баллов в 2023 г.^{2,3} [7].

При анализе результатов рейтинга по регионам России, иногда наблюдается абсолютно противоположные результаты в оценке уровней рейтингования.

¹ Рейтинг регионов по достижению национальных целей / Леонтьевский центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://ic-av.ru/wp-content/uploads/2022/11/AV-RCI-NatGoals-Report-221030.pdf>

² В России появится обязательный претензионный порядок подачи жалобы на свою УК [Электронный ресурс]. – 2024. – 02 ноября. – URL: <https://www.garant.ru/news/1764926/>

По республике Дагестан – находится в группе лидирующих регионов с рейтингом 5 баллов (ЗОШ), и также попадает в группу регионов-аутсайдеров с рядом других регионов на 15-21 местах.

Чеченская Республика заняла 2 место в рейтинге приверженности населения ЗОЖ и 3 место в рейтинге губернаторов (глав) регионов. Среди регионов-аутсайдеров Республика заняла 12-14 место.

Республика Алтай заняла 3 место в экологическом рейтинге, Магаданская область (МО) заняла 3 место в рейтинге по численности среднего класса. Но и среди регионов-аутсайдеров Алтай и МО разделили с рядом других регионов 15-21 место.

Стабильность развития регионов лидеров в 2021-2023 гг. определяют только Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Московская область (табл.1). В 2023 году в группу вошел Краснодарский край с рейтингом 16 баллов (табл. 1), в 2022 году в эту группу входил ЯНАО. В 2019-2021

³ Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 г. и плана-графика по ее реализации : Распоряжение Правительство РФ от 21 декабря 2023 г. № 3745-р [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408171459/>

гг. лидером считалась Тюменская область¹.

При анализе позиций регионов РФ в 2024 г. установлено выборочно, что некоторые регионы выходят из списка дотаций из-за развития высокого промышленного

потенциала. К ним относятся Курская область, Республика Хакасия, имеющая средние перспективы (СРП) на выход из дотационных регионов – уменьшение финансирования предполагается на 15-20%, и Амурская область (СРП).

Таблица 1 – Анализ рейтингов лидеров-регионов РФ

Регион	Баллы рейтинга		Количество методик оценивания рейтингов
	2022 год	2023 год	
▪Москва	64	61	17
▪Санкт-Петербург	31	34	
▪Татарстан	31	27	
▪Московская область	26	19	
▪Краснодарский край	16	-	
▪ЯНАО	-	13	18

И наоборот, выявлены регионы, которые в 2024 году увеличивают потребность дотационного финансирования – Республика Карачаево-Черкессия на 1,439 млн. руб., Республика Северная Осетия на 1,269 млрд. руб., Республика Ингушетия на 1 млрд. руб., Кабардино-Балкария на 0,675 млрд. руб., Ставропольский край на 2 млрд. руб. Ростовская область дотируется почти на том же уровне в пределах 16,914 млрд. руб. (ранее – 16,186 млрд. руб.), Белгородская область увеличивает сумму дотационных вливаний на 25,488 млрд. руб., и Краснодарский край на 1,767 млрд. руб. (табл. 2)^{2, 3}.

В целом можно отметить, что региональная среда представляет собой сочетание конкурентных преимуществ, которые влияют на эффективность бизнеса в регионе и уровень развития бизнеса влияет на развитие социальной сферы, жизнедеятельность населения, образование и медицину в части формирования доходной части бюджета региона и выделения средств для развития сферы жизнедеятельности. А это является областью и предметом контроля КНО регионов. Эта методика является приемлемой в условиях ДНР, и может быть базой в исследованиях уровня развития КНД.

¹ Рейтинг регионов по достижению национальных целей / Леонтьевский центр [Электронный ресурс]. – URL: <https://lc-av.ru/wp-content/uploads/2022/11/AV-RCI-NatGoals-Report-221030.pdf>

² Дотационные регионы России [Электронный ресурс]. – URL: <https://novomoscow.ru/info/dotacionnye-regiony-rossii/>

³ О распределении дотаций бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации на 2024 год : Распоряжение Правительства РФ от 22.12.2023 N 3826-р (ред. от 29.03.2024) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakonrf.info/rasporiazhenie-pravitelstvo-rf-3826-r-22122023/>

Таблица 2 – Анализ регионов РФ по уровню соотношений сумм бюджета и дотаций в 2023-2024 гг.

Регион	2023 год			2024 год		
	бюджет, млрд. руб.		дотации, млрд.руб.	бюджет, млрд. руб.		дотации, млрд.руб.
	доход	расход		доход	расход	
Курская область	82,73	92	3,664	83,2	88,7	-
Республика Хакасия	43,195	46,508	3,81	56	60	0,762
Амурская область	89,2	88,04	3,977	94,3	93,2	-
Карачаево-Черкесская Республика	36,343	39,021	11,067	29,642	29,006	12,981
Республика Северная Осетия-Алания	51,896	58,844	11,542	46,37	46,189	12,811
Республика Ингушетия	34,275	34,328	12,299	27,723	27,986	13,299
Кабардино-Балкарская Республика	60,272	62,986	15,425	59	62,5	16,1
Ставропольский край	149	159	10	166,6	179,3	12
Ростовская область	403	392	16,186	327,5	302	16,914
Белгородская область	16,191	18,189	18	124,5	141,7	43,488
Еврейская автономная область	20,280	24,533	2,172	15,015	15,313	0,953
Краснодарская край	374,7	429,6	11,781	451,1	515,2	13,548

При анализе нормативной и законодательной базы регионального вида контроля в регионах России выявлены общие проблемы организации конкретного вида контроля:

в части конкретизации предмета проверок, и четкого разделения предмета контроля среди органов федерального и регионального значения;

определения индикаторов рисков, связанных с нарушением и соответствием, нормативно обозначенным нормативным показателям;

нет методического обеспечения по расчету показателей оценки рисков по каждому виду регионального контроля, выявлении факторов и причин возникновения рисков;

уровень информативности часто усложненный или логично не выстроенный, множественно перегружен локальными актами и по одному и тому же виду РК количество проверяющих лиц нормативно не обозначено, т.е. отсутствует обоснование необходимого количества проверяющих и, тем более, нет единого подхода об исчислении эффективности проверки по одному и тому же виду контроля в разных регионах РФ;

нет методического обеспечения программы профилактики по конкретным видам РК;

отсутствует четко прописанная методика, как определить необходимо-обоснованное количество проверяющих от количества предпринимательских

структур и трудоспособного населения по каждому региону;

отмечается отсутствие централизации системы учета вреда по высоко рискованным и средне рискованным видам и категориям нарушений и причинения ущерба, что приводит к проблемам с автономным сбором данных по областям, городам и региону:

отсутствует налаженная система для определения границ целевого состояния учета случаев причинения вреда охраняемым законом ценностям;

существуют различные, не сгруппированные подходы к оценке результатов КНО региона и единой методики оценивания эффективности деятельности КНО.

На данном этапе развития КНД регионов только отдельно урегулирован вопрос с разночтениями в ключевых показателях видов регионального государственного контроля.

Качество КНД в основном оценивается на основе расчета индекса качества администрирования контрольно-надзорной деятельности, рассчитываемого на основе социологических опросов контрольно-надзорных органов^{1,2,3}, но такая оценка не учитывает уровень и динамика бюджетных расходов на осуществление КНД.

В ЕРВК предоставлено виды регионального контроля по субъектам регионам, КНО, контакты КНО, индикаторы риска нарушений обязательных требований, категории риска, плановые

мероприятия, виды мероприятий, способы и процедуры проведения мероприятий, НПА, то есть эта система является справочником для других информационных систем и содержит сквозные сведения о каждом виде контроля, и заканчивая Единым реестром контрольных (надзорных) мероприятий, в рабочей среде которого находятся сведения обо всех проверках и их результатах, а также о наиболее значимых профилактических мероприятиях [7]. Виды регионального государственного надзора утверждены Федеральным законом от 31.07.2020 N 248 отражены по регионам в ЕРВК, кроме ДНР.

Но в общем цифровом контуре контроля ЕРВК отсутствует оценка результативности и эффективности указанных мероприятий и всех действий КНО.

Количество региональных органов контроля, численность контролеров по каждому территориальному органу имеет зависимость от численности населения и конечно структуры экономики региона.

На этапе цифровизации процесса регионального вида контроля (по всем регионам) в ДНР, отсутствует информация и не указаны источники, за счет чего финансируется или будет финансироваться эта программа, учитывая то, что регион требует дотаций и спецификой уровней наполняемости доходной части местного бюджета.

Этапы методики оценки КНД ДНР (КРП) можно представить таким образом (рис. 5).

¹ Государственный контроль как вид социального управления: конституционно-правовой аспект [Электронный ресурс]. – URL: https://alrf.msk.ru/gosudarstvennyy_kontrol_kak_vid_socialnogo_upravleniya_kon

² Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых

актов, содержащих нормы трудового права : приказ Минтруда РФ от 30.11.2021 N 838Н [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=464473>

³ Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 03.06.1996 N 803 [Электронный ресурс]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-03061996-n-803/>

Рисунок 5 – Алгоритм процесса КНД ДНР

Источник: составлено автором.

Среди наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на количество проверок (КНП), следует выделить число зарегистрированных в конкретном регионе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также объемы произведенной ими продукции.

Как правило, результативность регионального надзора фактически приравнивается к выявлению нарушений относительно наличия (отсутствия) угроз и фактов причинения вреда охраняемым законом ценностям в связи с такими нарушениями, но не ведется учет фактической частоты и масштабов причинения такого вреда по предметам контроля.

В условиях ДНР на переходном этапе решением формирования КНД региона, могло бы стать создание новой государственной информационной системы, сформированной на цифровой архитектуре – «Реестр зарегистрированных случаев причинения вреда», оператором

может быть Генеральная прокуратура региона.

Центральным элементом реформы контрольно-надзорной деятельности ДНР, должно стать определение охраняемых в рамках государственного контроля ценностей и операционализация работы с ними через перестройку деятельности органа контроля, совершенствование системы рисков и профилактики, изменение системы установления обязательных требований и поиск баланса во внедрении цифровых технологий.

Использовать методику оценки рисков при осуществлении контроля, базируясь на модели федерального уровня, что отражено в Аналитическом докладе¹. В нем предлагается использовать критерии добросовестности, стимулирующие контролируемых лиц принимать дополнительные меры для повышения безопасности и демонстрации добросовестности своей деятельности, и продолжают

¹ Аналитический обзор ключевых показателей по региональным и муниципальным видам контроля / Центр стратегических разработок

[Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/15a/kj1e1ak83dnixih3thkj0us2k6479wkt.pdf>

разрабатываться индикаторы рисков с системой регистрации инцидентов.

► **Выводы.** Анализируя наполняемость уровня регионального контроля по всем регионам и областям, можно утверждать, что в целом, по регионам количество видов регионального контроля варьируется от 34 направлений контроля, предмет контроля имеет схожую направленность, и затрагивает жилищные, коммунальные сферы деятельности регионов, тарифы, ценообразование, недвижимость, культурные объекты, пассажиропотоки и перевозку, геологоразведку, экологию, социальные сферы, образование. Это в целом, определяет качество жизнедеятельности трудовых ресурсов регионов и их материальную базу развития. Поэтому, на уровне регионального контроля

► Литература

1. De Lombaerde, P. The Problem of Comparison in Comparative Regionalism / P. de Lombaerde, F. Söderbaum, L. Van Langenhove, F. Baert. – Текст : электронный // *Review of International Studies*. – 2010. – №36 (3). – P. 731-753. – DOI: 10.1017/S0260210510000707. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/191934715.pdf>
2. Бутенко, В.А. Регионализация и "новый" регионализм / В.А. Бутенко, Ш. Мохаммади. – Текст : непосредственный // *Право и политика*. – 2020. – №7. – С. 105-113.
3. Воскресенский, А.Д. Регионализация в современных международных отношениях / А.Д. Воскресенский. – Текст : электронный // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. – 2012. – №6. – С. 5-11. – URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080000617-5-1-ru-36/>
4. Зими́на, Н.С. Возрастающая тенденция внутренней регионализации России как фактор усиления ее национальной безопасности в условиях глобализации / Н.С. Зими́на. – Текст : электронный // *Политическая глобалистика и регионоведение*. – 2008. – URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/global3.pdf
5. Калинина, О.С. Сущность и тенденции процессов регионализации в России / О.С. Калинина. – Текст : непосредственный // *Стратегия устойчивого развития регионов России*. – 2014. – № 21. – С. 76-80.

незыблемым остается качественный уровень всех сфер деятельности развития социума региона, который основывается на законодательной базе и нормативах регионов.

Таким образом, основной проблемой формирования региональной КНД в 2024 году в процессе регионализации государства в целом, является высокий уровень дотационных регионов и естественно низкий контроль финансирования для достижения эффективности разработанных мер и действий. Отсутствие базовых методических показателей для оценки эффективности КНД именно в условиях ДНР, что свойственно переходному периоду трансформации внутренней регионализации.

► References

1. De Lombaerde P., Söderbaum F., Van Langenhove L., Baert, F. (2010). The problem of comparison in comparative regionalism. *Review of International Studies*, 36 (3), 731-753. <https://core.ac.uk/download/pdf/191934715.pdf>
2. Butenko V.A., Mohammadi Sh. (2020). Regionalization and the "new" regionalism. *Law and Politics*, 7, 105-113. [In Russian]
3. Voskresensky A.D. (2012). Regionalization in modern international relations. *Vostok. Afro-asian societies: history and modernity*, 6, 5-11. [In Russian] <https://vostokoriens.jes.su/s086919080000617-5-1-ru-36/>
4. Zimina N.S. (2008). The growing tendency of internal regionalization of Russia as a factor in strengthening its national security in the context of globalization. *political globalistics and regional studies*. [In Russian] https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2008/global3.pdf
5. Kalinina O.S. (2014). The essence and tendencies of regionalization processes in Russia. *Strategy for sustainable development of Russian regions*, 21, 76-80. [In Russian]

6. Багаева, А.В. Регионализация и региональная интеграция: Учебное пособие / А.В. Багаева. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. – 150 с. – Текст : непосредственный.

7. Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации. Вектор развития до 2030 года : Аналитический доклад - 2023 / И.А. Абузярова, Д.Р. Алимпеев, В.Д. Казикаев [и др.]. – М.: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2024. – 102 с. – ISBN 978-5-7598-2972-0. – DOI 10.17323/978-5-7598-2972-0. – URL: <https://publications.hse.ru/books/901175071>. – Текст : электронный.

8. Баранов, М.Л. Государственный контроль как вид социального управления: конституционно-правовой аспект / М.Л. Баранов. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2013. – №3-4. – С. 50-65.

9. Акопов, Л.В. Контроль в управлении государством : Конституционно-правовые проблемы : спец. 12.00.02 Конституционное право; муниципальное право : дис. на соиск. учен. степ. докт. юрид. наук / Акопов Леонид Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 395 с. – Текст : непосредственный.

10. Ерицян, А.В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности : Теоретический аспект / А.В. Ерицян. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 103-108.

11. Ноздрачев, А.Ф. Правовое регулирование государственного контроля / А.Ф. Ноздрачев. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2012. – 480 с. – ISBN 978-5-16-103754-6. – Текст : электронный. – URL: <https://znanium.com/catalog/product/527305>. – Режим доступа: по подписке.

6. Bagaeva A.V. (2015). *Regionalization and regional integration*. Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium". [In Russian]

7. Abuzyarova I.A., Alimpeev D.R., Kazikaev V.D. [et al.]. (2024). *Control, supervisory and permitting activities in the Russian Federation. Development vector until 2030: Analytical report – 2023*. Moscow: National Research University "Higher School of Economics". [In Russian] <https://publications.hse.ru/books/901175071>

8. Baranov M.L. (2013). State control as a type of social management: constitutional and legal aspect. *Education and Law*, 3-4, 50-65. [In Russian]

9. Akopov L.V. (2002). *Control in government : Constitutional and legal problems* [Unpublished doctoral dissertation]. Rostov-on-Don. [In Russian]

10. Yeritsyan A.V. (2002). State control over compliance with legislation by business entities: Theoretical aspect. *State and Law*, 2, 103-108. [In Russian]

11. Nozdrachev A.F. (2012). *Legal regulation of state control*. Moscow: NITs INFRA-M, 2012. [In Russian] <https://znanium.com/catalog/product/527305>

Статья поступила в редакцию 19.12.24

Для цитирования: Миньковская, М.В. Анализ региональной политики России в современных условиях / М.В. Миньковская // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 39-52.

For citation: Minkovskaya M.V. (2025). Analyzing Russian regional policy in modern conditions. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 39-52. [In Russian]

ОЦЕНКА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

Стебленко В.В. аспирант, ORCID 0009-0006-4048-7580, e-mail: st-vladislav@mail.ru, ФГБОУ ВО "Юго-Западный государственный университет", г. Курск, Российская Федерация.

Ершова И.Г. д-р экон. наук, профессор, ORCID 0000-0002-0675-0764, e-mail: ershovairgen@yandex.ru, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск, Российская Федерация.

Аннотация. В статье проведена оценка межрегионального экономического неравенства России за 1998 – 2022 гг. Для расчётов использовались данные о ВРП регионов на душу населения. Сначала для общей оценки неравенства был рассчитан коэффициент вариации. Далее, после интерполяции данных, были рассчитаны 1, 2, 5 (медиана) 8, 9 децили, а также 5 и 95 процентиля. Рассчитаны суммарные ВРП 10 и 20 первых и последних регионов. На основе полученных значений были рассчитаны коэффициенты,

характеризующие неравенство, его динамику и структурные особенности. Было получено, что в целом межрегиональное экономическое неравенство в России росло до 2005 года, падало до 2016 года, а с 2017 года начало снова расти. Показано, что источником роста неравенства является относительно высокие темпы развития самых успешных регионов.

Ключевые слова: региональная экономика, региональное неравенство, ВРП, пространственная дифференциация, дифференциация регионов.

ASSESSMENT OF REGIONAL ECONOMIC INEQUALITY IN RUSSIA

Steblenko V.V. postgraduate student, ORCID 0009-0006-4048-7580, e-mail: st-vladislav@mail.ru, Southwest State University, Kursk, Russian Federation.

Ershova I.G. Doctor of Economic Sciences, Professor, ORCID 0000-0002-0675-0764, e-mail: ershovairgen@yandex.ru, Southwest State University, Kursk, Russian Federation.

Abstract. The article provides an assessment of Russia's regional economic inequality for 1998-2022. Data on the GRP of the regions per capita were used for calculations. First, the coefficient of variation was calculated for a general estimate of inequality. Further, after data interpolation, 1, 2, 5 (median) 8, 9 deciles, as well as 5 and 95 percentiles were calculated. The total GRP of the 10 and 20 first and last regions is calculated. Based on the obtained values, coefficients

characterizing inequality, its dynamics and structural features were calculated. It was found that, in general, interregional economic inequality in Russia grew until 2005, fell until 2016, and began to grow again in 2017. It is shown that the source of the growing inequality is the relatively high rates of development of the most successful regions.

Keywords: regional economics, regional inequality, GRDP, spatial differentiation, regional differentiation.

► **Введение.** Проблема экономического регионального неравенства в России остается одной из острых проблем, интересующих российских исследователей и политиков. Россия, являясь самым большим по площади государством в мире, включает в себя различные регионы, которые сильно отличаются друг от друга по своему размеру, наличию факторов экономического роста и развитию экономик.

В более ранней работе [1], посвященной оценке вклада регионов в экономику России, мы выяснили, что регионы России по своему экономическому развитию сильно отличаются друг от друга. Например, Москва в среднем производит 20% всего российского ВРП, а общий вклад 10 наименее экономически развитых регионов составляет лишь 1%. В данной же работе мы сконцентрировались на статистическом измерении регионального экономического неравенства в России с помощью специальных количественных показателей неравенства.

► **Обзор литературы.** В российской науке есть много исследований, посвященных региональному неравенству в России. Обычно для общего измерения регионального экономического неравенства используются данные по ВРП на душу населения. После, при необходимости, исследователи оценивают региональное неравенство по инвестициям, безработице и другим экономическим и социальным показателям, на основании которых можно сделать более узкие выводы о неравномерности развития регионов.

В работе Н.Е. Бондаренко и Р.В. Губарева [2] проведен обзор теории, описывающих причины регионального неравенства в экономике. После рассмотрения теорий авторы провели анализ дифференциации российских регионов. Исследователи использовали данные о ВРП на душу населения за 2010 – 2018 гг. по федеральным округам для определения уровня

регионального экономического неравенства. Показаны высокие различия в развитии территорий России за рассматриваемый период.

Далее авторы изучили проблему социального неравенства. Отмечен большой разброс между российскими регионами по уровню безработицы, начисленной заработной платой, общей площади жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя, ожидаемой продолжительности жизни и младенческой смертности. Для оценки использовались данные 2019 года.

В рассмотренной работе используется ограниченный период для оценки динамики неравенства. Исследователи оценили межрегиональное неравенство федеральных округов через показатель ВРП на душу населения. Данный показатель действительно является ключевым, однако простое рассмотрение ВРП без расчетов не позволяет сделать вывод о тенденции роста или падения регионального неравенства.

В.А. Крюков и Е.А. Коломак в своем исследовании [3] акцентируют внимание на росте концентрации экономического развития в малой части регионов России, что в свою очередь приводит к росту регионального неравенства. Отмечено, что тенденция имеет устойчивый характер. В результате рыночных реформ при отсутствии целенаправленной пространственной политики «...наблюдается устойчивая миграция факторов и результатов производства с востока и севера на запад, юг и в центр страны» [3, с. 98].

Для аргументации авторы используют данные по темпам роста номинального и реального ВРП по федеральным округам за 1999-2017 гг., на основе которых рассчитано, во сколько раз вырос ВРП за рассматриваемый период. Для оценки изменений в пространственной структуре исследователи посчитали изменения с 1998 г. до 2017 г. долей

федеральных округов в суммарном ВРП, среднегодовой численности занятых, энергопотреблении и промышленном производстве. Сильнее всего выражен рост долей Центрального федерального округа.

Темп роста ВРП за большой промежуток времени хорошо показывает общую тенденцию того, какие регионы (округа) растут быстрее и как меняется территориальное (пространственное) распределение экономической активности. Однако данный показатель может говорить не только о собственно росте неравенства, но и о концентрации экономики из-за демографических факторов.

Статья Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронова [4] посвящена анализу межрегионального неравенства в России и некоторых других странах. В рамках данного обзора нас интересует часть исследования, посвященная России. Исследователи в своей работе рассчитали взвешенный по населению и нормированный в зависимости от числа территориальных единиц коэффициент Джини. Для расчетов коэффициентов в России использовались данные Росстата за 1995-2022 гг.

Было получено, что региональное неравенство в России высокое, но оно сокращается с середины 2000-х годов. При этом на графике виден скачок вверх показателя неравенства в России в последний исследуемый год (2022 г.).

Дополнительно в статье были проведены расчеты межрегионального экономического неравенства внутри российских федеральных округов и экономических районов. Самый высокий уровень неравенства имеет Уральский федеральный округ, минимальный – Южный федеральный округ.

Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронов уже использовали взвешенный по населению коэффициент Джини, например в своей ранней работе по изучению динамики регионального экономического неравенства

[5]. В новой же работе данный коэффициент дополнительно нормирован с учетом числа регионов в стране.

В данном исследовании *поставлена цель разработать и выбрать методы оценки межрегионального экономического неравенства в России и провести оценку за весь доступный период, по которому имеются данные*. Исследование должно дать ответ на вопрос о динамике в целом, а также дать представление о форме распределения неравенства.

► **Данные и методы.** Для оценки межрегионального неравенства в России мы использовали показатель ВРП на душу населения. Показатель ВРП является обобщающим показателем экономики региона и по своему расчету и содержанию похож на ВВП, рассчитанный производственным методом. Для целей исследования нас интересует этот показатель на душу населения, а не в абсолютном значении.

В расчетах используются данные Росстата по ВРП на душу населения по субъектам Российской Федерации за 1998-2022 гг. в текущих ценах.

За весь исследуемый период по некоторым регионам нет информации о ВРП. До 2011 года Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ отдельно не выделялись из ВРП Тюменской области. То есть были данные только по всей Тюменской области, включая оба автономных округа. Такая же ситуация с Архангельской областью и Ненецким автономным округом. Данные по Чеченской Республике есть с 2005 года. Данные по Республике Крым и г. Севастополю начинаются с 2014 года.

Поэтому для реализации целей исследования было принято решение оставить данные только по Тюменской и Архангельской областям в целом, а также не учитывать данные по Чеченской Республике, Республике Крым и г. Севастополю.

Для общей оценки регионального неравенства рассчитан коэффициент вариации. Это универсальный относительный показатель, который характеризует неоднородность данных и может применяться в том числе в оценке неравенства.

При оценке неравенства среднедушевых доходов населения считают коэффициенты, используя данные по доходу определенного процента самых богатых и самых бедных домохозяйств. Например, считают отношение между доходами девятого дециля и первого дециля (децильный коэффициент) или отношение среднедушевых доходов в десятой децильной группе к первой децильной группе (коэффициент фондов).

Для оценки регионального неравенства мы также рассчитали некоторые коэффициенты, но с учетом особенности количества регионов. Использование и интерпретация процентных показателей для расчетов регионального неравенства усложняется тем, что доля одного региона в общей совокупности регионов велика и составляет более одного процента. Поэтому нами было решено сделать расчеты коэффициентов двух видов.

Первый подход заключается в том, что мы при необходимости проводим интерполяцию данных и считаем нужные нам процентиля и децили: пятый процентиль, первый дециль, второй дециль, пятый дециль (медиана), восьмой дециль, девятый дециль и девяносто пятый процентиль. На основе полученных чисел мы рассчитываем нужные коэффициенты.

Сначала мы считаем децильный коэффициент (деление девятого дециля на первый дециль). Потом рассчитываем похожий коэффициент методом деления 95 процентиля на 5 процентиль. Далее считаем показатели с помощью деления полученных процентилей и децилей на медиану. Эти расчеты позволяют нам не просто определять динамику неравенства, но и охарактеризовать форму

распределения ВРП между регионами и видеть глубже, почему изменилось межрегиональное неравенство в целом.

Методы, описанные выше, привлекательны тем, что они универсальны и позволяют оценивать таким образом любую другую страну или любой другой показатель неравенства в России и делать на этом основании сравнения.

Однако для прикладного применения и понимания, иногда лучше отойти от процентных значений и выбрать для расчетов коэффициентов определенные значения с учетом количества регионов в России. В этом заключается второй подход к расчету коэффициентов.

Отношение суммарного ВРП на душу населения 10 первых (20 первых) регионов к 10 последним (20 последним) является более понятным и проще интерпретируемым показателем регионального неравенства, а также не требует дополнительных математических операций для подготовки ряда данных. Полученные коэффициенты можно трактовать и как отношение среднего ВРП на душу населения 10 первых (20 первых) регионов к 10 последним (20 последним) регионов, так как математически это одинаковые коэффициенты в случае одинакового количества регионов в числителе и знаменателе.

Крайний случай описанных выше коэффициентов – это отношение ВРП на душу населения самого успешного региона (1 лучший) к самому отстающему (1 худший, последний). Коэффициент рассчитывается делением максимума к минимуму показателей за каждый год.

► **Результаты исследования.** На рис. 1 приведен график коэффициента вариации ВРП на душу населения регионов России за 1998-2022 гг. Данный коэффициент характеризует однородность совокупности данных. В нашем случае показатель описывает общую картину регионально неравенства в России.

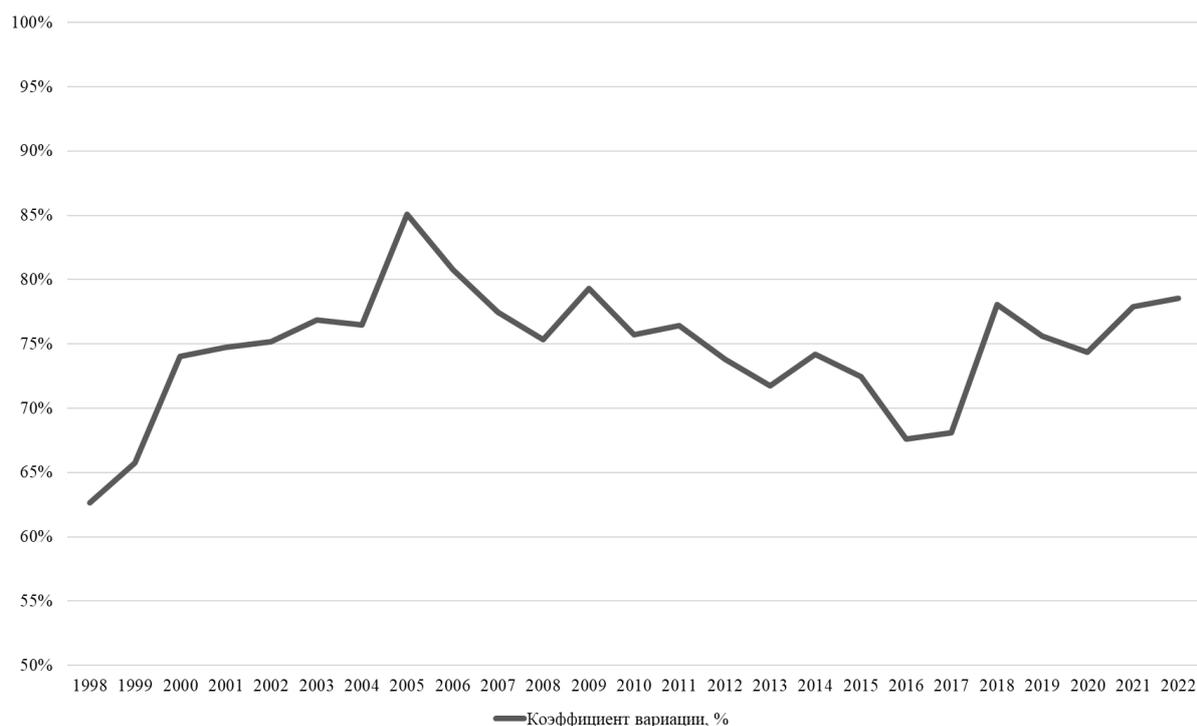

Рисунок 1 – Динамика коэффициента вариации ВРП на душу населения регионов России в 1998-2022 гг.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

Значения коэффициента вариации говорят о том, что данные неоднородные, то есть имеется большой разброс между показателями ВРП на душу населения российских регионов. Сказать точно, насколько данный показатель высокий или низкий в контексте регионального неравенства, в данном случае нельзя. Неоднородность развития регионов в целом является нормальным явлением, а судить о её степени в данном случае можно, например, с помощью сравнения с коэффициентом вариаций ряда других стран. Однако динамика данного показателя представляет исследовательский интерес.

Минимум показателя приходится на первый исследуемый год – 1998 год. Далее региональное неравенство росло вплоть до пика в 2005 году. После 2005 года наблюдается тренд падения неравенства с достижением минимума в 2016 – 2017 гг.

В 2018 году произошел резкий рост показателя регионального неравенства в России. Далее он несколько упал к 2020 году и снова начал расти.

В рассмотренной ранее работе [4] региональное неравенство оценивается иначе с помощью более сложных расчетов нормированному по числу регионов и взвешенного по населению территорий коэффициента Джини. Примечательно, что оба подхода (наш и рассмотренной работы) дают в целом одинаковую картину и выводы. Минимум неравенства приходится на 1995 год (в исследовании используются данные с 1995 года) с ростом до пика в 2005 году и схожей с нашей дальнейшей динамикой до 2022 года.

На рис. 2 представлены альтернативные коэффициенты, с помощью которых можно судить о региональном неравенстве в России.

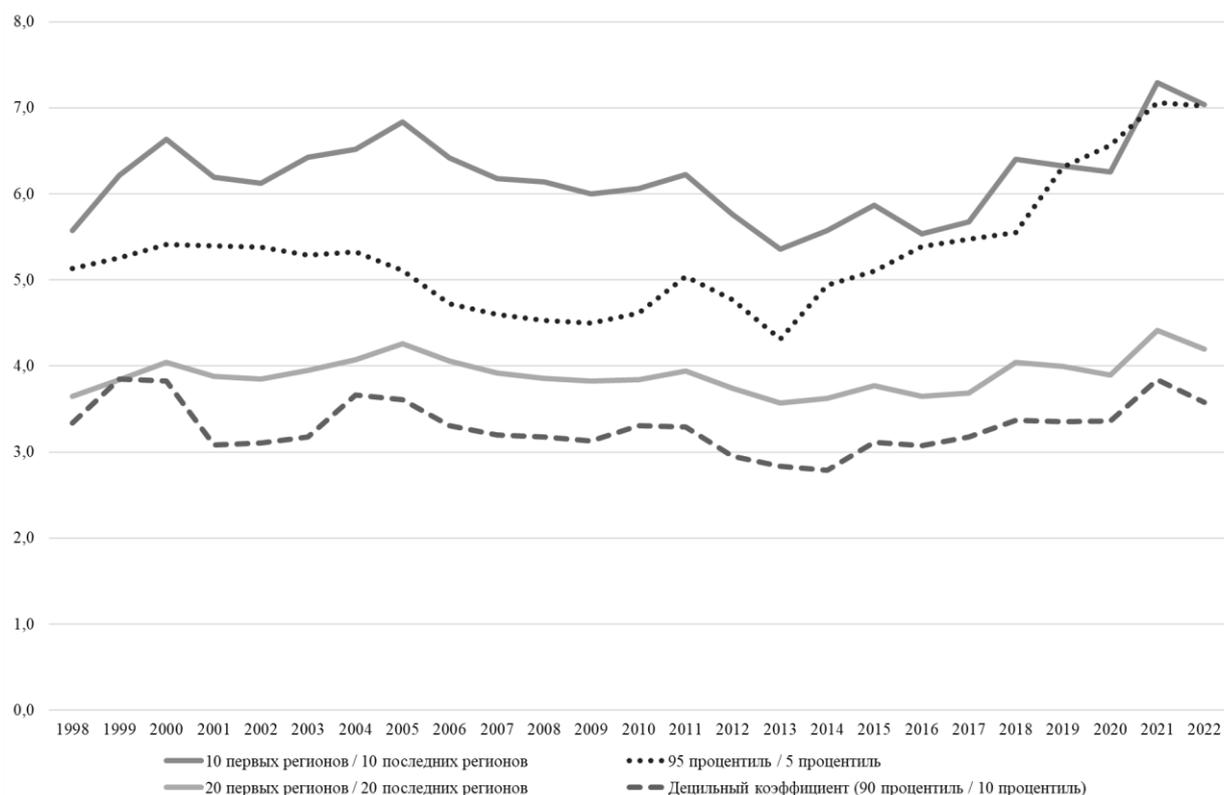

Рисунок 2 – Динамика коэффициентов регионального неравенства России

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

Данные коэффициенты, в отличие от коэффициента вариации, не показывают такого сильного роста неравенства с 1998 года по 2005 год. Заметно, что с 2005 года показатели падают и достигают минимума в 2013 году (а не в 2016 – 2017 гг., как у коэффициента вариации). После 2013 года наблюдается тренд роста всех показателей. Богатые регионы начали опережать по темпам роста бедные регионы. В 2021 году достигнут пик неравенства по всем коэффициентам. У коэффициента вариации же пик приходится на 2005 год.

Сравнение рисунка 1 и рисунка 2 говорит о том, что в последнее время сильно возросло неравенство между бедными и богатыми регионами, а региональное неравенство «средних» регионов, которое

не учитывается в расчётах показателей на рис. 2, изменилось не так сильно.

Заметно, что динамика изменения показателей на рис. 2 хоть и сильно коррелирована, но не одинакова. Отношения среднего ВРП 10 первых регионов к среднему ВРП 10 последних и 95 перцентилю к 5 перцентилю меняются сильнее. Это означает, что «по краям» выборки наших регионов динамика роста ВРП отличается сильнее, чем у регионов, расположенных ближе к середине распределения.

Динамика отношения ВРП на душу населения самого богатого региона к ВРП на душу населения самого бедного приведена на рис. 3.

За весь период исследования первым регионом по размеру ВРП на душу населения являлись в разное время Тюменская область, Чукотский автономный

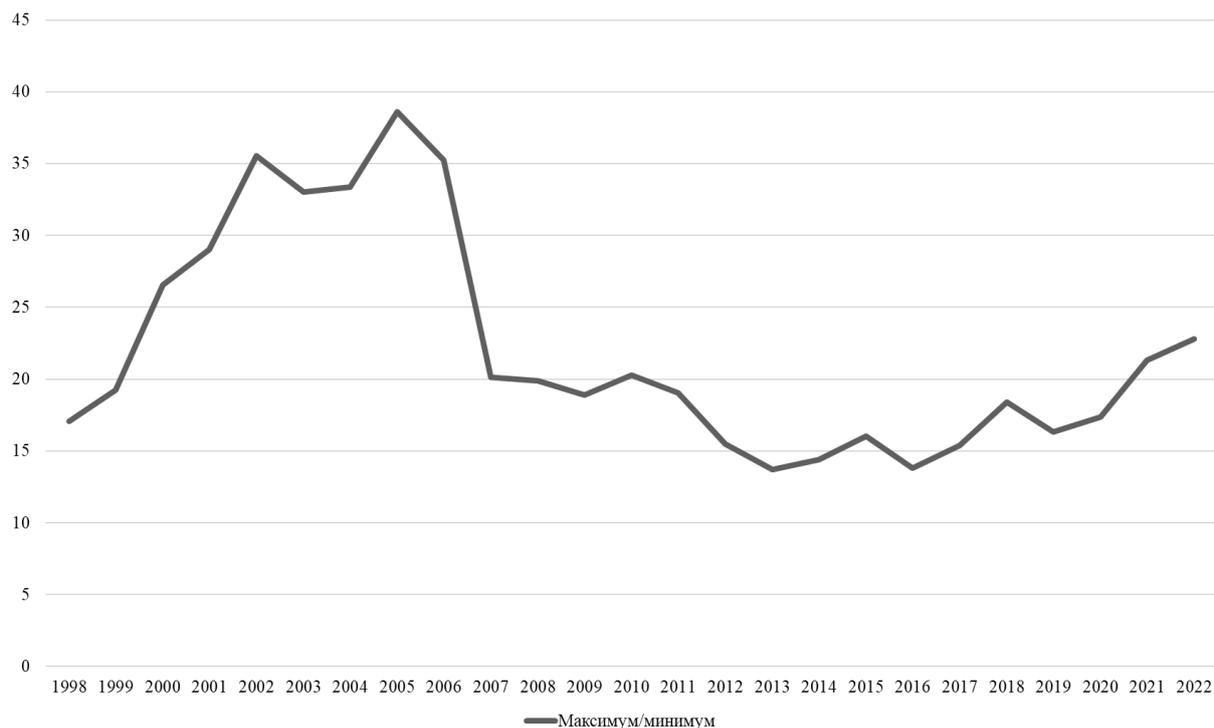

Рисунок 3 – Отношение максимального ВРП на душу населения к минимальному ВРП на душу населения регионов России

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

округ и Сахалинская область. Ингушетия стабильно производит меньше всего ВРП на душу населения в России и занимает последнее место.

Резкий скачок вниз коэффициента, полученного делением ВРП на душу населения самого успешного региона по данному показателю на наименее развитого связано с необычным ростом почти на 90% номинального ВРП на душу населения в Ингушетии в 2007 году. Стоит отметить, что этот скачок обусловлен скорее несовершенством сбора статистики, а не реальными изменениями.

Данный коэффициент нельзя рассматривать как полноценный показатель регионального неравенства в целом по стране. Зато им наглядно можно характеризовать разброс ВРП на душу населения. В 2013 году отношение максимального ВРП на душу населения к минимальному составило 13,7. Это минимум за

исследуемый период. В 2022 году этот показатель был уже равен 22,8. То есть ВРП на душу населения Тюменской области в 2022 году в 22,8 раз больше ВРП на душу населения Ингушетии.

Выводы, сделанные с помощью расчетов децильных и других коэффициентов относительно формы межрегионального неравенства, можно более строго подтвердить с помощью рис. 4. На нем приведены графики отношения ряда децилей и перцентилей к медиане.

Рассмотрим рисунок снизу вверх. Отношение 5 перцентилей, 1 дециля и 2 дециля к медиане достаточно стабильное. То есть не наблюдается изменение уровня межрегионального неравенства из-за изменений ВРП на душу населения относительно бедных регионов.

8 дециль имеет тренд на сближение с медианой. То есть в данном разрезе регионов региональное неравенство

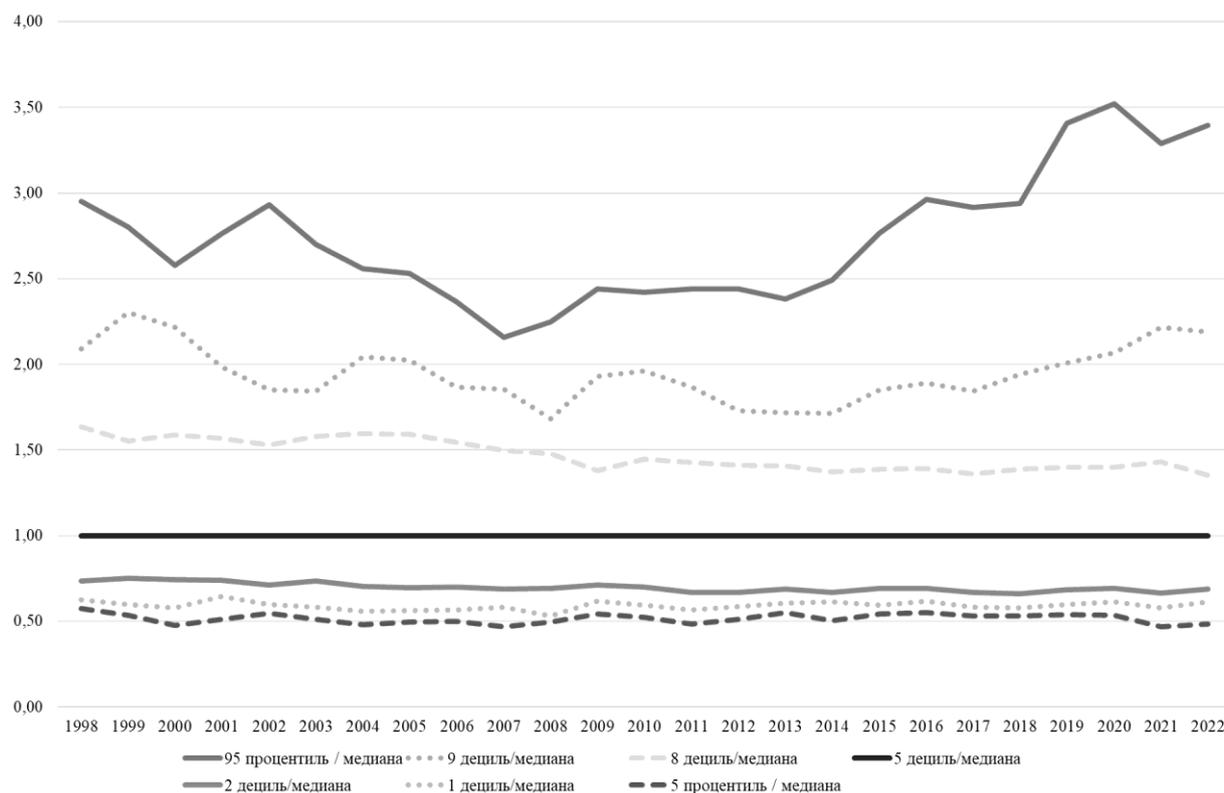

Рисунок 4 – Динамика коэффициентов межрегионального неравенства России

Источник: рассчитано и составлено автором по данным Росстата

снижается. 9 дециль достиг своего минимума относительно медианы в 2008 году. Дальше он изменялся без ярко выраженной тенденции. Однако если сузить горизонт рассмотрения, то можно отметить рост с 2015 года.

Особый интерес представляет коэффициент, полученный 95 процентиля к медиане. Он показывает динамику самых успешных регионов относительно среднего (медианы). Минимум показателя приходится на 2007 год. Дальше начался его рост и его значения находятся на самых высоких уровнях в последние годы. Самые развитые регионы всё больше опережают медианные значения, тем самым внося вклад в общее региональное неравенство.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** В исследовании проведены расчеты уровня межрегионального неравенства в России за 1998 – 2022 гг. Для расчётов

использовались данные о ВРП регионов на душу населения. Было получено, что в целом уровень межрегионального неравенства рос до 2005 года, далее он начал падать до 2016 года и с 2017 года снова начал расти.

Относительно сильный экономический рост самых успешных регионов влияет на общий показатель межрегионального неравенства в России. Децильный коэффициент растёт и находится на своих максимальных значениях. Еще более ярко выражена динамика роста самых богатых регионов относительно медианы: наблюдается рост показателя с 2008 года с пиковыми значениями в последние 4 рассматриваемых года.

В дальнейших работах исследователям предлагается улучшить методику расчета показателя межрегионального неравенства. Необходимо обсудить различия в уровне цен между регионами и учесть это

с помощью предложенных показателей и расчетов. Минус коэффициента вариации заключается в том, что он не имеет верхнего предела. Возможно, для общей

оценки межрегионального неравенства лучше использовать показатель, который будет расположен в определенном интервале (например, от 0 до 1).

► Литература

1. Стебленко, В.В. Оценка вклада регионов в экономическое развитие России / В.В. Стебленко, И.Г. Ершова. – Текст : непосредственный // Экономика знаний: теория, практика, перспективы развития: сб. материалов II Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской академии наук и 55-летию юбилею Института. – Донецк: ГБУ «Институт экономических исследований», 2024. – С. 170–180.

2. Бондаренко, Н.Е. Проблема регионального неравенства в социально-экономическом развитии Российской Федерации / Н.Е. Бондаренко, Р.В. Губарев. – Текст : непосредственный // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. – 2020. – №5(113). – С. 56-68.

3. Крюков, В.А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению / В.А. Крюков, Е.А. Коломак. – Текст : непосредственный // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227. – № 1. – С. 92-114.

4. Зубаревич, Н.В. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке / Н.В. Зубаревич, С.Г. Сафронов. – Текст : непосредственный // Региональные исследования. – 2024. – № 1(83). – С. 4-18.

5. Зубаревич, Н.В. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? / Н.В. Зубаревич, С.Г. Сафронов. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2013. – № 6. – С. 15-26.

Для цитирования: Стебленко, В.В. Оценка межрегионального экономического неравенства в России / В.В. Стебленко, И.Г. Ершова // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 53-61.

► References

1. Steblenko V.V., Ershova I.G. (2024). Assessment of the contribution of regions to the economic development of Russia. *Economics of knowledge: theory, practice, development prospects: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences and the 55th anniversary of the Institute*. Donetsk: Economic Research Institute. [In Russian]

2. Bondarenko N.E., Gubarev R.V. (2020). The Problem of Regional Inequality in Social and Economic Development of the Russian Federation. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 17(5), 56–68. [In Russian] <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2020-5-56-68>

3. Kryukov V.A, Kolomak E.A. (2021). Spatial development of Russia: main problems and approaches to the solution. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 1, 92–114. [In Russian]

4. Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2024). Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century. *Regional Research*, 1(83), 4–18. [In Russian]

5. Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2013). The inequality of social and economic development of regions and cities of Russia of the 2000s: growth or decline? *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 15–26. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 28.03.25

For citation: Steblenko V.V., Ershova I.G. (2025). Assessment of regional economic inequality in Russia. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 53-61. [In Russian]

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА

Лепя Р.Н. д-р экон. наук, профессор, заведующий отделом моделирования экономических систем, ORCID 0000-0001-9232-2493, e-mail: roman.lepa@gmail.com, ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Савченко М.В. д-р экон. наук, профессор, доцент, ORCID 0000-0002-9063-3551, e-mail: savmur@mail.ru, Автомобильно-дорожный институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий национальный технический университет» в г. Горловка, г. Горловка, ДНР, Российская Федерация.

Заглада Р.Ю. канд. экон. наук, доцент, директор, ORCID 0000-0003-3350-3117, e-mail: zagladaroman@yandex.ru, Автомобильно-дорожный институт (филиал) Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донецкий национальный технический университет» в г. Горловка, г. Горловка, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена исследованию концептуальных основ формирования механизма управления развитием промышленности региона (МУРПР). Теоретическую базу исследования составили фундаментальные положения экономической теории, теории управления, теории региональной экономики и кластерной теории, а также научные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам развития промышленных комплексов и формирования эффективных систем управления. В процессе исследования использовались общенаучные и специальные методы: метод системного анализа и синтеза, метод логического моделирования, метод классификации и систематизации, графический метод.

В статье на основе обобщения и систематизации определений было выделено восемь подходов к определению «механизм управления»: технократического, организационного, экономического, социально-психологического,

системного, синергетического, институционального и процессного подходов.

На основе исследованных мнений ученых-экономистов было сформировано авторское видение интерпретации понятия «механизм управления развитием промышленности региона».

В статье предложена структурно-логическая модель механизма управления развитием промышленности региона, включающая целевую, управляющую, управляемую, функциональную и обеспечивающую подсистемы. Особое внимание уделено функциональной подсистеме, обеспечивающей реализацию основных процессов управления, а также роли квазикластеров как инструмента повышения конкурентоспособности промышленности региона.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования разработанных теоретических положений и предложенной структурно-логической модели механизма управления развитием промышленности региона для формиро-

© Р.Н. Лепя, М.В. Савченко, Р.Ю. Заглада, 2025

вания эффективной региональной промышленной политики.

Ключевые слова: развитие промышленности; механизм управления; региональная экономика; квазикластер.

CONCEPTUAL BASIS FOR THE FORMATION OF A MECHANISM FOR MANAGING THE DEVELOPMENT OF REGIONAL INDUSTRY

Lepa R.N. Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Modeling of Economic Systems, ORCID 0000-0001-9232-2493, e-mail: Roman.Lepa@yandex.ru, State-Funded Institution «Economic Research Institute», Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Savchenko M.V. Doctor of Economic Sciences, Professor, Associate Professor, ORCID 0000-0002-9063-3551, e-mail: savmur@mail.ru, Automobile and Road Institute (branch) DonNTU in Gorlovka, Gorlovka, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Zaglada R.Yu. Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director, ORCID 0000-0003-3350-3117, e-mail: zagladaroman@yandex.ru, Automobile and Road Institute (branch) DonNTU in Gorlovka, Gorlovka, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Abstract. The article is devoted to the study of the conceptual foundations of the formation of the mechanism for managing the development of regional industry (MURPR). The theoretical basis of the study was formed by the fundamental provisions of economic theory, management theory, regional economics theory and cluster theory, as well as scientific works of domestic and foreign scientists devoted to the development of industrial complexes and the formation of effective management systems. In the course of the study, general scientific and special methods were used: the method of system analysis and synthesis, the method of logical modeling, the method of classification and systematization, the graphical method.

In the article, based on the generalization and systematization of definitions, eight approaches to the definition of «management mechanism» were identified: technocratic, organizational, economic, socio-psychological, systemic, synergetic, institutional and process approaches.

Based on the studied opinions of economists, the author's vision of the interpretation of the concept of «mechanism for managing the development of regional industry» was formed.

The article proposes a structural and logical model of the mechanism for managing the development of regional industry, including target, control, controlled, functional and supporting subsystems. Particular attention is paid to the functional subsystem that ensures the implementation of the main management processes, as well as the role of quasi-clusters as a tool for increasing the competitiveness of regional industry.

The practical significance of the article lies in the possibility of using the developed theoretical provisions and the proposed structural and logical model of the mechanism for managing the development of regional industry to form an effective regional industrial policy.

Keywords: industrial development; management mechanism; regional economy; quasi-cluster.

► **Введение.** Развитие промышленности новых регионов – является залогом улучшения социально-экономического положения регионов, создания рабочих мест и повышения уровня благосостояния граждан. Тем не менее, эффективное и ответственное управление этим процессом наталкивается на серьёзные препятствия,

связанные с недостаточной разработанностью теоретического контура и методологических подходов. Требуется углубленные исследования, позволяющие понять сущность развития промышленности новых регионов, предвидеть закономерности их развития с учётом современных мировоззренческих концепций, а также определить и обосновать концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности.

► **Обзор литературы.** Генезис понятия «развитие промышленности» был ранее исследован авторами [1], что позволило сформировать определение данной дефиниции как непрерывного процесса эволюции, который приведет к росту экономики промышленного сектора, направленному на повышение его эффективности, инновационности и конкурентоспособности.

В области управления промышленных комплексов следует отметить значительный вклад российских авторов А.Г. Гранберга, Е.Б. Дворянкиной, И.Н. Корабейникова, А.Н. Пыткина, О.А. Романовой, А.И. Татаркина, а также зарубежных исследователей – Д. Белла, А. Вебера, У. Изарда.

Несмотря на актуальность задачи формирования действенного механизма управления развитием промышленности новых регионов в существующих условиях хозяйствования, характеризующихся наличием значительных внешних шоков, беспрецедентность имеющихся вызовов обуславливает необходимость дополнительной проработки вопросов поддержания стабильности кругооборота доходов и расходов как индикатора развития. Такой механизм должен обеспечивать не только реализацию мер постфактум, но осуществлять превентивные меры, способствующие проявлению адаптивных возможностей промышленности в новых реалиях хозяйствования [2].

Поэтому цель данной статьи состоит в формировании концептуальных основ представления архитектоники механизма управления развитием промышленности новых регионов, сочетающего в себе рыночные механизмы и меры государственного администрирования.

► **Данные и методы.** Теоретической основой статьи стали фундаментальные положения экономической теории, теории управления, теории региональной экономики и теории кластерного развития, представленные в трудах ведущих зарубежных и отечественных ученых, а также в материалах диссертационных работ, посвященных проблемам управления развитием промышленности и формирования механизмов стимулирования кластеризации.

В процессе исследования, в зависимости от характера решаемых задач, были использованы следующие общенаучные и специальные методы: метод логического анализа – для построения логики исследования; метод системного анализа и синтеза – для построения структурно-логической модели механизма управления развитием промышленности региона и выявления взаимосвязей между элементами системы; метод логического моделирования – для формализации процесса формирования механизма управления развитием промышленности региона и определения последовательности этапов его реализации; графический метод – для наглядной демонстрации положений и результатов исследования и т.д.

► **Результаты исследования.** Ответственное управление развитием промышленности региона реализуется через механизм управления развитием промышленности.

Таким образом, формирование управления развитием промышленности новых регионов можно представить в виде модели, отраженной на рис. 1.

Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона

Рисунок 1 – Модель управления развитием промышленности региона
Источник: построено авторами

Данная модель предполагает комплексное управление ключевыми аспектами развития промышленности региона, направленное на создание синергетического эффекта и достижение экономического роста.

Цель модели – обеспечить сбалансированное и конкурентное развитие промышленности региона, направленное на повышение уровня и качества жизни населения.

Соответственно структурных составляющих развития промышленности

региона в контексте цели решаются следующие задачи:

- привлечение инвестиций в развитие промышленности;
- стимулирование инновационной активности промышленных предприятий;
- совершенствование организационных структур и бизнес-процессов в промышленности;
- обеспечение промышленных предприятий квалифицированными кадрами;
- внедрение передовых технологий и цифровизация производственных процессов в промышленности;

– снижение негативного воздействия промышленности на окружающую среду.

Комплексный подход к развитию промышленности, учитывающий все эти аспекты, позволяет обеспечить устойчивый экономический рост, повышение конкурентоспособности и улучшение качества жизни населения.

Сформируем определение «механизм управления развитием промышленности» регионов на основе исследования категорий «механизм управления» и «управление развитием промышленности региона».

Термин «механизм» означает с греческого «машина», и изначально употреблялось в технических науках для обозначения системы соединенных деталей, преобразующих движение. Г. Гегель [3] расширил значение этого термина, предложив использовать его как универсальную логическую модель, выходящую за рамки технических концептов. В последствие понятие «механизм управления» получило широкое распространение в области менеджмента.

Единого понимания термина «механизм» не существует в научной литературе, и интерпретации значительно расходятся. Разнообразие подходов к определению этого понятия подробно рассмотрено А.Ю. Чаленко [4]. В частности, он указывает на триаду трактовки «механизм» как: совокупности состояний системы, движущей силы развития и непосредственно сам процесс.

А.Ю. Чаленко, в свою очередь, предлагает понимать под «механизмом» ресурсное обеспечение процесса, его материальную составляющую, состоящую из взаимосвязанных элементов, предназначенных для реализации функций этого процесса [4].

Систематизируем существующие в научной литературе трактовки дефиниции «механизм управления» представителями разных научных школ, выделив следующие подходы: технократический, организационный, экономический, социально-психологический, системный, синергетический, институциональный и процессный подходы (табл. 1).

Таблица 1 – Подходы к определению «механизм управления»

Авторы	Определение понятия
1	2
<i>1. Технократический подход</i>	
В.Н. Бурков, Д.А. Новиков, А.В. Щепкин [5, с. 6]	«внутреннее устройство системы управления, которое позволяет реализовать сущность управления, то есть механизм управления – это такое устройство, которое определяет порядок управленческой деятельности»
В.В. Алексеев, М.С. Алексеева [6, с. 2]	«комплекс последовательных управленческих мероприятий, охватывающих весь цикл управления, систему методов и моделей, организационных и технических средств управления»
Н.Ю. Круглов, М.И. Круглов [7, с. 49]	«составная часть системы управления, обеспечивающая воздействие на факторы, от состояния которых зависит результат деятельности управляемого объекта»
А.В. Барлукова [8, с. 122]	«инструмент, с помощью которого система управления воздействует на управляемый объект»
М.Х. Мескон, Ф.В. Хедоури [9]	«совокупность методов и средств воздействия на управляемый объект»
<i>2. Организационный подход</i>	
Д.Г. Симкин [10, с. 89]	«взаимосвязь и взаимодействие организационной структуры управления и организации процессов принятия решений с методами, приемами и правилами хозяйствования, направленный на его наиболее эффективное функционирование и развитие в целом»

Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона

Продолжение табл. 1

1	2
В.М. Мишин [11, с. 46]	«совокупность организационных и экономических компонентов, обеспечивающих согласованное, взаимосвязанное и взаимодействующее функционирование всех элементов системы для достижения целей организации»
И. К. Адизес [12]	«совокупность организационных и экономических компонентов, обеспечивающих согласованное, взаимосвязанное и взаимодействующее функционирование всех элементов системы для достижения целей организации»
А.М. Омаров [13]	«способ организации, включая и обеспечение функционирования управляющей подсистемы, ориентированной на достижение целей системы»
<i>3. Экономический подход</i>	
А.Ю. Гончаров, Н.В. Сироткина [14]	«совокупность экономических мероприятий, воздействующих на объект управления»
Дж.Н. Лафта [15]	«совокупность средств воздействия, используемых в управлении, или, точнее, комплекс рычагов, используемых в управлении»
В. П. Кузнецов, Д.Н. Лапаев [16]	«система управленческого воздействия на модернизирующиеся экономические отношения между субъектами управления, ведущими целенаправленную деятельность по управлению организацией на основе различных методов»
Ф.У. Тейлор [17]	«совокупность экономических ресурсов и способов их взаимодействия для реализации данного экономического процесса»
<i>4. Социально-психологический подход</i>	
Д.А. Новиков [18, с. 6]	«процедура принятия руководителем управленческих решений (на входе этой процедуры — действие подчиненного и внешняя ситуация, на выходе — конкретное управленческое решение)»
В. И. Рыкунов [19]	«производная категория по отношению к управлению в целом как социальному явлению и служит средством выражения его осуществления»
Э.М. Коротков [20]	рассматривается механизм управления, как «совокупность мотивов деятельности персонала, которые определяют как саму возможность, так и эффективность управления, от которых зависит восприятие воздействия»
<i>5. Системный подход</i>	
М.И. Ломакин, Р.А. Ниязов [21]	«ключевая конструкция системы управления, раскрывающую механику, специфику управленческого труда, многообразный его инструментарий в виде средств воздействия на управляемый объект и технологию их выбора менеджером»
С. А. Евсеева [22]	«часть системы управления организацией, и результатом его реализации является управленческое решение, формирующее управленческое воздействие, объединяя, таким образом, субъект и объект управления»
А. М. Гринь [23]	«совокупность конкретных методов, инструментов, нормативно-правового и информационно обеспечения, посредством которых реализуется воздействие на объекты и процессы управления для достижения поставленных целей функционирования и развития»
Л.С. Зеленцова [24]	«конкретное сочетание отношений, форм, методов и средств, которые обеспечивают функционирование производственно-экономической системы»
С. А. Попов [25]	«совокупность взаимодействующих элементов, объединенных определенной целью и являющихся инструментарием, переводящим объект из одного состояния в другое путем воздействия на него составляющих элементов»
<i>6. Синергетический подход</i>	
Э. Джейкс [26]	иерархическая структура с акцентом на делегирование полномочий, самоуправление и самоорганизацию на разных уровнях
<i>7. Институциональный подход</i>	
Д.А. Новиков [27, с. 32]	«совокупность правил, процедур и методик принятия решений»
В. Н. Бурков, В.В. Кондратьев [28]	«достаточно сложный набор процедур, правил, положений, инструкций, регламентирующих поведение лиц, готовящих и принимающих решения на всех этапах функционирования организации»

<i>8. Процессный подход</i>	
Ю.А. Тихомиров [29]	«процесс согласованного воздействия субъектов управления на явления окружающей социальной действительности»
А.А. Садеков, В.В. Цурик [30]	«процесс воздействия на объект управления с целью достижения желаемого результата, как систему организации хозяйственного процесса, представленная комплексом факторов, взаимодополняющих и взаимосвязанных и имеющих собственные формы управленческого влияния»
Н.Р. Кельчевская [31, с. 30]	«сложная категория управления, необходимая для реализации управленческого решения, направленного на достижение конкретных целей объекта управления, путем воздействия на конкретные факторы с использованием ресурсного потенциала»

Источник: систематизировано авторами

По данным табл. 1 можно констатировать отсутствие единого, общепринятого определения «механизма управления». Выбор подхода к определению механизма управления может зависеть от контекста, специфики организации и поставленных целей. Сложность и многогранность понятия «механизм управления» свидетельствует о необходимости учета различных теоретических подходов для его всестороннего понимания и эффективного применения на практике.

Многоаспектность существующих интерпретаций трактовки «механизм управления» позволила их систематизировать в восемь подходов с выделением особенностей (рис. 2).

Каждый подход акцентирует внимание на разных аспектах управления, отражая различные приоритеты и взгляды на сущность управления. Несмотря на различия, подходы не являются взаимоисключающими. Более полное понимание механизма управления требует учета разных аспектов, выделяемых каждым подходом. Системный подход можно рассматривать как интегрирующий все остальные.

Г.С. Сеялова, принимая во внимание общее понимание механизма управления, отмечает его использование для связи статистики и динамики и дает определения механизма управления как совокупности средств воздействия для упорядочивания

статистики и динамики при взаимодействии субъекта и объекта управления [32, с. 6].

Важно подчеркнуть, что механизм управления разрабатывается для конкретного объекта. Экономическая литература определяет объект управления как организационно выделенные элементы социально-экономической системы или сферы человеческой деятельности, подвергающиеся управленческому воздействию [33; 34]. Соответственно предмету научного исследования авторов статьи объектом управления являются процессы развития промышленности.

Наличие такого воздействия подразумевает существование субъекта управления – источника этого воздействия, то есть органа или лица, обладающего полномочиями по управлению в рамках определенного уровня иерархии.

Ф.М. Русинов [35] выделяет в промышленности следующие иерархические уровни: технический, управленческий, институциональный и высший (социетальный), представленные на рис. 3.

Анализ научной литературы показал, что имеет место некоторая полифония трактовки дефиниции «механизм управления развитием промышленности» (табл. 2).

Анализ определений МУРП, представленных в табл. 2, содержит эклектичность подходов к трактовке данного

Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона

ХАРАКТЕРИСТИКА	ОСОБЕННОСТИ
<p>Технократический подход МУ – совокупность технических средств, алгоритмов и процедур для автоматизации управленческих решений</p>	<p>Основной акцент – на технологиях и автоматизации</p>
<p>Организационный подход МУ – система организационных структур, процессов и правил, обеспечивающих координацию и контроль в организации</p>	<p>В центре внимания – организация и структура управления</p>
<p>Экономический подход МУ – совокупность экономических стимулов и рычагов, воздействующих на экономические субъекты для достижения целей</p>	<p>Важны экономические методы и инструменты</p>
<p>Социально-психологический подход МУ – система межличностных отношений, групповых норм и ценностей, влияющих на поведение людей в организации</p>	<p>Учет человеческого фактора и социальных аспектов управления</p>
<p>Системный подход МУ – сложная система, включающая цели, задачи, ресурсы, процессы, организационную структуру и человеческий фактор</p>	<p>Комплексный подход, учитывающий все элементы системы управления</p>
<p>Синергетический подход МУ создает условия для синергии, когда совместные действия приводят к результатам, превышающим индивидуальные вклады</p>	<p>Наличие синергетического эффекта</p>
<p>Институциональный подход МУ – совокупность формальных и неформальных правил, норм и институтов, регулирующих отношения между экономическими агентами</p>	<p>Акцент на институциональные рамки и правила</p>
<p>Процессный подход МУ – совокупность взаимосвязанных управленческих процессов, направленных на достижение целей</p>	<p>Акцент на последовательности, взаимосвязанности и оптимизации управленческих процессов</p>

Рисунок 2 – Характеристика и особенности подходов к определению дефиниции «механизм управления»

Источник: построено авторами по данным табл. 1

СУБЪЕКТЫ

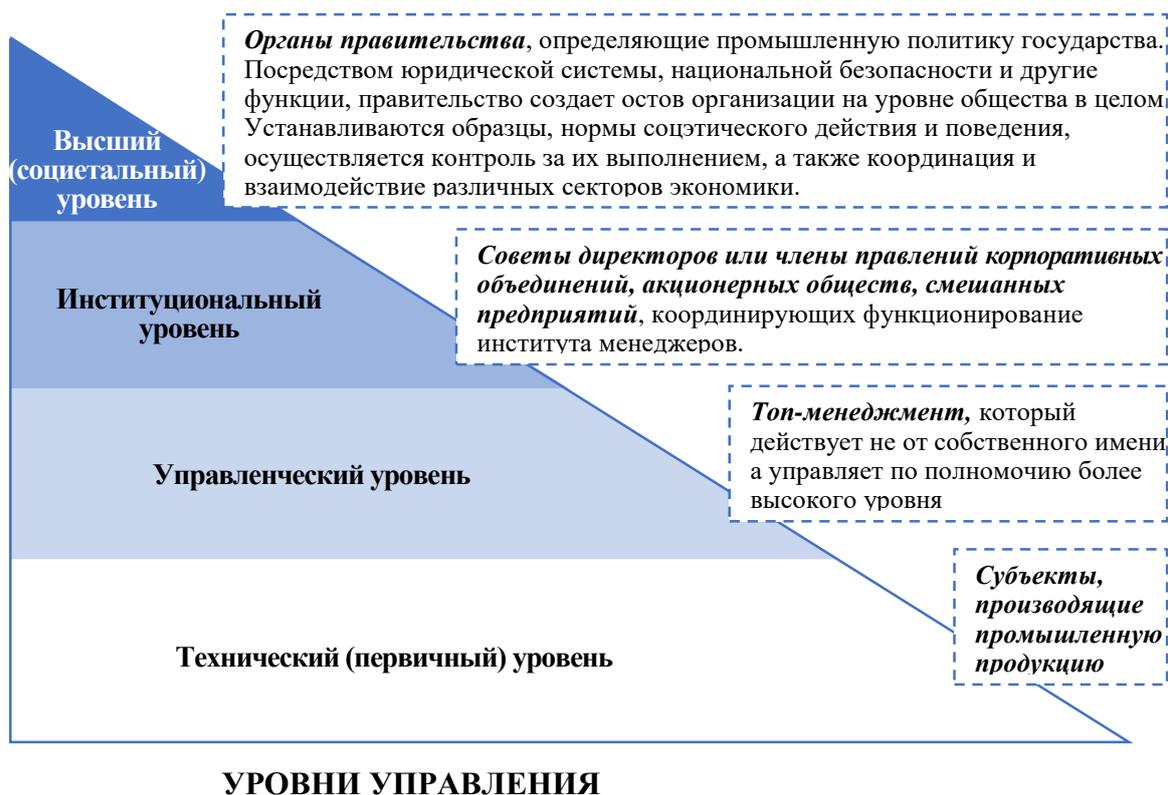

Рисунок 3 – Группы иерархических уровней, функционирующих в промышленности, и субъектов управления

Источник: построено авторами на основе [35, с. 7]

Таблица 2 – Трактовка дефиниции «механизм управления развитием промышленности» разными авторами

Авторы 1	Определение 2	Особенности определения 3
В.С. Маркова	Механизм управления– это система методов, инструментов и форм воздействия, направленных на эффективное использование экономического, трудового и устойчивого потенциала региона с целью повышения его промышленной конкурентоспособности	акцент на системность, охватывающую методы и инструменты; связь с конкурентоспособностью как основой эффективности
Е. М. Бухвальд, О. Н. Валентик [36]	МУРП региона – это система форм и методов, с помощью которых органы управления республики могут воздействовать на процесс достижения установленных целей в данной сфере	ориентация на достижение целей
Н.Н. Суздалева [37]	МУРП – система воздействия на хозяйственную систему для максимизации результативности функционирования добывающих и обрабатывающих отраслей	фокус на добывающие и обрабатывающие отрасли; системный подход

Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона

Окончание табл. 2

1	2	3
Е.Н. Евдокимова	стратегическая основа для инновационного роста. В данной версии предлагается необходимость учета рыночных факторов и применения цифровых технологий для повышения эффективности промышленных комплексов	инновационная составляющая; фокус на цифровизацию и технологические прорывы
М.В. Палкина, С.Ю. Есин [38]	систему взаимосвязанных элементов, которая обеспечивает постоянное управляющее воздействие со стороны региональных и муниципальных органов власти и общественных объединений на инновационные процессы в регионе, охватывающие все этапы научно-исследовательских, опытно-конструкторских и внедренческих работ, непосредственно связанных с созданием, освоением, запуском в производство, сбытом, распространением и использованием инноваций, посредством мер организационного и экономического характера для достижения стратегических целей инновационного развития региональной промышленности	организационно-экономическая структура; государственно-частное партнерство
А.А. Милоков [39]	включает политику, стратегии и действия, способствующие сбалансированному и интегрированному экономическому и социальному росту. Механизм управления предполагает внедрение устойчивых практик во все аспекты бизнеса, включая управление ресурсами, энергоэффективность и социальную ответственность	ориентация на устойчивое развитие; учет экологических, экономических и социальных факторов
А.А. Мартынова	структура и совокупность инструментов управления направлены на регулирование промышленных возможностей региона посредством механизмов финансирования, инвестирования и стимулирования инноваций	акцент на финансировании, инвестициях и инновациях; отражение современных тенденций в промышленной промышленности
И.В. Бушуева	Механизм управления развитием промышленности региона представляет собой систему регуляторов, обеспечение их стратегического и оперативного планирования, контроль и стимулирование развития промышленного сектора на основе ресурсных и конкурентных преимуществ региона	особое внимание уделяется стратегическому и оперативному планированию; использование ресурсных и конкурентных преимуществ региона
Н.А. Волгина [40]	комплекс управленческих решений и мероприятий, основанных на государственных, мировых и общественных объединениях, направленных на устойчивое развитие промышленного производства в странах	акцент на интересы представителей разных сторон; фокус на устойчивом развитии как ключевом приоритете
Г.П. Литвинова	Механизм управления развитием промышленности региона обеспечивает комплексность организационно-экономических и управленческих методов, обеспечивающих согласованное функционирование промышленного комплекса региона в условиях рыночной экономики.	выделение организационно-экономических и лечебных методов; учет специфики рыночных условий

Источник: составлено авторами

понятия. Тем не менее, можно выделить особенности понятия, сформированные различными авторами:

системность – подчеркивается системный характер МУРП как симбиоз взаимодополняющих элементов. Например, В.С. Маркова акцентирует внимание на МУРП как «системные методы, инструменты и формы воздействия», а Н.Н. Суздалева также определяет МУРП как «системное воздействие на хозяйственную систему»;

целеполагание – практически все определения ориентированы на достижение конкретных целей, таких как повышение конкурентоспособности (В.С. Маркова), достижение требуемых целей (Е.М. Бухвальд, О.Н. Валентик), инновационный рост (Е.Н. Евдокимова), устойчивое развитие (А.А. Милюков) и т.д.;

управляющее воздействие – практически все определения отражают управляющее воздействие на промышленность с участием различных субъектов. Так, М.В. Палкина, С.Ю. Есин выделяют «постоянное управляющее воздействие со стороны региональных и муниципальных органов власти»;

факторы развития – ряд авторов акцентируют внимание на конкретных факторах, влияющих на развитие промышленности: инновации (М.В. Палкина, С.Ю. Есин, А.А. Мартынова, Е.Н. Евдокимова), цифровые технологии (Е.Н. Евдокимова), инвестиции (А.А. Мартынова), устойчивые практики (А.А. Милюков), ресурсные и конкурентные преимущества региона (И.В. Бушуева);

устойчивость и сбалансированность – некоторые авторы делают упор на устойчивость и интегрированность развития в качестве ключевых приоритетов. А.А. Милюков отмечает, что МУРП «включает политику, стратегию и действия, содействие сбалансированному и интегрированному развитию и социальному росту».

На основе проведенного анализа, проецируя сущность механизма управления на развитие промышленности региона как объект управления, авторами предлагается усовершенствовать определение «механизм управления развитием промышленности» с акцентом на механизмы ответственности управляющей подсистемы механизма за управленческие решения и особых условий функционирования новых регионов.

Таким образом, авторское определение будет следующим: под *механизмом управления развитием промышленности региона* будем понимать динамичную и многоуровневую систему, включающую взаимосвязанные, организационные, институциональные, социальные и экологические регуляторы (рычаги, инструменты, методы и стимулы), направленных на эффективное развитие промышленного потенциала в условиях реализации механизмов ответственности и модифицированного кластерного подхода с учетом особых условий развития новых регионов.

Для новых регионов авторами предлагается формирование МУРП в контексте формирования квазикластеров для восстановления и развития промышленности регионов, особенности института «квазикластер» для новых регионов были рассмотрены авторами в ранних публикациях [41].

Механизм управления развитием промышленности как сложная управленческая категория включает следующие компоненты:

цели управления (ЦУ);

количественный аналог целей (КУ) – критерии управления;

факторы управления (ФУ) – элементы управления и их связи на которые осуществляется влияние на достижение поставленных целей;

методы взаимодействия на указанные факторы управления (МВ);

Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона

ресурсы управления (РУ) – материальные и финансовые ресурсы, социальный потенциал, с помощью которых и при использовании соответствующего метода управления обеспечивается достижение указанной цели.

Механизм управления развитием промышленности региона можно отобразить следующим функционалом:

$$\text{МУРП} = f(\text{ЦУ; КУ; ФУ; МВ; РУ}). \quad (1)$$

Положительное взаимодействие частей достигается комплексным подходом к построению механизма управления развитием промышленности региона (МУРПР). МУРПР согласно системному подходу предлагается авторами рассматривать как симбиоз подсистем: целевой, управляющей, управляемой, обеспечивающей и функциональной.

Целевая подсистема включает в себя стратегические, тактические и оперативные цели и задачи, а также критерии выбора и оценки результатов управления развитием промышленности региона.

Целью формирования и использования МУРПР является обеспечение соответствия качественных характеристик развития промышленности региона его текущим и стратегическим целям.

Согласно общей цели МУРПР формируются более низкие уровни целей (стратегические, тактические, оперативные) и задачи, помогающие обеспечить достижение этих целей.

Кроме этого, главная цель МУРПР детализируется на подцели в разрезе экономического, социального, экологического, организационного блоков (рис. 4).

Рисунок 4 – Дерево целей МУРПР

Источник: построено авторами.

Управляющую подсистему составляют субъекты управления, оказывающие влияние на управляемую подсистему с целью достижения целей и задач промышленности региона. Среди них можно выделить Министерство экономического развития, Министерство промышленности и торговли, Фонд развития Донбасса, ГК «КРД», руководители программ развития промышленности, руководители проектов по созданию квазикластеров и др.

Объектом МУРПР (управляемой подсистемой) является промышленность региона в целом, в частности, отраслевые балансы региона; промышленный потенциал региона; трудовые ресурсы и др.

Следующая подсистема – это подсистема обеспечения, способствующая реализации целей МУРПР, благодаря предоставлению необходимых ресурсов и созданию соответствующих предпосылок, состоящей из следующих видов обеспечения:

нормативно-правовое – охватывает комплекс нормативно-правовых актов, регулирующих развитие промышленности, инвестиционную деятельность и трудовые отношения, создавая правовые условия для реализации механизма;

методологическое – охватывает методическое обеспечение, апробация и внедрение эффективных моделей, методики и технологии управления промышленности региона с учетом особых условий развития региона;

финансово-ресурсное – охватывает программу финансирования развития промышленности, меры по стимулированию предприятий-эпоптов к созданию квазикластеров;

организационное – содержит совокупность административно-технических мер, регламентирующих реализацию механизма;

информационное – охватывает обеспечение необходимыми данными и

доступ к ним для поддержания функционирования механизма управления;

кадровое – охватывает наличие квалифицированных управленческих кадров, способных выполнять задачи внутри общей системы развития.

Перечень задач для формирования та функционирования обеспечения МУРПР представлен в табл. 3.

МУРПР должен отвечать следующим принципам (рис. 5):

– *согласованности*. Содержание указанного принципа заключается в обязательном включении механизма управления развитием промышленности в систему управления социально-экономическим развитием региона;

– *стратегичности*. Указанный принцип состоит в формировании механизма управления развитием промышленности с ориентацией на достижение стратегических целей развития региона;

– *измеряемости*. Условием эффективности механизма управления развитием промышленности региона является возможность измерения результатов его функционирования, что обеспечивается благодаря использованию набора количественных и качественных показателей;

– *мотивационности*. Соблюдение этого принципа состоит в формировании механизма управления развитием промышленности региона таким образом, чтобы побуждать и стимулировать промышленные предприятия к развитию;

– *непрерывности*. Основным требованием механизма управления развитием промышленности является обеспечение непрерывности развития каждого промышленного предприятия, то есть развитие предприятий должно происходить постоянно;

– *справедливости*. Механизм управления развитием промышленности региона должен обеспечивать равные возможности развития для каждого промышленного предприятия с учетом заинтере-

Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона

Таблица 3 – Элементы и меры по обеспечению управления развитием промышленности региона

Вид обеспечения	Характеристика	Мероприятия по формированию
1	2	3
Нормативно-правовое	Наличие, полнота, соответствие и эффективность законодательной и нормативной базы, регулирующей промышленную деятельность и стимулирующей развитие промышленности в регионе\	<p>Разработка и принятие регионального закона о промышленной политике.</p> <p>Разработка и утверждение региональных программ развития отдельных отраслей промышленности.</p> <p>Принятие нормативных актов, регулирующих вопросы государственной поддержки промышленных предприятий (субсидии, льготы, гарантии).</p> <p>Совершенствование нормативной базы в сфере технического регулирования, стандартизации и сертификации.</p> <p>Мониторинг и анализ эффективности действующих нормативных правовых актов</p> <p>Разработка и принятие кластерной политики региона</p>
Методологическое	Наличие и качество методик, методов и рекомендаций по развитию промышленности региона	<p>Обеспечение достаточного объема финансовых ресурсов (бюджетных и внебюджетных) и материальных ресурсов (сырье, материалы, оборудование) для реализации целей и задач развития промышленности.</p> <p>Разработка или обновление методики разработки стратегии развития промышленности региона, учитывающей современные подходы, приоритеты, цели и показатели эффективности.</p> <p>Определение этапов процесса развития промышленности региона, требующие разного методического сопровождения.</p> <p>Формирование перечня методов, которые могут быть использованы для каждой из задач на этапах.</p> <p>Разработка методики мониторинга и анализа текущего состояния промышленности региона.</p> <p>Разработка методики оценки эффективности мер государственной поддержки промышленности региона</p>
Информационное	Обеспечение доступности и достоверности информации о состоянии и перспективах развития промышленности региона	<p>Создание и ведение региональных информационных систем и баз данных о промышленности (реестры предприятий, инвестиционные проекты, инновационные разработки).</p> <p>Организация и проведение маркетинговых исследований рынка промышленной продукции.</p> <p>Поддержка участия региональных предприятий в выставках, ярмарках и конференциях.</p> <p>Развитие информационных порталов и веб-сайтов, посвященных промышленности региона.</p> <p>Обеспечение доступа промышленных предприятий к информации о мерах государственной поддержки.</p>

1	2	3
Финансово-ресурсное	Объем средств и ресурсов, необходимых для развития промышленности	<p>Определение потребности в финансовых ресурсах на основе программы развития промышленности региона.</p> <p>Принятие решения о финансировании мероприятий развития, при необходимости установления их приоритетности.</p> <p>Определение эффективности использования средств на основе данных о результатах развития промышленных предприятий</p> <p>Разработка и внедрение системы субсидирования процентных ставок по кредитам для промышленных предприятий.</p> <p>Предоставление грантов на реализацию инновационных проектов.</p> <p>Введение налоговых льгот для предприятий, осуществляющих инвестиции в модернизацию производства.</p> <p>Предоставление государственных гарантий по кредитам промышленным предприятиям.</p> <p>Развитие лизинга и факторинга для промышленных предприятий</p>
Организационное	Реализация административно-технических мероприятий для функционирования МУРПР	<p>Создание и структурирование органов исполнительной власти, ответственных за разработку и реализацию промышленной политики в регионе.</p> <p>Четкое определение функций, полномочий и ответственности.</p> <p>Обеспечение взаимодействия с федеральными органами власти.</p> <p>Наличие утвержденной стратегии развития промышленности региона.</p> <p>Соответствие стратегии приоритетам социально-экономического развития региона и федеральным стратегиям.</p> <p>Создание центра развития промышленных кластеров (квизкластеров)</p>
Кадровое	Наличие кадров, необходимых для функционирования МУРПР	<p>Разработка и реализация программ подготовки и переподготовки кадров для промышленности.</p> <p>Развитие системы профессионального образования с учетом потребностей промышленности региона.</p> <p>Поддержка программ повышения квалификации и переподготовки кадров для промышленных предприятий. * Привлечение молодых специалистов в промышленность.</p>

Источник: составлено авторами.

Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона

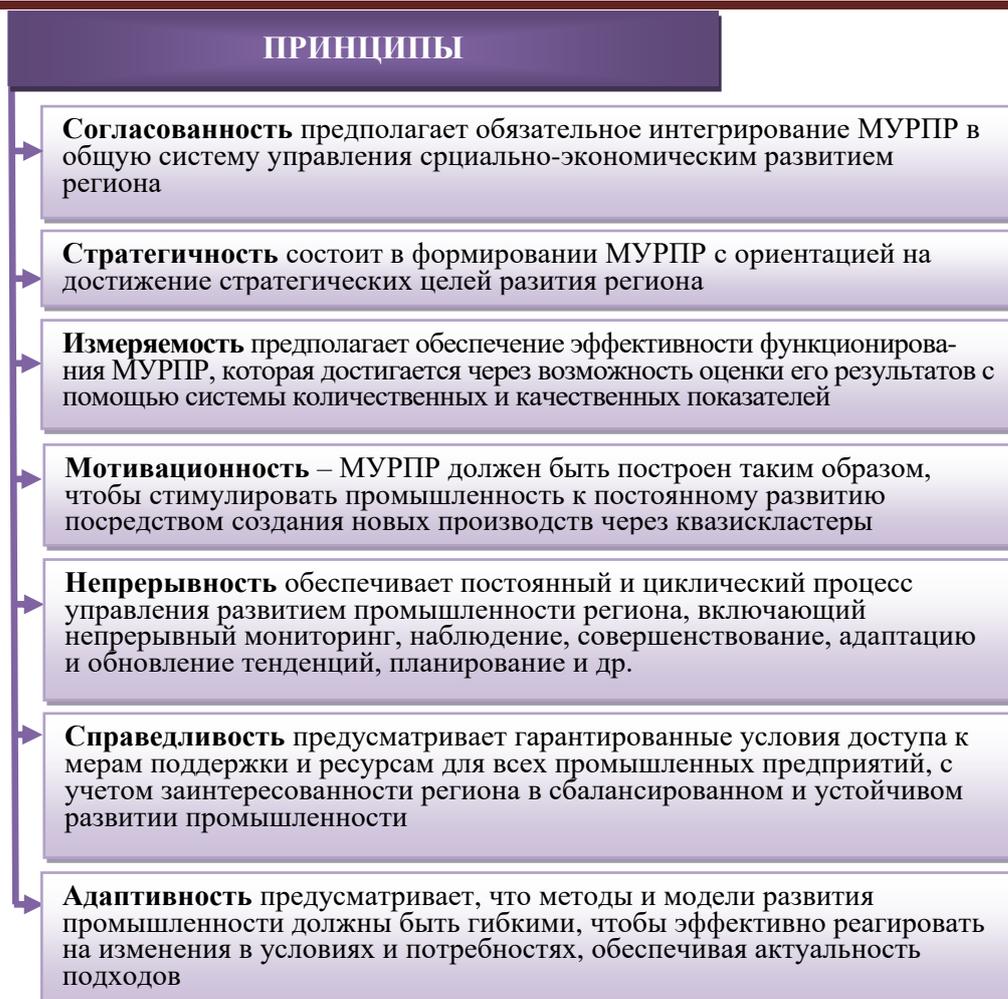

Рисунок 5 – Принципы механизма управления развитием промышленности региона

Источник: построено авторами

сованности региона в сбалансированном и устойчивом развитии промышленности;

– *адаптивности*. Используемые модели и методы развития промышленности региона должны быть гибкими и учитывать динамичность изменения условий и потребностей.

Еще одной подсистемой МУРПР является функциональная подсистема, включающая взаимосвязанные этапы, реализация которых обеспечивает изменение качественных характеристик развития промышленности региона (рис. 6).

На рис. 6 обобщены этапы управления развитием промышленности региона с выделением подготовительного, основного и контрольного блоков.

Подготовительный блок содержит:

1. *Определение элементов управления развитием промышленности региона.*

На этом этапе определяется конфигурация системы развития на основе информации:

- о факторах среды развития;
- о стратегических, оперативных целях промышленного комплекса региона.

Рисунок 6 – Подсистема процессов управления развитием промышленности региона
 Источник: построено авторами.

При установке элементов системы нужно учитывать необходимость выделения таких основных направлений:

- развития промышленных предприятий;
- мотивирование к развитию и инновационной деятельности;
- создание благоприятной среды для развития промышленности.

Для определения взаимосвязей между элементами системы необходимо учитывать наличие тесной взаимозависимости между указанными направлениями.

Квазикластеры должны быть включены в перечень ключевых элементов развития промышленности региона. Необходимо определить, какие функции выполняют квазикластеры в системе управления, как они связаны с другими элементами (например, с органами управления, с промышленными предприятиями, с научными организациями).

2. *Формирование информационно-методического обеспечения управления развитием промышленности региона.*

Определение перечня необходимых данных, возможностей и источников их

получения выполнение каждой из задач позволит подобрать методы для управления развитием промышленности региона.

Кроме этого, информационная база должна содержать данные о существующих и потенциальных участниках квазикластеров, об их взаимосвязях, о возможностях кооперации и о существующих мерах поддержки квазикластеров. Методическое обеспечение должно включать рекомендации по формированию квазикластеров, по управлению их деятельностью и по оценке их эффективности.

3. *Диагностика уровня развития промышленности региона* позволит выявлять отрасли и предприятия, обладающие потенциалом для формирования квазикластеров. Анализируются существующие цепочки создания стоимости, уровень кооперации в региональной экономике.

Оценка эффективности реализации мероприятий предусматривает и оценку эффективности мероприятий, направленных на поддержку квазикластеров. В качестве критериев такой оценки можно использовать: количество созданных квазикластеров, объем привлеченных инвестиций, увеличение объемов производства и экспорта продукции, повышение инновационной активности.

4. *Оценка уровня развития и управления развитием промышленности региона*.

На основе результатов исследования предлагаем структурно логическую модель механизма управления развитием промышленности региона (рис. 7).

Теоретическая и методологическая подсистемы позволяют обеспечить реализацию процесса развития промышленности региона. Указанный порядок реализации этапов развития промышленности региона предусматривает

возможность корректировки планов и программ развития в соответствии с изменением целевых ориентиров. На этом этапе должны быть учтены приоритеты развитию и промышленности, и региона, его стратегическое видение и ориентиры. На основе этого определяются задачи управления развитием промышленности региона.

Предложенная авторами структурно-логическая модель механизма управления развитием промышленности региона разработана автором на основе системного подхода и представляет собой взаимосвязанную совокупность подсистем, обеспечивающих достижение поставленных целей и задач. Модель отражает логическую последовательность процессов управления и учитывает основные факторы, влияющие на развитие промышленного комплекса региона.

В рамках модели выделены пять ключевых подсистем, обладающих различным функциональным назначением и степенью влияния на объект управления: целевая, управляющая, управляемая, функциональная и обеспечивающая.

Целевая подсистема формирует стратегические ориентиры развития промышленного сектора региона, определяя цели и задачи, направленные на повышение конкурентоспособности и укрепление промышленного потенциала. Целеполагание осуществляется с учетом текущего состояния промышленного комплекса, ресурсных ограничений и внешних факторов влияния.

Управляющая подсистема представляет собой совокупность органов управления, реализующих функции планирования, организации, мотивации, стимулирования, контроля и регулирования процессов управления изменениями, позволяющие учитывать динамику внешней среды и адаптировать управленческие решения к изменяющимся условиям.

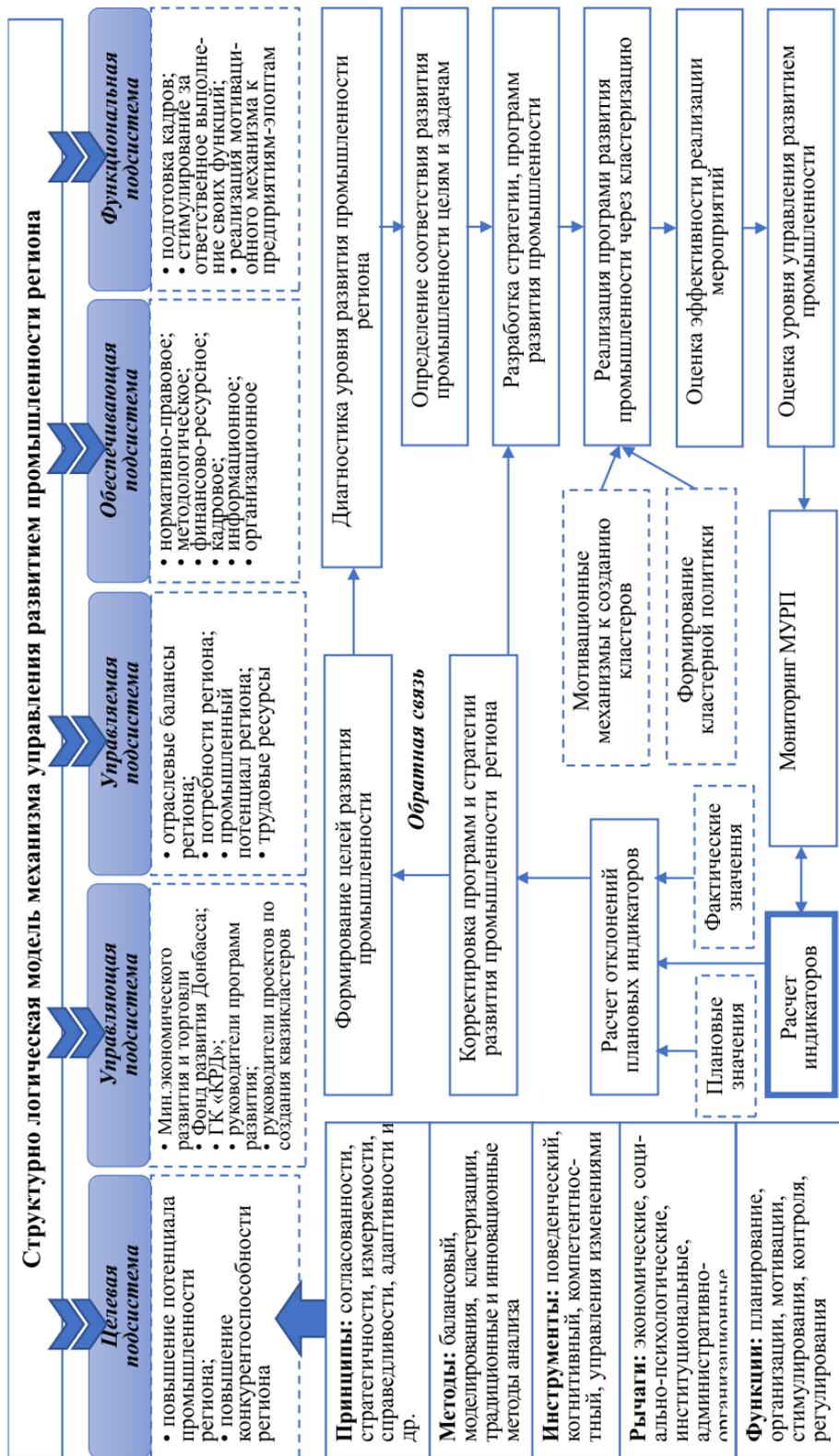

Рисунок 7 – Структурно логическая модель механизма управления развитием промышленности региона
 Источник: построено авторами.

Управляемая подсистема представляет собой объект управления – промышленный комплекс региона, характеризующийся сложной структурой и включающий в себя различные отрасли и предприятия. В рамках данной подсистемы осуществляется мониторинг фактических значений ключевых показателей развития промышленности, сопоставление их с плановыми значениями, анализ отраслевых балансов, выявление потребностей региона и оценка промышленного потенциала.

Функциональная подсистема обеспечивает реализацию ключевых процессов управления развитием промышленности региона, включающих в себя диагностику текущего состояния, формирование целей и задач, разработку и реализацию стратегий и программ, формирование кластерной политики и мониторинг ее эффективности. Важным элементом является формирование системы обратной связи, позволяющей на основе анализа результатов мониторинга своевременно корректировать управленческие решения и адаптировать стратегию развития к изменяющимся условиям внешней среды.

Обеспечивающая подсистема формирует необходимые условия для эффективного функционирования механизма управления с учетом нормативно-правового, методологического, финансово-ресурсного, кадрового, информационного и организационного обеспечения. В качестве субъектов управления выступают органы государственной власти, фонды развития, корпорации развития и руководители программ и проектов.

► Литература

1. Лепя, Р.Н. Генезис понятия «развитие промышленности»: теоретические основы и практическая имплементация теории систем. / Р.Н. Лепя, М.В. Савченко, Р.Ю. Заглада. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономических исследований. – 2024. – № 4(36). – С. 29-44.

Предложенная модель позволяет систематизировать процессы управления развитием промышленности региона, акцентируя внимание на необходимости целенаправленной кластерной политики и создании стимулов для коллаборации промышленных предприятий и других участников квазикластеров.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Таким образом, проведенное исследование позволило обосновать концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона.

Разработана структурно-логическая модель, систематизирующая основные подсистемы и процессы управления, акцентирующая внимание на необходимости системного подхода и согласованности действий различных субъектов. Особое внимание уделено формированию целенаправленной кластерной политики, направленной на создание благоприятных условий для кооперации промышленных предприятий и стимулирование инновационной активности.

Подчеркнута необходимость формирования целенаправленной кластерной политики, стимулирующей кооперацию промышленных предприятий, а также обоснована перспективность использования квазикластеров в качестве инструмента восстановления и развития промышленности новых регионов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой практических механизмов и инструментов реализации предложенного механизма управления развитием промышленности региона.

► References

1. Lepa R.N., Savchenko M.V., Zaglada R.Yu. (2024). Genesis of the concept "industry development": theoretical foundations and practical implementation of systems theory. Vestnik of Institute of Economic Research, 4 (36), 29-44. [In Russian]

2. Turgel, I.D. Resilience, robustness and adaptivity: large urban Russian federation regions during the COVID-19 crisis / I.D. Turgel, O.A. Chernova, A.A. Usoltceva. – Текст : непосредственный // Area Development and Policy. – 2021. – Vol. 7 (3). – P. 1-23. – DOI: 10.1080/23792949.2021.1973522
3. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. Гегель; Вступ. статья Е. Ситковского. – Т.1. – М.: Мысль, 1974. – 452 с. – Текст : непосредственный.
4. Чаленко, А.Ю. О неопределенности термина «механизм» в экономических исследованиях / А.Ю. Чаленко. – Текст : электронный // Капитал страны. – 2010. – 25 марта. – URL: <http://Kapital.rus.ru/articles/article/176697>
5. Бурков, В.Н. Механизмы управления эколого-экономическими системами / В.Н. Бурков, Д.А. Новиков, А.В. Щепкин; под ред. акад. С.Н.Васильева. – М.: Физматлит, 2008. – 244 с. – Текст : непосредственный.
6. Алексеев, В.М. Управление прибылью предприятия: основные задачи / В.М. Алексеев, М.С. Алексеева. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2016. – № 23 (127). – С. 198-200. – URL: <https://moluch.ru/archive/127/35268/>
7. Круглова, Н.Ю. Стратегический менеджмент / Н.Ю. Круглова, М.И. Круглов. – М.: Изд-во РДЛ, 2003. – 464 с. – Текст : непосредственный.
8. Барлукова, А.В. Механизм управления как неотъемлемый элемент системы управления туризмом / А.В. Барлукова. – Текст : непосредственный // Известие ИГЭА. – 2010. – № 6 (74). – С. 121-124.
9. Мескон, М.Х. Основы менеджмента / М.Х. Мескон, Ф.В. Хедоури. – М.: Вильямс, 2017. – 672 с. – Текст : непосредственный.
10. Симкин, Д.Г. Некоторые особенности развития организационно-экономического механизма управления регионом / Д.Г. Симкин. – Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. – 2009. – № 8 (102). – С. 88–92.
11. Мишин, В.М. Исследование систем управления / В.М. Мишин. – М.: ЮНИТИ, 2003. – 527 с. – ISBN 5-238-00566-0. – Текст : непосредственный.
12. Адизес, И.К. Управляя изменениями / И.К. Адизес; пер. с англ. В. Кузин. – СПб.: Печатный двор им. А. М. Горького, 2008. – 221 с. – ISBN 978-5-91180-486-2. – Текст : непосредственный.
13. Омаров, А.М. Социальное управление: некоторые вопросы теории и практики / А.М. Омаров. – М.: Мысль, 1980. – 272 с. – Текст : непосредственный.
2. Turgel I.D., Chernova O.A., Usoltceva A.A. (2021). Resilience, robustness and adaptability: large urban Russian federation regions during the COVID-19 crisis. Area Development and Policy, 7 (3), 1-23. <https://doi.org/10.1080/23792949.2021.1973522>
3. Hegel G. (1974). Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 volumes. Moscow: Mysl. [In Russian]
4. Chalenko A.Yu. (2010). On the Uncertainty of the Term "Mechanism" in Economic Research. Capital of the Country. [In Russian] <http://Kapital.rus.ru/articles/article/176697>
5. Burkov V.N., Novikov D.A., Shchepkin A.V. (2008). Mechanisms for Managing Ecological and Economic Systems. Moscow: Fizmatlit. [In Russian]
6. Alekseev V.M., Alekseeva M.S. (2016). Enterprise profit management: main tasks. Young scientist, 23 (127), 198-200. [In Russian] <https://moluch.ru/archive/127/35268/>
7. Kruglova N.Yu., Kruglov M.I. (2003). Strategic management. Moscow: RDL Publishing House. [In Russian]
8. Barlukova A.V. (2010). Management mechanism as an integral element of the tourism management system. Bulletin of the Institute of State Economics and Economics, 6 (74), 121-124. [In Russian]
9. Meskon M.Kh., Khedouri F.V. (2017). Fundamentals of Management. Moscow: Williams. [In Russian]
10. Simkin D.G. (2009). Some Features of the Development of the Organizational and Economic Mechanism of Regional Management. Bulletin of OSU, 8 (102), 88–92. [In Russian]
11. Mishin V.M. (2003). Research of Management Systems. Moscow: UNITY. [In Russian]
12. Adizes I.K., Kuzin V. (transl.). (2008). Managing Changes. St.Petersburg: Pechatny dvor im. A. M. Gorky. [In Russian]
13. Omarov A.M. (1980). Social Management: Some Issues of Theory and Practice. Moscow: Mysl. [In Russian]

14. Гончаров, А.Ю. Механизм управления сбалансированным развитием регионов с доминирующими видами экономической деятельности / А.Ю. Гончаров, Н.В. Сироткина. – Текст : непосредственный // Технология текстильной промышленности. – 2015. – № 4. – С. 35-42.
15. Лафта, Дж.Н. Менеджмент: учеб. пособие / Дж.Н. Лафта. – М.: ТК Велби, 2005. – 592 с. – ISBN 5-98032-417-8. – Текст : непосредственный.
16. Кузнецов, В.П. Методологические аспекты корпоративного управления: монография / В.П. Кузнецов, Д.Н. Лапаев. – Н. Новгород: Изд-во ВГИПУ, 2011. – 307 с. – Текст : непосредственный.
17. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор; пер. с англ. А.И. Зак. – М.: Журнал «Контроллинг», 1991. – 104 с. – Текст : непосредственный.
18. Новиков, Д.А. Механизмы управления конструктор для управленцев / Д.А. Новиков. – Текст : непосредственный // Управленческое консультирование. – 2011. – № 3. – С. 5-16.
19. Рыкунов, В.И. Основы управления: Многоаспектный подход: монография / В.И. Рыкунов. – М.: Изограф, 2000. – 111 с. – Текст : непосредственный.
20. Коротков Э.М. Концепция менеджмента: учебное пособие / Э.М. Коротков. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 216 с. – Текст : непосредственный.
21. Ломакин, М.И. Оценка инновационного потенциала сотрудника проектной группы предприятия / М.И. Ломакин, Р.А. Ниязов. – Текст : непосредственный // Наука и бизнес: пути развития. – 2013. – № 11(29). – С. 95–99.
22. Евсеева, С.А. Анализ подходов к определению сущности механизма управления / С.А. Евсеева. – Текст : непосредственный // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 2(50). – С. 164–167.
23. Гринь, А.М. Организационно-экономический механизм управления вузом: монография / А.М. Гринь. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2006. – 380 с. – Текст : непосредственный.
24. Зеленцова Л.С. Механизм развития управления производством: монография / Л.С. Зеленцова. – М.: ГАУ, 1993. – 130 с. – Текст : непосредственный.
25. Попов, С.А. Концепция актуального стратегического менеджмента для современных российских компаний: монография /
14. Goncharov A.Yu., Sirotkina N.V. (2015). Mechanism for Managing Balanced Development of Regions with Dominant Types of Economic Activity. Technology of the Textile Industry, 4, 35-42. [In Russian]
15. Lafta J.N. (2005). Management: a textbook. Moscow: TK Velby. [In Russian]
16. Kuznetsov V.P., Lapaev D.N. (2011). Methodological aspects of corporate management: monograph. Nizhniy Novgorod: VGIPU Publishing House. [In Russian]
17. Taylor F.W., Zak A.I. (transl.). (1991). Principles of scientific management. Moscow: Controlling Magazine. [In Russian]
18. Novikov D.A. (2011). Management mechanisms designer for managers. Management consulting, 3, 5-16. [In Russian]
19. Rykunov V.I. (2000). Fundamentals of management: Multidimensional approach: monograph. Moscow: Izograf. [In Russian]
20. Korotkov E.M. (1997). Management concept: textbook. Moscow: INFRA-M. [In Russian]
21. Lomakin M.I., Niyazov R.A. (2013). Evaluation of the Innovative Potential of an Employee of an Enterprise's Project Group. Science and Business: Development Paths, 11(29), 95–99. [In Russian]
22. Evseeva S.A. (2014). Analysis of Approaches to Defining the Essence of the Management Mechanism. Problems of the Contemporary Economy, 2(50), 164–167. [In Russian]
23. Grin A.M. (2006). Organizational and Economic Mechanism of University Management: monograph. – Novosibirsk: Publishing House of NSTU. [In Russian]
24. Zelentsova L.S. (1993). The mechanism of production management development: monograph. Moscow: GAU. [In Russian]
25. Popov S.A. (2020). The concept of relevant strategic management for modern

С.А. Попов. – М.: Юрайт, 2020. – 223 с. – Текст : непосредственный.

26. Jaques, E. Requisite Organization: A Total System for Effective Managerial Organization and Managerial Leadership for the 21st Century / E. Jaques. – London: Routledge, 2017. – 290 p. – Текст : непосредственный.

27. Новиков, Д.А. Введение в теорию управления образовательными системами / Д.А. Новиков. – М.: Эгвес, 2009. – 156 с. – Текст : непосредственный.

28. Бурков, В.Н. Механизмы функционирования организационных систем / В.Н. Бурков, В.В. Кондратьев. – М.: Наука, 1981. – 384 с. – Текст : непосредственный.

29. Тихомиров, Ю.А. Право и социальное управление в развитом социалистическом обществе / Ю.А. Тихомиров. – М.: Мысль, 1978. – 64 с. – Текст : непосредственный.

30. Садеков, А.А. Управление предприятием в условиях кризиса: монография / А.А. Садеков, В.В. Цурик. – Донецк: ДонГУЭТ, 2006. – 178 с. – Текст : непосредственный.

31. Кельчевская, Н.Р. Совершенствование механизма управления предприятием / Н.Р. Кельчевская, А.В. Скрипник. – Текст : непосредственный // Вестник УГТУ. – 2007. – № 4. – С. 29-34.

32. Сеялова, Г.С. Организационно-экономический механизм управления предприятиями: монография / Г.С. Сеялова. – Оренбург: ОГУ, 2006. – 139 с. – Текст : непосредственный.

33. Вершигора, Е.Е. Менеджмент: учебное пособие / Е.Е. Вершигора; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 283 с. – Текст : непосредственный.

34. Райзберг, Б.А. Управление экономикой / Б.А. Райзберг, Р.А. Фатхутдинов. – М.: ЗАО Бизнес-школа, Интел-Синтез, 1999. – 784 с. – Текст : непосредственный.

35. Менеджмент и самоменеджмент в системе рыночных отношений: учебное пособие / Ф.М. Русинов [и др.] / Под ред. Ф.М.Русинова. – М.: ИНФРА-М., 1996. – 352 с. – Текст : непосредственный.

36. Бухвальд, Е.М. Стратегическое планирование и новые ориентиры политики регионального развития в Российской Федерации / Е.М. Бухвальд, О.Н. Валентик. – Текст : непосредственный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 5. – С. 21–41.

37. Суздалева, Н.Н. Характеристика механизма управления региональной промышленной политикой / Н.Н. Суздалева. – Текст : непосредственный // Региональная и

Russian companies: monograph. Moscow: Yurait. [In Russian]

26. Jaques E. (2017). Requisite Organization: A Total System for Effective Managerial Organization and Managerial Leadership for the 21st Century. London: Routledge.

27. Novikov D.A. (2009). Introduction to the theory of educational systems management. Moscow: Egves. [In Russian]

28. Burkov V.N., Kondratyev V.V. (1981). Mechanisms of functioning of organizational systems. Moscow: Nauka. [In Russian]

29. Tikhomirov Yu.A. (1978). Law and social management in a developed socialist society. Moscow: Mysl. [In Russian]

30. Sadekov A.A., Tsurik V.V. (2006). Enterprise management in times of crisis: monograph. Donetsk: DonSUET. [In Russian]

31. Kelchevskaya N.R., Skripnik A.V. (2007). Improving the mechanism of enterprise management. Bulletin of USTU, 4, 29-34. [In Russian]

32. Seyalova G.S. (2006). Organizational and economic mechanism of enterprise management: monograph. Orenburg: OSU. [In Russian]

33. Vershigora E.E. (2000). Management: textbook. Moscow: INFRA-M. [In Russian]

34. Raizberg B.A., Fatkhutdinov R.A. (1999). Economic management. Moscow: ZAO Business School, Intel-Synthesis. [In Russian]

35. Rusinov F.M. (ed.). (1996). Management and self-management in the system of market relations. Moscow: INFRA-M. [In Russian]

36. Bukhwald E.M., Valentik O.N. (2015). Strategic planning and new guidelines for regional development policy in the Russian Federation. Economy: yesterday, today, tomorrow, 5, 21–41. [In Russian]

37. Suzdaleva N.N. (2024). Characteristics of the mechanism for managing regional industrial policy. Regional and sectoral

отраслевая экономика. Экономические науки. – 2024. – №11 (240). – С. 259-264.

38. Палкина, М.В. Организационно-экономический механизм управления развитием промышленного комплекса региона на основе инноваций / М.В. Палкина, С.Ю. Есин. – Текст : непосредственный // Вестник ФА. – 2010. – № 3. – С. 62-65.

39. Милуков, А.А. Региональный механизм управления устойчивым развитием промышленного предприятия / А.А. Милуков. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. – 2023. – Т. 14. – № 2. – С. 73–80. – DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-2-73-80

40. Экономическая и социальная политика: учеб.-метод. комплекс для подгот. магистров: [в 2 ч.] / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации; [авт. коллектив: Архангельский В.Н. и др.]; под общ. ред. Н.А. Волгина, В. И. Кушлина. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 560 с. – Текст : непосредственный.

41. Лепя, Р.Н. Квазикластеризация промышленности как необходимость восстановления и развития экономики новых регионов России / Р.Н. Лепя, М.В. Савченко, Р.Ю. Заглада. – Текст : непосредственный // Технико-технологические проблемы сервиса. – 2024. – № 70. – С. 74-82.

Для цитирования: Лепя, Р.Н. Концептуальные основы формирования механизма управления развитием промышленности региона / Р.Н. Лепя, М.В. Савченко, Р.Ю. Заглада // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 62-85.

economy. Economic sciences, 11 (240), 259-264. [In Russian]

38. Palkina M.V., Yesin S.Yu. (2010). Organizational and economic mechanism for managing the development of the regional industrial complex based on innovations. Bulletin of the Faculty of Economics, 3, 62-65. [In Russian]

39. Milyukov A.A. (2023). Regional mechanism for managing the sustainable development of an industrial enterprise. Bulletin of Samara University. Economics and Management, 2, 73–80. [In Russian] <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-2-73-80>

40. Volgin N.A., Kushlin V.I. (eds.). (2010). Economic and social policy: a teaching aid for masters. Moscow: RAGS Publishing House. [In Russian]

41. Lepa R.N., Savchenko M.V., Zaglada R.Yu. (2024). Quasi-clustering of industry as a necessity of restoration and development of the economy of new regions of Russia. Technical and technological problems of service, 70, 74-82. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 10.03.25

For citation: Lepa R.N., Savchenko M.V., Zaglada R.Yu. (2025). Conceptual basis for the formation of a mechanism for managing the development of regional industry. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 62-85. [In Russian]

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Белоброва Н.В. канд. экон. наук, старший научный сотрудник отдела моделирования экономических систем, ORCID 0000-0002-4984-9270, e-mail: belobrovanatali@mail.ru, Государственное бюджетное учреждение «Институт экономических исследований», г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация.

Аннотация. Формирование новой модели развития Российской Федерации, основанной на укреплении государственного и обеспечении технологического суверенитета, является необходимым условием обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, попавшей под беспрецедентное санкционное давление. В статье исследованы понятия технологического суверенитета в современных научных публикациях и основных нормативно-правовых актах,

посвященных вопросам достижения технологического суверенитета, предложены теоретико-методические подходы к его определению, определены ключевые составляющие сущности технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет; государственный суверенитет; научно-технологическая политика; технологии; теоретико-методические подходы.

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE DEFINITION

Belobrova N.V. Candidate of Economic Sciences, Senior Research Associate of the Department of Economic Systems Modeling, ORCID 0000-0002-4984-9270, e-mail: belobrovanatali@mail.ru, State-Funded Institution «Economic Research Institute», Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Abstract. The formation of a new model for the development of the Russian Federation based on strengthening state and technological sovereignty is a prerequisite for ensuring sustainable socio-economic development of the country, which has come under unprecedented sanctions pressure. The article examines the concepts of technological sovereignty in modern scientific publications and basic normative legal acts devoted to the achievement of technological sovereignty, suggests theoretical and

methodological approaches to its definition, and identifies the key components of the essence of technological sovereignty.

Keywords: technological sovereignty; state sovereignty; scientific and technological policy; technologies; theoretical and methodological approaches.

► **Введение.** Геополитическая напряженность, санкции и вспышки конфликтов в различных регионах, вызванные рядом причин, среди которых рост

©Н.В. Белоброва, 2025

потребностей общества на фоне дефицита природных ресурсов; территориальные споры; идеологические разногласия и национализм; неэффективность международных организаций; экономическое неравенство приводят к разрыву партнерских взаимоотношений, цепочек создания ценности и логистических связей, потере рынков сбыта, транспортной блокаде, а также к дипломатической и политической изоляции территорий и стран. Изоляция и санкции, в свою очередь, приводят к критической технологической зависимости от других стран в стратегически важных отраслях экономики, приостановке деятельности целого ряда производств.

Широкое распространение цифровых технологий, искусственного интеллекта, технологий 5G способствовали переосмыслению инструментов экономической политики, а также подходов к обеспечению национальной безопасности. Отстаивание позиций государственного суверенитета осуществляется комплексно по разным направлениям: технологии, финансы и инвестиции, инфраструктура, знания и компетенции, наука и образование, государственная идеология, стратегические решения, формы взаимодействия государств. Поскольку доступ к современным технологиям в настоящее время имеет ключевое значение для независимого развития любого государства, правительства ряда стран анонсированы и введены в действие ряд проектов по формированию и укреплению государственного технологического суверенитета. Достижение технологического суверенитета как одного из ключевых условий обеспечения национальной безопасности

и устойчивого социально-экономического развития страны является первостепенной задачей для большинства государств.

Беспрецедентные санкционные ограничения, резко усилившиеся с началом специальной военной операции в 2022 г., способствовали переосмыслению приоритетов развития и направлений трансформации экономики Российской Федерации, в первую очередь ее промышленного комплекса. Президент В.В. Путин акцентировал необходимость перехода России к суверенной экономике – к экономике предложения, предполагающей масштабное наращивание производительных сил и сферы услуг, собственного производства, освоение внутреннего национального рынка, укрепление инфраструктурной сети¹. Укрепление технологического суверенитета, подготовка кадров, обладающих современными компетенциями для науки и производства, широкое внедрение отечественных цифровых решений является необходимым условием для достижения национальных целей – повышения устойчивости экономики, реализации качественно новой динамики отраслей². В свою очередь, для укрепления технологического суверенитета крайне важна поддержка отечественной науки, перспективных стартапов, широкое внедрение инноваций на производствах.

► **Обзор литературы.** Проблемы достижения, обеспечения и измерения технологического суверенитета как на макро-, так и на микроуровне, активно обсуждаются учеными и практиками, исследователями и государственными деятелями.

¹ Совещание по экономическим вопросам. Владимир Путин по видеосвязи провел совещание по экономическим вопросам [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. – 2024. – 27 апр. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73951> (дата обращения: 25.02.2025).

² Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета по направлениям социально-экономического развития [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. – 2024. – 29 мая. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74162> (дата обращения: 25.02.2025).

А. А. Афанасьев, определяя существенные черты технологического суверенитета, обосновывает пути интеграции категории «технологический суверенитет» в систему современного научного знания. В соответствии с авторской трактовкой его сущность состоит в беспрепятственной реализации национальных интересов в техносфере с учетом существующих и перспективных угроз, а критерием достижения технологического суверенитета выступает независимое устойчивое развитие страны в техносфере как единстве науки, техники и технологии [1].

Рассматривая концептуальные основы технологического суверенитета и практические аспекты его обеспечения, Т.Р. Гареев отмечает, что обеспечение технологического суверенитета носит вынужденный характер, связано с потерей экономической эффективности в краткосрочном периоде, но позволяет снижать риски экстерриториального институционального влияния в долгосрочной перспективе [2].

Т.В. Горячева и О.А. Мызрова подчеркивают, что достижение технологического суверенитета является основной задачей государственной экономической политики текущей реальности и обозримого будущего. Авторами предложена видовая характеристика суверенитетов, обеспечивающих построение модели суверенной экономики на основе достижения всеобщего суверенитета. На основе теоретического и эмпирического анализа сделаны предположения об уровне развития видовых суверенитетов в РФ [3].

В своем исследовании В.В. Иванов определяет новые цели и приоритеты научно-технологического развития для обеспечения технологического суверенитета. Автор позиционирует науку как ведущую производительную силу, обеспечивающую развитие, глобальную конкурентоспособность и безопасность страны, и подчеркивает, что новая научно-

техническая политика должна включать вопросы организации научных исследований и разработок, интеграции науки и образования, научной дипломатии, инновационного развития территорий [4].

Определяя факторы, обеспечивающие научно-технологический суверенитет, В.В. Земсков выделяет три сценария антисанкционного маневра России и основные риски при реализации каждого из них. Автор отмечает, что реализация механизма антикризисного маневра России будет способствовать поддержанию национальной экономики в устойчивом состоянии [5].

Согласно исследованию Н.П. Ездной и А.О. Абрамова, решение проблем обеспечения экономической безопасности непосредственно связаны с достижением технологического суверенитета. Исследователи подчеркивают, что достижение технологического суверенитета возможно за счет прогрессивных сдвигов в технологической структуре и развитии национальной технологической платформы [6].

Обосновывая необходимость новых подходов к формированию государственной научно-технологической политики, Е.Б. Ленчук подчеркивает необходимость экономизации технологий, ориентации научных исследований и разработок на нужды реального сектора экономики, активного использования инструментов стратегического планирования [7].

Подчеркивая необходимость реализации комплексного подхода к пониманию технологического суверенитета, Д.Н. Песков, А.Л. Силинг, К.Е. Потапов, Е.Н. Грибов определяют набор базовых критических технологий для его обеспечения и предлагают модель суверенного технологического развития государства, ее декомпозиция на отдельные отраслевые модели позволит определить приоритетные технологии, владение которыми необходимо для обеспечения незави-

симости и лидерства в рассматриваемой категории [8].

М.Н. Петров и Я.С. Филиппов исследуют существующие методологические подходы к определению понятия «технологический суверенитет». Авторы на основе анализа отечественного и зарубежного опыта реализации программ технологического суверенитета выделяют наиболее успешные модели по его созданию [9].

В работе Н.В. Правдиной представлена кумулятивная модель суверенизации индустрии, которая включает промышленный, технологический и цифровой суверенитет, а также предложен авторский подход к оценке потенциала суверенизации промышленности регионов [10].

Отмечая, что технологический суверенитет становится ключевым элементом национальной безопасности и конкурентоспособности национальной экономики, Е.В. Потапцева и В.В. Акбердина на основе анализа и обобщения существующих концепций развития национальной промышленности определяют содержание и формы реализации концепции технологического суверенитета государства. Авторами обосновано, что для РФ концепция технологического суверенитета является наиболее подходящей [11].

Предлагая индикатор для измерения научно-технологического суверенитета отрасли, В.К. Фальцман отмечает, что будущее неизбежное повышение научно-технологического суверенитета должно базироваться на упреждающем росте конкурентоспособности отечественной продукции, импортозамещения и несырьевого экспорта, а не на проявлениях кризисного шока [12].

О.С. Сухарев утверждает, что понятие технологического суверенитета имеет четкую предметную локацию и его достижение вряд ли будет возможно без суверенного развития финансов, суверенитета науки и образования. Автор приводит

правило роста суверенитета в теоретическом виде: темп роста новых отечественных технологий страны должен опережать разницу взвешенных темпов роста импортных и устаревающих отечественных технологий [13].

Рассматривая технологический суверенитет как часть инновационно-экономического суверенитета, А.И. Шинкевич и В.А. Шогенов обосновывают важность обеспечения технологического суверенитета научно-производственного предприятия и выделяют основные подходы к его обеспечению [14].

Р. Grant определяя технологический суверенитет как способность и свободу выбирать, генерировать или приобретать, а также применять, развивать и эксплуатировать в коммерческих целях технологии, необходимые для промышленных инноваций, отмечает, что научно-технический потенциал без соответствующей свободы разработки или использования приобретенных технологий является не более суверенным, чем полная свобода без возможности достижения таких целей [15].

J. Edler и коллектив исследователей Института системных и инновационных исследований Фраунгофера придерживаются позиции, что концепцию технологического суверенитета следует отличать от более широких концепций инновационного и экономического суверенитетов. В исследовании предложены критерии и методы, способные определить необходимость и степень европейского суверенитета в отношении ключевых технологий, и рекомендованы стратегии, позволяющие избежать односторонней зависимости в технологиях и повысить устойчивость государств к внешним потрясениям. Технологический суверенитет не подразумевает всеобъемлющей технологической автаркии, которая ставит под сомнение международное разделение труда или глобализацию и стремится обеспечить все технологии,

отнесенные к категории критически важных, а предполагает сохранение и поддержания собственных возможностей и избегания односторонней зависимости [16].

Подчеркивая роль промышленной политики в достижении необходимого уровня технологического суверенитета, группа ученых во главе с Francesco Crespi считают, что усилия по достижению технологической конкурентоспособности должны предприниматься в отдельных областях, которые считаются важными в соответствии с конкретными критериями. По их мнению, стратегическими являются области, которые тесно связаны с приоритетами в области устойчивого, цифрового и здорового общества [17].

C. March, I. Schieferdecker в своем исследовании обосновывают, что понятие технологического суверенитета непосредственно связано с понятиями политического и экономического суверенитета. Исследователи полагают, что научные исследования, образование и инновационная политика лежат в основе укрепления технологического суверенитета и обосновывают, что технологический суверенитет и международное сотрудничество не являются антагонизмами, а фактически взаимозависимы. Они придерживаются позиции, что международное сотрудничество имеет большое значение для достижения и поддержания технологического суверенитета [18].

Авторы едины во мнении, что технологический суверенитет является актуальной темой как для аналитических, так и для научных дискуссий. Вопросы формирования механизмов обеспечения технологического суверенитета, его составляющих, разработки методов его измерения обуславливают актуальность дальнейших исследований.

---

¹ Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах.) / Гл. ред. А.М. Прохоров. Изд. 3-е. – М.:

Цель данной статьи – на основе исследования понятия технологического суверенитета в современных научных публикациях и основных стратегических документах, посвященных технологическому суверенитету, выделить теоретико-методические подходы к его определению и ключевые составляющие его сущности.

► **Данные и методы.** При проведении исследования были использованы нормативно-правовые акты, информационные и аналитические материалы, представленные в научных трудах российских и зарубежных ученых. При работе над статьей использованы следующие методы: нормативный анализ, контент-анализ, сравнительный анализ, а также общенаучные методы исследования – синтез информации, индукция, дедукция.

► **Результаты исследования.** Государственный суверенитет (от нем. *souveränität*, от франц. *souveraineté* – верховная власть) определяется как верховенство и независимость государственной власти, проявляющиеся в соответствующих формах во внутренней и внешнеполитической деятельности государства. Данный термин в государственно-правовом смысле был впервые введен французским ученым Жаном Боденом еще в XVI в. Суть смыслового содержания понятия государственного суверенитета зависит от социально-классовой сущности государственной власти и общественного экономического строя¹. Суверенитет государственной власти внутри государства неразрывно связан с независимостью государства в международных отношениях.

В табл. 1 представлены основные определения понятия «технологический суверенитет».

Советская Энциклопедия, 1976. – Т. 25 Струнино – Тихорецк. – 600 с. (с. 26)

Технологический суверенитет: теоретико-методические подходы к определению

Таблица 1 – Основные определения понятия «технологический суверенитет»

№ п/п	Источник	Определение понятия «технологический суверенитет»
1	2	3
Академические исследования		
1. Технологический суверенитет как вектор геополитического развития государства		
1.	Н.П. Ездина, А.О. Абрамов [6]	Технологический суверенитет – способность национальной экономики обеспечить независимость от зарубежных технологий и соответственно стран, находящихся на вершине создания новых технологических принципов
2.	М.Н. Петров, Я.С. Филиппов [9]	Технологический суверенитет – основополагающий фактор геополитического развития государств в текущем столетии, являющийся производной когнитивного суверенитета и основанный на независимом, ресурсобеспеченном воспроизводстве национальной наукой и экономикой системообразующих знаний и технологий
3.	Edler, Jakob et al., Fraunhofer-Institut für System- und Innovationsforschung ISI [16]	Технологический суверенитет – способность государства или федерации государств предоставлять технологии, которые они считают критически важными для благосостояния, конкурентоспособности и своей дееспособности, а также иметь возможность разрабатывать их или получать из других областей экономики без односторонней структурной зависимости
4.	March С., Schieferdecker I. [18]	Технологический суверенитет – способность государства самостоятельно определять развитие и использование технологий и технологических инноваций, которые влияют на его политический и экономический суверенитет
2. Технологический суверенитет как вектор государственной научно-технологической политики		
1.	А.А. Афанасьев [1]	Технологический суверенитет – достигнутый уровень реальной независимости страны в областях науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов в техносфере с учетом существующих и перспективных угроз
2.	Т.Р. Гареев [2]	Технологический суверенитет – основанная на общих ценностях рамочная концепция, которая формирует государственную технологическую политику
3.	Т.В. Горячева, О.А. Мызрова [3]	Технологический суверенитет – это не изоляция экономики и государства в целом, а состояние, при котором обеспечивается высокий уровень национальной безопасности даже в условиях развития и углубленных интеграционных процессах
4.	В.В. Земсков [5]	Научно-технологический суверенитет – способность государства формировать условия для повышения уровня конкурентоспособности экономики, базирующиеся на использовании новых знаний в разработке прорывных технологий, обеспечивающих устойчивое экономическое и социальное развитие
5.	Е.Б. Ленчук [7]	Технологический суверенитет – способность обеспечивать себя критически важными технологиями, позволяющими полномасштабно решать социально-экономические задачи страны, повышать благосостояние и уровень конкурентоспособности и обороноспособности страны
6.	Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина [11]	Технологический суверенитет – способность государства или промышленного комплекса разрабатывать, внедрять и использовать свои технологические решения без зависимости от технологий, поставляемых извне

1	2	3
7.	Paul Grant [15]	Технологический суверенитет – это способность и свобода выбирать, генерировать или приобретать, а также применять, развивать и эксплуатировать в коммерческих целях технологии, необходимые для промышленных инноваций
8.	Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. [17]	Технологический суверенитет подразумевает не стремление к полной технологической независимости во всех стратегических областях, а необходимость развивать или сохранять в отношении ключевых технологий определенную степень автономии или, иными словами, как можно более низкий уровень структурной зависимости
3. Технологический суверенитет как стратегический вектор развития отрасли		
1.	В.В. Иванов [4]	Технологический суверенитет – способность экономики страны самостоятельно выпускать высокотехнологичную продукцию, необходимую для достижения стратегических целей государства
2.	Н.В. Правдина [10]	Технологический суверенитет – способность к замещению импортных, созданию и защите новых высоких, критических и сквозных технологий, используемых в промышленности; к замещению импортных и созданию прочих ключевых технологий
3.	Д.Н. Песков, А.Л. Силинг, К.Е. Потапов, Е.Н. Грибов [8]	Технологический суверенитет – это фундаментальная устойчивость, дополнительный эквивалент стоимости. Его достижение дает возможность государству перейти к инновационной модели экономического роста, а также обеспечить развитие и эффективное функционирование производственных систем
4.	В.К. Фальцман [12]	Технологический суверенитет – способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счет ее импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счет поступлений от реализации собственного экспорта
5.	В.П. Чичканов, О.С. Сухарев [13]	Технологический суверенитет – независимость от иностранных (импортных) технологий, выраженная в уменьшении их числа в общем объеме применяемых отечественных технологий для конкретного объекта, с которым связан определенный класс технологий
6.	А.И. Шинкевич, В.А. Шогенов [14]	Технологический суверенитет – способность государства располагать технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности как регионов, так и предприятий
Практические/аналитические наблюдения		
1.	В.В. Путин, Президент РФ ^{1,2}	Технологический суверенитет не означает собственный выпуск всех товаров и услуг, это невозможно ни для одной страны в мире, да и не нужно, мы к этому не стремимся. Речь о том, чтобы иметь свои решения по критически важным направлениям. При этом нужно выстраивать надежные кооперационные цепочки, технологические партнерства, здесь мы рассчитываем на сотрудничество с коллегами из дружественных стран. Основа для повышения устойчивости экономики, достижения качественно новой динамики отраслей

¹ Путин: технологический суверенитет не означает выпуск страной всех товаров и услуг [Электронный ресурс] . – 2023. – 16 июн. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/18038927> (дата обращения: 20.02.2025).

² Заседание Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета по направлениям социально-экономического развития [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. – 2024. – 29 мая. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74162> (дата обращения: 25.02.2025).

Технологический суверенитет: теоретико-методические подходы к определению

Окончание табл. 1

1	2	3
2.	Д.Н. Песков, спецпредставитель Президента РФ по вопросам технологического развития ¹	Технологический суверенитет – фундаментальная устойчивость, дополнительный эквивалент стоимости. Технологический суверенитет – это не изоляция. Это сильная переговорная позиция при выстраивании альянсов с другими странами
3.	Виктор Евтухов, статс-секретарь – заместитель министра промышленности и торговли России ²	Технологический суверенитет – это производство критически важных товаров – продуктов, лекарств, комплектующих – на своей территории, это обеспечение всех видов безопасности, в том числе экологической, энергетической и информационной. Это обеспечение транспортной связанности внутри страны и построение нового поколения транспортных логистических коридоров со странами Азии – речь о Северном морском пути и Южном транспортном коридоре, флот для обслуживания, которых мы строим. И, конечно, это создание собственных технологий
4.	О.В. Морозов, Председатель Комитета Государственной Думы по контролю ³	Технологический суверенитет – это, в первую очередь, люди, которые воспитаны так, что каждый на своем месте обеспечивает этот технологический суверенитет: от слесаря до академика. Вторых, сбалансированное развитие науки, производства и образования. Но всё это требует формирования экосистемы обеспечения технологического суверенитета.
5.	А.М. Бабаков, Заместитель Председателя Государственной Думы РФ, вице-спикер ⁴	Суверенитет – это не изоляция, это формирование такой модели, при которой нам мало кто может указывать. Суверенитет означает, что Россия имеет возможность строить свою собственную экономику, которая может предложить максимум потребления для внутреннего рынка, при этом, не мешая развитию других стран и сообществ

В настоящее время научные исследования в области технологического суверенитета ведутся в следующих направлениях:

исследования по уточнению содержания понятия «технологический суверенитет» [1-18];

исследования по определению факторов, влияющих на достижение технологического суверенитета [2; 4-9; 14];

исследования по измерению уровня технологического суверенитета [10; 12; 13].

Эксперты и представители власти сходятся во мнении, что технологический суверенитет ни в коем случае не предполагает изоляцию и собственный выпуск всех товаров и услуг. Необходимо достичь технологического суверенитета на основе сбалансированного развития

¹ Дмитрий Песков «Остров Россия». Спецпредставитель президента о новой цифровой стратегии [Электронный ресурс]. – 2022. – 09 июн. – URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 25.02.2025).

² Технологический суверенитет – это история не только про критические, но и про опережающие технологии. Статс-секретарь – заместитель министра промышленности и торговли России Виктор Евтухов – об условиях достижения технологического суверенитета [Электронный ресурс]. – 2023. – 11 июл. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6081958> (дата обращения: 25.02.2025).

³ Олег Морозов: Обеспечение технологического суверенитета страны – это вопрос системный, требующий сбалансированного развития и науки, и производства, и образования [Электронный ресурс] // Комитет Государственной думы по контролю: офиц. сайт. – 2023. – 11 апр. – URL: <http://komitetcontrol.duma.gov.ru/novosti/7508c20b-1049-401a-a988-f40bfd5f7c> (дата обращения: 25.02.2025).

⁴ В Госдуме рассказали, как добиться экономического суверенитета. Бабаков: суверенитет может создаваться и за счет развития производства в России [Электронный ресурс]. – 2024. – 16 март. – URL: <https://ria.ru/20240316/suverenitet-1933410551.html> (дата обращения: 15.02.2025).

науки, производства и образования в тех сферах экономики, которые обеспечивают устойчивость экономики страны в целом не исключая сотрудничество с дружественными странами.

Исследователи выделяют различные подходы к определению сущности технологического суверенитета (табл. 2).

Таблица 2 – Анализ научных подходов к определению сущности технологического суверенитета

№ п/п	Авторы научного подхода	Суть научного подхода	Характеристика
1	2	3	4
1.	Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина [11]	<p>Определяют три подхода:</p> <p>1-й подход – обеспечение национальной безопасности, основывается на управлении цифровыми данными;</p> <p>2-й подход – повышение конкурентоспособности национальной экономики, основывается на стимулировании инновационной активности промышленного сектора;</p> <p>3-й подход – националистическая концепция технологической автономии, предусматривает радикальные меры для обеспечения технологической независимости</p>	<p>Принимают во внимание аспекты обеспечения национальной безопасности, может привести к ограничению свободы предпринимательства.</p> <p>Не учитывается важность сотрудничества и кооперации с партнерами в сфере трансфера знаний и технологий</p>
2.	С.Н. Гриневская [19]	<p>Выделяет следующие подходы с акцентом на:</p> <ul style="list-style-type: none"> – стратегические промышленные технологии с высокой добавленной стоимостью; – инновационную составляющую промышленной политики; – внедрение новейших промышленных технологий; – цифровизацию промышленного сектора 	<p>Акцент на техносферу.</p> <p>Не учитывается необходимость защиты технологий, важность сотрудничества и кооперации с партнерами в сфере трансфера знаний и технологий</p>
3.	А.А. Афанасьев [20]	<p>Представляет сущность технологического суверенитета в следующих ракурсах:</p> <ul style="list-style-type: none"> – экономико-теоретическом; – системно-безопасностном; – институциональном; – производственном; – промышленно-политическом; – критериально-оценочном 	<p>Не учитывается важность сотрудничества и кооперации с дружественными государствами в сфере трансфера знаний и технологий</p>
4.	А.А. Егорова, И.А. Данилов, И.П. Довбий [21]	<p>С учетом эволюционного подхода предлагают рассматривать с двух сторон:</p> <p>1-я – как часть национального, которая сводится к беспрепятственной реализации всего комплекса государственных интересов, обеспечивающих базовые потребности населения;</p> <p>2-я – как категорию, включающую отношения в сферах национальной, экономической и технологической безопасностей</p>	<p>Принимаются во внимание безопасностные аспекты и реализация государственных интересов.</p> <p>Не берет в расчет зависимость от технологий по конкретным видам деятельности и отраслям, важность сотрудничества и кооперации с партнерами в сфере трансфера знаний и технологий.</p>

На основе анализа исследованных научных публикаций предложены следующие теоретико-методические подходы к определению сущности технологического суверенитета:

1) *технологический суверенитет как вектор геополитического развития государства*. Достижение технологического суверенитета является ключевым условием для обеспечения национальной безопасности и экономического роста. Необходим баланс между обеспечением национальной безопасности и обороноспособности государства, достижением национальных целей и реализацией национальных интересов, и сотрудничеством с дружественными странами в области трансфера знаний и технологий;

2) *технологический суверенитет как вектор государственной научно-технологической политики*. Обеспечение технологического суверенитета определяет необходимость новых подходов к формированию научно-технологической политики, основной целью которой является обеспечение технологического лидерства. Сбалансированное развитие триады – наука, производство, образование – основной фактор развития государства и его способности эффективно противостоять как внешним, так и внутренним вызовам;

3) *технологический суверенитет как стратегический вектор развития отрасли*. Зависимость или независимость от импортных технологий можно рассматривать только конкретно для каждого типа технологий в рамках технологического направления или отраслей экономики. Развитие промышленности обеспечивается высокими технологиями на основе научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок и последующего их внедрения на субъектах промышленности конкретных отраслей. В первую очередь необходимо уделять внимание тем отраслям и видам деятельности, где имеется технологическое отставание и критическая зависимость от импортных технологий.

Понятие технологического суверенитета прописано в следующих нормативно-правовых документах стратегического планирования РФ^{1,2,3} (рис. 1).

В других стратегических документах закреплены следующие положения:

Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»⁴: технологическое лидерство как одна из национальных целей развития для укрепления

¹ Российская Федерация. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 №145 [опубликован 28.02.2024 г.] [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов : офиц. сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 25.01.2025).

² Российская Федерация. Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 №1315 [опубликован 25.05.2023 г.] [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов : офиц. сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050> (дата обращения: 25.01.2025).

³ Российская Федерация. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации:

указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 [опубликован 11.10.2019 г.] [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов : офиц. сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=1> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ Российская Федерация. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 [опубликован 07.05.2024 г.] [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов : офиц. сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 25.01.2025).

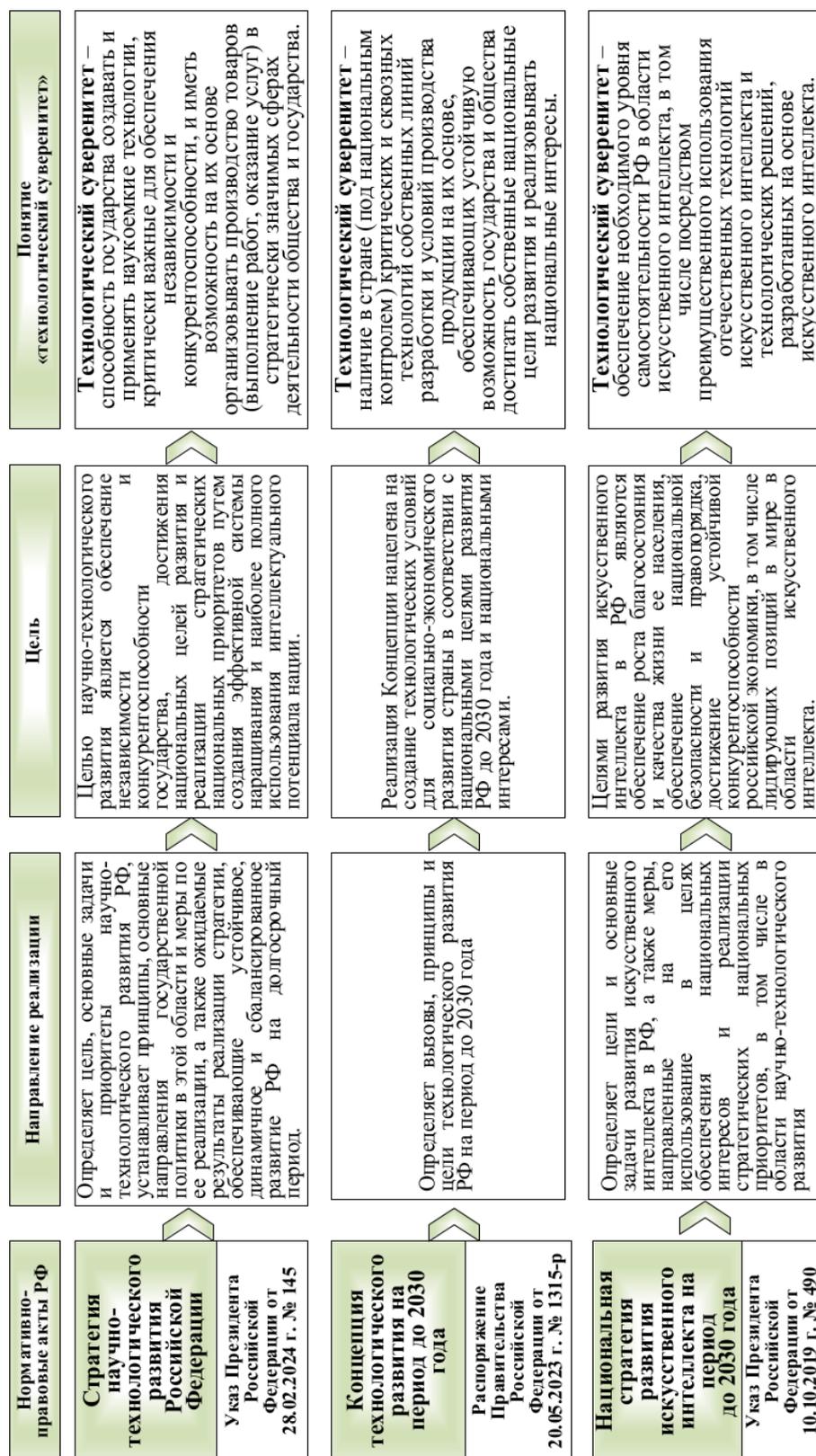

Рисунок 1 – Определение технологического суверенитета в нормативно-правовых актах РФ

Источник: разработано автором.

государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета.

*Стратегия национальной безопасности Российской Федерации*¹: защита суверенитета, независимости и устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе являются национальными интересами РФ на современном этапе.

*Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы*²: обеспечение национальных интересов при развитии информационного общества осуществляется путем формирования новой технологической основы для развития экономики и социальной сферы; обеспечение технологической и производственной независимости и информационной безопасности является необходимым условием устойчивого функционирования информационной инфраструктуры РФ.

*ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»*³: обеспечение технологической независимости национальной экономики является одной из основных задач промышленной политики.

На основе анализа представленных определений технологического суверенитета в нормативно-правовых актах РФ можно отметить следующее: подчеркивается ведущая роль государства в разработке и освоении новых технологий; акцентируется внимание на достижении национальных целей развития и национальных интересов и контроле

государства над критическими и сквозными технологиями.

Как отмечают некоторые исследователи постоянные уточнения и дополнения понятия «технологический суверенитет» в нормативно-правовых документах формируют институциональную нестабильность, затрудняют процессы долгосрочного планирования и эффективной реализации государственной политики [22; 23]. Однако, понятие технологического суверенитета становится более структурированным и комплексным, отражает необходимость адаптации к новым вызовам и изменяющимся внутренним и внешним условиям.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Таким образом, технологический суверенитет является сложным и многогранным понятием, которое трактуется по-разному в научной литературе под влиянием внешних и внутренних факторов и в зависимости от целей, стратегий, приоритетов развития, условий и механизмов обеспечения, а также позиции исследователя. Поэтому возникает необходимость в комплексном подходе к интерпретации понятия «технологический суверенитет».

Ключевыми составляющими сущности технологического суверенитета при комплексном подходе являются:

стратегическая направленность – обеспечивает национальную безопасность, обороноспособность государства и

¹ Российская Федерация. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [опубликован 03.07.2021 г.] [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов : офиц. сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 25.01.2025).

² Российская Федерация. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203

[опубликован 10.05.2017 г.] [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов : офиц. сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 25.01.2025).

³ Российская Федерация. О промышленной политике в Российской Федерации : федеральный закон от 31.12.2014 №488-ФЗ [Электронный ресурс] // Правительство России : офиц. сайт. – URL: <http://government.ru/docs/all/101573/> (дата обращения: 25.01.2025).

устойчивое развитие страны в долгосрочной перспективе;

сквозной характер – затрагивает все секторы национальной экономики;

индивидуальность подхода к достижению на основе потребностей и возможностей страны;

баланс между защитой своих национальных интересов и участием в мировых цепочках создания ценности;

позиционирование науки как ведущей производительной силы;

неразрывная взаимосвязь между научно-образовательным, научно-технологическим и промышленным потенциалом страны;

ориентация на развитие и сбережение интеллектуального потенциала нации;

возобновляемость как ресурса и непрерывность процесса обеспечения.

Процесс обеспечения технологического имеет ярко выраженный многоаспектный характер, что предполагает детальное рассмотрение значимости различных отраслей промышленности и вопросов формирования интеллектуального потенциала нации для его достижения. Учитывая высокую скорость возникновения, распространения и обновления технологий, процесс обеспечения технологического суверенитета является непрерывным.

► Литература

1. Афанасьев, А.А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания / А.А. Афанасьев. – Текст : электронный // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12. – № 9. – С. 2377–2394. – DOI: 10.18334/epp.12.9.116243. – URL: https://www.researchgate.net/publication/366465072_EKONOMIKA_PREDPRINIMATELSTVO_I_PRAVO_Tehnologiceskij_suverenitet_kak_nauchna_kategorija_v_sisteme_sovremennogo_znaniya (дата обращения: 02.02.2025).

2. Гареев, Т.Р. Технологический суверенитет: от концептуальных противоречий к практической реализации / Т.Р. Гареев. – Текст : электронный // Terra Economicus. – 2023. – № 21(4). – С. 38–54. – DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiceskiy-suverenitet-ot-kontseptualnyh-protivorechij-k-prakticheskoj-realizatsii> (дата обращения: 02.02.2025).

3. Горячева, Т.В. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России / Т.В. Горячева, О.А. Мызрова. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2023. – Т. 23, вып. 2. – С. 134–145. – DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145.

4. Иванов, В.В. Основные направления государственной политики обеспечения технологического суверенитета / В.В. Иванов. –

► References

1. Afanasev A.A. (2022). Technological sovereignty as a scientific category in the contemporary knowledge system. *Journal of economics, entrepreneurship and law*, 12(9), 2377–2394. [In Russian] <https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243>

2. Gareev T.R. (2023). Technological sovereignty: From conceptual contradiction to practical implementation. *Terra Economicus*, 21(4), 38–54. [In Russian] <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-4-38-54>

3. Goryacheva T.V., Myzrova O.A. (2023). The role and place of technological sovereignty in ensuring the Russian economy sustainability. *News of Saratov University. Economics. Management. Law*, 23(2), 134–145. [In Russian] <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145>

4. Ivanov V.V. (2024). The Main Directions of State Policy in Ensuring Technological Sovereignty. *Economics of*

Текст : непосредственный // Экономика науки. – 2024. – № 10(1). – С. 10-20. – DOI: 10.22394/2410-132X-2024-10-1-10-20.

5. Земсков, В.В. Научно-технологический суверенитет: новые вызовы и решения / В.В. Земсков. – Текст : электронный // Экономическая безопасность. – 2023. – Том 6. – № 4. – С. 1321-1334. – DOI: 10.18334/ecsec.6.4.118817. – URL: <https://1economic.ru/lib/118817> (дата обращения: 03.02.2025).

6. Ездина, Н.П. Экономическая безопасность и технологический суверенитет России в условиях внешних шоков / Н.П. Ездина, А.О. Абрамов. – Текст : электронный // Экономика и управление инновациями. – 2024. – № 3(30). – С. 89-96. – DOI: 10.26730/2587-5574-2024-3-89-96. – URL: <https://journals.kuzstu.ru/article/4480.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

7. Ленчук, Е.Б. Основные контуры научно-технологической политики России в условиях внешних ограничений / Е.Б. Ленчук. – Текст : электронный // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 3(77). – С. 16-24. – DOI: 10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24. – URL: <https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2023/09/%D0%95.%D0%91.%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D1%87%D1%83%D0%BA.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

8. Песков, Д.Н. Методические подходы к разработке модели суверенного технологического развития / Д.Н. Песков, А.Л. Силинг, К.Е. Потапов, Е.Н. Грибов. – Текст : электронный // Проблемы прогнозирования. – 2025. – № 1 (208). – С. 62-77. – DOI: 10.47711/0868-6351-208-62-77. – URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/01/podhody-k-razrabotke-modeli-suverenno-go-tehnologicheskogo-razvitiya.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).

9. Петров, М.Н. Технологический суверенитет: эволюция Российских и зарубежных экономических моделей / М.Н. Петров, Я.С. Филиппов. – Текст : электронный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т. 13. – № 5А. – С. 305-314. – DOI: 10.34670/AR.2023.38.40.116. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2023-5/b30-petrov-filippov.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

10. Правдина, Н.В. Потенциал суверенизации промышленности моноспециализированных регионов в условиях экономической нестабильности / Н.В. Правдина. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2024. – Т. 18. – № 2. – С. 52-64. – DOI: 10.14529/em240204.

11. Потапцева, Е.В. Технологический суверенитет: понятие, содержание и формы

Science, 10 (1), 10–20. [In Russian] <https://doi.org/10.22394/2410-132X-2024-10-1-10-20>

5. Zemskov V.V. (2023). Scientific and technological sovereignty: new challenges and solutions. *Economic security*, 6(4), 1321–1334. [In Russian] <https://doi.org/10.18334/ecsec.6.4.118817>

6. Ezdina N.P., Abramov A.O. (2024). Economic security and technological sovereignty of Russia in the conditions of external shocks. *Economics and Innovation Management*, 3(30), 89–96. [In Russian] <https://doi.org/10.26730/2587-5574-2024-3-89-96>

7. Lenchuk E.B. (2023). The Main Contours of the Russian Scientific and Technological Policy Within External Constraints. *Economic Revival of Russia*, 3(77), 16–24. [In Russian] <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-3-77-16-24>

8. Peskov D.N., Siling A.L., Potapov K.E., Gribov E.N. (2025). Methodical Approaches to the Elaboration of a Sovereign Technological Development Model. *Studies on Russian Economic Development*, 1(208), 62–77. [In Russian] <https://doi.org/10.47711/0868-6351-208-62-77>

9. Petrov M.N., Filippov Ya.S. (2023). Technological Sovereignty: evolution of Russian and foreign economic models. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 13(5A), 305–314. [In Russian] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.38.40.116>

10. Pravdina N.V. (2024). Industry sovereignty potential of monospecialized regions in conditions of instability. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*, 18 (2), 52–64. [In Russian] <https://doi.org/10.14529/em240204>

11. Potapptseva E.V., Akberdina V.V. (2023). Technological Sovereignty: Concept,

реализации / Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина. – Текст : непосредственный // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2023. – Т. 25. – № 3. – С. 5-16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1>.

12. Фальцман, В.К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения / В.К. Фальцман. – Текст : непосредственный // Современная Европа. – 2018. – № 3. – С.83-91. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320188391>.

13. Чичканов, В.П. Технологический суверенитет: способ измерения / В.П. Чичканов, О.С. Сухарев. – Текст : электронный // Экономические стратегии. – 2024. – № 1(193). – С. 62-69. – DOI: <https://doi.org/10.33917/es-1.193.2024.62-69>. – URL: <http://osukharev.com/images/art/04-04-2024.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

14. Шинкевич, А.И. Некоторые аспекты обеспечения технологического суверенитета научно-производственного предприятия / А.И. Шинкевич, В.А. Шогенов. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2023. – Т. 25. – № 1. – С. 23-27. – DOI: [10.37313/1990-5378-2023-25-1-23-27](https://doi.org/10.37313/1990-5378-2023-25-1-23-27).

15. Grant, P. Technological sovereignty: forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz / P. Grant. – Текст : электронный // Prometheus. – 1983. – Vol. 1. – No. 2. – P. 239-270. – DOI: [10.1080/08109028308628930](https://doi.org/10.1080/08109028308628930). – URL: <https://www.scienceopen.com/hosted-document?doi=10.1080/08109028308628930> (дата обращения: 05.02.2025).

16. Edler, J. Technology sovereignty: From demand to concept, Perspectives / J. Edler, K. Blind, R. Frietsch, S. Kimpeler, H. Kroll, C. Lerch, T. Reiss, F. Roth, T. Schubert, J. Schuler, R. Walz. – Текст : электронный. – Karlsruhe: FRAUNHOFER INSTITUTE FOR SYSTEMS AND INNOVATION RESEARCH ISI, 2020. – URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/233462/1/policy-brief-02-2020.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).

17. Crespi, F. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy / F. Crespi, S. Caravella, M. Menghini, C. Salvatori – Текст : электронный // Intereconomics. – 2021. – № 6. – P. 348-354. – DOI: [10.1007/s10272-021-1013-6](https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6). – URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2021/number/6/article/european-technological-sovereignty-an-emerging-framework-for-policy-strategy.html> (дата обращения: 05.02.2025).

18. March, C. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky / C. March,

Content, and Forms of Implementation. Journal of Volgograd State University. Economics, 25(3), 5–16. [In Russian] <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2023.3.1>

12. Faltsman V.K. (2018). Statistical Measurements of Russia's Technological Sovereignty. Contemporary Europe, 3, 83–91. [In Russian] <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320188391>

13. Chichkanov V.P., Sukharev O.S. (2024). Technological Sovereignty: Measurement Method. Economic strategies, 1(193), 62–69. [In Russian] <https://doi.org/10.33917/es-1.193.2024.62-69>

14. Shinkevich A.I., Shogenov V.A. (2023). Some aspects of ensuring the technological sovereignty of a scientific and production enterprise. Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 25(1), 23–27. [In Russian] <https://doi.org/10.37313/1990-5378-2023-25-1-23-27>

15. Grant P. (1983). Technological sovereignty: forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz. Prometheus, 1 (2), 239–270. <https://doi.org/10.1080/08109028308628930>

16. Edler J., Blind K., Frietsch R., Kimpeler S., Kroll H., Lerch C., Reiss T., Roth F., Schubert T., Schuler J., Walz R. (2020). *Technology sovereignty: From demand to concept*. Karlsruhe: FRAUNHOFER INSTITUTE FOR SYSTEMS AND INNOVATION RESEARCH ISI. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/233462/1/policy-brief-02-2020.pdf>

17. Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021). European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. Intereconomics, 6, 348–354. <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>

18. March C., Schieferdecker I. (2021). Technological Sovereignty as Ability, Not

Технологический суверенитет: теоретико-методические подходы к определению

- I. Schieferdecker. – Текст : электронный // CESifo Working Paper. – 2021. – № 9139. – <https://doi.org/10.2139/ssrn.3872378>. – URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/236681/1/cesifo1_wp9139.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
19. Гриневская, С.Н. Новые параметры экономики: технологический суверенитет в промышленности / С.Н. Гриневская. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные проблемы России. – 2024. – № 2(58). – С. 107-121. – DOI 10.31249/espr/2024/02.06.
20. Афанасьев, А.А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности и механизме достижения / А.А. Афанасьев. – Текст : непосредственный // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – №18-1. – С. 28-33.
21. Егорова, А.А. Технологический суверенитет: ретроспективный анализ и перспективы в условиях повышенной волатильности экономики / А.А. Егорова, И.А. Данилов, И.П. Довбий. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. – 2022. – № 12(470). – Вып. 79. – С. 33-44. – DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11205.
22. Потапцева, Е.В. Концепция технологического суверенитета в современной государственной политике России / Е.В. Потапцева, В.В. Акбердина, А.О. Пономарева. – Текст : электронный // AlterEconomics. – 2024. – № 21(4). – С. 818-842. – <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9>. – URL: <https://jet-russia.com/wp-content/uploads/2024/12/9-Potaptsseva-2024-4.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
23. Ленчук, Е.Б. Технологический суверенитет — новый вектор научно-технологической политики России / Е.Б. Ленчук. – Текст : электронный // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 3 (64). – С. 232-237. – DOI: 10.31737/22212264_2024_3_232-237. – URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2024-64-232-237r.pdf> (дата обращения: 05.02.2025).
- Autarky. *CESifo Working Paper*, 9139. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3872378>
19. Grinevskaya S.N. (2024). New economy parameters of the Donetsk People's Republic: technological sovereignty in industry. *Economic and Social Problems of Russia*, 2, 107–121. [In Russian] <https://doi.org/10.31249/espr/2024/02.06>
20. Afanasev A.A. (2023). Technological sovereignty: on the issue of the essence and mechanism of achieve. *Russia: trends and development prospects*, 18-1, 28-33. [In Russian]
21. Egorova A.A., Danilov I.A., Dovbii I.P. (2022). Evolution of the concept and characteristics of technological sovereignty: a retrospective analysis and prospects in conditions of increased volatility of the economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 12(470), 33-44. [In Russian] <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-11205>
22. Potaptsseva E.V., Akberdina V.V., Ponomareva A.O. (2024). The Concept of Technological Sovereignty in the State Policy of Contemporary Russia. *AlterEconomics*, 21 (4), 818–842. [In Russian] <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-4.9>
23. Lenchuk E.B. (2024). Technological sovereignty — a new trend in Russian scientific and technological policy. *Journal of the New Economic Association*, 3 (64), 232–237. [In Russian] https://doi.org/10.31737/22212264_2024_3_232-237

Статья поступила в редакцию 12.03.25

Для цитирования: Белоброва, Н.В. Технологический суверенитет: теоретико-методические подходы к определению / Н.В. Белоброва // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 86-101.

For citation: Белоброва Н.В. (2025). Technological sovereignty: theoretical and methodological approaches to the definition. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 86-101. [In Russian]

ФИНАНСОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В РОССИИ И МИРЕ¹

Бурлуцкий Б.В. канд. экон. наук, старший научный сотрудник, ORCID 0000-0001-7558-3309, e-mail: BogdanBurlutskij@gmail.com, ФГБНУ «Институт научно-технической информации», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация. Исследование посвящено анализу расходов на НИОКР, которые являются основными источниками таких патентоспособных результатов интеллектуальной деятельности, как изобретения. По тридцати трем государствам за период 2013-2022 годы проанализированы валовые внутренние расходы на исследования и разработки в процентах от ВВП и в денежном эквиваленте. Выявлено, что снижение этих расходов отрицательно влияет на изобретательскую активность. Однако рост этих расходов в 20 рассмотренных государствах сопровождался снижением изобретательской активности, что наряду с влиянием других, не учтенных в исследовании факторов, может свидетельствовать о том, что средства расходуются неэффективно. Предложен и апробирован показатель оценки

эффективности расходов на НИОКР. В рассмотренных странах ЕС (кроме Австрии и Италии) наряду со снижением изобретательской активности снижается и эффективность расходов на НИОКР. Белоруссия и Россия входят в пятерку государств-лидеров по эффективности расходов на НИОКР, несмотря на снижение этого показателя. Исследование способствовало выявлению 11 государств, опыт которых в сфере стимулирования изобретательской активности и сферы интеллектуальной собственности целесообразно изучить и использовать в России.

Ключевые слова: образование; изобретательская активность; интеллектуальная деятельность; анализ; эффективность; расходы на НИОКР.

FINANCIAL STIMULATION OF INVENTIVE ACTIVITY IN RUSSIA AND THE WORLD

Burlutsky B.V. Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, ORCID 0000-0001-7558-3309, e-mail: BogdanBurlutskij@gmail.com, Federal State Budgetary Scientific Institution «Institute of Scientific and Technical Information», Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Abstract. The study is devoted to the analysis of R&D expenditures, which are the main sources of such patentable intellectual

property results as inventions. Gross domestic expenditures on research and development as a percentage of GDP and in monetary

---

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения Государственного задания № 1023022200029-9-5.2.1.

terms were analyzed for thirty-three states for the period 2013-2022. It is revealed that the reduction of these costs has a negative effect on inventive activity. However, the increase in these costs in the 15 countries considered (including Russia) was accompanied by a decrease in inventive activity, which may indicate that funds are being spent inefficiently. An indicator for evaluating the effectiveness of R&D expenditures has been proposed and tested. In the reviewed EU countries (except Austria and Italy), along with a decrease in inventive activity, the efficiency of R&D spending is also decreasing. Belarus and Russia are among the top five countries in terms of efficiency of R&D spending, despite a decrease in this indicator. The study helped to identify 11 states whose experience in stimulating inventive activity and intellectual property is advisable to study and use in Russia.

Keywords: education; inventive activity; intellectual activity; analysis; efficiency; R&D expenses.

► **Введение.** Динамика конкуренции между государствами доказала, что успешное развитие любого государства в значительной степени зависит от того, насколько системно реализовано в нем предоставление гражданам всеобщего образования и стимулирование развития научной деятельности. Рост уровня образования и количества подготовленных специалистов для различных отраслей хозяйства дает возможность в пределах отдельного государства закрывать необходимые для его успешного существования компетенции, развивая все необходимые и потенциально возможные отрасли хозяйства. При этом как предоставление образования, так и проведение фундаментальных научных исследований, и внедрение достижений научно-технического прогресса требуют от государства и бизнеса вложений значительных ресурсов. В связи с чем возникает необходимость

используя различные абсолютные и относительные показатели, проанализировать отдачу, которую получают государства от вложений в научные исследования и разработки. Такой анализ способствует выявлению тех государств, опыт стимулирования интеллектуальной деятельности которых необходимо изучать в дальнейших исследованиях.

► **Обзор литературы.** Проблематике стимулирования изобретательства, формирования и развития сферы интеллектуальной собственности в России и мире уделяется большое внимание. Так, А.В. Кузнецов характеризует НИОКР как средство производства знаний, обеспечивающее переход на новый технологический уровень; рассматривает мировой опыт управления НИОКР и такие показатели, как абсолютные расходы на НИОКР, численность занятых в этой сфере и отношение расходов на НИОКР к ВВП [1, с. 19-21]; далее предлагая оценивать эффективность системы управления НИОКР путем сравнения вложений и результатов, не приводя конкретного статистического анализа, но указывая на сложность проведения этой оценки [1, с. 22, 34]. Отмечая тот факт, что получение результатов НИОКР возможно спустя длительное время, А.В. Кузнецов приводит доказательства того, что результативность науки в России снижается из-за неэффективного использования научных кадров, когда ученые уходят из НИИ в вузы и вынуждены проводить исследования в жестких временных рамках [1, с. 22-26, 33-34].

К.В. Корепанов, М.О. Дашкова, О.В. Майданник, Д.М. Куликов, С. С. Вьюнов, А.А. Литвинчук и А.А. Анисимова выявили закономерности при финансировании НИОКР в Российской Федерации и ряде зарубежных стран, при этом особое внимание уделялось как определению необходимых объемов, так и структуре финансирования (по источникам (средства государственного и предприни-

матерского секторов, средства научных фондов и научно-технологических агентств, кредиты и гранты), по видам работ (фундаментальные, прикладные исследования и научно-технические разработки) и по областям науки) в Великобритании, Германии, США, Китае, Японии, Индии и Российской Федерации [2, с. 661-662, 667-691]. При анализе расходов на НИОКР по отношению к ВВП авторы отмечают стабильность этого относительного показателя в разных странах, а рост абсолютных сумм объясняют ростом их экономик. Также авторы отмечают внимание в России, уделяемое обеспечению эффективности ресурсов, направляемых на НИОКР; приводят прямую взаимосвязь между проведением НИОКР и финансовыми показателями компаний, ростом производительности и доходов на душу населения, росту занятости и созданию квалифицированных рабочих мест; выбирая зарубежные страны для анализа закономерностей финансирования НИОКР, используют рейтинги изобретательской активности; анализируя источники финансирования НИОКР, отмечают низкую заинтересованность финансовых рынков и финансовых институтов инвестировать в НИОКР [2, с. 662-663, 665-666, 692]. Последний факт можно объяснить нацеленностью финансовых институтов на быстрый возврат вложенных средств, что, как правило, будет невозможно при высоких ставках на кредиты, а также длительных сроках и высоких рисках проведения многих научных исследований. Авторы использовали семь государств для анализа, но в рамках проведения исследования финансового стимулирования изобретательской активности для получения более полной картины целесообразно расширить перечень государств, включив в него такие страны, как Республика Корея, Бразилия, ЮАР, Франция, Австралия, Израиль и многие другие.

К.К. Карпушина и Е.В. Сумароков, как и группа рассмотренных выше исследователей, анализировали процесс финансирования НИОКР и рассматривали положительную роль инновационной политики в развитых и развивающихся странах. На примере компании «Яндекс» авторы выявили, что увеличение инвестиций в НИОКР способствует росту выручки в пропорции 1 к 5,49; по России отмечают ограниченность доступа к финансовым ресурсам и нехватку квалифицированных кадров при проведении НИОКР, а также низкую эффективность государственных НИОКР, но без приведения характеризующих ситуацию показателей [3, с. 262-265, 267-268].

Э.К. Омуров, рассматривая процесс финансирования НИОКР с целью инновационного развития экономики в государствах-членах ЕАЭС, провел анализ таких абсолютных показателей, как число организаций, выполнявших НИОКР, объемы внутренних затрат на НИОКР, численность персонала, занятого НИОКР [4, с. 413-418]. Особое внимание автор уделил Кыргызстану, отметив недостаток государственных ресурсов для НИОКР и, как следствие, необходимость привлечения внешних инвестиций, которые ограничены политической нестабильностью, коррупционными проявлениями при регистрации и ведении бизнеса [4, с. 419].

И.О. Крапивин, анализируя мировые тенденции финансирования НИОКР, отмечает текущие нестабильные условия финансирования НИОКР в России и насущную необходимость для бизнеса активнее синтезироваться с наукой, а также определяющую роль государственной поддержки НИОКР [5, с. 657-658, 663]. В работе автора при анализе использованы абсолютные показатели по 10 странам объемов финансирования НИОКР за период 2000-2019 гг., приводится относительный показатель удельного веса затрат на НИОКР по отношению к ВВП с

обоснованием необходимости его увеличения в России, отмечается лидерство России (после Китая, США и Японии) по численности занятых в науке [5, с. 658-661]. Автор исследует взаимосвязь затрат на НИОКР и патентных заявок на изобретения, однако сравнивая только места государств в списке затрат на науку и количестве патентных заявок на изобретения, не предлагает относительных показателей для сравнения [5, с. 662], что предлагается в данном исследовании.

Росту эффективности вложений в НИОКР также способствует стимулирование процесса коммерциализации прав на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) [6; 7, с. 4-5; 8, с. 74-75, 78; 9, с. 41, 43-44, 49-53]. Согласно исследованиям Н.Н. Цыкорина, С.В. Савина и А.Д. Мурзина в России сложилась ситуация, когда у большинства предприятий и субъектов РФ нет стремления проводить коммерциализацию прав на РИД и при этом также нет возможностей для массовой экспертно-аналитической помощи, например, за счет патентных поверенных [6, с. 63-64, 67, 69; 8, с. 74-77]. Поэтому исследователи С.В. Савин, А.Д. Мурзин, Е.Г. Курган и В.Г. Попов, К. Иманов свои работы направили на формирование и совершенствование системы интеллектуальной собственности в России [8; 10; 11] и Азербайджанской Республике [9].

Итак, для оценки эффективности вложений в НИОКР и анализа развития системы интеллектуальной собствен-

ности на практике используется ряд приведенных выше показателей: на макроуровне – затраты на НИОКР (в процентах от ВВП) и численность научных сотрудников, занимающихся различными видами работ в различных областях науки; на микроуровне – соотношение затрат на НИОКР с финансовыми показателями компаний, показателями производительности труда и показателями занятости. Учитывая результаты исследований, направленных на решение проблем поддержки интеллектуальной деятельности и ее оценку [1-12], можно отметить, что требуется дальнейшая разработка относительных показателей, характеризующих эффективность расходов, направленных на ее стимулирование.

Целью данного исследования является анализ эффективности расходов на НИОКР в России и мире для выявления тех государств, опыт которых в стимулировании изобретательской активности целесообразно исследовать в дальнейшем.

► **Данные и методы.** Исходные данные для проведения исследования: информация о численности населения различных стран¹, данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)², данные Группы Всемирного банка³, данные Федеральной службы государственной статистики⁴, данные Национального статистического комитета Республики Беларусь⁵, данные из статьи об

¹ Список стран, упорядоченных по численности населения [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/размер-населения-по-стране> (дата обращения: 30.05.2024)

² Gross domestic spending on R&D (indicator) // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития. Валовые внутренние расходы на НИОКР [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/gross-domestic-spending-on-r-d.html> (дата обращения: 10.07.2024)

³ GDP (constant 2015 US\$) // Сайт Группы Всемирного банка [Электронный ресурс]. – URL:

<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart> (дата обращения: 12.07.2024)

⁴ Наука, инновации и технологии / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849> (дата обращения: 05.07.2024)

⁵ Наука и инновации / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/> (дата обращения: 05.07.2024)

инновационной политике Индии [13, с. 373, 375], и данные Всемирной организации по интеллектуальной собственности (WIPO)¹.

При проведении исследования и рассмотрении основных факторов, влияющих на такой результат интеллектуальной деятельности, как изобретательская активность, использовались такие общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, логический подход.

Поскольку основным источником пригодных к патентованию результатов интеллектуальной деятельности (РИД) являются НИОКР, то логично предположить, что финансирование последних является одним из основных факторов, влияющих на изобретательскую активность. Факторы, не учтенные в исследовании: тип экономики и общий уровень развития науки и техники, различия в институциональной среде, фактор времени. Для частичного снижения влияния фактора времени, когда расходы на НИОКР могут дать результаты спустя годы, в исследовании был использован 10-летний промежуток времени анализа (2013-2022 гг.) и понимание того факта, что финансирование НИОКР в различных государствах является относительно ВВП стабильной величиной [2, с. 666].

Для исследования связи расходов на НИОКР с изобретательской активностью использовался горизонтальный и сравнительный анализ, когда динамика расходов на НИОКР (в % от ВВП и млрд. долл. США) по 33 государствам за 2013-2022 гг. сравнивалась с темпами прироста изобретательской активности за этот период времени.

Для исследования эффективности финансирования НИОКР использовался горизонтальный, сравнительный и коэффициентный анализ, когда внутренние

расходы на исследования и разработки по 33 государствам за 2013-2022 гг. соотносились с количеством поданных заявок на изобретения (без иностранных заявителей) за рассматриваемый период времени.

► **Результаты исследования.** Технически сложный мир, который нас окружает предъявляет высокие требования к образованию тех специалистов, которые разрабатывают и обслуживают устройства, используемые нами в повседневности. Эти специалисты насыщают исследовательские и конструкторские коллективы. Поэтому, понимая важность сохранения и развития потенциала научного сообщества России, вопросам эффективного использования научных кадров уделяют внимание отмеченные выше исследователи [1, с. 22, 24-26, 28, 33; 3, с. 267; 4, с. 415-417]; В. И. Авилова в своей работе раскрывает проблемы подготовки инженеров-новаторов, востребованных бизнес-сообществом [7]; А. Г. Лычагина, проводя исторический анализ связи технологического образования с производством, уделяет внимание проблемам профессиональной подготовки личности, готовой к творческому преобразованию полученных научных знаний [12, с. 280-285].

При проведении фундаментальных научных исследований, требующих больших ресурсов и обеспечивающих появление прорывных технологий в науке и технике, роль главного спонсора и заказчика часто выполняет государство. Причина в том, что такие исследования часто ресурсоемки (как по финансам, так и по длительности исследований), а значит окупаться будут через такие промежутки времени, которые большинство предприятий (особенно малого и среднего бизнеса) не могут себе позволить, а с текущими высокими ставками кредитования в России исследования не будут рентабельными [1, с. 18, 22; 2, с. 692; 3, с. 267; 5, с. 657; 7,

---

¹ WIPO IP Statistics Data Center // Сайт Всемирной организации по интеллектуальной собственности. Центр обработки данных статистики

интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ipsearch/patent> (дата обращения: 18.06.2024)

с. 4]. Эти предприятия используют результаты фундаментальных исследований и генерируют на их базе изобретения и (или) внедряют в свою деятельность уже имеющиеся достижения научно-технического прогресса, приобретая лицензии на использование существующих изобретений.

Все государства имеют разную ресурсную устойчивость, а значит в большей или меньшей степени ограничены в доступных им ресурсах (трудовых, материальных, финансовых). Поэтому постоянно стоит задача анализа показателей изобретательской активности и эффективности расходов, направленных на научные исследования и разработки. Проведение такого анализа целесообразно не только в глубокой ретроспективе, но и на основе статистических данных других государств. Такой анализ даст возможность выявить те государства, которые имеют успехи в этом направлении, чтобы в дальнейших исследованиях сфокусировать внимание на причинах этих достижений.

Предварительный анализ по 14 государствам [14, с. 163], а затем по 25 государствам [15, с. 36-39] дал возможность выявить следующее: численность населения дает преимущество в росте абсолютных показателей изобретательской активности; более половины заявок на изобретения подаются в Китае; отрицательные темпы прироста изобретательской активности в США, Японии, Бразилии, России и странах ЕС (кроме Австрии). Также

анализ показал необходимость в дальнейших исследованиях расширения географии анализируемых государств и необходимость предложения относительного показателя, который бы характеризовал эффективность расходов на НИОКР.

Рассмотрим выборку из 33 государств, в которую вошли развитые государства ЕС, БРИКС и другие активно развивающиеся государства с численностью населения более половины жителей нашей планеты¹.

Достаточность финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) при сохранении и развитии технического образования и инженерных школ [7, с. 2-3; 12, с. 280] непосредственно влияет на изобретательскую активность. Вследствие этого факта НИОКР являются основными поставщиками таких результатов интеллектуальной деятельности, как изобретения. Относительным показателем, который характеризует вложения в государстве ресурсов в НИОКР и, как следствие, изобретательскую активность, является процент от ВВП валовых внутренних расходов на исследования и разработки [1, с. 19-21; 2, с. 666, 669, 676, 681, 683, 685, 689; 3, с. 264; 5, с. 661]. В таблице 1 на основании данных^{2,3,4} [13, с. 375] расширим географию и период времени и проведем анализ значений валовых внутренних расходов на исследования и разработки (в процентах от ВВП) по 33 государствам.

¹ Список стран, упорядоченных по численности населения [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/размер-населения-по-стране> (дата обращения: 30.05.2024)

² Gross domestic spending on R&D (indicator) // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/gross-domestic-spending-on-r-d.html> (дата обращения: 10.07.2024)

³ Наука, инновации и технологии / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849> (дата обращения: 05.07.2024)

⁴ Наука и инновации / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/> (дата обращения: 05.07.2024)

Таблица 1 – Валовые внутренние расходы на исследования и разработки (на НИОКР) по 33 государствам за период 2013-2022 гг. (государства расположены последовательно по убывающему в 2022 году коэффициенту изобретательской активности (КИА), посчитанному по данным^{1,2} [16, с.13]), % от ВВП

№	Государство	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Т _{ГР} *, %	Т _{ГР} КИА, %
1	Республика Корея	3,95	4,08	3,98	3,99	4,29	4,52	4,63	4,80	4,91	5,21	31,9	14,2
2	Япония	3,28	3,37	3,24	3,11	3,17	3,22	3,22	3,27	3,28	3,41	3,9	-17,7
3	Китай	2,00	2,02	2,06	2,10	2,12	2,14	2,25	2,41	2,43	2,56	28,1	105,5
4	Австрия	2,96	3,08	3,05	3,12	3,06	3,09	3,13	3,20	3,26	3,20	8,3	98,0
5	США	2,70	2,72	2,79	2,85	2,90	3,01	3,17	3,47	3,48	3,59	32,7	-14,5
6	Германия	2,84	2,88	2,93	2,94	3,05	3,11	3,17	3,13	3,13	3,13	10,4	-22,1
7	Сингапур	1,92	2,08	2,17	2,08	1,90	1,81	1,90	2,16	–	–	12,4	45,5
8	Финляндия	3,27	3,15	2,87	2,72	2,73	2,76	2,80	2,91	2,99	2,96	-9,4	-15,2
9	Франция	2,24	2,28	2,23	2,22	2,20	2,20	2,19	2,28	2,22	2,18	-2,7	-10,0
10	Дания	2,97	2,91	3,06	3,09	2,93	2,97	2,90	2,97	2,76	2,89	-2,7	-23,5
11	Швеция	3,26	3,10	3,22	3,25	3,36	3,32	3,39	3,49	3,40	3,41	4,5	-26,5
12	Израиль	4,03	4,11	4,22	4,47	4,62	4,78	5,22	5,71	5,77	6,02	49,5	16,9
13	Великобритания	1,62	2,26	2,27	2,31	2,32	2,71	2,67	2,93	2,90	–	79,0	-26,9
14	Люксембург	1,23	1,22	1,25	1,27	1,24	1,17	1,18	1,09	1,04	0,98	-20,6	-13,6
15	Норвегия	1,64	1,70	1,92	2,03	2,08	2,04	2,14	2,24	1,89	1,56	-5,1	-24,0
16	Италия	1,30	1,34	1,34	1,37	1,37	1,42	1,46	1,51	1,43	1,32	1,5	3,3
17	Швейцария	3,08	–	3,08	–	3,08	–	3,20	–	3,31	–	7,5	-21,9
18	Российская Федерация	1,03	1,07	1,10	1,10	1,11	0,99	1,04	1,10	1,00	0,94	-8,5	-33,7
19	Канада	1,71	1,71	1,69	1,73	1,69	1,74	1,76	1,93	1,86	1,71	0,4	-5,0
20	Нидерланды	2,16	2,17	2,15	2,15	2,18	2,14	2,18	2,32	2,27	2,30	6,5	-21,2
21	Исландия	1,69	1,94	2,18	2,11	2,08	2,00	2,34	2,49	2,78	2,60	53,7	3,3
22	Австралия	2,09	–	1,88	–	1,79	–	1,80	–	1,66	–	-20,7	-24,4
23	Польша	0,89	0,95	1,00	0,97	1,04	1,21	1,32	1,39	1,43	1,45	64,3	-26,1
24	Бельгия	2,33	2,37	2,43	2,52	2,67	2,86	3,16	3,40	3,39	3,41	46,1	-7,7
25	Новая Зеландия	1,15	–	1,23	–	1,35	–	1,41	–	1,47	–	27,3	-84,9
26	Чехия	1,88	1,96	1,92	1,67	1,77	1,90	1,93	1,99	2,00	1,96	4,5	-48,5
27	Венгрия	1,38	1,35	1,34	1,18	1,32	1,51	1,47	1,59	1,64	1,39	0,8	-37,7
28	Белоруссия	0,65	0,51	0,50	0,50	0,58	0,60	0,58	0,54	0,46	0,47	-27,7	-80,9
29	Южная Африка	0,66	0,71	0,73	0,75	0,76	0,69	0,61	0,60	0,62	–	-6,5	144,7
30	Индия	0,70	0,70	0,70	0,70	0,70	0,70	0,70	–	–	–	0,0	245,3
31	Испания	1,28	1,24	1,22	1,19	1,21	1,24	1,25	1,41	1,41	1,44	12,6	-62,8
32	Турция	0,81	0,86	0,88	1,12	1,18	1,27	1,32	1,37	1,40	1,32	63,0	-23,9
33	Мексика	0,43	0,44	0,43	0,39	0,33	–	–	–	–	–	-22,8	-21,7

* исходя из доступных данных темп прироста внутренних расходов на исследования и разработки посчитан в Сингапуре за 8 лет (2013-2020 гг.); в Великобритании, Швейцарии, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке за 9 лет (2013-2021 гг.); в Индии за 7 лет (2013-2019 гг.); в Мексике за 5 лет (2013-2017 гг.).

¹ Список стран, упорядоченных по численности населения [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/размер-населения-по-стране> (дата обращения: 30.05.2024)

² WIPO IP Statistics Data Center // Сайт Всемирной организации по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 18.06.2024)

Данные за период 2013-2022 гг. валовых внутренних расходов на исследования и разработки (в процентах от ВВП) по 33 государствам, приведенные в табл. 1, дают возможность сделать следующие выводы:

1. Отрицательные темпы прироста расходов на исследования и разработки (Финляндия, Франция, Дания, Люксембург, Российская Федерация, Австралия, Белоруссия, Мексика) сопровождаются отрицательными темпами прироста изобретательской активности (исключение – Южная Африка).

2. Поскольку государства в таблице 1 были расположены последовательно по убыванию КИА в 2022 году, то можно заметить характерную для большинства государств закономерность: чем выше процент от ВВП расходов на исследования и разработки, тем выше изобретательская активность. Понимание отмеченной выше закономерности приводит к тому, что в большинстве стран наблюдается прирост процента от ВВП расходов на исследования и разработки.

3. В ряде случаев рост процента от ВВП этих расходов коррелирует с ростом изобретательской активности (Республика Корея, Китай, Австрия, Сингапур, Израиль, Италия). Однако рост процента от ВВП этих расходов в Японии, США, Германии, Великобритании, Швеции, Швейцарии, Нидерландах, Польше, Бельгии, Новой Зеландии, Чехии, Венгрии, Испании и Турции не способствуют росту изобретательской активности, она

снижается, что может свидетельствовать о том, что средства расходуются неэффективно и не дают ожидаемого результата.

4. Наиболее эффективно распоряжаются средствами, выделяемыми на исследования и разработки, Индия, Южная Африка, Китай, Австрия, Сингапур, Италия, поскольку темпы прироста изобретательской активности в этих государствах кратно превышают темпы прироста процента от ВВП расходов на исследования и разработки.

Поскольку ВВП различных государств является динамически изменяющимся макроэкономическим показателем, то незначительные изменения относительного показателя внутренних расходов на исследования и разработки, приведенного в табл. 1, не означают незначительных колебаний этих расходов в абсолютных величинах (например, в Индии или Российской Федерации), что отмечается и авторским коллективом К. В. Корепанова [2, с. 666]. Поэтому далее целесообразно будет проанализировать абсолютные суммы внутренних расходов на исследования и разработки (в денежном эквиваленте) по различным государствам. В таблице 2 на основании данных^{1,2,3,4} [13, с. 373, 375] проведем анализ абсолютных величин расходов на исследования и разработки по 33 государствам.

Поскольку за рассматриваемый период 2013-2022 гг. приведенные в табл. 1 темпы прироста процента от ВВП внутренних расходов на исследования и разработки отличались от темпов прироста

¹ Gross domestic spending on R&D (indicator) // Сайт Организации экономического сотрудничества и развития. Валовые внутренние расходы на НИОКР [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/gross-domestic-spending-on-r-d.html> (дата обращения: 10.07.2024)

² GDP (constant 2015 US\$) // Сайт Группы Всемирного банка [Электронный ресурс]. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart> (дата обращения: 12.07.2024)

³ Наука, инновации и технологии / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/154849> (дата обращения: 05.07.2024)

⁴ Наука и инновации / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/> (дата обращения: 05.07.2024)

Таблица 2 – Валовые внутренние расходы на исследования и разработки (на НИОКР) по 33 государствам за период 2013-2022 гг. (государства расположены последовательно по убывающему в 2022 году коэффициенту изобретательской активности (КИА), посчитанному по данным^{1,2} [16, с.13]), млрд. долл. США, пересчитанные по ППС в постоянных ценах 2015 года

№	Государство	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Т _{ПР} *, %	Т _{ПР} КИА, %
1	Республика Корея	72,0	76,7	76,9	79,4	88,1	95,4	100,0	102,9	110,1	119,6	66,2	14,2
2	Япония	167,4	172,4	168,5	162,8	168,7	172,6	171,8	167,1	172,1	180,5	7,8	-17,7
3	Китай	309,2	336,3	366,1	399,4	430,3	464,7	517,1	566,0	620,1	686,7	122,1	105,5
4	Австрия	12,5	13,2	13,1	13,7	13,7	14,2	14,6	14,0	14,9	15,2	21,7	98,0
5	США	468,3	431,8	507,4	528,2	549,6	586,4	631,8	672,0	709,7	761,6	62,6	-14,5
6	Германия	106,3	110,3	114,1	116,9	124,4	128,2	132,0	125,5	129,3	131,8	24,0	-22,1
7	Сингапур	8,6	9,7	10,5	10,3	9,9	9,8	10,3	11,4	–	–	32,4	45,5
8	Финляндия	7,6	7,3	6,7	6,5	6,7	6,9	7,1	7,2	7,6	7,6	0,3	-15,2
9	Франция	59,6	61,2	60,5	61,1	61,8	62,9	63,9	61,4	63,8	64,0	7,4	-10,0
10	Дания	8,0	7,9	8,5	8,9	8,7	9,0	8,9	8,9	8,8	9,5	19,1	-23,5
11	Швеция	14,6	14,3	15,5	15,9	16,9	17,1	17,7	17,9	18,5	19,0	30,1	-26,5
12	Израиль	11,4	12,1	12,7	14,0	15,1	16,3	18,5	19,9	21,0	24,3	114,2	16,9
13	Великобритания	42,5	61,3	63,0	65,5	67,4	79,9	80,0	78,2	84,2	–	98,0	-26,9
14	Люксембург	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	-0,9	-13,6
15	Норвегия	5,4	5,5	6,1	6,3	6,7	6,8	7,0	6,8	7,0	7,2	34,7	-24,0
16	Италия	28,9	29,8	30,0	31,0	31,6	33,2	34,2	32,1	33,1	31,7	9,5	3,3
17	Швейцария	–	–	16,6	–	17,2	–	18,6	–	19,8	–	19,2	-21,9
18	Российская Федерация	36,7	38,6	38,8	38,9	39,9	36,6	39,2	40,3	38,7	35,6	-2,9	-33,7
19	Канада	27,0	27,8	27,0	27,8	23,2	29,9	30,7	31,1	30,5	32,4	20,1	-5,0
20	Нидерланды	17,8	18,2	18,3	18,7	19,5	19,6	20,4	20,9	21,7	22,9	28,7	-21,2
21	Исландия	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5	105,7	3,3
22	Австралия	22,4	–	21,2	–	22,4	–	24,4	–	27,4	–	21,9	-24,4
23	Польша	8,3	9,3	10,2	10,2	11,4	14,1	16,2	16,6	18,3	19,6	136,1	-26,1
24	Бельгия	11,7	12,1	12,6	13,3	14,3	15,6	17,6	17,9	19,2	19,8	69,2	-7,7
25	Новая Зеландия	1,8	–	2,1	–	2,5	–	2,8	–	3,1	–	66,0	-84,9
26	Чехия	6,2	6,6	6,9	6,1	6,8	7,6	7,9	7,7	8,0	8,1	29,4	-48,5
27	Венгрия	3,4	3,4	3,5	3,2	3,7	4,5	4,6	4,7	5,2	4,6	37,2	-37,7
28	Белоруссия	0,5	0,4	0,3	0,2	0,3	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	-30,3	-80,9
29	Южная Африка	4,9	5,3	5,6	5,7	5,9	5,4	4,8	4,5	–	–	-9,0	144,7
30	Индия	42,0	45,5	47,6	51,1	53,9	56,7	59,5	–	–	–	41,7	245,3
31	Испания	19,6	19,4	19,8	19,9	20,8	21,9	22,4	22,4	24,0	25,8	31,2	-62,8
32	Турция	14,8	16,3	17,7	23,4	26,4	29,4	30,8	32,5	37,1	37,0	150,7	-23,9
33	Мексика	8,9	9,4	9,6	8,9	7,7	–	–	–	–	–	-14,0	-21,7

* исходя из доступных данных темп прироста внутренних расходов на исследования и разработки посчитан в Сингапуре за 8 лет (2013-2020гг.); в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии (2013-2021 гг.); в Швейцарии за 7 лет (2015-2021 гг.); в Южной Африке за 8 лет (2013-2020 гг.); в Индии за 7 лет (2013-2019 гг.); в Мексике за 5 лет (2013-2017 гг.).

¹ Список стран, упорядоченных по численности населения [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/размер-населения-по-стране> (дата обращения: 30.05.2024)

² WIPO IP Statistics Data Center // Сайт Всемирной организации по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 18.06.2024)

ВВП рассмотренных государств, то приведенные в табл. 2 темпы прироста этих расходов в долларах США тоже отличаются от аналогичного показателя прироста этих расходов в процентах от ВВП. Зависимости, выявленные при анализе данных табл. 1, аналогичны наблюдаемой в табл. 2 связи внутренних расходов на исследования и разработки (в долларах США) и изобретательской активности:

1. Снижение расходов на исследования и разработки приводит к снижению изобретательской активности (исключение – Южная Африка). Тогда как рост этих расходов при эффективном использовании средств – к росту изобретательства. Например, за период 2013-2022 гг. рост расходов в Китае на 122,1% привел к росту изобретательства на 105,5%; рост расходов в Австрии на 21,7% привел к росту изобретательства на 98,0%; рост расходов в Сингапуре на 32,4% привел к росту изобретательства на 45,5%; рост расходов в Индии на 41,7% привел к росту изобретательства на 245,3%.

2. Примерами неэффективного расходования средств, выделенных на исследования и разработки, за период 2013-2022 гг. являются: рост расходов в США на 62,6% сопровождался снижением изобретательства на -14,5%; рост расходов в Германии на 24,0% сопровождался снижением изобретательства на -22,1%; рост расходов в Великобритании на 98,0% сопровождался снижением изобретательства на -26,9%; рост расходов в Польше на 136,1% сопровождался снижением изобретательства на -26,1%; рост расходов в Турции на 150,7% сопровождался снижением изобретательства на -23,9%. Аналогичная ситуация в Японии, Финляндии, Франции, Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Канаде, Нидерландах,

Австралии, Бельгии, Новой Зеландии, Чехии, Венгрии и Испании.

3. Как видим, примеров неэффективного расходования средств гораздо больше, чем примеров использования средств с большей отдачей. Следовательно, в каждом государстве на рост изобретательской активности наряду с внутренними расходами на исследования и разработки влияют и другие факторы, выявление которых требует отдельного внимания и выходит за рамки данного исследования.

Поскольку НИОКР стимулируют появление РИД, включая патенты на изобретения, то для выявления эффективности расходования средств на исследования и разработки в конкретном государстве информативным будет использование относительного показателя, который предлагаем определять по формуле (1):

$$P_{1 \text{ изобр.}} = \frac{R_{\text{ИИР}}}{Z_{\text{И}}}, \frac{\text{ден.ед.}}{1 \text{ заяв. на изобр.}} \quad (1)$$

где

$R_{\text{ИИР}}$ – внутренние расходы на исследования и разработки (по данным табл. 2);

$Z_{\text{И}}$ – количество поданных заявок на изобретения (без иностранных заявителей) за рассматриваемый период (по данным¹).

Экономический смысл предложенного показателя $P_{1 \text{ изобр.}}$ следующий: он характеризует абсолютную величину внутренних расходов на исследования и разработки, приходящихся на одну заявку на изобретение. Он дает возможность сравнить государства между собой по уровню эффективности расходов на изобретательскую активность, но не равен той сумме средств, которая была потрачена на создание изобретения. Эффективность внутренних расходов на исследования и разработки тем выше, чем ниже

¹ WIPO IP Statistics Data Center // Сайт Всемирной организации по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 18.06.2024)

показатель $P_{1 \text{ изобр.}}$. В табл. 3 за период 2013-2022 гг. на основании приведенных в табл. 2 данных о внутренних расходах на исследования и разработки и данных Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС)¹ о количестве поданных заявок на изобретения (без иностранных заявителей) по формуле (1) рассчитан показатель $P_{1 \text{ изобр.}}$ по 33 государствам.

В зависимости от целей исследования можно предложить использование на практике показателя, обратного рассчитанному по формуле (1), который будет определяться по формуле (2):

$$Z_{\text{и на 1 ден.ед.}} = \frac{1}{P_{1 \text{ изобр.}}} = \frac{Z_{\text{и}}}{R_{\text{иир}}}, \frac{\text{заяв.на изобр.}}{1 \text{ ден.ед.}} \quad (2)$$

Экономический смысл показателя $Z_{\text{и на 1 ден.ед.}}$ следующий: он характеризует количество заявок на изобретения в расчете на одну денежную единицу внутренних расходов на исследования и разработки. Он не равен количеству изобретений, созданных на одну денежную единицу, но аналогично показателю формулы (1) дает возможность сравнить государства между собой по уровню изобретательской активности, приходящейся на определенную сумму средств внутренних расходов на исследования и разработки. Чем показатель $Z_{\text{и на 1 ден.ед.}}$ выше, тем большая отдача (количество заявок на изобретения) от внутренних расходов на исследования и разработки.

В табл. 4 за период 2013-2022 гг. на основании приведенных в табл. 2 данных о внутренних расходах на исследования и разработки и данных Всемирной организации интеллектуальной собственности

(ВОИС)² о количестве поданных заявок на изобретения (без иностранных заявителей) по формуле (2) рассчитан показатель $Z_{\text{и на 1 ден.ед.}}$ по 33 государствам.

Определение по формулам (1) и (2) показателей эффективности расходов на НИОКР ($P_{1 \text{ изобр.}}$ и $Z_{\text{и на 1 ден.ед.}}$) в период 2013-2022 гг. дает возможность выявить следующие тенденции:

1. Максимальную отдачу от средств, вложенных в НИОКР, получает Китай, но с 2018 года происходит снижение показателя эффективности расходов на НИОКР. В Индии положительная динамика как по изобретательской активности, так и по показателю эффективности расходов на НИОКР.

2. Наряду с высокой изобретательской активностью, высокая эффективность расходов на НИОКР в Республике Корея, Японии, Австрии, США и Германии. Но только в Австрии динамика показателей эффективности расходов на НИОКР положительная.

3. В рассмотренных странах ЕС (кроме Австрии) наряду со снижением изобретательской активности снижается и эффективность расходов на НИОКР.

4. В России и Белоруссии эффективность расходов на НИОКР выше, чем в США и ЕС. Однако наблюдаем отрицательную динамику показателей эффективности расходов на НИОКР. Например, в России снижение составило 32,1%, а в Белоруссии в 3,7 раз, что в первую очередь связано со снижением изобретательской активности. Поэтому для исследователей, занимающихся в России проблемами увеличения эффективности средств, вложенных в НИОКР, будет целесообразным изучение как положительного, так и

¹ WIPO IP Statistics Data Center // Сайт Всемирной организации по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 18.06.2024)

² WIPO IP Statistics Data Center // Сайт Всемирной организации по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 18.06.2024)

Финансовое стимулирование изобретательской активности в России и мире

Таблица 3 – Расчет по 33 государствам соотношения валовых внутренних расходов на исследование и разработки и количества поданных заявок на изобретения (без иностранных заявителей) за период 2013-2022 гг., (государства расположены последовательно по R_1 изобр., возрастающему в 2022 году), млн. долл. США, пересчитанные по ППС в постоянных ценах 2015 года / 1 заявка на изобретение

№	Государство	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	$T_{ПР}^*$, %	Сорт-ка по КИА в 2022 г.
1	Китай	0,44	0,42	0,38	0,33	0,35	0,33	0,42	0,42	0,43	0,47	6,9	3
2	Республика Корея	0,45	0,47	0,46	0,49	0,55	0,59	0,58	0,57	0,59	0,65	44,7	1
3	Япония	0,62	0,65	0,65	0,63	0,65	0,68	0,70	0,73	0,77	0,82	33,9	2
4	Белоруссия	0,33	0,62	0,52	0,52	0,73	0,80	1,25	1,05	1,16	1,23	271,9	28
5	Австрия	2,85	2,76	2,46	2,20	1,68	1,99	1,86	1,77	1,81	1,73	-39,5	4
6	Российская Федерация	1,28	1,60	1,33	1,45	1,75	1,47	1,68	1,70	1,98	1,88	47,3	18
7	США	1,63	1,51	1,76	1,79	1,87	2,06	2,22	2,49	2,71	3,02	85,5	5
8	Германия	2,25	2,29	2,41	2,41	2,60	2,75	2,83	2,97	3,25	3,54	57,8	6
9	Индия	3,94	3,78	3,78	3,87	3,60	3,48	3,06	–	–	–	-22,3	30
10	Италия	3,48	3,46	3,45	3,51	3,66	3,72	3,71	3,19	3,22	3,75	7,8	16
11	Франция	4,06	4,22	4,23	4,30	4,29	4,40	4,53	4,81	4,76	4,80	18,4	9
12	Финляндия	4,76	5,14	5,19	5,18	4,85	4,97	5,36	4,53	4,89	5,61	17,7	8
13	Польша	1,96	2,35	2,19	2,38	2,92	3,35	4,16	4,13	5,42	6,06	208,8	23
14	Люксембург	6,39	5,71	6,01	5,71	5,19	5,10	6,84	5,68	6,57	6,75	5,6	14
15	Сингапур	7,56	7,47	7,13	6,45	6,14	6,20	5,99	6,43	–	–	-14,9	7
16	Канада	5,91	6,62	6,31	6,81	5,73	6,87	7,24	6,99	6,47	7,11	20,2	19
17	Мексика	7,37	7,54	7,02	6,78	5,75	–	–	–	–	–	-22,0	33
18	Великобритания	2,84	4,04	4,24	4,72	5,07	6,21	6,63	6,53	7,27	–	155,8	13
19	Норвегия	4,86	5,00	5,26	5,10	5,80	6,29	7,30	7,76	7,41	8,36	72,1	15
20	Дания	5,94	5,76	5,82	5,74	5,82	7,09	6,57	7,05	8,09	9,01	51,8	10
21	Южная Африка	7,68	6,63	6,24	8,14	8,09	8,19	8,51	8,22	–	–	7,1	29
22	Австралия	7,33	–	9,23	–	8,94	–	9,25	–	9,22	–	25,8	22
23	Новая Зеландия	1,14	–	1,79	–	2,49	–	8,67	–	9,27	–	711,9	25
24	Швеция	6,27	7,20	7,60	7,85	8,50	9,28	9,85	10,14	10,45	10,58	68,8	11
25	Венгрия	5,26	6,26	6,21	5,16	7,46	10,97	10,71	11,04	12,06	11,38	116,4	27
26	Нидерланды	7,67	7,92	8,28	8,18	8,71	9,29	9,17	9,49	10,41	12,28	60,1	20
27	Исландия	7,86	5,92	8,88	10,43	10,44	6,76	9,59	10,11	15,37	14,42	83,5	21
28	Швейцария	–	–	11,27	–	12,87	–	13,59	–	15,40	–	36,7	17
29	Израиль	9,46	10,72	9,86	10,81	10,55	10,81	13,54	12,11	13,21	15,94	68,5	12
30	Чехия	6,33	7,30	7,79	7,73	8,59	11,15	10,33	11,43	14,80	15,97	152,1	26
31	Турция	6,82	7,80	8,04	11,26	12,75	14,43	14,91	15,30	19,84	21,63	217,0	32
32	Испания	6,49	6,57	7,08	7,24	9,61	14,33	17,42	15,69	18,35	22,40	245,2	31
33	Бельгия	16,38	13,61	13,33	12,63	14,28	17,50	20,11	20,81	24,09	29,31	78,9	24

* исходя из доступных данных темп прироста внутренних расходов на исследования и разработки посчитан в Индии за 7 лет (2013-2019 гг.); в Сингапуре за 8 лет (2013-2020гг.); в Мексике за 5 лет (2013-2017 гг.); в Южной Африке за 8 лет (2013-2020 гг.); в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии (2013-2021 гг.); в Швейцарии за 7 лет (2015-2021 гг.).

Таблица 4 – Расчет по 33 государствам соотношения количества поданных заявок на изобретения (без иностранных заявителей) и валовых внутренних расходов на исследования и разработки за период 2013-2022 гг., (государства расположены последовательно по $Z_{И}$ на 1 ден.ед., снижающемуся в 2022 году), заявок на изобретения / 1 млн. долл. США, пересчитанные по ППС в постоянных ценах 2015 года

№	Государство	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	$T_{ГПР}^*$, %	Сорт-ка по КИА в 2022 г.
1	Китай	2,28	2,38	2,64	3,02	2,89	3,00	2,41	2,38	2,30	2,13	-6,4	3
2	Республика Корея	2,22	2,14	2,17	2,06	1,80	1,70	1,72	1,75	1,69	1,54	-30,9	1
3	Япония	1,62	1,54	1,54	1,60	1,54	1,47	1,43	1,36	1,29	1,21	-25,3	2
4	Белоруссия	3,03	1,62	1,92	1,91	1,37	1,26	0,80	0,96	0,86	0,82	-73,1	28
5	Австрия	0,35	0,36	0,41	0,45	0,60	0,50	0,54	0,57	0,55	0,58	65,3	4
6	Российская Федерация	0,78	0,62	0,75	0,69	0,57	0,68	0,60	0,59	0,51	0,53	-32,1	18
7	США	0,61	0,66	0,57	0,56	0,53	0,49	0,45	0,40	0,37	0,33	-46,1	5
8	Германия	0,45	0,44	0,42	0,41	0,38	0,36	0,35	0,34	0,31	0,28	-36,6	6
9	Индия	0,25	0,26	0,26	0,26	0,28	0,29	0,33	–	–	–	28,7	30
10	Италия	0,29	0,29	0,29	0,29	0,27	0,27	0,27	0,31	0,31	0,27	-7,2	16
11	Франция	0,25	0,24	0,24	0,23	0,23	0,23	0,22	0,21	0,21	0,21	-15,5	9
12	Финляндия	0,21	0,19	0,19	0,19	0,21	0,20	0,19	0,22	0,20	0,18	-15,0	8
13	Польша	0,51	0,42	0,46	0,42	0,34	0,30	0,24	0,24	0,18	0,16	-67,6	23
14	Люксембург	0,16	0,18	0,17	0,18	0,19	0,20	0,15	0,18	0,15	0,15	-5,3	14
15	Сингапур	0,13	0,13	0,14	0,16	0,16	0,16	0,17	0,16	–	–	17,5	7
16	Канада	0,17	0,15	0,16	0,15	0,17	0,15	0,14	0,14	0,15	0,14	-16,8	19
17	Мексика	0,14	0,13	0,14	0,15	0,17	–	–	–	–	–	28,2	33
18	Великобритания	0,35	0,25	0,24	0,21	0,20	0,16	0,15	0,15	0,14	–	-60,9	13
19	Норвегия	0,21	0,20	0,19	0,20	0,17	0,16	0,14	0,13	0,13	0,12	-41,9	15
20	Дания	0,17	0,17	0,17	0,17	0,17	0,14	0,15	0,14	0,12	0,11	-34,1	10
21	Южная Африка	0,13	0,15	0,16	0,12	0,12	0,12	0,12	0,12	–	–	-6,6	29
22	Австралия	0,14	–	0,11	–	0,11	–	0,11	–	0,11	–	-20,5	22
23	Новая Зеландия	0,88	–	0,56	–	0,40	–	0,12	–	0,11	–	-87,7	25
24	Швеция	0,16	0,14	0,13	0,13	0,12	0,11	0,10	0,10	0,10	0,09	-40,7	11
25	Венгрия	0,19	0,16	0,16	0,19	0,13	0,09	0,09	0,09	0,08	0,09	-53,8	27
26	Нидерланды	0,13	0,13	0,12	0,12	0,11	0,11	0,11	0,11	0,10	0,08	-37,5	20
27	Исландия	0,13	0,17	0,11	0,10	0,10	0,15	0,10	0,10	0,07	0,07	-45,5	21
28	Швейцария	–	–	0,09	–	0,08	–	0,07	–	0,06	–	-26,9	17
29	Израиль	0,11	0,09	0,10	0,09	0,09	0,09	0,07	0,08	0,08	0,06	-40,6	12
30	Чехия	0,16	0,14	0,13	0,13	0,12	0,09	0,10	0,09	0,07	0,06	-60,3	26
31	Турция	0,15	0,13	0,12	0,09	0,08	0,07	0,07	0,07	0,05	0,05	-68,5	32
32	Испания	0,15	0,15	0,14	0,14	0,10	0,07	0,06	0,06	0,05	0,04	-71,0	31
33	Бельгия	0,06	0,07	0,08	0,08	0,07	0,06	0,05	0,05	0,04	0,03	-44,1	24

* исходя из доступных данных темп прироста внутренних расходов на исследования и разработки посчитан в Индии за 7 лет (2013-2019 гг.); в Сингапуре за 8 лет (2013-2020гг.); в Мексике за 5 лет (2013-2017 гг.); в Южной Африке за 8 лет (2013-2020 гг.); в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии (2013-2021 гг.); в Швейцарии за 7 лет (2015-2021 гг.).

отрицательного опыта стимулирования изобретательской активности в Белоруссии.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** При проведении анализа динамики изобретательской активности и анализа эффективности расходования средств на НИОКР в исследовании было сделано следующее:

– проанализированы абсолютные и относительные показатели финансирования исследований и разработок по 33 государствам за 2013-2022 годы (табл. 1 и 2);

– предложены показатели оценки эффективности расходования средств на НИОКР и проведена их апробация на 33 государствах за 2013-2022 годы (табл. 3 и 4).

Проведенный анализ финансирования исследований и разработок выявил, что снижение финансирования исследований и разработок отрицательно влияет на изобретательскую активность. Как правило, чем выше процент от ВВП расходов на исследования и разработки, тем выше изобретательская активность. Однако рост абсолютных сумм этих расходов в 20 рассмотренных государствах сопровождался снижением изобретательской активности, что наряду с влиянием других, не учтенных в исследовании факторов, может свидетельствовать о том, что средства расходуются неэффективно.

Апробация показателей оценки эффективности расходов на НИОКР

► Литература

1. Кузнецов, А.В. Управление НИОКР: российские проблемы и мировой опыт / А.В. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 6. – С. 18-37. – DOI: 10.52180/2073-6487_2021_6_18_37.

2. Корепанов, К.В. Основные подходы к финансированию научных исследований и разработок из бюджетных и внебюджетных источников в Российской Федерации и ряде зарубежных стран / К.В. Корепанов, М.О. Дашкова,

выявила, что максимальную отдачу получает Китай, но с 2018 года она снижается. В Индии эффективность расходов на НИОКР растет наряду с изобретательской активностью. В рассмотренных странах ЕС (кроме Австрии) наряду со снижением изобретательской активности снижается и эффективность расходов на НИОКР. Белоруссия и Россия входят в десятку государств-лидеров по эффективности расходов на НИОКР, несмотря на негативную тенденцию снижения этого показателя за период 2013-2022 гг.

Для определения степени влияния факторов (переменных формул (1) и (2)) на показатели оценки эффективности расходов на НИОКР в дальнейших исследованиях целесообразно провести факторный анализ.

С целью апробации положительных достижений и исключения отрицательного опыта при стимулировании изобретательской активности и повышении отдачи вложенных в НИОКР средств в Российской Федерации, а особенно в новых регионах (ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях) в дальнейших исследованиях целесообразно изучить опыт стимулирования изобретательства и сферы интеллектуальной собственности следующих государств: Китай, Республика Корея, Япония, Белоруссия, Австрия, США, Германия, Индия, Италия, Сингапур, Южная Африка.

► References

1. Kuznetsov A.V. (2021). R&D management: Russian problems and world experience. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 6, 18-37. [In Russian] https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_6_18_37

2. Korepanov K.V., Dashkova M.O., Maidannik O.V. (2023). Basic approaches to financing scientific research and development from budgetary and extra-budgetary sources in the Russian Federation and a number of foreign

О.В. Майданник [и др.]. – Текст : электронный // Управление наукой и наукометрия = Science Governance and Scientometrics: научный журнал. – 2023. – № 4. – С. 661-698. – URL: <https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2023/4/2023-4.pdf> (дата обращения: 30.03.2024).

3. Карпушина, К.К. Финансирование НИОКР как драйвер экономического развития в инновационной политике России / К.К. Карпушина, Е.В. Сумароков. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 261-272. – DOI: 10.18334/ecsec.4.2.111823.

4. Омуров, Э.К. Финансирование научных исследований и разработок как необходимость инновационного развития экономики / Э.К. Омуров. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной экономики. – 2022. – № 1. – С. 412-419.

5. Крапивин, И.О. Тенденции финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и анализ затрат на научные исследования/ И.О. Крапивин. – Текст : электронный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Том 13. № 11А. – С. 657-665. – DOI: 10.34670/AR.2023.20.60.072. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-economy-2023-11/d10-krapivin.pdf> (дата обращения 15.04.2024).

6. Цыкорин, Н.Н. Формирование механизма экспертно-аналитического сопровождения научно-технических проектов / Н.Н. Цыкорин. – Текст : электронный // Вестник ФИПС. – 2023. – Т. 2. № 4 (6). – С. 62-72. – URL: <https://vestnikfips.ru/upload/iblock/9cb/65zk9o8i1nc18accy71ubpgrspo9nnar.pdf> (дата обращения 21.04.2024).

7. Авилова, В.И. Подготовка инновационных инженерных кадров для бизнес-общества / В.И. Авилова // Инженерное образование в контексте будущих промышленных революций - СИНЕРГИЯ-2020 : Сборник научных статей международной сетевой научно-практической конференции, Казань, 03 сентября – 04 декабря 2020 года / Под редакцией В.В. Кондратьева; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Казанский национальный исследовательский технологический университет. – Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2020. – С. 1-7. – URL:

<https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.111823>

countries. *Science Governance and Scientometrics: scientific journal*, 4, 661-698. [In Russian] <https://sie-journal.ru/assets/uploads/issues/2023/4/2023-4.pdf>

3. Karpushina K.K., Sumarokov E.V. (2021). Financing of R&D as a driver of economic development in the innovation policy of Russia. *Economic security*, 4(2), 261-272. [In Russian] <https://doi.org/10.18334/ecsec.4.2.111823>

4. Omurov E.K. (2022). Financing of scientific research and development as the need for innovative economic development. *Actual issues of modern economics*, 1, 412-419. [In Russian]

5. Krapivin I.O. (2023). Trends in financing research and development work and cost analysis for scientific research. *Economics: yesterday, today, tomorrow*, 13(11A), 657-665. [In Russian] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.20.60.072>

6. Tsykorin N.N. (2023). Formation of the mechanism of expert and analytical support of scientific and technical projects. *Bulletin of FIPS*, 4(6), 62-72. [In Russian] <https://vestnikfips.ru/upload/iblock/9cb/65zk9o8i1nc18accy71ubpgrspo9nnar.pdf>

7. Avilova V.I. Training of innovative engineering personnel for the business community. *Engineering education in the context of future industrial revolutions - SYNERGY 2020: Collection of scientific articles of the International network Scientific and Practical conference*. Kazan: Kazan National Research Technological University. [In Russian]

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44608761&pdf=1> (дата обращения 27.04.2024). – Текст : электронный.

8. Савин, С.В. Проблемы развития интеллектуальной собственности и инноваций в России / С.В. Савин, А.Д. Мурзин. – Текст : непосредственный // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 5. – С. 69-81. – DOI: 10.25198/2077-7175-2023-5-69.

9. Иманов, К. К вопросу формирования и функционирования современного ведомства интеллектуальной собственности / К. Иманов. – Текст : электронный // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность: научно-практический журнал. – 2023. – № 5. – С. 37-79. – URL: https://copat.gov.az/docs/Nesrler/RUS/Журнал_ИС.pdf?t=1697180702 (дата обращения 14.05.2024).

10. Курган, Е.Г. Формирование единой централизованной системы управления интеллектуальной собственностью Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей / Е.Г. Курган. – Текст : непосредственный // Вести Автомобильно-дорожного института. – 2023. – № 4(47). – С. 101-115.

11. Попов, В.Г. Влияние соглашений с Роспатентом на динамику использования объектов интеллектуальной собственности в регионах России / В.Г. Попов. – Текст : непосредственный // Вести Автомобильно-дорожного института. – 2023. – № 4(47). – С. 90-100.

12. Лычагина, А.Г. Взаимосвязь технологического образования с производственной сферой в контексте профессиональной подготовки будущих учителей технологии: сравнительно-исторический анализ // А.Г. Лычагина. – Текст : электронный // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – № 3 (60). – С. 279-287. – DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.301. – URL: <https://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/360/article-e-360-3426.pdf> (дата обращения 10.05.2024).

13. Шавлай, Э.П. Инновационная политика Индии: текущее состояние и особенности индийской модели / Э.П. Шавлай. – Текст : электронный // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 370-383. – DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.4.370-383. – URL: <https://www.mir-nayka.com/jour/article/view/1087/899> (дата обращения 07.06.2024).

8. Savin S.V., Murzin A.D. (2023). Problems of intellectual property and innovation development in Russia. *Intelligence. Innovation. Investment*, 5, 69-81. [In Russian] <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-5-69>

9. Imanov K. (2023). On the issue of formation and functioning of the modern intellectual property office. *Intellectual property. Industrial property: scientific and practical journal*, 5, 37-79. [In Russian] https://copat.gov.az/docs/Nesrler/RUS/Журнал_ИС.pdf?t=1697180702

10. Kurgan E.G. (2023). Formation of a unified centralized intellectual property management system of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhzhia and Kherson regions. *Vesti of the Automobile and Road Institute*, 4(47), 101-115. [In Russian]

11. Popov V.G. (2023). The influence of agreements with Rospatent on the dynamics of the use of intellectual property objects in the regions of Russia. *Vesti of the Automobile and Road Institute*, 4(47), 90-100. [In Russian]

12. Lychagina A.G. (2022). The relationship of technological education with the industrial sphere in the context of professional training of future teachers of technology: a comparative historical analysis. *Business. Education. Law*, 3(60), 279-287. [In Russian] <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2022.60.301>

13. Shavlay E.P. (2020). Innovation policy of India: the current state and features of the Indian model. *MIR (Modernization. Innovation. Development)*, 11(4), 370-383. [In Russian] <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.4.370-383>

14. Бурлуцкий, Б.В. Анализ изобретательской активности в России и за рубежом / Б.В. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Архитектура финансов: вызовы новой реальности: Сборник материалов Республиканской конференции, Донецк, 20 марта 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 161-164.

15. Бурлуцкий, Б.В. Анализ расходов на исследования и разработки в России и за рубежом / Б.В. Бурлуцкий. – Текст : непосредственный // Инновационные перспективы Донбасса: материалы 10-й Международной научно-практической конференции, Донецк, 28-30 мая 2024 года. – Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2024. – С. 36-39.

16. Александрова, А.В. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2023: коэффициент изобретательской активности в субъектах Российской Федерации / А.В. Александрова, А.В. Суконкин, А.Д. Власов, А.С. Евстратова, И.З. Абусеридзе. – М.: Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2024. – 60 с. – URL: <https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/a-iz-akt-2023.pdf> (дата обращения 03.07.2024). – Текст : электронный.

Для цитирования: Бурлуцкий, Б.В. Финансовое стимулирование изобретательской активности в России и мире / Б.В. Бурлуцкий // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 102-118.

14. Burlutsky B.V. (2024). Analysis of inventive activity in Russia and abroad. *Architecture of finance: challenges of a new reality: Collection of materials of the Republican Conference*. Donetsk: Donetsk National Technical University. [In Russian]

15. Burlutsky B.V. (2024). Analysis of research and development costs in Russia and abroad. *Innovative perspectives of Donbass: materials of the 10th International Scientific and Practical Conference*. Donetsk: Donetsk National Technical University. [In Russian]

16. Alexandrova A.V., Sukonkin A.V., Vlasov A.D., Evstratova A.S., Abuseridze I.Z. (2024). *Analytical research in the field of intellectual property 2023: coefficient of inventive activity in the subjects of the Russian Federation*. Moscow: Federal Institute of Industrial Property (FIPS). [In Russian] <https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/sotrudnichestvo-s-regionami-rossii/a-iz-akt-2023.pdf>

Статья поступила в редакцию 19.07.24

For citation: Burlutsky B.V. (2025). Financial stimulation of inventive activity in Russia and the world. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 102-118. [In Russian]

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОГО КАРКАСА

Лукиных В.Ф. д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой Логистики, ORCID: 0000-0002-2000-9278, e-mail: somcl@mail.ru, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск, Российская Федерация.

Тод Н.А. канд. экон. наук, доцент кафедры Логистики, ORCID: 0009-0003-6597-2011, e-mail: logist.kgau@mail.ru, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», г. Красноярск, Российская Федерация.

Аннотация. Проведен анализ научной терминологии каркасных подсистем, структурирование определений и разработка основ методологии логистического каркаса. Это позволит в дальнейшем сформировать прикладную модель логистического каркаса синергетической направленности в стратегических задачах региональной экономики. К объектам исследования относятся товарные и информационные потоки, информационные технологии, инфраструктуры. При этом, проблемным является то, что многообразие концептуальных и методологических подходов к организации интегрированных коммуникаций затрагивают проблемы либо межфункциональных коммуникаций на предприятиях, как основную предпосылку к формированию интегративных отношений, либо – проблемы управления цепями поставок. Предостаточное количество публикаций результатов

исследований указанных проблем не позволяют сформировать целостную модель интегрированных отношений в экономике страны или административно-территориального образования. Как следствие, программы развития экономик регионов ограничиваются рамками границ административно-территориальных образований, в то время как оптимизация товародвижения в международных и федеральных каналах требует каркасного решения при организации интегрированных цепей поставок. К основным результатам исследования можно отнести появление структуры методических инструментов для управления региональными и международными коммуникациями в товарных и информационных потоках.

Ключевые слова: логистический каркас; кластер; домен; экосистема; платформа; система.

METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE LOGISTIC FRAMEWORK

Lukinykh V.F. Doctor of Economic Sciences, professor, head of department of Logistics, ORCID: 0000-0002-2000-9278, e-mail: somcl@mail.ru, FSBEI HE «Krasnoyarsk State Agrarian University», Krasnoyarsk, Russian Federation.

Tod N.A. Candidate of Economic Sciences, associate professor of department of Logistics, ORCID: 0009-0003-6597-2011, e-mail: logist.kgau@mail.ru, FSBEI HE «Krasnoyarsk State Agrarian University», Krasnoyarsk, Russian Federation.

© В.Ф. Лукиных, Н.А. Тод, 2025

Abstract. The article analyzes the scientific terminology of framework subsystems, structures definitions and develops the basics of the methodology of the logistics framework. This will allow us to further develop an applied model of the logistics framework with a synergetic focus in the strategic tasks of the regional economy. The objects of the study include commodity and information flows, information technologies, and infrastructures. At the same time, the problem is that the diversity of conceptual and methodological approaches to organizing integrated communications affect the problems of either interfunctional communications at enterprises, as the main prerequisite for the formation of integrative relations, or the problems of supply chain management. A sufficient number of publications on the results of studies of these problems do not allow us to form a holistic model of integrated relations in the economy of a country or an administrative-territorial entity. As a result, programs for the development of regional economies are limited by the boundaries of administrative-territorial entities, while optimization of goods movement in international and federal channels requires a framework solution when organizing integrated supply chains. The main results of the study include the emergence of a structure of methodological tools for managing regional and international communications in commodity and information flows.

Keywords: logistics framework; cluster; domain; ecosystem; platform; system.

► **Введение.** Суть каркасного подхода к решению региональных экономических проблем определена в работе В.Ф. Лукиных, Д.С. Малыгина и звучит следующим образом: «сущность логистического каркаса заключается в том, что он включает в себя логистическую и транспортную инфраструктуру, опирается на транспортный, инфраструктурный и опорный каркас расселения. Линейными

элементами каркаса являются российские и международные транспортные коридоры. Узловыми элементами каркаса являются объекты логистической и транспортной инфраструктуры, промышленные объекты и населенные пункты. Соединяет элементы в единый каркас виртуальная / цифровая среда, в которой происходит движение информационных потоков, а также документооборот» [1].

Цель данного исследования заключается в том, чтобы сформировать концептуальный методологический подход к системе логистического каркаса на территории региона на основе анализа методических и цифровых инструментов формирования и развития подсистем различных уровней – кластеров, экосистем, доменов, цепей поставок.

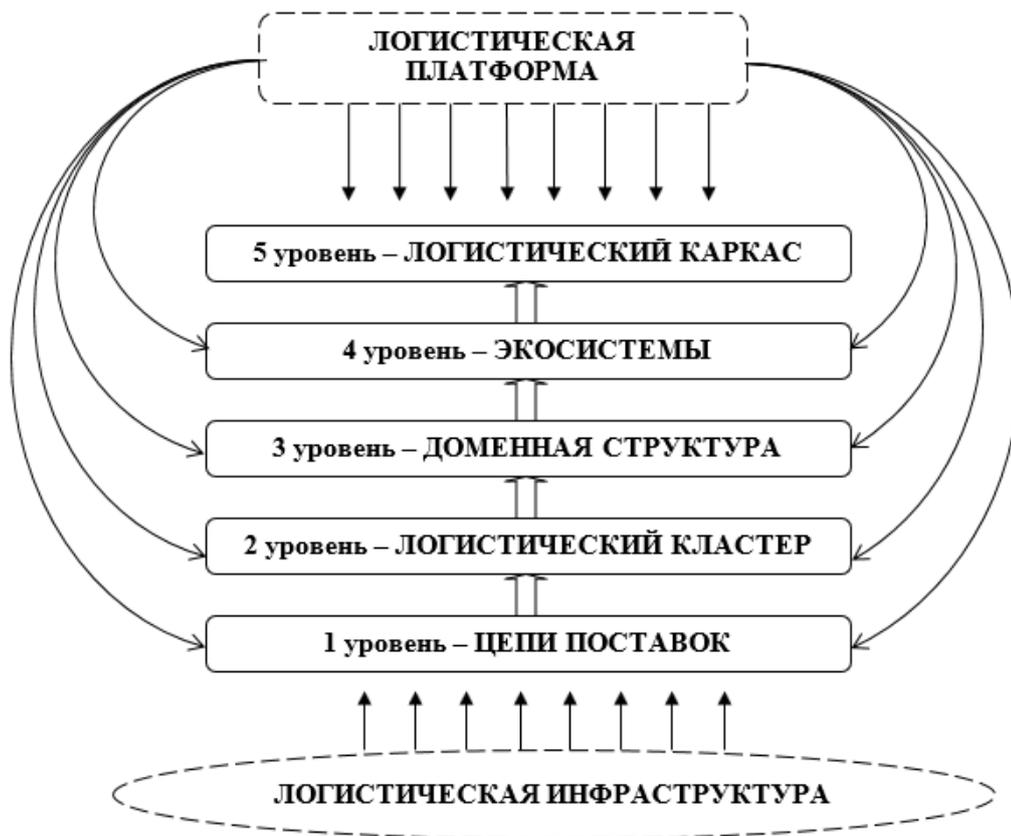
► **Данные и методы.** В настоящем исследовании проведен анализ существующих принципов и методов формирования логистических систем, опубликованных в научной литературе. При этом основной критерий отбора методов решения проблем определяется принципами системности при организации интегрированности коммуникаций в цепях поставок. Другой критерий связан с принципами координации субъектов – источников товаропотоков и операторов осуществления товародвижения на территории региона.

► **Результаты исследования.** В последнее время актуальными обсуждаемыми понятиями в части системных инфраструктурных образований в логистике можно назвать следующие: цепи поставок, логистическая инфраструктура, логистическая платформа, логистический кластер, экосистема в логистике, функциональные домены в логистике, логистический модуль и логистический каркас.

По сути, все эти понятия нужно рассматривать как взаимосвязанные элементы, которые вместе формируют эффективную систему управления потоками

и логистическими процессами. Опираясь на результаты изучения каждого образования, можно выстроить следующую иерархию системных инфраструктурных

образований в логистике (рис. 1), где изображена модель многоуровневой логистической системы [2], именуемой логистический каркас.

Рисунок 1 – Иерархия системных инфраструктурных образований в логистике

Все уровни озвученных системных образований используют ресурс имеющейся логистической инфраструктуры на конкретной территории. Логистическая инфраструктура включает в себя физические объекты и системы, необходимые для выполнения логистических операций, такие как производственные предприятия, складские терминалы, транспортные сети (дороги, порты, аэропорты), информационные технологии и оборудование. Наличие логистической инфраструктуры позволяет обеспечить движение материальных потоков и качество этого движения. Без логистической инфраструктуры

функционирование всех системных образований невозможно.

Логистическая инфраструктура – это своего рода «основание» для этих образований, «подложка», ресурс для их функционирования. Вопросу инфраструктурного обеспечения логистических систем посвящены труды многих отечественных авторов, таких как В.С. Лукинский [3], В.И. Сергеев [4], Д.Д. Бауэрсокс, Д.Д. Клосс [5], Г.Л. Бродецкий [6], Д.А. Иванов [7], В.В. Щербаков [8], Т.Г. Шульженко, В.В. Борисова [9], С.А. Быкадоров [10], В.Ю. Малов [11], Н.А. Гвилия, Ю.В. Малевич, Е.А. Личман

[12], Н.Н. Булатова, В.С. Дудин, А.В. Алексеев [13], В.В. Альсов [14] и др.

1 уровень – цепи поставок. Цепь поставок – это отношения трех или более экономических единиц, напрямую участвующих во внешних и внутренних потоках продукции, услуг, финансов и информации от источника исходного сырья до конечного потребителя, с целью удовлетворения его потребностей [15]. Это первичный уровень системного образования в логистике, т.к. он предполагает координацию и интеграцию элементов.

Цепь поставок представляет собой корреляцию всех логистических функций от начала зарождения информации о потребности в продукции до её доставки конечному потребителю. Современная методология формирования, функционирования и управления цепями поставок включает значительное количество моделей, методов и инструментов [3-7].

2 уровень – логистический проектно-ориентированный кластер. Кластер – это кооперационное и интеграционное образование, которое не просто представляет собой совокупность цепей поставок в определённой отрасли или на определённой территории, а предполагает интеграционное взаимодействие всех участников кластера.

Логистический проектно-ориентированный кластер – это группа предприятий, работающих в одной или смежных отраслях, территориально расположенных в одном или разных географических районах, взаимосвязанных цепями поставок в процессе создания продуктов (услуг), необходимых для реализации конкретного инвестиционного проекта и способствующих росту конкурентоспособности друг друга. В кластере создается синергетический эффект за счет интеграционного взаимодействия участников [15].

3 уровень – система функциональных доменов в логистике. Концепция

доменной структуры меняет представление о функционале и взаимодействии участников в цепях поставок. Отдельные виды логистической деятельности в цепях поставок рассматриваются как взаимосвязанные домены, каждый из которых реализует конкретные цели и выполняет конкретный функционал. Таким образом, функциональный домен в логистике – это сфера специализированных задач и процессов, объединённых общей целью внутри общей системы управления цепями поставок.

Понимание и выделение таких доменов помогает эффективно управлять сложными логистическими операциями. Доменная структура нацелена на сотрудничество и синергию в цепях поставок, а также выстраивание общих стратегических целей, выгодных для всех участников.

Исследованиям данной концепции посвящены труды А.Г. Некрасова и А.С. Сеницыной [16-18]. В публикации [17] авторы высказываются, что «современная организация цепей поставок представляет собой сложную организационно-техническую систему, включающую множество взаимосвязанных объектов управления и управляющих систем. Они представляют собой организационно-технологические комплексы, сгруппированные в функциональные домены с изменяемой архитектурой. В основе функционирования данных комплексов-систем находится циркулирование материальных, информационных, энергетических и других потоков, образующих архитектуру ресурсов». Авторы отмечают, что инженерия цепей поставок, основанная на объединении основных функциональных доменов, таких как планирование цепей поставок, проектирование цепей поставок и эксплуатация цепей поставок, является приоритетной методологией для обеспечения стабильности цепей поставок.

4 уровень – экосистема цепей поставок в логистике. Экосистема в логистике – это широкая сеть взаимодействий между различными участниками рынка логистики, от компаний-производителей до технологических провайдеров и регуляторов для оптимизации цепей поставок. Это более широкое понятие, чем кластер или доменная структура, она больше относится к экономике и учитывает не только логистические, но и другие виды факторов – социальные, институциональные и др. Также отличительными чертами экосистем являются: нацеленность на инновации, на технологии, на совместное развитие товаров и услуг, а также на устойчивое развитие и экологичность логистики.

Исследованиям в области экосистем в логистике посвящены труды В.В. Щербакова, Н.А. Гвилии, Т.Г. Шульженко, А.В. Парфёнова, В.А. Носа, А.В. Дмитриева [8; 19-21] и др.

В работе В.В. Щербакова [8] обозначено, что экосистема в логистике – это «наиболее предпочтительная форма сетевого взаимодействия с точки зрения обеспечения устойчивого развития экономики, поскольку рождается массовый экономический интерес и сопряженные с ним социальные интересы, интересы защиты окружающей природной среды, а также интересы непрерывного технологического развития».

В большинстве современных трудов авторы акцентируют внимание на создании цифровых логистических экосистем. Например, Н.А. Гвилия в своей публикации [19] высказывается, что «создание цифровой экосистемы очень важно, особенно в том, что касается устойчивого развития. Цифровые технологии изменят все аспекты перевозок... Полная цифровизация транспортного сектора также окажет влияние на качество жизни, безопасность, энергоэффективность и конкурентоспособность... Экосистемный подход к деятельности и внедрение цифровых

платформ вместе с четвертой промышленной революцией изменило среду ведения бизнеса. Цифровые решения автоматизируют бизнес-процессы и связывают движение материальных потоков с информационными и сервисными потоками и интернетом».

5 уровень – логистический каркас. Это системная интеграция всех предыдущих уровней, структурированная основа логистических процессов по продвижению и управлению потоками. Логистический каркас предназначен для организации процессов и взаимодействия внутри кластеров, экосистем и доменных структур.

Логистический каркас – это «совокупность логистической, транспортной, информационной инфраструктур, обеспечивающих прохождение материального и информационного потоков на территории страны и дальнейшую интеграцию потоков в мировом экономическом пространстве... При этом логистический каркас опирается на опорный каркас расселения и информационные технологии». При этом в качестве линейных элементов логистического каркаса выступают структурные пояса и международные транспортные коридоры, а в качестве узловых элементов выступают объекты логистической инфраструктуры, предприятия – объекты промышленности, и населенные пункты. Связующим звеном является цифровая среда [1]. Таким образом, явно прослеживается взаимосвязь термина «логистический каркас» с рассмотренными системными образованиями предыдущих уровней.

Логистический модуль – часть логистического каркаса, которая может охватывать любые уровни. Это некое территориальное образование, которое имеет отраслевую направленность, т.к. он формируется вокруг процессов, протекающих в отрасли или регионе. При этом в нем учитывается не только движение товаропотоков, но и также создание всех

необходимых условий для развития социально-экономической среды модуля.

Интегрирующий элемент, который касается всех уровней системных образований – это логистическая платформа, которая обеспечивает единое информационное пространство для использования современных информационных технологий, являясь цифровым элементом реализации принципов координации и интеграции цепей поставок.

Логистическая платформа представляет собой высокотехнологичное программное обеспечение, виртуальный интегратор, для управления цепями поставок. Логистическая платформа – это виртуальное предприятие, обеспечивающее всем его участникам доступ к общему информационному пространству: общим базам данных предприятий, их функциональным возможностям (компетенциям) и технологическим операциям.

Вопросу изучения цифровизации логистики и логистических платформ посвящены труды таких авторов, как В.В. Дыбская, В.И. Сергеев, В.С. Лукинский, В.В. Щербаков, Н.А. Гвилия, С.И. Никишов, Т.Г. Шульженко, А.Г. Некрасов, А.С. Сеницына, А.В. Дмитриев, О.В. Мясникова, Ю.Б. Егерев, В.В. Бахарев, С.Е. Барыкин, Е.В. Корчагина, О.В. Калинина, Е.С. Федорова, А.И. Лойко, Т.С. Тасуева, В.В. Борисова [3; 8; 16-28] и др.

Например, в публикации [8] авторы определяют цифровую логистическую платформу, как «... пространство сетевой кооперации, предназначенное для реализации целей создания потребительской ценности посредством координируемых логистических взаимодействий на региональном, национальном и международном уровне. Логистическая цифровая платформа означает комбинацию информационного, технологического, а также программного и технического обеспечения (аппаратные средства, линии телекоммуникаций, периферийное оборудование), которые совместно осуществляют

обслуживание клиентов и обработку совершаемых транзакций». Результатом такой интеграции является снижение транзакционных издержек и повышение качества сервиса.

Ю.Б. Егерев и В.В. Бахарев в своей публикации [25] определяют цифровую логистическую платформу как инновационный формат предоставления логистических услуг. Это обусловлено тем, что платформа опирается на ресурсы сторонних организаций – участников рынка логистических услуг, и по сути, не предоставляя самостоятельно услуг, обеспечивает координацию действий между заказчиками услуг и логистическими операторами, их оказывающими. При этом это взаимодействие происходит в цифровом формате. В результате использование логистических платформ позволяет предоставлять широкий спектр логистических услуг и вариантов логистических операторов для потребителя, существенно сократить время на поиск поставщика услуги и выполнение самих логистических процессов, а также снизить стоимость логистических услуг.

Обобщив вышесказанное, можно выделить общие черты всех системных образований:

- концентрация вокруг потоков;
- координация и интеграция – ключевые принципы взаимодействия;
- оптимизация – принцип повышения эффективности управления потоками;
- цифровизация – условие оперативности коммуникаций;
- наличие современной логистической инфраструктуры;
- гибкость и адаптивность к изменениям рынка;
- высокий уровень сервиса.

Несмотря на наличие общих характеристик, можно выделить ключевые акценты, которые отличают ту или иную форму системного образования, а также можно отразить взаимосвязь между ними (табл. 1).

Таблица 1 – Роль системных образований и взаимосвязь между ними

Системное образование	Акцент, фокус, особая роль	Взаимосвязь с другими образованиями
1	2	3
<i>Логистическая инфраструктура</i>	Создает физическую основу для движения потоков и выполнения всех логистических процессов	Все системные образования в логистике опираются на использование логистической инфраструктуры, без нее их функционирование невозможно
<i>Цепь поставок</i>	Обеспечивает движение потоков с целью удовлетворения потребностей клиентов	Первичное звено координации и интеграции, использует существующую логистическую инфраструктуру
<i>Логистический проектно-ориентированный кластер</i>	Предполагает интеграционное взаимодействие участников, оптимизацию логистических процессов, синергетический эффект в конкретных проектах	Использует существующую инфраструктуру, может возникать в цепях поставок или инициировать их, может являться частью экосистемы, является частью логистического каркаса, может использовать логистические платформы для оптимизации ресурсов и процессов
<i>Система функциональных доменов в логистике</i>	Позволяет выделить сферы специализированных задач и процессов, объединённых общей целью внутри общей системы управления цепями поставок, что позволяет управлять сложными процессами, выстраивать коммуникации, повышать гибкость цепей поставок	Является частью логистического каркаса, может быть частью экосистемы, может включать в себя логистические кластеры, обязательно использует логистические платформы, т.к. требует высокого уровня использования информационных технологий
<i>Экосистема в логистике</i>	Предполагает комплексное взаимодействие всех участников рынка логистики и комплексную оптимизацию, нацелена на внедрение инноваций, технологий, совместное развитие товаров и услуг, на устойчивое развитие и экологичность логистики.	Является частью логистического каркаса, может включать в себя логистические кластеры, обязательно опирается на использование логистических платформ, зависит от наличия развитой инфраструктуры
<i>Логистический каркас</i>	Системная структурированная основа всех логистических процессов по продвижению и управлению потоками. Помогает организовать и оптимизировать все логистические процессы. Глобальное системное образование	Интеграция всех уровней системных образований в логистике. Логистический каркас помогает организовать процессы и взаимодействие внутри кластеров, экосистем, доменных структур. Включает в себя логистическую инфраструктуру и логистические платформы
<i>Логистический модуль</i>	Имеет отраслевую или территориальную направленность, формируется вокруг процессов, протекающих в одной отрасли. Учитывает не только движение	Часть логистического каркаса, которая может охватывать любые уровни системных образований

1	2	3
	товаропотоков, но и создание всех условий для развития социально-экономической среды модуля	Опирается на существующую инфраструктуру, зависит от её развитости
<i>Логистическая платформа</i>	Цифровой инструмент (использует передовые цифровые технологии). Обеспечивает автоматизацию, координацию и интеграцию различных логистических услуг и участников на единой цифровой платформе, что повышает эффективность управления потоками	Обеспечивает для всех уровней системных образований единое информационное пространство, использование современных информационных технологий. Координатор и интегратор – поддерживает взаимодействие между участниками образования

Таким образом, рассмотренные выше системные образования в логистике являются взаимосвязанными элементами, направленными на создание эффективной системы управления потоками. И при этом они взаимозависимы: наличие логистической инфраструктуры способствует развитию кластеров и экосистем, кластеры позволяют группировать и интегрировать участников цепей поставок, функциональные домены обеспечивают гибкость в решении сложных задач экосистем и логистических модулей, экосистемы поддерживают инновации, логистические платформы обеспечивают цифровое обеспечение участников цепей поставок, кластеров, экосистем и доменов путем использования передовых технологий, а логистический каркас структурирует все эти взаимодействия.

Ссылаясь на работы [1-7; 15; 29; 30], можно привести ряд известных методических цифровых инструментов, необходимых для развития координационных процессов в цепях поставок логистического каркаса и его подсистем, актуальных в настоящее время и составляющих методологическую основу логистического каркаса как в регионах, так и на международном уровне:

совместное планирование, прогнозирование и пополнение (CPFR);

управление событиями цепи поставок (SCEM);

мониторинг цепей поставок (SCMo);
системы электронного управления цепями поставок (e-SCM);

электронный обмен данными (EDI)» и другие, связанные с методами искусственного интеллекта, роботизации и автоматизации, интернетом вещей (IoT), интернет логистикой (IoL), блокчейном, облачными технологиями, цифровыми сервисами и платформенными решениями.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Таким образом, все рассмотренные выше системные образования в логистике являются взаимосвязанными элементами. Вместе они направлены на создание эффективной системы управления потоками и логистикой. И при этом они все взаимозависимы: наличие хорошей логистической инфраструктуры способствует развитию кластеров и экосистем, кластеры позволяют интегрировать участников цепей поставок, функциональные домены обеспечивают гибкость в решении сложных задач экосистем и логистического каркаса, экосистемы поддерживают инновации, логистические платформы обеспечивают автоматизацию, координацию и интеграцию участников цепей поставок, кластеров, экосистем и доменов путем использования передовых технологий, а

логистический каркас структурирует все эти взаимодействия.

Методологический подход к системе логистического каркаса на территории региона содержит в основе стратегического планирования принцип координации субъектов экономики региона в целях развития, выражающегося в перманентном росте валового регионального продукта. В состав инструментов реализации принципа координации включены методы сбора, анализа данных предприятий и организаций с использованием цифровых платформ мониторинга и контроля процессов товародвижения в регионе. При этом данные мониторинга используются в операциях анализа текущей экономической ситуации и разработке инновационных мероприятий в логистическом

каркасе региона на основе положений системности и объективности.

Базовым терминологическим аппаратом является аппарат логистики и управления цепями поставок в прямом смысле, а общая стратегия экономического развития региона определяется таким ежегодным результатом, как положительный прирост валового регионального продукта. Этот методологический подход формирует гармонизацию взаимодействий и ключевых показателей предприятий и организаций в регионе и определяет критерии роста и развития экономических субъектов и инфраструктур региона. Логистический каркас региона инициирует возникновение причин его распространения на экономические процессы соседних регионов и, в конечном итоге, на всю страну.

► Литература

1. Лукиных, В.Ф. Концепция логистического каркаса / В.Ф. Лукиных, Д.С. Малыгин. – Текст : непосредственный // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2023. – № 2 (28). – С. 117-126.
2. Лукиных, В.Ф. Методология управления многоуровневой региональной логистической системой: монография / В.Ф. Лукиных. – Красноярск: ЛИТЕРА-принт, 2010. – 292 с. – Текст : непосредственный.
3. Модели и методы теории логистики: учебное пособие / под ред. В.С. Лукинского. – СПб.: Питер, 2008. – 448 с. – Текст : непосредственный.
4. Корпоративная логистика: 300 ответов на вопросы профессионалов / под общей и научной редакцией В.И. Сергеева. – М.: Инфра-М, 2012. – 976 с. – Текст : непосредственный.
5. Бауэрсокс, Д.Д. Логистика: интегрированная цепь поставок / Д.Д. Бауэрсокс, Д.Д. Клосс; пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. – 640 с. – Текст : непосредственный.
6. Бродецкий, Г.Л. Моделирование логистических систем. Оптимальные решения в условиях риска / Г.Л. Бродецкий. – М.: Вершина, 2006. – 376 с. – Текст : непосредственный.

► References

1. Lukinykh V.F., Malygin D.S. (2023). The concept of the logistics framework. *Social, economic and humanitarian journal*, 2 (28), 117-126. [In Russian]
2. Lukinykh V.F. (2010). *Methodology of managing a multi-level regional logistics system*. Krasnoyarsk: LITERA-print. [In Russian]
3. Lukinsky V.S. (ed.). (2008). *Models and methods of logistics theory*. St. Petersburg: Piter. [In Russian]
4. Sergeev V.I. (ed.). (2012). *Corporate logistics: 300 answers to questions from professionals*. Moscow: Infra-M. [In Russian]
5. Bowersox D.D., Kloss D.D. (2001). *Logistics: Integrated Supply Chain*. Moscow: ZAO Olimp-Business. [In Russian]
6. Brodetsky G.L. (2006). *Modeling of logistics systems. Optimal solutions under risk*. Moscow: Vershina. [In Russian]

7. Иванов, Д.А. Управление цепями поставок / Д.А. Иванов. – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2009. – 660 с. – Текст : непосредственный.
8. Щербаков, В.В. Цифровая логистика – ключ к трансформации кооперативных цепочек / В.В. Щербаков. – Текст : непосредственный // Известия СПбГЭУ. – 2022. – №6 (138). – С. 132-136.
9. Борисова, В.В. Цифровая трансформация институционального обеспечения логистической инфраструктуры региона / В.В. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – № 2 (70). – 2020. – С. 45-52.
10. Быкадоров, С.А. К вопросу о стратегии развития Российских железных дорог в долгосрочной перспективе / С.А. Быкадоров, Е.Б. Кибалов. – Текст : непосредственный // Логистика – Евразийский мост: мат-лы XVII Международ. науч.-практ. конф. Часть 1 / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск. – 2022. – С. 44-49.
11. Малов, В.Ю. Обзор теоретических моделей, объясняющих роль транспортной инфраструктуры в экономике / В.Ю. Малов. // Анализ и оценка процессов создания и развития в Азиатской России транспортной магистральной сети различного назначения / под ред. А.А. Широга, О.В. Тарасовой; Ин-т экон. и орг. пром. пр-ва Сиб. отд-я Рос. акад. Наук. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2024. – Гл. 1.1. – С. 10-24.
12. Малевич, Ю.В. Таможенная и логистическая инфраструктура: понятийная и функциональная трансформация в условиях цифровизации / Ю.В. Малевич, Е.А. Личман. – Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2022. – №3. – С. 297-305.
13. Булатова, Н.Н. Формирование цифровой экосистемы региональной транспортно-логистической инфраструктуры / Н.Н. Булатова, В.С. Дудин, А.В. Алексеев. – Текст : электронный // *π-Economy*. – 2024. – 17 (3). – С. 68-80. – DOI: 10.18721/IE.17305 – URL: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2024/3-2024/05_Bulatova%2C-Dudin%2C-Alekseev.pdf
14. Альсов, В.В. Методы формирования транспортно-логистической инфраструктуры / В.В. Альсов. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2024. – №12 (81). – С. 759-769.
15. Лукиных, В.Ф. Кластерная организация логистики в региональных цепях поставок агропродукции: монография / В.Ф. Лукиных, Н.А. Тод. – Красноярск: Краснояр. гос. аграр.
7. Ivanov D.A. (2009). *Supply Chain Management*. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University. [In Russian]
8. Shcherbakov V.V. (2022). Digital logistics is the key to the transformation of cooperative chains. *Bulletin of SPbGEU*, 6 (138), 132-136. [In Russian]
9. Borisova V.V. (2020). Digital transformation of institutional support for the regional logistics infrastructure. *Bulletin of the Rostov State University of Economics*, 2 (70), 45-52. [In Russian]
10. Bykadorov S.A., Kibalov E.B. (2022). On the long-term development strategy of Russian Railways. *Logistics – Eurasian Bridge: Proc. of the XVII Int. scientific-practical. conf. Part 1*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk state agrarian University. [In Russian]
11. Malov V.Yu., Shirov A.A., Tarasova O.V. (eds.). (2024). Review of theoretical models explaining the role of transport infrastructure in the economy. *Analysis and assessment of the processes of creation and development of a transport trunk network for various purposes in Asian Russia*. Novosibirsk: Publishing house of IEOP SB RAS. [In Russian]
12. Malevich Yu.V., Lichman E.A. (2022). Customs and logistics infrastructure: conceptual and functional transformation in the context of digitalization. *Economy and Management*, 3, 297-305. [In Russian]
13. Bulatova N.N., Dudin V.S., Alekseev A.V. (2024). Formation of a digital ecosystem of regional transport and logistics infrastructure. *π-Economy*, 17 (3), 68-80. [In Russian] https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2024/3-2024/05_Bulatova%2C-Dudin%2C-Alekseev.pdf
14. Alsov V.V. (2024). Methods of formation of transport and logistics infrastructure. *Bulletin of science*, 12 (81), 759-769. [In Russian]
15. Lukinykh V.F., Tod N.A. (2024). *Cluster organization of logistics in regional supply chains of agricultural products*. Krasnoyarsk:

ун-т., 2024. – 144 с. – Текст : непосредственный.

16. Некрасов, А.Г. Сценарные подходы в инженерии процессов сетей поставок / А.Г. Некрасов, И.А. Башмаков, К.И. Атаев. – Текст : непосредственный // Логистика – Евразийский мост: мат-лы XIX Международ. науч.-практ. конф. Часть 1 / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск. – 2024. – С. 179-184.

17. Синицына, А.С. Проактивное управление цепями поставок в изменяющемся мире транспорта / А.С. Синицына, А.Г. Некрасов. – Текст : непосредственный // Логистика – Евразийский мост: мат-лы XIX Международ. науч.-практ. конф. Часть 1 / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск. – 2024. – С. 241-245.

18. Некрасов, А.Г. Системная инженерия и цифровые технологии на транспорте (цифровая трансформация) / А.Г. Некрасов, К.И. Атаев, А.С. Синицына, А.А. Неретин. – Текст : непосредственный. – М.: Техполиграфцентр, 2019. – 155 с.

19. Гвилия, Н.А. Развитие цифровых экосистем корпораций на основе интернета логистики (IOL) / Н.А. Гвилия. – Текст : непосредственный // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2021. – №1 (73). – С.74-81.

20. Шульженко, Т.Г. Экосистемная модель организации логистической системы общественного пассажирского транспорта города / Т.Г. Шульженко, А.Е. Жук. – Текст : непосредственный // Логистика – евразийский мост: материалы XVI Международной научно-практической конференции. – Красноярск: КрасГАУ, 2021. – С. 195-201.

21. Дмитриев, А.В. Цифровые экосистемы в транспортной логистике: монография / А.В. Дмитриев, В.А. Нос, А.В. Парфенов. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2024. – 180 с. – Текст : непосредственный.

22. Дыбская, В.В. Искусственный интеллект в управлении цепями поставок и логистике / В.В. Дыбская, В.И. Сергеев. – Текст : непосредственный // Логистика – Евразийский мост: мат-лы XIX Международ. науч.-практ. конф. Часть 1 / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск. – 2024. – С. 76-80.

23. Никишов, С.И. Цифровая трансформация логистики: монография / С.И. Никишов. – М.: Дело, 2019. – 112 с. – Текст : непосредственный.

24. Мясникова, О.В. Платформенные решения для цифровой трансформации производственно-логистических систем / О.В.

Krasnoyarsk state agrarian university. [In Russian]

16. Nekrasov A.G., Bashmakov I.A., Ataev K.I. (2024). Scenario approaches in engineering of supply network processes. *Logistics – Eurasian Bridge: materials of the XIX International. scientific and practical. conf. Part 1*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk state agrarian university. [In Russian]

17. Sinitsyna A.S., Nekrasov A.G. (2024). Proactive supply chain management in the changing world of transport. *Logistics – Eurasian Bridge: materials of the XIX International. scientific and practical. conf. Part 1*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk state agrarian university. [In Russian]

18. Nekrasov A.G., Ataev K.I., Sinitsyna A.S., Neretin A.A. (2019). *Systems engineering and digital technologies in transport (digital transformation)*. Moscow: Tekhpolygraftsentr. [In Russian]

19. Gviliya N.A. (2021). Development of digital ecosystems of corporations based on the Internet of logistics (IOL). *Bulletin of the RSUE RINH, 1 (73), 74-81*. [In Russian]

20. Shulzhenko T.G., Zhuk A.E. (2021). Ecosystem model of organizing the logistics system of public passenger transport of the city. *Logistics - Eurasian bridge: materials of the XVI International scientific and practical conference*. Krasnoyarsk: KrasSAU. [In Russian]

21. Dmitriev A.V., Nos V.A., Parfenov A.V. (2024). *Digital ecosystems in transport logistics*. Saint Petersburg: Publishing house of SPbGEU. [In Russian]

22. Dybskaya V.V., Sergeev V.I. (2024). Artificial intelligence in supply chain management and logistics. *Logistics - Eurasian Bridge: materials of the XIX International. scientific and practical. conf. Part 1*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. [In Russian]

23. Nikishov S.I. (2019). *Digital transformation of logistics*. Moscow: Delo. [In Russian]

24. Myasnikova O.V. (2020). Platform solutions for digital transformation of production and logistics systems. *Digital transformation, 2 (11), 5-15*. [In Russian]

Мясникова. – Текст : непосредственный // Цифровая трансформация. – 2020. – №2(11). – С. 5-15.

25. Егерова, Ю.Б. Цифровые логистические платформы как инновационный формат предоставления логистических услуг: критический анализ / Ю.Б. Егерова, В.В. Бахарев. – Текст : непосредственный // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2023. – №2 (46). – С. 5-24.

26. Барыкин, С.Е. Крупнейшие международные цифровые логистические платформы: сравнительный анализ / С.Е. Барыкин, Ю.Б. Егерова, Е.В. Корчагина, О.В. Калинина, Е.С. Федорова. – Текст : непосредственный // ОНВ. ОИС. – 2022. – №1. – С. 97-103.

27. Лойко, А.И. Цифровые платформы транспортной логистики / А.И. Лойко. – Текст : непосредственный // Academic research in educational sciences. – 2022. – №TSTU Conference 1. – С. 6-11. – DOI:10.24412/2181-1385-2022-1-6-11.

28. Тасуева, Т.С. Логистическая система платформенного типа в цифровой экономике региона / Т.С. Тасуева, В.В. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник ГГНТУ. – 2022. – Т. XVIII. – № 3. – С. 27-33.

29. Лукиных, В.Ф. Концепция усиленной логистики в сфере АПК региона / В.Ф. Лукиных, Д. Чишич, А.Д. Энтони. – Текст : непосредственный // Логистика – евразийский мост: 17-я междунар. научно-практ. конфер. Краснояр. гос. аграрн. ун-т. – Красноярск. – 2021. – С. 93-98.

30. Быкадоров, С.А. Крупномасштабные железнодорожные проекты в логистическом каркасе Сибири / С.А. Быкадоров, Е.Б. Кибалов, В.Ф. Лукиных. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2025. – 176 с. – Текст : непосредственный.

Для цитирования: Лукиных, В.Ф. Методическое обеспечение логистического каркаса / В.Ф. Лукиных, Н.А. Тод // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 119-130.

25. Egereva Yu.B., Bakharev V.V. (2023). Digital logistics platforms as an innovative format for providing logistics services: a critical analysis. *Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*, 2 (46), 5-24. [In Russian]

26. Barykin S.E., Egereva Yu.B., Korchagina E.V., Kalinina O.V., Fedorova E.S. (2022). Largest international digital logistics platforms: a comparative analysis. *ONV. OIS*, 1, 97-103. [In Russian]

27. Loiko A.I. (2022). Digital platforms of transport logistics. *Academic research in educational sciences, TSTU Conference 1*, 6-11. [In Russian]

28. Tasueva T.S., Borisova V.V. (2022). Platform-type logistics system in the digital economy of the region. *Bulletin of GGNTU*, 3, 27-33. [In Russian]

29. Lukinykh V.F., Chisic D., Anthony A.D. (2021). The concept of enhanced logistics in the regional agro-industrial complex. *Logistics - Eurasian bridge: 17th international. scientific and practical. conf. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk state agrarian University*. [In Russian]

30. Bykadorov S.A., Kibalov E.B., Lukinykh V.F. (2025). *Large-scale railway projects in the logistics framework of Siberia*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 14.05.25

For citation: Lukinykh V.F., Tod N.A. (2025). Methodological support of the logistic framework. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 119-130. [In Russian]

УДК 332.1
JEL: R40, O18

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ

Дунаенко Н.А. младший научный сотрудник, ассистент, e-mail: nikitadunaenko@gmail.com, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Кудрявцева Т.Ю. д-р экон. наук, профессор, профессор Высшей инженерно-экономической школы, ORCID 0000-0003-1403-3447, e-mail: kudryavtseva_tyu@spbstu.ru, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов, влияющих на развитие международных транспортных коридоров (МТК) «Север–Юг» и «Северного морского пути» (СМП) в условиях геополитической нестабильности и трансформации глобальной логистики. Учитывая возрастающую роль альтернативных маршрутов доставки грузов, предлагается методика классификации и систематизации ключевых факторов (преимуществ, ограничений, перспектив и рисков) развития МТК с использованием подходов PEST- и SWOT-анализа. В результате исследования была сформирована комплексная матрица факторов развития МТК, разделённая на общие и частные, где частные факторы представлены в визуализированной форме на платформе MIRO. Матрица интегрирована в структуру стратегического планирования грузоперевозок, что позволяет учитывать многомерное воздействие

геополитических, экономических, технологических, климатических и правовых условий на эффективность функционирования коридоров. Выводы исследования подчеркивают необходимость межгосударственной координации, цифровизации логистических процессов и устранения инфраструктурных и административных барьеров для обеспечения устойчивого развития коридоров. Результаты могут быть использованы как государственными органами, так и частными логистическими операторами в целях повышения конкурентоспособности транспортных маршрутов России на евразийском пространстве.

Ключевые слова: международные транспортные коридоры; ограничения МТК; транспортная логистика; Северный морской путь; Север-Юг; цифровизация логистики.

STRATEGIC PLANNING OF CARGO TRANSPORTATION AND FACTORS OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS

Dunaenko N.A. junior researcher, assistant, e-mail: nikitadunaenko@gmail.com, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia. St. Petersburg, Russian Federation.

Kudryavtseva T.Yu. Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Higher School of Engineering and Economics, ORCID 0000-0003-1403-3447, e-mail: kudryavtseva_tyu@spbstu.ru, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation.

© Н.А. Дунаенко, Т.Ю. Кудрявцева, 2025

Abstract. The article analyzes the factors influencing the development of the international transport corridors "North-South" and the Northern Sea Route (NSR) in the context of geopolitical instability and transformation of global logistics. Given the growing role of alternative cargo delivery routes, a methodology for classifying and systematizing key factors (advantages, limitations, prospects and risks) is proposed using the PEST and SWOT analysis approaches. As a result of the study, a comprehensive matrix of ITC development factors was formed, divided into general and specific, where specific factors are presented in a visualized form on the MIRO platform. The matrix is integrated into the structure of strategic cargo transportation planning, which allows considering the multidimensional impact of geopolitical, economic, technological, climatic and legal conditions on the efficiency of the corridors. The findings of the study emphasize the need for interstate coordination, digitalization of logistics processes and the elimination of infrastructural and administrative barriers to ensure sustainable development of the corridors. The results can be used by both government agencies and private logistics operators to improve the competitiveness of Russia's transport routes in the Eurasian space.

Keywords: international transport corridors; ITC restrictions; transport logistics; Northern Sea Route; North-South; digitalization of logistics.

► **Введение.** В условиях современной геополитической и экономической трансформации растёт значимость развития эффективных международных транспортных коридоров, способных обеспечить устойчивую и диверсифицированную логистику между странами и регионами. Особое внимание в этом контексте уделяется международному транспортному коридору "Север–Юг" и «Северному морскому пути» (СМП) как

ключевым направлениям, способным повысить конкурентоспособность национальных экономик, сократить время доставки грузов и создать устойчивые транспортные связи между Евразией, странами Персидского залива и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Актуальность данных направлений определяется не только их экономическим потенциалом, но и необходимостью диверсификации традиционных логистических маршрутов в условиях санкционного давления, глобальной нестабильности и усиливающейся конкуренции за транспортные потоки. Однако успешная реализация потенциала этих коридоров невозможна без комплексного учета факторов, влияющих на их развитие: от климатических и инфраструктурных условий до политических рисков и нормативных ограничений.

В связи с этим, особую значимость приобретает стратегическое планирование грузоперевозок, включающее всестороннюю оценку преимуществ, ограничений, возможностей и рисков, связанных с развитием коридоров "Север–Юг" и «СМП». Такой подход позволяет сформировать реалистичные и устойчивые логистические стратегии, обеспечить эффективное распределение ресурсов и минимизировать внешние угрозы, что особенно актуально в условиях изменяющихся транспортных маршрутов.

► **Обзор литературы.** В исследованиях П.В. Куренкова и соавторов [1] отмечено, что санкции приводят к перестройке традиционных цепей поставок (прежде всего морских) и усиливают значимость железнодорожных маршрутов. Наблюдается трансформация связей через порты Балтийского бассейна и поиск новых логистических решений для устойчивого функционирования экономики. Авторы указывают на необходимость переосмысления инвестиционных проектов с учётом технологических и геополитических

рисков, а также подчеркивают важность развития магистральной инфраструктуры (включая высокоскоростные ЖД и модернизацию узлов). Работа А.С. Астаховой, В.А. Глинского, П.В. Куренкова [2] показывает, как единая сеть, объединяющая различные виды транспорта (пример — Кругокаспийский транспортно-промышленный пояс), может стать драйвером пространственного развития. Авторы также обращают внимание на ускоренное внедрение информационно-логистических сервисов и интеллектуальных технологий, а также на расширение традиционных схем за счёт более широкого вовлечения промышленных предприятий и цифровой инфраструктуры.

А.М. Алклычев, К.Х. Зоидов, А.А. Медков, З.К. Зоидов [3] рассматривают влияние глобальной экономической интеграции на сеть трансасиатских транспортных коридоров и подчеркивают роль Центральной Азии и Транссиба как ключевых транзитных звеньев. Они отмечают, что маршруты в направлении КНР, Ирана, Пакистана и стран Центральной Азии могут как конкурировать, так и дополнять друг друга, при этом существует потребность в совершенствовании инфраструктуры (порты, погранпереходы, перегруженные ЖД-узлы), создании совместных операторов и унификации норм. Авторы указывают, что единый формат документации и электронный обмен сведениями ускорят транзит и снизят затраты, но мешает разрозненность стандартов и различия в таможенных процедурах. Особое внимание уделяется коридору «Север – Юг», который важен для грузопотока между Россией, Ираном, Индией и странами Персидского залива, однако там пока не хватает сбалансированности потоков и единого оператора.

Е.Ю. Винокуров и соавторы подчёркивают стратегическую важность коридора «Север – Юг» для связи северных регионов ЕАЭС со странами Южной Азии и

Персидского залива, позволяющую сократить транзитные сроки и снизить издержки, в том числе при перевозке товаров с высокой добавленной стоимостью [4]. Мультиmodalность (ЖД, морские и автоперевозки) даёт гибкость и оптимизацию затрат. При этом существует ряд внутренних ограничений: финансовые (частный капитал осторожно инвестирует в рискованные проекты), организационные (слабое ГЧП) и бюрократические (долгие таможенные согласования). Авторы указывают, что расширять пропускную способность нужно синхронно в нескольких странах, иначе возникают «бутылочные горлышки». Важным является единая тарифная политика, гармонизация нормативно-правовой базы и стимулирование частных операторов к участию в проекте. С учётом перспективы формирования «умных коридоров» (внедрение электронных накладных, блокчейн и т.д.), необходима приоритетная цифровизация операций для сокращения бумажного документооборота и повышения прозрачности. Только при согласованных действиях государства, бизнеса и международных институтов «Север – Юг» сможет стать стабильным транспортным хабом в Евразии.

В исследованиях В.А. Цветкова, К.Х. Зоидова и А.А. Медкова [5] выделяется расширение грузовой базы «Север – Юг» и «Восток – Запад» за счёт привлечения новых потоков и использования существующей/новой инфраструктуры. Ключевым фактором является целостная концепция, включающая согласованные тарифы, технологическую модернизацию и межправительственные соглашения, учитывающие геополитический контекст. Авторы подчеркивают, что строительство железнодорожных ветвей, портов и систем перевалки само по себе неэффективно без общего стратегического видения развития коридора. Идея «перехвата» транзитных грузов предполагает

использование параллельных маршрутов и удобных узлов с выгодными тарифами, а стык направлений «Север – Юг» и «Восток – Запад» формирует «транспортные углы» для оперативной переориентации потоков. Успех зависит от конкурентных предложений по скорости и стоимости доставки, внедрения ускоренных контейнерных поездов, мультимодальных терминалов и цифровой инфраструктуры, обеспечивающей быструю коммуникацию между участниками.

Исследование показывает, что системный подход к развитию евразийских коридоров сочетает инфраструктурные, коммерческие и политико-правовые меры. Простая модернизация путей и портов не даёт эффекта без долгосрочной стратегии, мотивирующей транзит через страны-участницы. Концепция «двух перехватов, двух увязок» показывает, как локальные инвестиции в ключевые узлы могут иметь значительный синергетический эффект при наличии межгосударственных соглашений и продуманных тарифных механизмов.

Северный морской путь (СМП) рассматривается экспертами как перспективный маршрут для интеграции в международные транспортные коридоры. Исполнительный директор Ассоциации полярников Мурманской области Алексей Фадеев предлагает включить СМП в состав международного транспортного коридора «Север — Юг» с целью увеличения грузопотока и расширения поставок природных ресурсов из Арктической зоны России в дружественные страны [6]. Учитывая текущее стратегическое партнерство между Россией и Китаем, предполагается рассматривать СМП как международный коридор в сотрудничестве с Китаем. Китай проявляет значительный интерес к Арктике, участвуя в проектах по добыче сжиженного природного газа и планируя использование СМП для ускорения перевозки товаров в Европу. Кроме того,

Китай активно развивает собственный ледокольный флот для обеспечения своих арктических проектов.

Исследования, посвящённые факторам, влияющим на развитие международных транспортных коридоров, представлены в работах П.В. Куренкова, А.А. Сафроновой, Е.А. Герасимовой, М.Н. Харитоновой, А.С. Астаховой, В.А. Глинского, А.М. Алклычева, К.Х. Зоидова, А.А. Медкова, З.К. Зоидова, Е. Винокурова, А. Ахунбаева, М. Шашкенова, А. Забоева, В.А. Цветкова. Можно отметить необходимость систематизации и классификации ключевых факторов, которые могут оказывать комплексное воздействие на эффективность и перспективы развития транспортных маршрутов. При этом в некоторых работах авторы, среди которых К.Х. Зоидов, А.А. Медков, З.К. Зоидов, а также В.А. Цветков, К.Х. Зоидов, А.А. Медков, разделяют сильные и слабые стороны МТК, но не отмечена отдельная классификация возможных перспектив и рисков. Развивая идеи вышечисленных ученых, актуальным остается направление - детальное структурирование таких факторов, чтобы сформировать целостное представление о потенциальных сценариях развития международных транспортных коридоров.

► **Данные и методы.** Исследование основывается на качественном анализе научной литературы, в ходе которого были выделены ключевые факторы, влияющие на развитие международных транспортных коридоров, в том числе таких направлений, как МТК «Север–Юг» и Северный морской путь. Особое внимание уделялось выявлению преимуществ, ограничений, перспектив и рисков.

Выявленные результаты были структурированы с опорой на методологические подходы PEST- и SWOT-анализа. Это позволило не только систематизировать полученную информацию, но и выстроить логику взаимодействия

факторов между собой. В результате была сформирована матрица развития МТК, где все элементы были сгруппированы по типам влияния и уровню проявления.

Для большей аналитической ясности матрица была разделена на две части: первая отражает общие факторы, актуальные для международных транспортных коридоров в целом (оформлена в табличном виде),

вторая включает частные, более специфичные факторы, характерные именно для МТК «Север–Юг» и СМП. Эти данные визуализированы в виде схемы, созданной в программе MIRO.

Финальным этапом стала интеграция разработанной матрицы в более широкий контекст стратегического планирования грузоперевозок. Это позволило выстроить структурный, но гибкий подход к оценке текущего потенциала коридоров и к формированию решений, учитывающих не только сильные стороны маршрутов, но и возможные барьеры их устойчивого развития.

► **Результаты исследования.**

Ограничения развития международных транспортных коридоров

К инфраструктурным барьерам на МТК «Север – Юг» относятся особенности судоходства в Каспийском море, различия в системах внутренних водных путей РФ, пропускная способность пограничных пунктов и несоответствие транспортных стандартов. Одной из ключевых проблем является отсутствие ж/д сообщения между иранскими городами Решт и Астара, что усложняет мультимодальные перевозки и увеличивает затраты и сроки доставки. Дополнительно усложняет ситуацию различие колеи в Иране (1435 мм) и странах СНГ («пространство 1520»), требуя переустановки колёсных пар на границе. Низкая пропускная способность внутренних водных путей РФ (особенно в Единой глубокой системе) препятствует судоходству, в частности для судов типа

«река-море». Развитие перевозок по МТК «Север – Юг» осложнено тарифными, административными, финансовыми, техническими и трансграничными барьерами. Эти преграды не сводятся только к транспортному сектору, но имеют и макроэкономические, институциональные причины, что снижает конкурентоспособность перевозок и мотивирует часть грузоотправителей выбирать Суэцкий канал. Среди операционных проблем выделяются разрозненные тарифные политики стран-участниц, не позволяющие сформировать единые условия и повышающие совокупные затраты на транспортные услуги. Таможенные пошлины, отличающиеся в разных юрисдикциях, добавляют непредсказуемости и снижают экономическую эффективность перевозок [7].

Автотранспорт сталкивается с заторами на подъездах к городам и нехваткой придорожного сервиса, что усложняет перевозки, особенно в пиковый сезон (например, в Азово-Черноморском бассейне). Недосток современных вагонов, локомотивов и контейнеров (особенно рефрижераторов) усугубился после ухода Maersk, Narag Lloyd и других крупных логистических операторов из РФ. При этом слабое развитие контейнерных терминалов и логистических мощностей ограничивает пропускную способность и эффективность коридора [8]. Пограничные пункты часто не приспособлены к увеличившимся объёмам: устаревшая инфраструктура замедляет смену колеи и обработку контейнеров, вызывая очереди (яркий пример – Дарьяли/Верхний Ларс [9]).

Таким образом, инфраструктурные барьеры МТК «Север – Юг» охватывают недостатки железнодорожной, водной и автодорожной сетей, дефицит логистических мощностей и низкую пропускную способность пограничных переходов.

Северный морской путь (СМП) характеризуется рядом специфических инфраструктурных барьеров. Во-первых,

ограниченное количество ледоколов затрудняет круглогодичное судоходство в суровых ледовых условиях, что особенно проявляется зимой. Во-вторых, низкие температуры требуют усиленной подготовки контейнеров и судов (дорогостоящие модернизация и обслуживание), повышая риск порчи скоропортящихся товаров (продовольствие, медикаменты). В-третьих, уровень развития портов (например, Сабетты и Певека) и сопутствующей инфраструктуры остаётся недостаточным [10]. Недостаток инвестиций в модернизацию портовых мощностей и создание зон отдыха, технического обслуживания и сервисов для судоводителей дополнительно сдерживает потенциал СМП.

Финансовые барьеры проявляются через ограничения на конвертацию валюты и сложности при получении банковских аккредитивов [11]. Недостаток координации в создании свободных торговых зон и общего финансового механизма ещё больше усложняет международные расчёты. Одновременно административные барьеры — лицензирование, квоты на автотransпорты, визы, а также не унифицированные таможенные процедуры — затягивают сроки доставки [12].

На СМП значительные операционные препятствия возникают из-за бюрократических таможенных процедур (время оформления зачастую превышает время разгрузки/погрузки) и необходимости получать разрешения на ледокольную проводку [13]. Кроме того, проблема «обратных грузов» ведёт к экономической невыгодности рейсов в одну сторону, когда суда возвращаются пустыми. Недостаточная арктическая инфраструктура (отсутствие грузовой базы на обратном пути) усугубляет ситуацию, хотя проекты вроде «Белкомура» могли бы увеличить экспорт на азиатские рынки и компенсировать простои.

Серьёзным барьером остаётся страхование судов и грузов: стандартные

полисы часто исключают покрытие для арктических маршрутов или существенно его ограничивают. Климатические факторы тоже влияют на операционную надёжность СМП. Сезонность перевозок обусловлена непредсказуемыми ледовыми условиями, а приливы в арктических портах могут задерживать суда на несколько часов или даже суток [14]. В совокупности эти барьеры — таможенные, страховые, климатические — требуют комплексного решения: модернизации портовой инфраструктуры, развития специализированных страховых программ и тщательного логистического планирования, чтобы сократить риски и задержки.

Цифровые барьеры являются третьей значимой группой ограничений при развитии транспортных коридоров, включая «Север–Юг» и «Северный морской путь». Несмотря на общую тенденцию к повышению уровня цифровизации, в рамках МТК «Север–Юг» остаётся актуальной проблема бумажного документооборота, особенно с учётом разного уровня IT-развития стран-участниц [15]. Это затягивает логистические процессы, увеличивает риск ошибок и повышает затраты перевозчиков.

Широкое внедрение цифровых технологий в таможенно-логистической сфере (контроль, оформление, обмен данными) способно ускорить операции и улучшить взаимодействие органов контроля и бизнеса [16]. Однако серьёзный вызов — несовместимость или сложность интеграции систем между государствами. Отсутствие единого стандарта и не унифицированные протоколы обмена информацией приводят к потере эффективности на всех этапах цепочки поставок.

На «Северном морском пути» (СМП) цифровые барьеры особенно заметны в контексте суровых арктических условий, где удалённость и непредсказуемая погода требуют высокой оперативности управления. Недостаток

цифровизации и ограниченная телекоммуникационная инфраструктура затрудняют навигацию, мониторинг судов и оперативную координацию, а низкая автоматизация процессов снижает безопасность перевозок.

Современные IT-решения могут одновременно служить драйвером развития и нести дополнительные риски при неправильном внедрении. Поэтому, чтобы преодолеть цифровые барьеры «Севера–Юга» и СМП, необходимо укреплять инфраструктуру связи, повышать уровень автоматизации, а также уделять внимание кибербезопасности. После выявления всех барьеров (инфраструктурных, операционных, цифровых) важно определить приоритетные инвестиционные проекты, позволяющие повысить эффективность международных транспортных коридоров и сформировать соответствующие условия для роста.

Преимущества развития международных транспортных коридоров

Международные транспортные коридоры имеют значительный экономический потенциал, поскольку сокращают издержки перевозок, стимулируют торговлю, разгружают существующие маршруты и укрепляют сотрудничество в рамках BRICS. Для МТК «Север–Юг» (Россия, Иран, Индия) и «Северного морского пути» (через РФ до Владивостока, с выходом на Китай) разработаны инвестиционные проекты, способные повысить пропускную способность и, следовательно, укрепить позиции стран-участниц на мировой арене. На уровне региональной экономики коридоры способствуют росту грузооборота, увеличению прибыли предприятий и налоговых отчислений, что позитивно влияет на бюджеты различных уровней [17]. Инвестирование в транспортную инфраструктуру повлечет за собой создание рабочих мест в новых портах и пограничных пунктах, что также создаст положительное социально-

экономическое влияние. Кроме грузоперевозок, стоит отметить и перевозки пассажиров, в том числе в виде туризма.

В последние годы часто упоминается полярный туризм, который становится экономично доступнее для населения, параллельно с ростом цен на авиаперелеты из-за санкций со стороны западных стран. Между европейскими странами, Китаем и Индией проходит большой грузооборот, как правило, по Суэцком канале. Это может быть дополнительным источником дохода в виде транзитных перевозок. Оба коридора могут быть использованы для доставки грузов, благодаря сокращению количества дней перевозки.

Логистика играет решающую роль в мировой экономике, обеспечивая непрерывный поток товаров морским, воздушным и наземным транспортом. Цифровые технологии, аналитика и интеллектуальные сенсоры помогают перевозчикам и экспортёрам оптимизировать операции, классифицировать и минимизировать риски, повышая прозрачность и оперативность. В «СМП» цифровизация способствует прогнозированию климатических изменений и повышает безопасность судов, а в «Север–Юг» снижает объём ручных операций и бумажного документооборота [18]. Таким образом, дальнейшее развитие международных коридоров требует инвестиций, стратегического управления рисками и активного внедрения IT-решений, что в совокупности способно укрепить экономическое и технологическое положение стран-участниц.

Перспективы и риски развития международных транспортных коридоров

На маршруты перевозок груза оказывает сильное влияние геополитическая обстановка. Одним из негативных факторов можно выделить вероятность санкций по отношению к России в виде запрета ввода судов в водах Дании и Северного

моря или введения дополнительных проверок танкеров¹. В таком случае, роль МТК «СМП» будет усиливаться и будут необходимы дополнительные инвестиции для обеспечения бесперебойных перевозок на севере страны. Влияние геополитики существует для МТК «Север-Юг». Вооруженный конфликт и захват европейских судов в Суэцком канале Йемена, стимулирует рост стоимости страхования [19]. В обратном случае логистические компании действуют в обход данного маршрута через африканские страны, что в свою очередь увеличивает продолжительность перевозки. В данном случае МТК «Север-Юг» может быть наиболее выгодным из-за снижения рисков, стоимости, а также количества проходимых дней перевозок.

В последние годы эксперты все чаще затрагивают тему глобального потепления, что также создает дополнительные испытания и в логистической отрасли. Для МТК «СМП» это вероятность увеличения дней сезона перевозок, когда можно не использовать ледокольный флот. Климатические изменения могут снизить спрос использования ледокольного флота, но, когда настанет этот момент, нам неизвестно [20]. Несмотря на это, Российская Федерация направляет свои инвестиции на строительство атомных ледоколов, которые являются ведущими во всем мире. Существует план развития флота, что также повлияет на будущие грузопотоки, проходящие по МТК «СМП». Одним из барьеров на территории РФ в МТК «Север-Юг» является количество пограничных пунктов. При развитии транспортной инфраструктуры, может увеличиться количество данных пунктов, что позволит не только увеличить грузопоток, но и создать рабочие места для населения южных регионов.

---

¹ Дания усомнилась в возможности досмотра судов из России из-за санкций ЕС [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – URL:

Существует геополитический риск, как для МТК «Север-Юг», так и для МТК «СМП» - наложение санкций на индийские и китайские банки на проведение платежей транспортировки грузов [21]. Несколько банков Китая прекратили сотрудничество в данном вопросе, что приводит к простоям в перевозках и негативно отражается на ликвидности транспортных компаний, так как эти организации используют лизинг. Среди геополитических рисков можно выделить спор между Данией, Канадой и Россией по принадлежности хребта Ломоносова [22]. На сегодняшний день каждое государство считает его своим, но комиссия ООН признает это нейтральной территорией (на 11.05.2024). Несмотря на это, вышеперечисленные государства активно проводят исследования на принадлежность хребта. Стоит выделить риск для МТК «Север-Юг» во внешних конфликтах между Азербайджаном и Арменией по Нагорному Карабаху и вероятностью военных действий между Ираном и другими странами против Израиля [23].

Существует риск снижения объема инвестиций в будущем из-за нескольких причин, а именно развитие железнодорожного полигона и переориентация грузопотока в сторону Европы в случае нормализации отношений. Оба сценария могут быть положительными для экономики страны, но могут повлечь за собой стагнирование развития транспортных коридоров и восстановить зависимость от западных стран. Среди климатических рисков можно выделить опасность для мореплавателей и груза в водах северного морского пути. Так как, среди структуры грузооборота наибольшие веса приходятся на опасные груза, как нефтепродукты, в случае чрезвычайной ситуации может быть нанесен серьезный ущерб экологии.

<https://www.rbc.ru/politics/21/11/2023/637bde19a79478b7f394d42>

Таблица 1 – Комплексная матрица общих факторов, влияющих на развитие международных транспортных коридоров «Север-Юг» и «СМП»

Аспект	Преимущества	Ограничения	Перспективы	Риски
1	Влияние BRICS: Россия, Китай, Индия и Ирана на международной арене через логистический и торговый аспекты	Санкционное давление оказывает влияние на взаиморасчеты между компаниями, страхование грузов, таможенное сопровождение транзитных перевозок	Привлечение дополнительного дохода возможно за счёт увеличения спроса на российские транспортные коридоры, которые позволяют сократить расходы на логистику в условиях роста стоимости перевозок в районе Суэцкого канала из-за ухудшения ситуации в Красном море, связанной с действиями йеменских хуситов	Ужесточение санкций по отношению Китая и Индии при содружестве с Россией, из-за которых компании (в т.ч.) могут отказываться от партнерских отношений
Геополитические	Развитие транспортной инфраструктуры для ускорения и увеличения грузооборота, создания рабочих мест в регионах, удовлетворения спроса населения на санкционные товары, привлечения дополнительного дохода через транзит Европа-Китай, а также повышения квалификации кадров и качества образовательных программ в учебных заведениях, направленных на логистическую отрасль	Недостаточный уровень инвестиций для развития транспортной инфраструктуры в текущем состоянии при существующей низкой пропускной способности в сравнении с конкурентными маршрутами и нехваткой оборудования (контейнеров), повышение таможенных пошлин, влияющее на добавленную стоимость импортируемых товаров и приводящее к возможному снижению спроса на них у населения, а также миграция специалистов в крупные города (Москва, Санкт-Петербург и другие) в связи с более высоким качеством жизни	Возможность привлечения дополнительных инвестиций при изменении геополитической ситуации, интеграция с другими транспортными маршрутами (например, «Один пояс – один путь»), а также содружество в рамках международных транспортных коридоров «Север-Юг» и «СМП», которое может включать обмен образовательным и профессиональным опытом, расширение контактов между обществами, развитие совместных культурных мероприятий, способствующих формированию межкультурного диалога, укреплению взаимопонимания между странами коридора и улучшению региональной интеграции	Снижение объема инвестиций и их перенаправление на другие транспортные маршруты, снижение заинтересованности государства и стран-участниц в развитии международных транспортных коридоров, а также усиление темпов миграции населения в крупные регионы, что может повлечь за собой закрытие социально значимых учреждений, в том числе в сфере образования
Экономические				

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Технологические	<p>Современные технологии (блокчейн, искусственный интеллект, анализ данных, машинное обучение и др.) позволяют лучше понимать транспортные потоки и торговые отношения, оптимизировать логистику и поддерживать устойчивое развитие региональной экономики.</p> <p>Автором предложен методический подход к анализу и прогнозированию структуры и динамики грузооборота, который применим к любым маршрутам и транспортным коридорам. Методический подход может быть использован, как государственными органами, так и частным логистическим компаниям, например при пенообразовании перевозок с учетом эластичности спроса определенных товарных групп</p>	<p>Высокая стоимость и сложность внедрения в логистической отрасли, так как существует большое количество бизнес-процессов и различных факторов, влияющих на логистические цепочки</p>	<p>Важную роль играет международный обмен цифровыми технологиями и совместное внедрение инноваций. Компании и страны-участники могут совершенствоваться, обмениваясь опытом применения блокчейн-решений, платформ для анализа данных, методов прогнозирования логистических потоков на основе искусственного интеллекта, что способствует повышению эффективности транспортных коридоров и снижению рисков для дальнейшего развития. Такое технологическое партнерство укрепляет научно-техническое сотрудничество, создает общие стандарты и снижает узязвимость инфраструктуры к киберугрозам и другим вызовам</p>	<p>Киберугрозы оказывают наиболее значительное влияние и создают уязвимые места ТК, среди которых можно выделить системы спутниковой навигации и связи, подверженные риску взлома и нарушения работы судов. Также может возникнуть необходимость в поддержке и обновлении существующих цифровых решений, что может повлечь рост издержек в данном направлении</p>
Климатические	<p>Позиционирование транспортных коридоров «зелеными» благодаря использованию цифровых технологий. Цифровые технологии в транспортных коридорах открывают возможности для более точного мониторинга и управления трафиком, что способствует сокращению выбросов и повышению энергоэффективности. Их внедрение снижает экологический след логистики, делая грузоперевозки более устойчивыми к климатическим изменениям</p>	<p>Высокая стоимость экологической инфраструктуры: электровозы, альтернативное топливо</p>	<p>Дальнейшее развитие железнодорожной инфраструктуры, так как данный способ перевозки является наиболее экологичным по сравнению с другими</p>	<p>Аварийные случаи при перевозке опасных грузов, загрязнение окружающей среды</p>
Правовые	<p>Наличие и реализация стратегических государственных программ по развитию транспортной логистики позволяет повысить эффективность международных транспортных коридоров благодаря модернизации инфраструктуры, цифровизации управления перевозками и снижению логистических издержек</p>	<p>Необходимость в большей детализации вопросам экономического потенциала международных транспортных коридоров</p>	<p>Создание и расширение правовой базы для международного транспортного коридора открывает возможности для заключения многосторонних соглашений, гармонизации визовых и таможенных процедур, а также внедрения единых электронных платформ, что с высокой вероятностью уменьшит задержки на границах и снизит издержки перевозчиков. При этом инвесторы и участники рынка получают более предсказуемую среду для долгосрочного планирования, а сам коридор станет привлекательнее за счёт упрощённого транзита и сокращения бюрократических барьеров</p>	<p>При создании единой нормативной базы по отношению к МТК, потенциальные риски «конфликта юрисдикций» при спорных ситуациях</p>

Стратегическое планирование грузоперевозок и факторы развития международных транспортных коридоров

	Преимущества	Ограничения	Перспективы	Риски
Геополитические			Санкции на плавание в водах Дании	Обострение конфликта между Ираном и Израилем Боевые действия в Нагорном Карабахе Усиление позиций НАТО в Арктике Споры за Хребет Ломоносова
Экономические	Развитие полярного туризма	Поиск обратного груза	Развитие инфраструктуры лед. флота Расширение и увеличение погран пунктов	Волатильность стоимости нефтепродуктов
Технологические		Бумажный документооборот Уровень и сложность интеграций систем разных стран	Ограничения телекоммуникац. технологий Ограничения характеристик контейнеров	Поставки импортного оборудования для нефтегазовой отрасли
Климатические		Климатические условия	Сезонность грузоперевозок	Глобальное потепление
Правовые	Наличие нормативной базы между странами-участницами Стратегические программы развития Арктики	Визовые ограничения для экипажа Отсутствие централизованного управления	Отсутствие стратег. программ СМП с Китаем Отсутствие сквозного ж/д тарифа	

Рисунок 1 – Комплексная матрица частных факторов, влияющих на развитие международных транспортных коридоров «Север-Юг» и «СМП»

Кроме того, само развитие коридора в виде увеличения количества ледоколов и судов, проплываемых по коридору, приводят к загрязнению окружающей среды. Нельзя забывать и о киберугрозах, которые становятся все более актуальными в условиях растущей цифровизации [24].

Кибератаки могут парализовать работу транспортных систем, нарушить цепочки поставок и привести к серьезным финансовым потерям. Это особенно опасно в масштабах международных транспортных коридоров, где любая задержка может вызвать цепную реакцию проблем.

Портных В. В. предлагает структуру стратегического планирования, где одним из ключевых этапов является анализ внешней и внутренней среды организации. Автор рекомендует использовать методы PESTEL (автором упрощён до формата PEST) и SWOT-анализы. В модели выделяются последовательные этапы, начиная с формирования стратегического целеполагания, которое включает разработку миссии и видения организации. Следующий этап связан с анализом макроэкономических, политических, технологических и социальных факторов, влияющих на деятельность организации. Комплексный подход к анализу внешней среды позволяет учитывать динамику рынка, факторы конкурентоспособности и потенциальные угрозы. Внутренний анализ охватывает ресурсы, компетенции и операционные процессы организации, что дает возможность выявить сильные и слабые стороны [25].

Предлагается применить эти подходы, однако социально-культурные факторы из PEST-анализа рекомендуется объединить с экономическими, поскольку социально-культурные аспекты отдельно не были выявлены как значимые в рассмотренных научных статьях. Предлагаемый подход позволит более конкретно рассматривать факторы, влияющие на развитие и функционирование МТК.

На основании проведённого анализа литературных источников была сформирована комплексная матрица факторов развития международных транспортных коридоров, в которую включены как преимущества и ограничения, так и перспективы, и риски. Выделенные факторы были систематизированы с применением инструментов PEST- и SWOT-анализа, что обеспечило структурированный подход к оценке внешней и внутренней среды.

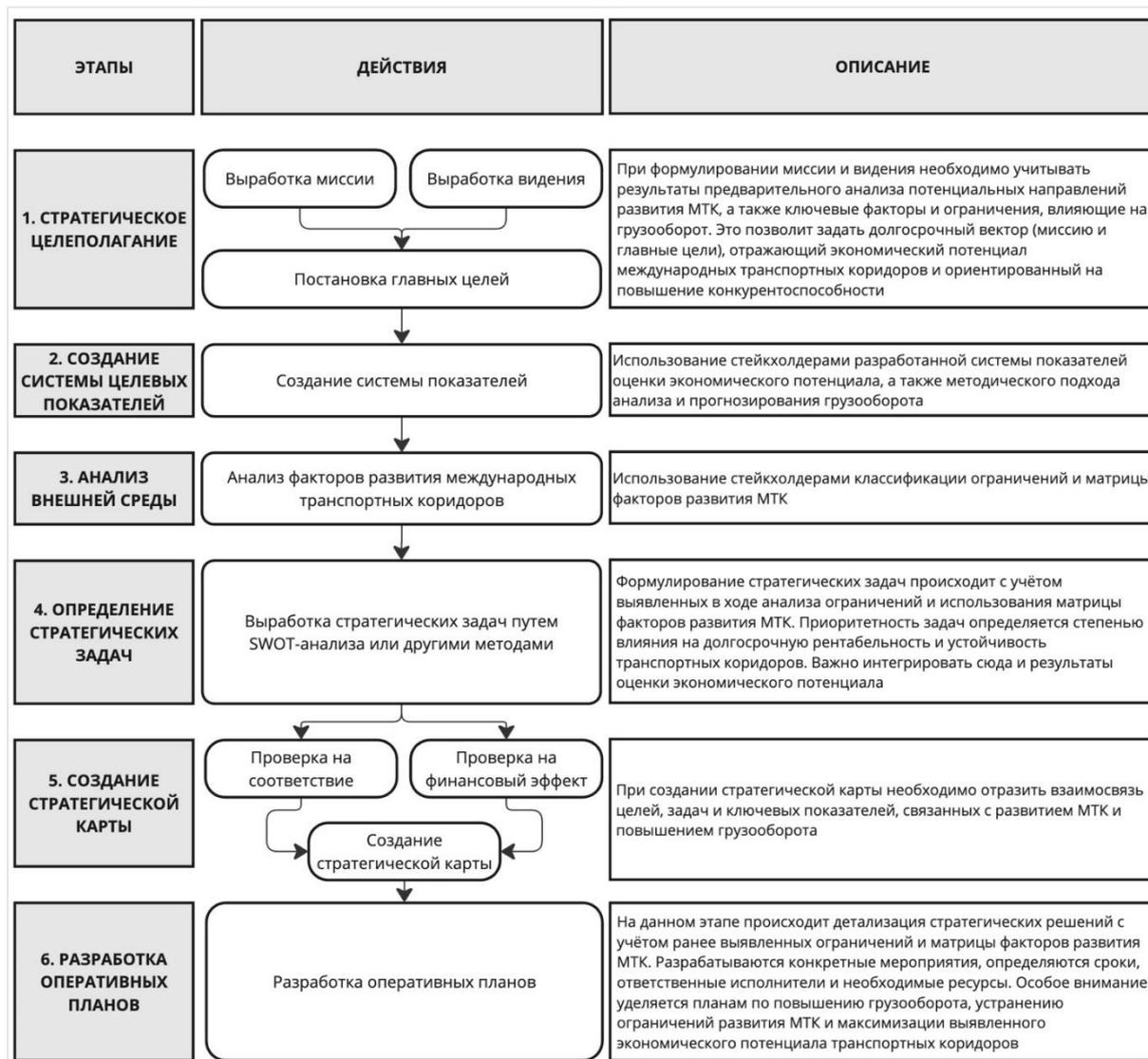
Матрица разделена на две части: общие факторы, характерные для большинства МТК, и частные, специфические для

отдельных направлений. Частные факторы сгруппированы с учётом специфики МТК «Север–Юг» и «Северного морского пути» (синим цветом выделены факторы СМП, оранжевым — «Север–Юг»), что позволяет адаптировать стратегическое планирование под конкретные маршрутные особенности.

В документы стратегического планирования грузоперевозок, может быть интегрирована матрица общих и частных факторов развития международных транспортных коридоров. На основании структуры стратегического планирования, предложенной Портных В. В. предлагается ее скорректировать с учетом ранее упомянутых факторов (рис. 2). Данная структура может быть использована, как государственными органами, так и частными компаниями при принятии управленческих решений.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Анализ матрицы общих и частных факторов демонстрирует, что геополитические, экономические, технологические, климатические и правовые факторы оказывают значительное влияние на эффективность и перспективы функционирования транспортных коридоров. С геополитической точки зрения преимуществом является укрепление региональных позиций, однако существует риск роста напряженности, включая обострение конфликтов между странами региона, усиление активности НАТО в Арктике и спорные вопросы территориального характера. В экономическом аспекте отмечается потенциал развития полярного туризма, однако существуют ограничения, связанные с отсутствием обратной загрузки транспорта и волатильностью цен на энергоносители. Перспективы связаны с развитием инфраструктуры и расширением портовых мощностей. Технологический аспект показывает важность цифровизации документооборота и совершенствования систем навигации и связи, однако внедрение

Стратегическое планирование грузоперевозок и факторы развития международных транспортных коридоров

Рисунок 2 – Структура стратегического планирования грузоперевозок международных транспортных коридоров (составлено на основании [25])

данных технологий осложняется их высокой стоимостью, ограниченностью телекоммуникационной инфраструктуры и киберугрозами. Климатические условия выступают естественным ограничением, проявляясь в сезонности перевозок и сложности условий эксплуатации транспортной инфраструктуры.

В рамках проведённого исследования выполнен третий этап (анализ внешней среды), связанный со стратегическим планированием международных транс-

портных коридоров. На основании изученной литературы, была проведена классификация преимуществ, перспектив, рисков и ограничений развития международных транспортных коридоров.

Нуждается в доработке этап по созданию стратегической карты, где следует более чётко увязать целевые показатели с финансовым и нефинансовым эффектом, а также расширить анализ рисков и возможностей, возникающих при изменении маршрутов и грузопотоков. Кроме того,

необходимо дополнить разработки в области оперативного планирования: на практике это означает конкретизацию сроков, перечня мероприятий и расчёта необходимых ресурсов с учётом матрицы факторов развития МТК. Важно, чтобы в этих

планах отражались механизмы устранения ограничений и повышения конкурентоспособности коридоров с точки зрения скорости доставки и пропускной способности.

► Литература

1. Куренков, П.В. Влияние экономических санкций на транспортную логистику Российской Федерации / П.В. Куренков, А.А. Сафронова, Е.А. Герасимова, М.Н. Харитонova. – Текст : непосредственный // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2022. – № 4(26). – С. 83-93. – DOI 10.36718/2500-1825-2022-4-83-93.

2. Астахова, А.С. Кругокаспийский транспортно-промышленный пояс как совокупность новых трансграничных свободных экономических зон интеграции мтк «Север-Юг» / А.С. Астахова, В.А. Глинский, П.В. Куренков. – Текст : непосредственный // Вестник Донецкой академии автомобильного транспорта. – 2023. – № 3. – С. 10-14.

3. Алклычев, А.М. Трансазиатские транспортные коридоры и развитие транспортной системы России / А.М. Алклычев, К.Х. Зоидов, А.А. Медков, З.К. Зоидов. – Текст : непосредственный // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2010. – № 3(25). – С. 55-63.

4. Винокуров, Е. Международный транспортный коридор «Север - Юг»: создание транспортного каркаса Евразии. Доклад 21/5 / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, М. Шашкенов, А. Забоев. – Алматы, Москва: Евразийский банк развития, 2021. – URL: <https://aismartlogistics.ru/wp-content/uploads/2025/06/edb-summary-instr-rus.pdf> (дата обращения: 20.03.2024) – Текст : электронный.

5. Цветков, В.А. Формирование новой эволюционной концепции увеличения грузовой базы транспортных коридоров "Север - Юг": современное состояние, геополитические условия и экономические предпосылки / В.А. Цветков, К.Х. Зоидов, А.А. Медков. – Текст : непосредственный // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2014. – № 9(47). – С. 229-246.

6. Степанян, Т.М. Развитие международных транспортных коридоров на евразийском пространстве / Т.М. Степанян. – Текст :

► References

1. Kurenkov P.V., Safronova A.A., Gerasimova E.A., Kharitonova M.N. (2022). The impact of economic sanctions on transport logistics in the Russian Federation. *Socio-Economic and Humanitarian Journal*, 4(26), 83–93. [In Russian] <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2022-4-83-93>

2. Astakhova A.S., Glinsky V.A., Kurenkov P.V. (2023). The Caspian transport-industrial belt as a system of transboundary free economic zones of North–South integration. *Bulletin of the Donetsk Academy of Automobile Transport*, 3, 10–14. [In Russian]

3. Alklychev A.M., Zoidov K.Kh., Medkov A.A., Zoidov Z.K. (2010). Trans-Asian transport corridors and the development of Russia's transport system. *Regional Problems of Economic Transformation*, 3(25), 55–63. [In Russian]

4. Vinokurov E., Akhunbaev A., Shashkenov M., Zabojev A. (2021). *International Transport Corridor 'North–South': building the transport framework of Eurasia. Report 21/5*. Almaty, Moscow: Eurasian Development Bank. [In Russian]

5. Tsvetkov V.A., Zoidov K.Kh., Medkov A.A. (2014). Formation of a new evolutionary concept to expand the freight base of the North–South transport corridors: current state, geopolitical conditions and economic prerequisites. *Regional Problems of Economic Transformation*, 9(47), 229–246. [In Russian]

6. Stepanyan T.M. (2019). Development of international transport corridors in the Eurasian space. *EESJ*, 4-7(44), 59-65. [In Russian].

непосредственный // EESJ. – 2019. – №4-7 (44). – С. 59-65.

7. Винокуров, Е. Международный транспортный коридор «Север – Юг»: инвестиционные решения и мягкая инфраструктура / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, А. Забоев. – Текст : непосредственный // Российский журнал экономики. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 159-173.

8. Огорокова, Ю.А. Совершенствование транспортно-логистических цепей в приграничных регионах России в новых реалиях / Ю.А. Огорокова. – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2022. – №9. – С. 646-656.

9. Рожко, А.И. Влияние санкций на развитие транспортной логистики в современной России / А.И. Рожко, М.В. Помогаева, И.Н. Бондаренко, А.В. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Вестник АГТУ. Серия: Морская техника и технология. – 2024. – №2. – С. 116-122. – DOI:10.24143/2073-1574-2024-2-116-122.

10. Степанов, Н.С. Траектория развития Северного морского пути: проблемы и перспективы / Н.С. Степанов. – Текст : непосредственный // РСМ. – 2022. – №3 (116). – С. 94-116.

11. Суворова, С.Д. Совершенствование транспортной инфраструктуры России в условиях геополитической реальности / С.Д. Суворова, О.М. Куликова. – Текст : непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – №3-2 (109). – С. 118-121. – DOI:10.24412/2411-0450-2024-3-2-118-121.

12. Чеченова, Л.М. Обоснование решений в области цифровизации контейнерных сервисов октябрьской железной дороги / Л.М. Чеченова. – Текст : непосредственный // ИТСТ. – 2022. – №4. – С. 126-139.

13. Янкин, Н.А. Проблемы внепортовой выгрузки грузов в условиях арктического региона / Н.А. Янкин. – Текст : непосредственный // Инновации и инвестиции. – 2023. – №4. – С. 175-178.

14. Осипова, Е.Э. Развитие экспорта российской Арктики в условиях изменения логистики / Е.Э. Осипова, О.И. Авагина. – Текст : непосредственный // АИС. – 2022. – №49. – С. 55-69.

15. Куприяновский, В.П. Технологии цифровых близнецов в транспортных коридорах для морских и водных путей в России /

7. Vinokurov E., Akhunbaev A., Zabojev A. (2022). International North–South Transport Corridor: investment decisions and soft infrastructure. *Russian Journal of Economics*, 8(2), 159–173. [In Russian].

8. Okorokova Y.A. (2022). Improving transport and logistics chains in Russia’s border regions under new conditions. *Moscow Economic Journal*, 9, 646-656. [In Russian]

9. Rozhko A.I., Pomogaeva M.V., Bondarenko I.N., Bondarenko A.V. (2024). The impact of sanctions on the development of transport logistics in modern Russia. *Bulletin of ASTU. Series: Marine Engineering and Technology*, 2, 116-122. [In Russian] <https://doi.org/10.24143/2073-1574-2024-2-116-122>

10. Stepanov N.S. (2022). The development trajectory of the Northern Sea Route: problems and prospects. *RSM*, 3(116), 94-116. [In Russian]

11. Suvorova S.D., Kulikova O.M. (2024). Improvement of Russia’s transport infrastructure under geopolitical realities. *Economics and Business: Theory and Practice*, 3-2(109), 118-121. [In Russian] <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-3-2-118-121>

12. Chechenova L.M. (2022). Justification of decisions in the field of digitalization of container services of the October Railway. *ITST*, 4, 126-139. [In Russian]

13. Yankin N.A. (2023). Problems of off-port cargo unloading in the Arctic region. *Innovation and Investment*, 4, 175-178. [In Russian].

14. Osipova E.E., Avagina O.I. (2022). Development of Russian Arctic exports under changing logistics. *Arctic and North*, 49, 55-69. [In Russian]

15. Kupriyanovsky V.P., Klimov A.A., Gots I.G., Volodin A.B., Zhabitsky M.G., Kupriyanovskaya Yu.V. (2020). Digital twin

В.П. Куприяновский, А.А. Климов, И.Г. Гоц, А.Б. Володин, М.Г. Жабицкий, Ю.В. Куприяновская. – Текст : непосредственный // *International Journal of Open Information Technologies*. – 2020. – №12. – С. 113-132.

16. Молчанова, Я.И. Основные аспекты информационно-цифровой среды функционирования таможенной логистики / Я.И. Молчанова, В.А. Дуболазов. – Текст : непосредственный // *Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли: Сборник трудов всероссийской научной и учебно-практической конференции. В 3-х частях, Санкт-Петербург, 27–29 мая 2020 года. – Часть 1. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. – С. 77-83.*

17. Барыкин, С.Е. Цифровые логистические платформы в странах БРИКС: сравнительный анализ и перспективы развития / С.Е. Барыкин, И.В. Капустина, Е.В. Корчагина, С.М. Сергеев, В.К. Ядыкин, А. Абдимомынова, Д. Степанова. – Текст : непосредственный // *Устойчивое развитие*. – 2021. – Т. 13. – № 11228. – DOI: 10.3390/su132011228.

18. Садовский, М.А. Тенденции управления логистическими рисками в российских экспортных компаниях / М.А. Садовский, М.Е. Маргиев. – Текст : непосредственный // *Хроноэкономика*. – 2024. – №1 (43). – С. 70-74.

19. Кириченко, В.П. Ирано-Саудовское замирение: влияние на ситуацию в регионе / В.П. Кириченко. – Текст : непосредственный // *Россия и мусульманский мир*. – 2024. – №1 (331). – С. 81-94.

20. Бухаров, С.В. *Klimat*: что ждет энергетику и экономику России к середине XXI века (о новой книге т. Густафсона. Часть 2) / С.В. Бухаров, П.Н. Тесля. – Текст : непосредственный // *ЭКО*. – 2022. – №4 (574). – С. 168-192.

21. Ван, Цзэвэй. Влияние постсанкций на российско-китайские перевозки / Ван Цзэвэй. – Текст : непосредственный // *Экономика и социум*. – 2024. – №6-1 (121). – С. 1028-1031.

22. Аникина, А.О. Дания в Арктике / А.О. Аникина. – Текст : непосредственный // *Academy*. – 2019. – №5 (44). – С. 117-119.

23. Агазаде, М.М. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции / М.М. Агазаде. – Текст : непосредственный // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. –

technologies in transport corridors for maritime and inland waterways in Russia. *International Journal of Open Information Technologies*, 12, 113-132. [In Russian]

16. Molchanova Y.I., Dubolazov V.A. (2020). Main aspects of the information and digital environment of customs logistics. *Proceedings of the All-Russian Scientific and Educational Conference on Management, Economics and Trade*. St. Petersburg: POLITEKH-PRESS. [In Russian]

17. Barykin S.E., Kapustina I.V., Korchagina E.V., Sergeev S.M., Yadykin V.K., Abdimomynova A., Stepanova D. (2021). Digital logistics platforms in BRICS countries: comparative analysis and development prospects. *Sustainability*, 13(11228). [In Russian] <https://doi.org/10.3390/su132011228>.

18. Sadovsky M.A., Margiev M.E. (2024). Trends in logistics risk management in Russian export companies. *Chronoeconomics*, 1(43), 70-74. [In Russian].

19. Kirichenko V.P. (2024). Iran–Saudi reconciliation: impact on the regional situation. *Russia and the Muslim World*, 1(331), 81-94. [In Russian]

20. Bukharov S.V., Teslya P.N. (2022). *Klimat*: What awaits Russia’s energy and economy by the mid-21st century (based on the new book by Th. Gustafson. Part 2). *ECO*, 4(574), 168-192. [In Russian]

21. Wang Zewei. (2024). The impact of post-sanctions on Russian-Chinese transportation. *Economics and Society*, 6-1(121), 1028-1031. [In Russian]

22. Anikina A.O. (2019). Denmark in the Arctic. *Academy*, 5(44), 117-119. [In Russian]

23. Agazade M.M. (2023). Azerbaijani–Iranian relations after the Second Karabakh war: features and trends. *RUDN Journal of International Relations*, 4, 719-733. [In Russian]

Стратегическое планирование грузоперевозок и факторы развития международных транспортных коридоров

2023. – №4. – С. 719-733. – DOI:10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733.

24. Криштаносов, В.Б. Угрозы и риски цифровой экономики на секторальном уровне / В.Б. Криштаносов. – Текст : непосредственный // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2022. – №1 (256). – С. 28-52.

25. Портных, В.В. Особенности стратегического планирования бизнес-организаций / В.В. Портных. – Текст : непосредственный // Вестник ГУУ. – 2012. – №8. – С. 110-115.

<https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-719-733>

24. Krishtanosov V.B. (2022). Threats and risks of the digital economy at the sectoral level. *Proceedings of BSTU. Series 5: Economics and Management*, 1(256) 28-52. [In Russian]

25. Portnykh V.V. (2012). Features of strategic planning in business organizations. *Bulletin of the State University of Management*, 8, 110-115. [In Russian].

Статья поступила в редакцию 25.03.25

Для цитирования: Дунаенко, Н.А. Стратегическое планирование грузоперевозок и факторы развития международных транспортных коридоров / Н.А. Дунаенко, Т.Ю. Кудрявцева // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 131-147.

For citation: Dunaenko N.A., Kudryavtseva T.Yu. (2025). Strategic planning of cargo transportation and factors of development of international transport corridors. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 131-147. [In Russian]

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦИФРОВЫХ УСЛУГ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Усова Н.В. д-р экон. наук, доцент, ORCID 0000-0002-7575-6078, e-mail: nata-ekb-777@yandex.ru, доцент кафедры маркетинга и международного менеджмента ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Уральский институт управления; доцент кафедры маркетинга Школы экономики и менеджмента Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Логинов М.П. д-р экон. наук, доцент, ORCID 0000-0003-0831-3004, e-mail: portall@mail.ru, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; профессор кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Уральский институт управления; профессор кафедры менеджмента Школы управления и междисциплинарных исследований Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; г. Екатеринбург, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации цифровых услуг розничной торговли в экономико-правовом контексте. Представлены тенденции развития маркетплейсов как доминирующего структурного элемента рынка цифровых услуг розничной торговли, выявлены правовые проблемы деятельности маркетплейсов и правового регулирования защиты прав потребителей при приобретении товаров дистанционным способом. По результатам анализа предложены пути решения выявленных проблем. Авторами предложены поправки в закон «О защите прав потребителя» в части правового закрепления категорий «маркетплейс», «агрегатор», «интернет-магазин» и введения субсидиарной ответственности маркетплейса и продавца в случае предоставления некачественного товара. В целях обеспечения конкурентной среды

и на цифровом рынке предлагается закрепить ответственность маркетплейсов/агрегаторов/интернет-магазинов обеспечить перманентный сбор сведений обо всех заключенных договорах купли-продажи в Единой информационной системе. Также разработан ряд мероприятий как по дополнению ГК РФ, так и направленных на повышение уровня цифровой грамотности населения и осведомленности потребителя относительно ответственности продавца, владельца маркетплейса/агрегатора/интернет-магазина в случае нарушения сроков доставки, возврата некачественного товара либо товара надлежащего качества.

Ключевые слова: цифровые услуги розничной торговли; маркетплейс; агрегатор; интернет-магазин; цифровая экономика; правовое регулирование.

©Н.В. Усова, М.П. Логинов, 2025

TRANSFORMATION OF DIGITAL RETAIL SERVICES: TRENDS AND PROSPECTS

Usova N.V. Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, ORCID 0000-0002-7575-6078, e-mail: nata-ekb-777@yandex.ru, Associate Professor of the Department of Marketing and International Management, Ural State University of Economics; Associate Professor of the Department of Economics and Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management, Yekaterinburg, Russian Federation.

Loginov M.P. Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, ORCID 0000-0003-0831-3004, e-mail: port-all@mail.ru, Professor of the Department of Finance, Money Circulation and Credit, Ural State University of Economics, Professor of the Department of Economic Theory of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management, Yekaterinburg, Russian Federation.

Abstract. The article is devoted to the study of the transformation of digital retail services in an economic and legal context. The trends in the development of marketplaces as the dominant structural element of the digital retail services market are presented, the legal problems of the activities of marketplaces and the legal regulation of consumer protection when purchasing goods remotely are identified. Based on the results of the analysis, ways to solve the identified problems are proposed. The author proposed amendments to the law "On Consumer Rights Protection" regarding the legal consolidation of the categories of "marketplace", "aggregator", "online store" and the introduction of subsidiary liability of the marketplace and the seller in case of providing low-quality goods. In order to ensure a competitive environment in the digital market, it is proposed to consolidate the responsibility of marketplaces/aggregators/online stores to ensure the permanent collection of information about all concluded purchase and sale agreements in a single information system. A number of measures have also been developed both to supplement the Civil Code of the Russian Federation and aimed at increasing the level of digital literacy of the population and consumer awareness regarding the responsibility of the seller, the owner of the marketplace / aggregator / online store in case of

violation of delivery deadlines, return of low-quality goods or goods of proper quality.

Keywords: digital retail services; marketplace; aggregator; online store; digital economy; legal regulation.

► **Введение.** Цифровые услуги розничной торговли активно развиваются и трансформируются, а катализатором стала пандемия Covid-19. На современном этапе мы наблюдаем рост цифрового сегмента розничной торговли и, в первую очередь, за счет усиления востребованности у потребителей услуг маркетплейсов.

Актуальность исследования носит междисциплинарный характер. С одной стороны, важным является развитие цифрового сегмента национальной экономики и, в первую очередь, цифровых услуг розничной торговли. Ведь наравне с офлайн-форматами такими как единичные магазины, торговые центры, рынки и иными все большую популярность приобретают и цифровые форматы, а именно интернет-магазины, агрегаторы, маркетплейсы, а социальные сети и мессенджеры становятся точками взаимодействия продавца и покупателя.

С другой стороны, важным вопросом является наличие действующих норм права, позволяющих обеспечить защиту прав всех участников цифрового рынка и, тем самым, сформировать основу для

ускорения темпов развития данного сегмента рынка.

В связи с этим авторами в данном исследовании ставится цель изучить тенденции развития маркетплейсов, как одного из ключевых структурных элементов рынка, и их правовое регулирование в условиях формирования цифровой модели национальной экономики.

► **Обзор литературы.** Учитывая пока только формирующуюся парадигму исследования как цифровой экономики, так и цифровых услуг розничной торговли, приходится констатировать наличие небольшого количества публикаций по исследуемому вопросу. Кроме того, активное развитие цифровых услуг розничной торговли сопровождается и дифференциацией участников. Как уже было отмечено выше, становится на рынке представлены маркетплейсы, интернет-магазины и агрегаторы. В связи с тем, что маркетплейсы вносят существенный вклад в формирование показателей цифрового сегмента розничной торговли авторами исследуется именно данный вопрос. Отметим, что в доступных авторам источниках исследуются отдельные вопросы, но при этом рассмотрение маркетплейсов именно в контексте экономико-правового подхода пока не нашло своего отражения.

Так С.В. Панасенко, Н.М. Сурай, А.Ф. Никишин и Г.В. Корнева [1] проанализировали современное состояние и перспективы развития российских маркетплейсов.

А.А. Гайдаенко характеризует маркетплейсы следующим образом. «Маркетплейс – это платформа электронной коммерческой деятельности, на которой помещена информация о товарах, их производителях и продавцах. Деятельность через электронную торговую площадку ведут ее владелец и оператор, которые размещают информацию о товарах на сайте маркетплейса, предоставляют возможность доступа к ней. Отличительная

особенность электронной торговой площадки состоит в том, что ее владельцы и операторы не участвуют в создании реализуемой продукции. Маркетплейс предоставляет продавцам возможность размещать товары с целью продажи, а также получать информацию о заказах товаров» [2, с. 93-94].

В свою очередь Т.Ф. Тимофеева и В.В. Тимофеев рассматривают пишут, что торговый агрегатор «это цифровая площадка, обеспечивающая куплю-продажу по наиболее выгодной цене, а также взаимодействие между продавцами, владельцем агрегатора и покупателями с целью анализа большого количества предложений в одном информационном окне и сокращения издержек при поиске информации о составе, ассортименте и других характеристиках продукции и товаров» [3, с. 74-75].

Также представляет интерес исследование П.С. Романцовой, С.А. Шахватовой, Е.С. Марковой [4], в котором авторы выделяют ряд тенденций развития маркетплейсов и отмечают, в частности, что рынок маркетплейсов уже сейчас является высококонкурентным, а цифровые платформы обладают, так и разнообразия услуг для населения.

Е.Е. Тарасова, Е.В. Матузенко и О.А. Глазунова [5] исследуя маркетплейсы выделили ряд преимуществ (экономию на рекламе, большая целевая аудитория, обширная география продаж, доверие покупателей, повышение среднего чека и наличие ответственности за сделку) и недостатков (конкурирование по цене, невыгодные условия сотрудничества, изменение условий сотрудничества, отсутствие контроля, отсутствие лояльной аудитории).

Исследуя правовой аспект отметим работу А.И. Клименко, которая отмечает, что «Нормативные правовые акты и отдельные стандарты не приспособлены к регулированию отношений в сфере

потребителей товаров в интернет пространстве. Базовое понятие для маркетплейса "электронный потребитель" до сих пор не имеет стандартного определения» [6, с. 581].

В свою очередь И.В. Фадеева, анализируя правовой аспект регулирования маркетплейсов и агрегаторов отмечает, что «Необходимость правового регулирования интернет-торговли и, конкретно, деятельности маркетплейсов назрела уже давно. На сегодняшний день это одна из немногих отраслей, которая активно развивается в силу того, что данная сфера не требует решения большого количества сложных организационных вопросов и не связана с существенными издержками. Поэтому важно, с одной стороны, установить нормы, позволяющие соблюсти баланс интересов потребителей и интернет-компаний, а с другой — не отяготить осуществление интернет-коммерции введением излишнего государственного регулирования» [7, с. 224].

Таким образом мы можем говорить о том, что на современном этапе развития представляет интерес именно междисциплинарный подход, учитывающий как экономический аспект, выражающийся в динамике развития маркетплейсов, их востребованности, так и правовой – действующие нормы права, направленные на гармонизацию взаимодействия участников рынка.

► **Данные и методы.** При проведении исследования авторами были применены такие методы как компаративный анализ, обобщение, сопоставление, группировка и ретроспективный анализ.

Информационной базой выступили Tinkoff eCommerce, Data Insight,

---

¹ Онлайн-продажи 2023: тренды и драйверы [Электронный ресурс]. – URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Virin_inSales_OnlineSales2023_trends_drivers.pdf

² Итоги года на маркетплейсах: в 2023 году количество покупок выросло на 63%

интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ, СОЗД ГАС «Законотворчество», данные Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств.

► **Результаты исследования.** Цифровая торговля активно развивается и для потребителя расширяется выбор каналов взаимодействия с продавцом. Так покупатель может обратиться в офлайн-магазин, но в современных условиях ускорения ритма жизни время становится одним из ключевых факторов, а может использовать онлайн-каналы, среди которых агрегаторы, маркетплейсы, интернет-магазины.

Маркетплейсы являются одним из основных каналов сбыта товаров в цифровом пространстве. Так если в 2021-2022 гг. основными каналами являлись маркетплейсы и сайты, то в 2023 г. ситуация изменилась, что связано с появлением дополнительных каналов, к которым относятся социальные сети, мессенджеры и сайты объявлений¹.

По данным Tinkoff eCommerce²:

– совокупный объем трат на маркетплейсах в 2023 г. почти в 1,5 раза больше, чем в 2022 г.;

– количество транзакций выросло на 63%;

– растет активность жителей регионов РФ — увеличились число транзакций на маркетплейсах, которые совершают россияне за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, и общий объем этих транзакций в денежном выражении;

– средний чек снизился на 10% — до 1789 рублей;

– самая популярная площадка по оборотам и числу совершенных

[Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tinkoff.ru/about/news/29012024-marketplaces-year-results-number-of-purchases-increased-by-63-percent-in-2023/> (дата обращения: 27.04.2024)

покупок – Wildberries, на втором месте – Ozon. На два этих маркетплейса приходится 86% продаж (в рублях);

– рост числа селлеров за последний год замедлился — продавцов на маркетплейсах стало на 8% больше;

– количество селлеров, которые торгуют на 2 и более площадках, выросло на 17%.

Рассматривая маркетплейсы важно отметить, что в целом их востребованность и успешность зависит от четырех групп факторов:

– экономические (уровень доходов населения и уровень инфляции);

– правовые (регулирование купли-продажи товаров, взаимодействие между продавцом и правообладателем на маркетплейс, правовое регулирование

защиты прав потребителей в цифровом пространстве);

– технологические (уровень развития цифровых технологий, доступность цифрового пространства);

– психологические (уровень доверия к цифровым технологиям и цифровым услугам).

И вся эта совокупность факторов влияет на уровень удовлетворенности, посещаемости маркетплейсов, а также на средний чек, количество заказов, частота посещений.

Все это, в свою очередь, приводит к росту привлекательности для продавцов, тем самым, к расширению ассортимента.

Далее рассмотрим правовые акты, действие которых также распространяется и на данные отношения (табл. 1).

Таблица 1 – Правовое регулирование маркетплейсов

Правовой акт	Регуляторная направленность
"Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)"	<ul style="list-style-type: none"> ● Договор комиссии (глава 51) ● Агентский договор (глава 52)
Законе РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»	<ul style="list-style-type: none"> ● Размещение достоверной информации о продавце на сайте агрегатора (маркетплейсе), а в случае изменений в сведениях о продавце проинформировать агрегатора и внести данные сведения в информацию о себе ● Продавец несет ответственность за исполнение договора, соблюдение прав потребителей, в том числе в части передачи товара ненадлежащего качества и обмена товара надлежащего качества на аналогичный ● Агрегатор обязан направить продавцу уведомление об отказе от исполнения договора купли-продажи в связи с нарушением со стороны продавца обязательства передать товар в установленный срок после получения такого уведомления от покупателя, который изъявляет желание вернуть сумму произведенной им предварительной оплаты товара ● Агрегатор не несет ответственности в случае, если потребитель понес убытки в связи с предоставлением последнему недостоверной или неполной информации о товаре продавцом, при условии, что владелец агрегатора не вносил изменений в информацию о товаре, предоставленную продавцом, а также в публичную оферту

Также существует проблема распределения рисков и ответственности, связанных с браком и повреждениями товара в процессе транспортировки.

«На практике распространены случаи утери товара, невозврата нереализованного товара, необоснованного

взимания штрафов с продавцов. Нередки также сбои системы, из-за которых позиция может быть продана по цене, ниже указанной в карточке товара, и т. п. И поскольку маркетплейсы неохотно реагируют на досудебные претензии предпринимателей по таким вопросам, им

приходится обращаться за защитой своих прав в суд»¹.

Согласно новым изменениям в законодательстве, которые вступили в силу с 1 марта 2023 года, маркетплейсы будут нести ответственность за продажу контрафактных и немаркированных товаров. Это означает, что площадки будут обязаны контролировать легальность товаров, продаваемых на их сайте, и предпринимать меры по удалению контрафактных товаров и тех, которые не соответствуют требованиям нормативных актов. Если маркетплейс не сможет обнаружить и удалить подобные товары, он будет нести ответственность за нарушение закона. Это введение поможет бороться с незаконной торговлей и защитит интересы потребителей².

Важно отметить, что на законодательном уровне отсутствует разграничение понятий «маркетплейс», «агрегатор» и «интернет-магазин».

Так в соответствии с Законом о защите прав потребителей «владелец агрегатора информации о товарах (услугах) (далее - владелец агрегатора) - организация независимо от организационно-правовой формы либо индивидуальный предприниматель, которые являются владельцами программы для электронных вычислительных машин и (или) владельцами сайта и (или) страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и которые предоставляют потребителю в отношении определенного

товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов в соответствии с пунктом 3 статьи 16.1 настоящего Закона и Федеральным законом от 27 июня 2011 года N 161-ФЗ "О национальной платежной системе"»³.

Трактовки категории «маркетплейс» представлены в судебной практике. Рассмотрим некоторые из них.

В соответствии с Решением от 29 декабря 2022 г. по делу № А41-39169/2022 «это электронная информационная площадка - агрегатор товарных предложений, играющая роль посредника между продавцом товара и покупателем, которые пользуются площадкой по своему усмотрению, особенность которого состоит в том, что подобный сервис не участвует в создании реализуемой продукции, и не является стороной договора купли-продажи между продавцом и покупателем»⁴.

В соответствии с решением Арбитражного суда города Москвы от 24 ноября 2022 г. по делу № А40-161762/2022⁵, ссылаясь на ст.1253.1 ГК РФ, маркетплейс

¹Торговля на маркетплейсах: современные тенденции судебной практики по спорам между предпринимателем и интернет-площадкой [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/article/1620205/>

²Маркетплейсы будут нести ответственность за продажу контрафакта и контроль маркировки. [Электронный ресурс]. – URL: <https://честныйзнак.рф/info/news/marketpleysy-budut-nesi-otvetstvennost-za-prodazhu-kontrafakta-i-kontrol-markirovki/>

³ О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 // СПС «Консультант-Плюс».

⁴Решение от 29 декабря 2022 г. по делу № А41-39169/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/>

⁵Решение от 24 ноября 2022 г. по делу № А40-161762/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/>

признается информационным посредником.

Также представляет интерес решение Арбитражного суда Москвы¹, в соответствии с которым ООО «Интернет Решения» (маркетплейс OZON «выступает владельцем агрегатора информации о товарах / маркетплейса - сайта www.ozon.ru, не являлся продавцом товара, приобретенного истцом по договору купли-продажи у предпринимателя Новиковой Элины Валентиновны; не является производителем, поставщиком, экспортером товаров, а также не отвечает за действия продавцов. Оформляя заказ на сайте ozon.ru, в том числе, оплачивая его на сайте, покупатель заключает договор купли-продажи товара с продавцом товара, а не с владельцем маркетплейса/агрегатора информации о товарах. Общество "Интернет Решения" перечисляет денежные средства продавцу товар в соответствии с условиями типового договора оферты. Кроме того, в договоре для продавца на платформе Ozon, заключенного между обществом "Интернет решения" и предпринимателем Новиковой Элиной Валентиновной указано, что товар остается в собственности продавца до реализации товара клиенту (в момент исполнения обязательства по передаче товара клиенту за исключением случаев отказа клиента от товара в момент передачи) либо реализации товара Ozon (пункт 1.4. договора). Ozon оказывает услуги по совершению одной или нескольких сделок, связанных с реализацией товаров продавца через платформу юридическим лицам от имени продавца. К таким правоотношениям применяются также положения Гражданского кодекса об агентировании (глава 52) (пункт 1.2 договора). Все права

и обязанности по сделкам, связанным с реализацией товаров продавца и заключенным от его имени, возникают непосредственно у продавца согласно абзаца 3 пункта 1 статьи 1005 Гражданского кодекса Российской Федерации, а не у общества "Интернет Решения", как настаивает истец.

Осуществление маркетплейсом разных- видов деятельности не лишает его возможности выступать в качестве информационного посредника (пункт 77 Постановления N 10). Получение денежных средств (комиссии) маркетплейсом не влияет статус маркетплейса как информационного посредника, так же как и действия по доставке не влияет статус маркетплейса как информационного посредника.».

Кроме того в соответствии с Приказом Минкомсвязи России от 31.03.2020 N 148 (ред. от 01.07.2021) «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"» выделено 29 агрегаторов и маркетплейсов. Так к интернет-магазинам относятся "Wildberries", "Ozon", "Aliexpress.ru" и иные, а к маркетплейсам – "Tiu.ru" и "Онлайнтрейд.ру".

При этом, по мнению авторов, необходимо разделять на законодательном уровне три категории «интернет-магазин», «агрегатор» и «маркетплейс», что обусловлено спецификой каждого из участников рынка цифровой торговли (табл. 2).

---

¹Решение от 29 ноября 2022 г. по делу № А40-195497/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/>

Трансформация цифровых услуг розничной торговли: тенденции и перспективы

Таблица 2 – Сравнительная таблица категорий «интернет-магазин», «агрегатор» и «маркетплейс»

Критерий	Интернет-магазин	Агрегатор	Маркетплейс
Роль	Осуществление продаж	Информационная	посредническая
Представленность товаров	Только одного продавца	который собирает товары и услуги со всех интернет-магазинов и дает на них ссылки	Множество различных продавцов
Возможность заключения договора купли-продажи и осуществления платежей	есть	предоплата	есть
Источник дохода	Продажа товаров и услуг	Трафик, приводящий в интернет-магазины, и реклама	Процент от суммы сделок

На данный момент интернет-торговля в России регулируется достаточно фрагментарно. Можно найти отдельные нормы права в Гражданском кодексе РФ, Законе о защите прав потребителей, но при этом единого правового акта, осуществляющего правовое регулирование цифровой торговли пока нет.

В октябре 2000 года на рассмотрение в Государственную Думу РФ был внесен проект законопроекта «Об электронной торговле», который прошел первое чтение, но 23.04.2004 года был отклонен и снят с рассмотрения.

Как отмечается в стенограмме обсуждения от 23.04.2004 года основаниями для снятия с рассмотрения стали отрицательное заключение правительства, также отмечается «отклоняемый законопроект, или предлагаемый к отклонению законопроект, является калькой первой части закона США об электронной торговле»¹.

В 2008 году на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный закон «Об электронной торговле» (постановление № 31-

12 от 25 ноября 2008 года), в соответствии с которым выделяется три группы участников, а именно продавцы, осуществляющие электронную торговлю товарами, выполнением работ, оказанием услуг; покупатели соответствующих товаров, работ и услуг; посредники, которые опосредовано участвуют либо способствуют совершению электронных сделок.

Основываясь на данных, представленных в таблице, авторы приходят к выводу о наличии дискуссионности в отношении возможных участников. Целесообразно выделить в качестве отдельного участника в числе посредников организации, выступающие в роли оператора цифровых платформ, на которых осуществляется взаимодействие продавца, покупателя, кредитных организаций. Внесение данной поправки целесообразно в связи с развитием цифровой торговли популяризацией маркетплейсов, а также экосистем. Далее рассмотрим практику правового регулирования цифровой торговли в России.

Обратимся к Гражданскому кодексу РФ (ст.160 и 434). Так в ст.160 определено, что «Письменная форма сделки

¹Законопроект №11081-3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/11081-3>

считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю». При этом в ст.434 ГК РФ «Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 настоящего Кодекса».

При этом, по мнению авторов, необходимо дополнить обе статьи ГК РФ, обозначив возможными и иными способы заключения сделки, среди которых, подписание договора простой электронной подписью, квалифицированной/неквалифицированной усиленной подписью, направления соответствующего электронного сообщения.

Если обратиться к судебной практике, в соответствии с постановлением Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 18002/12 по делу № А47-7950/2011 если информация отправлена с адреса корпоративной почты, то данный факт является подтверждением совершения соответствующих действий от имени организации, пока лицом не будет доказано обратное.

Получение смс-сообщения с комбинацией цифр и букв также может считаться фактом заключения договора. Так в соответствии с определением 1 КСЮО от 30.10.2020 № 88-22889/2020 по делу № 2-1314/2019 нет четкого закрепления

относительно использования конкретных информационных технологий или технических средств. Таким образом, заключение договора возможно путем использования технологии удаленного банковского обслуживания, обмена письмами в электронной почте, смс-сообщения (в частности, при оформлении займа дистанционным способом).

Также возникает вопрос относительно осуществления электронной торговли в социальных сетях. Здесь обратимся к апелляционному определению Свердловского областного суда от 30.04.2019 по делу № 33-6947/2019, в соответствии с которым заключение договора розничной купли-продажи через социальную сеть ВКонтакте и внесение предоплаты за предмет договора признаны основанием для удовлетворения исковых требований со стороны покупателя о взыскании с продавца денежных средств в размере 30000 рублей в связи с отказом ответчика от исполнения договора. Суд руководствовался ст.497 Гражданского кодекса РФ и ст.26.1 Закона РФ «О защите прав потребителей».

При условии, что доля цифровой торговли и цифрового взаимодействия увеличивается актуальность приобретает и развитие цифрового урегулирования гражданско-правовых споров.

Так с марта 2021 года в Государственной Думе Российской Федерации рассматривается законопроект № 1138398-70 внесении изменений в Закон Российской Федерации "О защите прав потребителей" и Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров.

В соответствии с данным законопроектом предполагается наличие онлайн-сервиса портала госуслуг и закрепление

процедуры урегулирования споров. Благодаря данному онлайн-сервису будет обеспечен процесс предъявления, рассмотрения и удовлетворения требований потребителей в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей» в рамках досудебного урегулирования споров между потребителем и изготовителем, а также исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером, владельцем агрегатора по вопросу продажи товаров/выполнения работ/ оказания услуг в цифровом пространстве.

Что касается Закона РФ «О защите прав потребителей», то в данном правовом акте закреплены вопросы дистанционной торговли. Так ст. 26.1 регулирует дистанционный способ продажи товара, а последствия продажи товара ненадлежащего качества дистанционным способом продажи товаров регулируются ст. 18-24 настоящего Закона.

В 2020 году в Государственную Думу был внесен законопроект «О маркетплейсах», но в 2021 году он был отклонен по результатам рассмотрения профильного комитета¹.

По настоящее время отсутствует отдельный правовой акт либо нормы права, регулирующие правовые отношения, возникающие между маркетплейсами, предпринимателями и потребителями.

По состоянию на март 2024² года внесен на рассмотрение в Государственную Думу РФ Федеральный закон «О государственном регулировании торговой

деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

В конце апреля 2024 года стало известно, что Государственно-правовое управление отмечает, что «поправки «характеризуются низким качеством юридической техники»... авторы выбрали неточные или некорректные определения некоторых терминов, которые фигурируют в документе... некоторые предложения противоречат действующему законодательству.»³ Также дискуссионным остается вопрос возможности взимания денег за возврат товаров. Парламентарии отмечают, что данное право уже закреплено в законе «О защите прав потребителей. В свою очередь Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ) и Ассоциация представителей электронной торговли Сибири (АПЭТ) выступают за сохранение данной платы, аргументируя свою позицию тем, что «такое ограничение «может стать инструментом недобросовестной конкуренции». На сегодня сложилась практика, когда продавцы заказывают на площадках как потребители товары с доставкой в дальние регионы, «чтобы у реальных потребителей не было возможности заказать этот товар у конкурента». «При этом доставка каждой единицы товара имеет определенную стоимость, которая должна быть кем-то оплачена:

---

¹ Законопроект № 1015918-7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1015918-7> (дата обращения: 23.04.2024)

² О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в

Российской Федерации" (в части введения правового регулирования деятельности агрегаторов информации о товарах) : Законопроект № 568223-8 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8> (дата обращения: 23.04.2024)

³ Утренний обзор за 27 апреля [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/252803/> (дата обращения: 27.04.2024)

продавцом, маркетплейсом или потребителем»¹.

Таким образом, розничная купля-продажа товаров в сети Интернет регламентируется Отдельными статьями Гражданского кодекса РФ и Закона РФ «О защите прав потребителей», но в тоже самое время остаются нерешенными вопросы, связанные с регулированием цифровых услуг, а также вопросы досудебного урегулирования гражданско-правовых споров.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Исследуя рынок цифровой торговли с правовой точки зрения возникает ряд вопросов, связанных с регулированием взаимодействия между участниками рынка, а именно продавец, агрегатор/интернет-магазин/маркетплейс, посредник, покупатель.

Кроме того, актуальным является и защита прав потребителей. Рынок цифровой торговли получил существенный толчок к дальнейшему развитию благодаря пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19. Именно в период самоизоляции, введения ограничений для предприятий розничной торговли многие потребители перешли в цифровое пространство, о чем свидетельствовали данные о темпах прироста. При этом возникают вопросы, касающиеся ответственности за предоставляемый товар.

Как и в традиционной торговле вопросы цифровой торговли регулируются Законом РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей», а также Гражданским кодексом РФ.

Так в случае приобретения товара дистанционным способом в соответствии с п.3 ст.26.1 Закона «О защите прав потребителей» потребитель в момент доставки

товара должен быть письменно уведомлен о самом товаре, а также порядке и сроках возврата товара.

Также руководствуясь п.4 ст.26.1 закона о защите прав потребителей отметим, что отсутствие у потребителя документа, подтверждающего факт и условия покупки товара не являются основанием для отказа продавцом в замене товара на аналогичный либо иной товар с последующим перерасчетом покупной цены, в соразмерном уменьшении покупной цены либо устранении недостатков. В данном случае потребитель может сослаться на иные доказательства приобретения данного товара.

Аналогично данные требования могут быть предъявлены в случае, если выявлены недостатки в товаре в течение гарантийного срока или срока годности товара.

Как уже было отмечено в одной из публикаций авторов «Для большинства респондентов ключевыми факторами выбора в пользу онлайн-торговли являются возможность сравнения цены и экономия денежных средств, так как в сети Интернет товары дешевле. Кроме того, для пользователей важны возможность приобретения товара в любое время суток, снижение временных затрат на покупки и возможность ознакомиться с отзывами других людей. В свою очередь, основными причинами отказа от приобретения товаров и услуг в сети Интернет являются отсутствие возможности потрогать и примерить товар, наличие сомнений в качестве приобретаемого товара, а также определенных страхов относительно того, что непонятно к кому обращаться в случае проблем и боязнь возникновения

¹ Бизнес просит сохранить право маркетплейсов брать плату за возврат [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/news/252714/> (дата обращения: 27.04.2024)

сложностей, связанных с возвратом товара.» [8, с.207].

В данном случае отметим, что руководствуясь п.2 ст.452 ГК РФ, покупатель может отказаться от исполнения договора купли-продажи, но должен быть соблюден претензионный порядок урегулирования спора, включающий в себя направление продавцу предложения о расторжении договора купли-продажи с указанием причин и сроков. В случае если в указанные сроки ответ от продавца так и не будет получен, то покупатель имеет право обратиться в суд с требованием о расторжении договора.

Обратим внимание на то, что владелец агрегатора не несет ответственности за качество товара и информацию о товаре/продавце. Исключение только если информация не является достоверной по вине владельца агрегатора.

Также достаточно часто возникают вопросы, связанные с тем кто должен оплачивать доставку при замене некачественного товара либо при его возврате.

В данном случае действует норма права, закрепленная в п.7 ст.18 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» «Доставка крупногабаритного товара и товара весом более пяти килограммов для ремонта, уценки, замены и (или) возврат их потребителю осуществляются силами и за счет продавца (изготовителя, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера). В случае неисполнения данной обязанности, а также при отсутствии продавца (изготовителя, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) в месте нахождения потребителя доставка и (или) возврат указанных товаров могут осуществляться потребителем. При этом продавец (изготовитель, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер) обязан

возместить потребителю расходы, связанные с доставкой и (или) возвратом указанных товаров.».

Таким образом ключевыми факторами являются вес и габариты возвращаемого товара. Так если товар не является крупногабаритным и его вес не превышает 5 кг, то покупатель за свой счет отправляет товар для замены/возврата. В противном случае продавец должен осуществлять доставку за свой счет либо компенсировать затраты на возврат данного товара покупателю.

Также к проблемам относятся достаточно фрагментарный характер правового регулирования цифровой экономики в целом и рынка цифровой торговли как структурного элемента цифровой экономики. По настоящее время ведутся активные дискуссии относительно выделения в отдельную отрасль права цифрового права.

Кроме того присутствует с одной стороны преемственность, а с другой – междисциплинарность. Так развитие рынка цифровой торговли связано не только с развитием цифровых технологий как таковых, но и востребованностью традиционной аналоговой торговли. При этом отсутствие норм права, регулирующих взаимодействие участников рынка приводит к дискусионности взаимодействия и снижению востребованности цифровых услуг, повышению уровня недоверия к цифровому сегменту.

Также важно отметить, что в Законе «О защите прав потребителей» отсутствуют нормы права, в которых закреплялись категории «маркетплейс», «интернет-магазин» и «агрегатор». Так остается непонятным вопрос относительно защиты прав потребителей и ответственности маркетплейсов, интернет-магазинов и агрегаторов в случае приобретения некачественного товара, контрафактной продукции либо нарушений сроков доставки. При условии, что каждый из

перечисленных выше участников рынка имеет свою модель взаимодействия, то целесообразно закрепить это и на законодательном уровне.

Также отсутствие правового статуса данных участников рынка приводит к сложностям при определении доминирующего либо монопольного положения на рынке.

В условиях текущей санкционной повестки вопросы цифрового взаимодействия и развития цифровых услуг входят в число ключевых, что в свою очередь сопряжено с наличием правовых механизмов регулирования цифровых услуг. При условии, что рынок цифровой торговли является одним из ключевых, необходимо не только выявлять тенденции его развития, но и формировать актуальное правовое поле, что выражается в совершенствовании норм права и закреплении новых категорий.

Все это направлено на развитие экономических процессов и обеспечение конкурентоспособности национальной экономики.

Для решения выявленных проблем авторами предлагаются следующие мероприятия.

Во-первых, внести поправки в закон «О защите прав потребителя» в части правового закрепления категорий «маркетплейс», «агрегатор», «интернет-магазин».

Маркетплейс – сайт и (или) страница сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" или мобильное приложение, источником дохода которых является процент от суммы сделок, предоставляющие потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложениями различных продавцов (исполнителей) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания

услуг), а также произвести оплату указанного товара (услуги) путем перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов либо оплаты в пункте выдачи.

Интернет-магазин – сайт и (или) страница сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" или мобильное приложение, источником дохода которых является продажа товаров и услуг, предоставляющие потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложениями одного продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу интернет-магазина в рамках применяемых форм безналичных расчетов либо оплаты при получении.

Агрегатор – сайт и (или) страница сайта в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" или мобильное приложение, источником дохода которых является трафик, приводящий в интернет-магазины и реклама, предоставляющие потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложениями различных продавцов (исполнителей) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг), заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг), а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

Во-вторых, на официальных сайтах маркетплейсов, агрегаторов, интернет-магазинов, в том числе в мобильных приложениях обязательно размещать информацию для потребителей относительно ответственности продавца, владельца маркетплейса/агрегатора/интернет-магазина в случае нарушения сроков доставки, возврата некачественного товара либо товара надлежащего качества.

В-третьих, в целях обеспечения конкурентной среды и на цифровом рынке авторами предлагается закрепить ответственность маркетплейсов/агрегаторов/интернет-магазинов обеспечить перманентный сбор сведений обо всех заключенных договорах купли-продажи в Единой информационной системе. Введение Единой информационной системы позволит выявлять рыночную ситуацию в режиме реального времени и в случае выявления доминирующего положения принять соответствующими органами меры реагирования. Кроме того, данная система позволит отслеживать и, при необходимости, блокировать недобросовестных продавцов либо службы доставки. С одной стороны это позволит снизить долю контрафактной продукции на рынке, а с другой – обеспечить защиту от недобросовестных продавцов, которые в настоящее время могут просто перейти с одной платформы на другую без каких-либо ограничений. Также в данной системе будет осуществляться фиксация претензий и рекламаций и, тем самым, участники рынка не смогут проигнорировать данную претензию/рекламацию, а на основе поступивших претензий и рекламаций будет формироваться ежегодный рейтинг маркетплейсов/агрегаторов/интернет-магазинов.

Также данная система будет способствовать сокращению числа поддельных сайтов в сети Интернет.

В-четвертых, закрепить на законодательном уровне (в Законе «О защите прав

потребителей») права и обязанности маркетплейсов/агрегаторов/интернет-магазинов. На современном этапе развития маркетплейс не несет ответственности за технические сбои. Также, по мнению авторов, необходимо ввести субсидиарную ответственность маркетплейса и продавца в случае предоставления некачественного товара.

В-пятых, поведение мероприятий, направленных на повышение уровня цифровой грамотности населения с целью обеспечения актуальными знаниями с учетом появления новых технологий и киберугроз.

В-шестых, по мнению авторов, необходимо дополнить обе статьи ГК РФ, обозначив возможными и иными способы заключения сделки, среди которых, подписание договора простой электронной подписью, квалифицированной/неквалифицированной усиленной подписью, направления соответствующего электронного сообщения.

Таким образом, в условиях перехода к цифровой модели национальной экономики актуальность приобретают не только повышение экономической эффективности предприятий сферы торговли, но и развитие рынка цифровой торговли, повышение уровня конкурентоспособности и качества жизни населения. Для достижения этого требуется создание не только экономических условий, но и актуального правового поля, учитывающего разнообразие существующих видов цифровых участников рынка, их роль в системе, а также возможные риски.

Предлагаемые авторами рекомендации позволят сделать более прозрачными договоры купли-продажи и возмездного оказания услуг в цифровом пространстве, что в дальнейшем позволит использовать весь потенциал рынка цифровой торговли.

► Литература

1. Панасенко, С.В. Отечественные маркетплейсы: современное состояние и перспективы развития / С.В. Панасенко, Н.М. Сурай, А.Ф. Никишин, Г.В. Корнева. – Текст : непосредственный // Вестник БИСТ. – 2022. – № 2(55). – С. 27-36.
2. Гайдаенко, А.А. Гражданско-правовая охрана товарных знаков, используемых на маркетплейсах / А.А. Гайдаенко. – Текст : непосредственный // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 21. – С.92-104.
3. Тимофеева, Т.Ф. Проблемы правового регулирования торгового агрегатора как разновидности цифровой технологической платформы Т.Ф. Тимофеева, В.В. Тимофеев. – Текст : непосредственный // Oeconomia et Jus. – 2022. – № 3. – С.73-79.
4. Романцова, П.С. Маркетплейсы как главный тренд электронной коммерции / П.С. Романцова, С.А. Шахватова, Е.С. Маркова. – Текст : непосредственный // Инновационная экономика и право. – 2022. – № 4 (23). – С. 80-87.
5. Тарасова, Е.Е. Маркетплейсы как онлайн-платформы развития интернет-торговли в России / Е.Е. Тарасова, Е.В. Матузенко, О.А. Глазунова. – Текст : непосредственный // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2022. – № 4 (95). – С. 100-112.
6. Клименко А.И. Пробелы в правовом регулировании защиты прав потребителей на маркетплейсах / А.И. Клименко. – Текст : непосредственный // Eromen. Global. – 2023. – № S34. – С. 579-585.
7. Фадеева, И.В. Недобросовестные маркетплейсы и товарные агрегаторы как субъекты административной ответственности / И.В. Фадеева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 222-225.
8. Логинов, М.П. Развитие онлайн-торговли на рынке цифровых услуг в условиях кризиса / М.П. Логинов, Н.В. Усова. – Текст : непосредственный // Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации экономики. Материалы докладов Международной научно-практической конференции. – Витебск, 2020. – С. 205-209.

Для цитирования: Усова, Н.В. Трансформация цифровых услуг розничной торговли: тенденции и перспективы / Н.В. Усова, М.П. Логинов // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 148-162.

► References

1. Panasenko S.V., Suray N.M., Nikishin A.F., Korneva G.V. (2022). Domestic marketplace: current state and development prospects. *Vestnik BIST*, 2(55), 27-36. [In Russian]
2. Gaidaenko A.A. (2022). Civil law protection of trade marks being used on marketplaces. *Issues of Russian justice*, 21, 92-104. [In Russian]
3. Timofeeva T.F., Timofeev V.V (2022). Problems of legal regulation of a trade aggregator as a digital technology platform. *Oeconomia et Jus*, 3, 73-79. [In Russian]
4. Romantsova P.S., Shakhvatova S.A., Markova E.S. (2022). Marketplaces as the main trend of e-commerce. *Innovative economics and law*, 4 (23), 80-87. [In Russian]
5. Tarasova E.E., Matuzenko E.V., Glazunova O.A. (2022). Marketplaces as online development platforms of internet trade in Russia. *Vestnik Belgorodskogo Universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, 4 (95), 100-112. [In Russian]
6. Klimenko A.I. (2023). Gaps in consumer protection law on marketplaces. *Eromen. Global*, S34, 579-585. [In Russian]
7. Fadeeva I.V. (2020). Unfair marketplaces and product aggregators as subjects of administrative responsibility. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4, 222-225. [In Russian]
8. Loginov M.P., Usova N.V. (2020). Development of online trading in the digital services market in a crisis. *Socio-economic development of organizations and regions in the context of digitalization of the economy. Materials of the reports of the International Scientific and Practical Conference*. Vitebsk. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 30.04.25

For citation: Usova N.V., Loginov M.P. (2025). Transformation of digital retail services: trends and prospects. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 148-162. [In Russian]

УДК 330.59(477.62)

JEL: J18, L31

**ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ
В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Коваленко В.П. канд. наук по гос. упр., доцент, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономических исследований, e-mail: ilinova.v50@mail.ru, ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием и использованием инструментов государственного управления качеством жизни населения в целях практической реализации управленческих решений в этой сфере. Показана недостаточная разработанность понятия «инструмент управления» в контексте формирования терминологии государственного управления в настоящее время. Представлено развитие тенденции проектизации в государственном управлении качеством жизни населения. Отмечены сильные стороны управленческой деятельности на основе проектов. Охарактеризованы новые инструменты управления качеством жизни населения, ориентированные на содействие, помощь гражданам в формировании конструктивных стратегий проживания ситуации неопределенности. Поскольку на трансформацию инструментов государственного управления, процессы, связанные с их внедрением на

региональном уровне, значительное влияние оказывает изменение внешних и внутренних факторов, основной акцент в статье сделан на необходимости отслеживания действия этих факторов, их учета при использовании инструментов государственного управления качеством жизни населения. В таком контексте показана целесообразность изучения социального пространства. Кратко охарактеризовано социальное пространство Донецкой Народной Республики с акцентом на духовно-ценностное его подпространство. Рассмотрена роль лидерства как показателя резильентности государственного управления в части повышения качества жизни регионального социума.

Ключевые слова: качество жизни населения; управление качеством жизни населения; инструменты управления; национальные проекты; социальное пространство; социальное участие населения; лидерство.

**INSTRUMENTS FOR MANAGING THE POPULATION QUALITY OF LIFE
AND THEIR APPLICATION IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

Kovalenko V.P. Candidate of Sciences in Public Administration, Associate Professor, leading research associate at the Department of Social and Economic Research, e-mail: ilinova.v50@mail.ru, SFI "Economic Research Institute", Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

© В.П. Коваленко, 2025

Abstract. The article investigates the problems associated with the formation and use of instruments of state management of the quality of life of the population for the purpose of practical implementation of management decisions in this area. The lack of elaboration of the concept of "management tool" in the context of the formation of public administration terminology at the present time is shown. The article presents the development of the trend of projectionization in the state management of the quality of life of the population. The strengths of project-based management are highlighted. New tools for managing the quality of life of the population are characterized, focused on assistance and assistance to citizens in forming constructive strategies for dealing with situations of uncertainty. Since the transformation of public administration tools and the processes associated with their implementation at the regional level are significantly influenced by changes in external and internal factors, the main focus of the article is on the need to monitor the effects of these factors and take them into account when using public quality of life management tools. In this context, the expediency of studying social space is shown. The social space of the Donetsk People's Republic is briefly characterized with an emphasis on its spiritual and value subspace. The role of leadership as an indicator of the resilience of public administration in terms of improving the quality of life of a regional society is considered.

Keywords: quality of life of the population; management of the quality of life of the population; management tools; national projects; social space; social participation of the population; leadership.

► **Введение.** Одним из важнейших критериев благополучия государства

---

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309

является повышение качества жизни его граждан. Проблемы повышения качества жизни населения постоянно находятся в центре внимания Правительства Российской Федерации. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития РФ на период до 2026 года и на перспективу до 2036 года», в качестве национальных целей развития РФ определяется: сохранение населения, укрепление здоровья и благополучия людей, поддержка семьи, реализация потенциала каждого человека, комфортная и безопасная среда для жизни¹. Это уже третья итерация (предшествующие – 2018 г. и 2020 г.) стратегического документа, в котором проблемы, связанные с благополучием граждан, качеством жизни населения выступают содержательной основой целеполагания государства.

Согласно утвержденной Правительством РФ программе социально-экономического развития новых регионов, одной из важнейших задач, поставленных перед органами власти, определяется улучшение качества жизни в таких регионах. При этом предполагается в ближайшие годы обеспечить соответствие качества жизни населения в новых регионах достигнутому среднему уровню субъектов РФ в целом.

Трансформация модели государственного управления в целом в настоящее время отличается направленностью на повышение эффективности социально-экономического развития и адаптацию к формирующейся новой реальности [1]. В таком контексте проблема формирования инструментов повышения качества жизни населения как средства практической реализации управленческих решений и особенностей их применения непосред-

[Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lxch35qpm815145576>

ственно в условиях региона приобретает особую значимость.

► **Обзор литературы.** В настоящее время исследование проблематики, связанной с качеством жизни населения, перешли в ранг междисциплинарных. В них стали учитываться самые различные факторы жизнедеятельности человека (экономические, политические, социальные, культурные, психологические, экологические, медицинские и др.).

Как основные содержательные характеристики общего тренда, в соответствии с которым последние десятилетия развиваются исследования качества жизни, определяются:

растущая междисциплинарность теоретических моделей и эмпирических исследований;

увеличивающийся вклад психологии в понимание и изучение качества жизни;

смещение фокуса исследований с объективных характеристик на субъективные индикаторы качества жизни.

Ключевой вектор понимания качества жизни в междисциплинарных исследованиях начинает определять позитивная психология [2]. В такой связи значительный интерес представляет теория качества жизни Роберта Лайна в изложении Дж. Сирджи, основная идея которой заключается в том, что высокое качество жизни определяется набором характеристик личности, выступающих одновременно признаком психического здоровья и социальной ответственности. К указанным характеристикам относятся: способность получать удовольствия от жизни; чувства автономии и эффективности; самопознание и самооценка; легкость межличностных отношений; этическая ориентация; ориентация на продуктивность; интегрированность личности. В набор характеристик качества жизни входит качество условий окружающей среды,

которые человек может использовать для достижения качества личности [3].

Экономика рассматривается как важнейший фактор сокращения различий в качестве жизни населения. В такой связи представляет интерес работа Ф.С. Файзуллина и И.Ф. Файзуллина. Авторы обосновывают важную идею о том, что без социализации экономической системы происходит осложнение решения задач, направленных на повышение качества жизни населения [4].

В контексте решения проблем, связанных со спецификой качества жизни регионального социума, представляет интерес работа Д.Л. Галлиулина, в которой акцентируется внимание на формирование условий, обеспечивающих стабильное, прогрессирующее развитие социальных отношений, сохранение, укрепление и обогащение бытия, то есть защищенности качественного состояния социальных отношений [5].

Жизнедеятельность современного человека протекает в условиях нарастания неопределенности в природных, социально-технических системах. В этой связи проблема качества жизни населения в таких условиях занимает важное место в современном научном дискурсе [6].

В аспекте государственного управления качеством жизни населения важная роль отводится его рассмотрению как системы. В таком ракурсе интересна позиция О.В. Глушаковой о том, что основное содержание государственного управления качеством жизни населения определяется с одной стороны системой представлений и ценностей субъектов управления, а с другой – системой ценностей и представлений объектов управления как акторов социально-экономических процессов [7].

По мнению современных исследователей, качество жизни населения рассматривается как вектор, величина которого носит комплексный характер и

определяется как эндогенными факторами, так и экзогенными [8].

В новых классификациях факторов регионального социально-экономического развития качество жизни отнесено к группе «мягких факторов», которые сложно оценивать количественно [9].

Вместе с тем, проблемы управления качеством жизни населения в целом, его инструментального обеспечения в современных научных работах рассматриваются недостаточно, что и обусловило необходимость реализации заявленной темы в формате научной статьи.

Целью статьи является рассмотрение современных инструментов государственного управления качеством жизни регионального социума и особенностей их применения в ДНР.

Предполагается, что использование научно-обоснованного инструментария управления качеством жизни населения, учитывающего региональную специфику социально-экономического развития, позволяет обеспечить практическую реализацию управленческих решений, направленных на повышение качества жизни регионального социума.

► **Методы и данные.** В работе наряду с общенаучными (анализ, синтез, абстрагирование и др.) использовались социологические и междисциплинарные методы.

Поскольку заявленная проблема носит междисциплинарный характер, для ее разработки проведен анализ по ряду вопросов, связанных с дисциплинарной принадлежностью к социологии, психологии, культурологии. Так, большой круг проблем, опосредованных пространством, исследуется социологией. В этой связи использование корпуса социологических работ позволило проанализировать особенности социального пространства ДНР в части культурно-ценностного потенциала населения, а также урбанистической специфики территории.

В настоящем исследовании использованы данные статистических обзоров, вторичного анализа материалов по рассматриваемой в статье проблеме, а также данные, представленные в справочных и аналитических материалах министерств и ведомств ДНР, аналитических докладах ИЭИ.

► **Результаты исследования.** К настоящему времени понятие «инструмент государственного управления» не получило должного рассмотрения и рефлексии в науке государственного управления [10]. Термин «инструмент управления» до сих пор не имеет четкого определения. Это может служить примером неупорядоченности терминологической лексики государственного управления в целом как следствия динамизма процессов формирования терминологии государственного управления в настоящее время.

В ряду понятий «методы – средства – инструменты управления» последнее является наименее разработанным. Объем понятия «метод» в этом ряду предполагает взаимосвязанные принципы, способы, операции, которые целенаправленно реализуются в управленческом процессе. Инструментальная часть метода как конструирования и введения в технологический процесс управления предполагает создание специализированных инструментов.

В теории государственного управления «инструменты» – сравнительно новое понятие. Роль и место этого понятия определяются положением в логической связке «управленческое решение – инструмент реализации решения», «управляющее воздействие – инструмент осуществления управляющего воздействия». Следует указать на вторичность инструментов управления по отношению к управленческим решениям.

Тенденция проектизации различных сфер человеческой деятельности привела к широкому использованию методик и

практик проектного управления в науке, культуре, социальной сфере [11]. Она получила широкое распространение в государственном управлении. В настоящее время национальные проекты занимают одно из первых мест в практике государственного управления и в целом направлены на повышение качества жизни граждан.

Национальные проекты, представляющие собой инновационные решения, выступают как инструменты реализации целей национального развития Российской Федерации, которые имеют приоритетное значение и предполагают четко обозначенный конечный результат [12].

Национальные проекты рассчитаны на долгосрочную перспективу и направлены на решение задач, связанных с социально-экономическим развитием государства, в том числе повышением качества жизни населения [13].

Сильными сторонами управленческой деятельности на основе использования проектов выступают:

- заданная цель;
- инновационная направленность (по критерию ориентации на изменения);
- динамичность (по критерию подвижности);
- четкая ограниченность сроков (по критерию сроков исполнения);
- уникальность (по критерию характера действий) [14].

В настоящее время особую востребованность приобретают инструменты управления качеством жизни, ориентированные на содействие, помощь населению в формировании конструктивных стратегий проживания ситуаций неопределенности.

Относительно взаимодействия личности с ситуацией неопределенности в современных психологических исследованиях используется термин «стратегия проживания ситуации неопределенности». Определение такой ситуации

основывается на оценке собственных возможностей и ресурсов; эмоциональных переживаний, мотивов и целей обобщенного способа реагирования на ситуацию, которая оценивается как неопределенная [15].

В такой связи не вызывает сомнения целесообразность использования специальных инструментов, которые известны под названием «семейные сберегательные инструменты». Они нацелены на формирование:

- мотивации населения к накоплению буферных сбережений домохозяйств;
- финансово грамотного поведения, финансовой экономической культуры населения.

Следует отметить, что в принятых на государственном уровне стратегических документах в настоящее время заметно смещение акцента с финансовой грамотности на финансовую культуру [16].

С учетом многоаспектности и сложности определения понятия «финансовая культура», доминирующим при ее исследовании выступает системный подход, предполагающий рассмотрение финансовой культуры как системы, элементы которой взаимодействуют, задавая определенный характер связи между собой и обуславливая развитие друг друга.

В системе инструментов управления качеством жизни, направленных на содействие формированию конструктивных стратегий проживания ситуаций неопределенности, следует выделить такой инструмент, как социальный контракт. Его внедрение ориентировано на повышение эффективности предоставления социальной помощи, помощи в трудоустройстве, помощи в организации индивидуальной предпринимательской деятельности, помощи в организации личного подсобного хозяйства [17].

Этот подход показал высокую востребованность как стимулирующий

социальную активность и развитие личностного потенциала граждан, а также как снижающий риски, связанные с формированием иждивенческих жизненных стратегий.

В контексте использования инструментов управления качеством жизни социальное участие населения рассматривается как один из важнейших факторов.

Под социальным участием населения понимается реактивное и пассивное вовлечение, активное участие и проактивная вовлеченность в деятельность, направленную на достижение субъективно и социально значимых целей в сфере качества жизни [18].

Развитие социального участия населения опирается на следующие основные подходы:

– консьюмеристский – участие рассматривается как функциональность;

– эмпаурмент-подход – участие рассматривается как инструмент преодоления неравенств, расширения прав и возможностей;

– инклюзивный – участие рассматривается как основа социальной интеграции, реализации потенциала, проявления субъектности.

В общем виде эта деятельность является самомотивированной, сознательной и добровольной, направленной на позитивные преобразования, связанные с качеством жизни по ее целевым компонентам (здоровье, образ жизни, безопасность, занятость и др.).

В настоящее время происходит активное осмысление понятия «культура безопасности» в различных научных проекциях. При этом консенсусным представляется обобщенное определение этого понятия как идеи, привычек, социального поведения людей, групп людей, которые позволяют им избегать угроз и опасностей [19].

В контексте настоящей статьи представляет интерес рассмотрение культуры

безопасности как «заботы о себе», базовыми составляющими которой выступают:

ценностно-когнитивная установка (нормы, идеалы, обыденные привычки, правила, регулирующие социальное поведение людей);

определенный праксис – совокупность знаний, навыков и умений относительно действий в небезопасной ситуации.

В работе с населением важная роль отводится развитию каналов обратной связи. Использование инструментов обратной связи на региональном уровне управления способствует:

выявлению различных управленческих недочетов в реализации проектов, потенциала системы социального контракта, а также семейного сберегательного инструмента;

снижению рисков, связанных с возникновением ситуаций социальной напряженности, деструктивного поведения людей;

распространению основных идей, связанных с реализацией мер по повышению качества жизни населения в регионе;

формированию доверительного и оперативного диалога по вопросам, связанным с решением задач повышения качества жизни населения;

становление и развитие системы коммуникационного сопровождения реализации национальных проектов на региональном уровне;

превенции различных эксцессов, конфликтов в работе с населением по вопросам обеспечения качества жизни;

выявлению зон «проседания», «управленческого вакуума», различных барьеров во взаимодействии с населением по вопросам, связанным с обеспечением качества жизни регионального социума;

стимулированию встречной активности населения, созданию условий для

реализации личностного потенциала граждан;

формированию информационной базы для проведения самоаудита деятельности субъектов управления по вопросам повышения качества жизни населения региона.

На трансформацию инструментов государственного управления оказывает влияние быстрое и непрерывное изменение внешних факторов, а также быстрое изменение внутренних факторов – экономической и политико-административной среды, в результате чего происходит постоянная трансформация институционального дизайна государственного управления как вынужденная реакция государства на внешние и внутренние вызовы [20]. В такой связи с учетом специфики рассматриваемой проблемы представляется необходимым сделать акцент на модулирующем (определяющем) влиянии ценностей, которые в сложные периоды развития социума всегда выходят на передний план [21].

Качество жизни населения, эффективность формирования человеческого капитала зависят от состояния социального пространства региона, которое определяется как пространство обеспечения основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, формирования и развития их человеческого потенциала [22]. Структурность является важнейшей характеристикой социального пространства. Это предполагает наличие взаимосвязи элементов, которые обеспечивают человеку его существование в социуме, помогают быть (стать) его активной частью, а также придают его личному пространству индивидуальные черты [23].

Социальное пространство является частью социально-экономического пространства региона, представляющего ареал действия различных формальных и неформальных регуляторов (правовых и социальных норм, правил),

определяющих объем и качество услуг социальной сферы, влияющих на процесс воспроизводства человеческого капитала, а также совокупность отношений между индивидами, социальными группами во всех сферах жизнедеятельности региона [24].

Составляющими социального пространства выступают:

– система общественных отношений, социальных связей;

– социальная инфраструктура (поселенческие комплексы) с соответствующим набором социальных учреждений.

На основе использования принципа сегментации социального пространства на подпространства (поля) выделяются: экономическое, культурное, духовно-ценностное, семейное, информационное, образовательное-воспитательное и профессиональное подпространства. Важнейшей составляющей социального пространства региона представляется духовно-ценностное подпространство, включающее условия производства, распределения и потребления духовных ценностей, отношение человека к миру, другим людям, самому себе, а также социально-творческая среда.

Рассмотрение специфики социального пространства ДНР, его духовно-ценностного подпространства необходимо начать с акцента на исторически отличительной особенности культурного развития Донбасса, которая определяется как доминирование русской культуры. Поскольку экономическое становление края осуществлялось под воздействием трудовой миграции, интенсивного притока русских в различные периоды, русская культура здесь бытовала столетиями. При этом необходимо отметить, что на Донбассе, представляющем собой многонациональный регион, никогда не было конфликтов на межэтнической почве.

Под общественным самосознанием понимается осознание человеком себя как

социального субъекта, оценку своей деятельности, общественного характера, социальных чувств, интересов, социальных действий и жизнедеятельности общества как целостной системы, отношение к природной среде. Оно действует на механизмах общественной памяти и предстает как саморефлексия, как отражение собственной духовной жизни.

Ценности существуют в виде общественного идеала и выражают объединяющие, собирающие отношения между людьми. Для населения ДНР такими ценностями являются ценности Русского мира.

В ДНР сложились свои традиции: празднование Дня Республики, дней памяти погибших детей, защитников Донбасса, мирных жителей и другие. У жителей ДНР произошло преломление идеологии, норм, ценностей в контексте собственной истории, что способствовало формированию следующих основных характеристик общественного самосознания:

отношение к обществу – характеризуется активной взаимоподдержкой людей, бережным отношением к памятникам истории и памяти об исторических событиях, разочарованием и даже негативизмом относительно позиции мирового сообщества, особенно «коллективного Запада»;

отношение к природе – стремление к сохранению природной среды, экономному расходованию ее ресурсов;

направленность на укрепление веры в будущее, формирование представлений о мирной жизни;

отношение к предметному миру – привязанность к месту проживания, неготовность к перемещению даже в случае необходимости, острое чувство принадлежности именно к этой территории.

Отношение человека к природной среде и ее ресурсам, способность к реализации действий в этой связи определяется

как экологическая характеристика качества населения. Эта способность подкрепляется фактическими действиями населения. В настоящее время исследователями предлагается к использованию экологический подиндекс индекса развития человека [25].

Об экологической характеристике качества населения ДНР, прежде всего, говорит уровень его заботы о среде собственной жизнедеятельности в экстремальных условиях военного конфликта, экономное расходование природных ресурсов, вовлеченность в общественно-полезную деятельность экологической направленности. В этом контексте необходимо указать на такую экологическую характеристику населения, как постоянная забота о поддержании чистоты и порядка на территориях проживания вопреки разрушениям, риску, при малых для этого собственных средствах, что составляет одну из сильных сторон (преимуществ) качества населения Республики.

Необходимо отметить, что все годы военных действий власти ДНР активно поддерживали сохранность инфраструктуры, изыскивали возможности для быстрой ликвидации разрушительных последствий.

Другой сильной стороной экологического сознания населения является направленность на экономное расходование природных ресурсов. Так, в ситуации, связанной с водоснабжением, население перешло на режим экономного водопотребления, который поддерживается и в условиях наращивания объемов подачи воды.

В урбанистической социологии пространство понимается как вмещилище социальных процессов [26]. Неотъемлемой частью этого пространства является публичное пространство города, с его архитектурой, памятниками, улицами, скверами. Это исключительно важно для населения, поскольку с социально-

психологической точки зрения город, поселок для человека пронизаны историей, нарративами, мифами и образуют сохраняющийся универсум представлений, которые бесконечно значимы в условиях нестабильности.

Потенциал памятников реализуется, если вокруг них формируется определенная активность: демонстрация солидарности, преемственности поколений; чествование героев. В настоящее время в городе Донецке установлено большое количество памятников, связанных со знаковыми событиями и людьми его новейшей истории, реализацией потребности в увековечивании и запечатлении этих событий и людей.

Важную роль в восприятии городской среды выполняют дизайнерские фигуры, вокруг которых также сохраняется высокая активность населения. Средоточием таких объектов в городе Донецке является Парк кованых фигур, территория которого в определенные календарные даты выступает социально-творческой средой, в которой проявляется как организованная, так и спонтанная активности населения.

Таким образом, возможность успешной реализации на территории ДНР национальных проектов как больших государственных инициатив, эффективность использования других современных инструментов управления качеством жизни населения в значительной мере связана с учетом специфики региона, особенностей его социального пространства.

В настоящее время в решении задач, связанных с повышением качества жизни регионального социума на основе эффективного использования современного инструментария управления на передний план выходит фактор лидерства как показатель резильентности государственного управления социально-экономическим развитием [27].

В своей основе деятельность по управлению качеством жизни населения региона опирается на потенциал политического лидерства, поскольку государственное управление – это политическая функция, которая реализуется через властно-организующую деятельность.

Лидерство, направленное на обеспечение качества жизни населения предусматривает:

ответственность за процессы повышения качества жизни населения;

информирование о качестве жизни населения;

уверенность в том, что потребности человека находятся в центре политики и практической деятельности по обеспечению качества жизни;

управление инновациями в сфере качества жизни населения;

снятие всевозможных искусственно созданных барьеров, в том числе организационного характера;

эффективное взаимодействие с населением в вопросах, связанных с качеством жизни;

эффективное взаимодействие с экспертным сообществом в вопросах, связанных с качеством жизни населения.

Лидерство в государственном управлении качеством жизни населения не может быть в принципе сведено к какому-либо его виду. Оно представляет собой многокомпонентное образование, имеющее собственную специфику.

В новейших исследованиях по лидерству как одна из наиболее популярных, признанных в управленческой практике выделяется концепция трансформационного лидерства [28].

Трансформационное лидерство показывает свою эффективность на различных уровнях государственного управления. Отмечается особая важность этого вида лидерства для реализации технологичного участия граждан в проектах,

направленных на повышение качества жизни населения [29].

Сильной стороной трансформационного лидерства является его парситипативность, направленность на обеспечение активного участия граждан, их вовлеченности в различные виды деятельности коллективного характера. Такая деятельность предполагает привлечение всех заинтересованных сторон: представителей органов власти, регионального (городского, поселкового и др.) сообщества и бизнеса. При этом трансформационные лидеры широко применяют социальные технологии, представляющие собой совокупность методов воздействия в целях решения различных социальных проблем, в том числе в сфере повышения качества жизни населения [30; 31].

Использование потенциала трансформационного лидерства в управлении качеством жизни населения позволяет оказывать значительное морально-психологическое воздействие на человека, направленное на преодоление негативной позиции потребителя услуг в сфере качества жизни, стимулировать формирование позиции ответственной, самостоятельной личности, готовой прикладывать собственные усилия для повышения качества жизни.

Таким образом, трансформационное лидерство становится востребованным в актуальной практике, особенно на уровне взаимодействия с населением, что особенно важно в решении проблем, связанных с качеством жизни регионального

социума, использованием современных инструментов управления в этой сфере.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Заинтересованность государства в повышении качества жизни населения обуславливает необходимость формирования и постоянного совершенствования инструментов государственного управления качеством жизни как способа реализации на практике управленческих решений.

Реализация национальных проектов в регионах, представляя собой сложный многоаспектный процесс, требует учета множества факторов. В этой связи особую важность приобретает взаимообусловленный охват различных проблем, связанных с жизнедеятельностью регионального социума, на основе сегментации социального пространства региона на подпространства (экономическое, культурное, духовно-ценностное, информационное и др.).

Важная роль в формировании и использовании инструментов государственного управления, их совершенствовании, отводится обратной связи, на основе которой выстраивается система коммуникационного сопровождения реализации больших государственных инициатив в сфере качества жизни населения в регионе.

Проблема коммуникационного сопровождения реализации национальных проектов в ДНР представляется перспективной для дальнейшего исследования.

► Литература

1. Зрилова, Е.С. Трансформация модели государственного управления в условиях геополитического противостояния и санкционного давления / Е.С. Зрилова. – Текст : непосредственный // Развитие и безопасность. – 2023. – № 3 (19). – С. 20-31. – DOI: 10.46960/2713-2633_2023_3_20
2. Лебедева, А.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных

► References

1. Zrilova E.S. (2023). Transformation of the public administration model in the context of geopolitical confrontation and sanctions pressure. *Development and security*, 3 (19), 20-31. [In Russian] https://doi.org/10.46960/2713-2633_2023_3_20
2. Lebedeva A.A., Leontiev D.A. (2022). Modern approaches to the study of the quality of

контекстов к субъективным / А.А. Лебедева, Д.А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Социальная психология и общество. – 2022. – Т.13. – № 4. – С. 142–162. – DOI: 10.17759/sps.2022130409.

3. Sirgy, M.J. Integrative Models of Wellbeing / Ed. by M.J. Sirgy. – Текст : непосредственный // *The Psychology of Quality of Life. Wellbeing and Positive Mental Health. Social Indicators Research Series.* – Cham: Springer, 2021. – Vol. 83. – P. 681–710. – DOI:10.1007/978-3-030-71888-6_29

4. Файзуллин, Ф.С. Социализация экономики как фактор сокращения различий в качестве жизни / Ф.С. Файзуллин, И.Ф. Файзуллин. – Текст : непосредственный // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – №1. – С. 46-60.

5. Галиуллин, Д.Л. Социальная составляющая экономической безопасности / Д.Л. Галиуллин. – Текст : электронный // Вестник ТОГУ. – 2008. – № 3(10). – С. 115-126. – URL: <https://vestnik.togudv.ru/media/vestnik/articles/37.pdf> (дата обращения: 23.02.2025)

6. Щекотин, Е.В. Проблема оценки качества жизни в условиях неустойчивого социума / Е.В. Щекотин. – Текст : непосредственный // Вестник НГУЭУ. – 2013. – №1. – С. 151-161.

7. Глушакова, О.В. Междисциплинарный подход к формированию национальной системы публичного управления процессами обеспечения качества жизни / О.В. Глушакова. – Текст : непосредственный // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013 – №4-1. – С. 231-239.

8. Горобиевская, С.В. Методологические особенности оценки качества жизни в странах с переходной экономикой / С.В. Горобиевская. – Текст : непосредственный // Качество и уровень жизни населения в современной России: состояние, тенденции и перспективы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции / ОАО ВЦУЖ, ИСЭПН РАН. – М.: М-Студио, 2012. – С.63-75.

9. Латкин, А.П. Новый подход к классификации факторов регионального социально-экономического развития / А.П. Латкин, Л. Сунь. – Текст : электронный // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 3. – URL: <https://esj.today/PDF/92ECVN324.pdf>

life: from objective contexts to subjective. *Social psychology and society*, 4, 142-162. [In Russian] <https://doi.org/10.17759/sps.2022130409>.

3. Sirgy M.J. (ed.). (2021). Integrative Models of Wellbeing. *The Psychology of Quality of Life. Wellbeing and Positive Mental Health. Social Indicators Research Series.* Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-71888-6_29

4. Fayzullin F.S., Fayzullin I.F. (2022). Socialization of the economy as a factor in reducing differences in the quality of life. *Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences*, 1, 46-60. [In Russian]

5. Galiullin D.L. (2008). Social component of economic security. *Bulletin of Pacific National University*, 3(10), 115-126. [In Russian] <https://vestnik.togudv.ru/media/vestnik/articles/37.pdf>

6. Shchekotin E.V. (2013). The problem of assessing the quality of life in an unstable society. *Bulletin of NSUEM*, 1, 151-161. [In Russian]

7. Glushakova O.V. (2013). Interdisciplinary approach to the formation of a national system of public administration of quality of life. *Bulletin of Kemerovo State University*, 4-1, 231-239. [In Russian]

8. Gorobievskaya S.V. (2012). Methodological Features of Assessing the Quality of Life in Countries with Economies in Transition. *Quality and Standard of Living of the Population in Modern Russia: Status, Trends and Prospects: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference.* Moscow: M-Studio. [In Russian]

9. Latkin A.P., Sun L. (2024). New Approach to the Classification of Factors of Regional Socio-Economic Development. *Bulletin of Eurasian Science*, 3. [In Russian] <https://esj.today/PDF/92ECVN324.pdf>

10. Байсаева, М.У. Прямые и косвенные инструменты государственного и муниципального управления / М.У. Байсаева, Х.Х. Астамирова, С.А. Ахмедов, Х.Б. Дагаева. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2019. – №4-1. – С. 318-325. – DOI:10.24411/2658-3569-2019-14020.
11. Петров, М.Н. Эволюция и направления развития парадигмы управления проектами / М.Н. Петров. – Текст : непосредственный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – Т.7. – № 2А. – С. 210-221.
12. Современная система государственного и муниципального управления : монография / Под ред. В. И. Голованова. – М.: МАКС Пресс, 2023 – 840 с. – ISBN 978-5-317-06962-9. – Текст : непосредственный.
13. Якимова, М.Н. Проектное управление в структуре инструментария государственной политики / М.Н. Якимова. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2016. – №3. – С. 50-66.
14. Сидорова, Н.П. Применение проектного подхода в системе управления / Н.П. Сидорова, С.Н. Басова, Т.А. Торопова. – Текст : непосредственный // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – №4 (89). – С. 91-100.
15. Черноусова, Т.В. Стратегии проживания ситуации неопределенности как предмет социально-психологического анализа / Т.В. Черноусова. – Текст : непосредственный // Психология человека в образовании. – 2022. – №4. – С. 421-434.
16. Кокорев, Р.А. Формирование финансовой культуры: системный подход / Р.А. Кокорев, О.Н. Лаврентьева, М.С. Толстель. – Текст : непосредственный // Известия СПбГЭУ. – 2024. – №3 (147). – С. 155-160.
17. Соломенникова, С.И. Социальный контракт как современный механизм социально-экономической помощи населению / С.И. Соломенникова, Б.А. Букач, Д.К. Тетерина. – Текст : непосредственный // Прогрессивная экономика. – 2024. – №3. – С. 57-67.
18. Киенко, Т.С. Локальные практики совместной социальной и творческой деятельности людей старшего возраста: социальный активизм, социальное участие, вовлеченность или вовлечение? / Т.С. Киенко. – Текст : непосредственный // Журнал социологии и
10. Baysaeva M.U., Astamirova N.H., Akhmedov S.A., Dagaeva H.B. (2019). Direct and Indirect Instruments of Public and Municipal Administration. *International Journal of Applied Sciences and Technologies "Integral"*, 4-1, 318-325. [In Russian] <https://doi.org/10.24411/2658-3569-2019-14020>.
11. Petrov M.N. (2017). Evolution and directions of development of the project management paradigm. *Economy: yesterday, today, tomorrow*, 2A, 210-221. [In Russian]
12. Golovanov V.I. (ed.). (2023). *The modern system of state and municipal administration*. Moscow: MAKS Press. [In Russian]
13. Yakimova M.N. (2016). Project management in the structure of public policy instruments. *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*, 3, 50-66. [In Russian]
14. Sidorova N.P., Basova S.N., Toropova T.A. (2019). Application of the project approach in the management system. *Power and management in the East of Russia*, 4 (89), 91-100. [In Russian]
15. Chernousova T.V. (2022). Strategies for living in a situation of uncertainty as a subject of socio-psychological analysis. *Human psychology in education*, 4, 421-434. [In Russian]
16. Kokorev R.A., Lavrenteva O.N., Tolstel M.S. (2024). Formation of financial culture: a systems approach. *Izvestiya SPbGEU*, 3 (147), 155-160. [In Russian]
17. Solomennikova S.I., Bukach B.A., Teterina D.K. (2024). Social contract as a modern mechanism of socio-economic assistance to the population. *Progressive Economy*, 3, 57-67. [In Russian]
18. Kienko T.S. (2022). Local practices of joint social and creative activities of older people: social activism, social participation, involvement or involvement?. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25 (3), 210-238. [In Russian] <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.9>

социальной антропологии. – 2022. – №25(3). – С. 210–238. – DOI: 10.31119/jssa.2022.25.3.9

19.Щекотин, Е.В. Проблема благополучия в турбулентном социуме: аспект безопасности / Е.В. Щекотин. – Текст : непосредственный // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2017. – №4 (27). – С. 74-83.

20.Козлова, С.В. Трансформация инструментов государственного управления в современных условиях / С.В. Козлова. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №6. – С. 96-107.

21.Хащенко, В.А. Модерирующее влияние ценностей на связь материализма и удовлетворенности жизнью / В.А. Хащенко, Н.Н. Хащенко. – Текст : непосредственный // Экспериментальная психология. – 2024. – Т.17. – № 4. – С. 154-167. – DOI: 10.17759/exppsy.2024170410.

22.Иванов, О.И. Вызовы социальному пространству современной России в условиях нестабильной международной политической ситуации / О.И. Иванов. – Текст : непосредственный // Развитие экономики в нестабильной международной политической ситуации / Под ред. Л.П. Совершаевой. – СПб: ГУАП, 2016. – С. 102-105.

23.Нагайцев, В.В. Опыт методологии исследования социального пространства человека: междисциплинарный подход / В.В. Нагайцев, Е.В. Пустовалова. – Текст : непосредственный // Вестник НГУЭУ. – 2018. – №4. – С. 207-213.

24.Черкасов, П.С. Сущность и структура экономического и социального пространств региона / П.С. Черкасов. – Текст : непосредственный // ПСЭ. – 2017. – №4 (64). – С. 135-138.

25.Рюмина, Е.В. Экологическая характеристика качества населения / Е.В. Рюмина. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2014. – №3. – С. 82-90.

26.Прокофьева, А.В. О возможности использования субстанциональной, реляционной и эпистемологической концепций пространства в социологическом анализе города / А.В. Прокофьева. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – №4. – С. 604-613.

19. Shchekotin E.V. (2017). The problem of well-being in a turbulent society: security aspect. *Vectors of well-being: economy and society*, 4 (27), 74-83. [In Russian]

20. Kozlova S.V. (2022). Transformation of public administration instruments in modern conditions. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 6, 96-107. [In Russian]

21. Khaschenko V.A., Khaschenko N.N. (2024). Moderating influence of values on the relationship between materialism and life satisfaction. *Experimental Psychology*, 4, 154-167. [In Russian] <https://doi.org/10.17759/exppsy.2024170410>.

22. Ivanov O.I., Sovershaeva L.P. (ed.). (2016). Challenges to the social space of modern Russia in the context of an unstable international political situation. *Development of the economy in an unstable international political situation*. St. Petersburg: GUAP. [In Russian]

23. Nagaitsev V.V., Pustovalova E.V. (2018). Experience of methodology of studying human social space: interdisciplinary approach. *Bulletin of NSUEM*, 4, 207-213. [In Russian]

24. Cherkasov P.S. (2017). The essence and structure of economic and social spaces of the region. *PSE*, 4 (64), 135-138. [In Russian]

25. Ryumina E.V. (2014). Environmental characteristics of the quality of the population. *Economy of the region*, 3, 82-90. [In Russian]

26. Prokofieva A.V. (2017). On the Possibility of Using Substantial, Relational and Epistemological Concepts of Space in the Sociological Analysis of the City. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 4, 604-613. [In Russian]

27.Родина, И.Б. Лидерство как показатель резильентности государственного управления социально-экономическим развитием / И.Б. Родина. – Текст : электронный // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 5-2. – С. 308-314. – URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3480> (дата обращения: 17.07.2024)

28.Балабанова, Е.С. Руководитель как трансформационный лидер: роль личностных качеств и управленческих практик / Е.С. Балабанова, В.Э. Деминская. – Текст : непосредственный // Российский журнал менеджмента. – 2017. – №3. – С. 263-288.

29.Куценко, Д.О. Трансформационное лидерство и партисипативность государственного и муниципального управления: анализ современных тенденций / Д.О. Куценко. – Текст : непосредственный // Управленческое консультирование. – 2020. – №8 (140). – С. 191-200.

30.Ерашова, О.В. Вопросы стратегического развития муниципальных образований / О.В. Ерашова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2016. – № 1. – С. 39-44.

31.Лапыгин, Ю.Н. Управленческие решения / Ю.Н. Лапыгин, Д.Ю. Лапыгин. – М.: Эксмо, 2009. – 538 с. – ISBN: 978-5-699-29521-0. – Текст : непосредственный.

Для цитирования: Коваленко, В.П. Инструменты управления качеством жизни населения и особенности их применения в Донецкой Народной Республике / В.П. Коваленко // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 163-176.

27. Rodina I.B. (2024). Leadership as an Indicator of Resilience of Public Administration of Socio-Economic Development. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 5-2, 308-314. [In Russian] <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3480>

28. Balabanova E.S., Deminskaya V.E. (2017). The Manager as a Transformational Leader: The Role of Personal Qualities and Management Practices. *Russian Management Journal*, 3, 263-288. [In Russian]

29. Kutsenko D.O. (2020). Transformational Leadership and Participation in State and Municipal Administration: Analysis of Modern Trends. *Management Consulting*, 8 (140), 191-200. [In Russian]

30. Erashova O.V. (2016). Issues of Strategic Development of Municipalities. *Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management*, 1, 39-44. [In Russian]

31. Lapygin Yu.N., Lapygin D.Yu. (2009). *Management decisions*. Moscow: Eksmo. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 23.03.25

For citation: Kovalenko V.P. (2025). Instruments for managing the population quality of life and their application in the Donetsk People's Republic. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 163-176. [In Russian]

ИНСТРУМЕНТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРУДОВОЙ БЕДНОСТИ КАК СРЕДСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БЛАГОПОЛУЧИЕМ НАСЕЛЕНИЯ

Ягмур Е.А. канд. экон. наук, доцент, старший научный сотрудник, ORCID 0000-0002-3677-4492, e-mail: yagmurkat@mail.ru, ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Новодевичинская М.В. главный экономист, e-mail: sergeevaMV98@yandex.ru, ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация. Трудовая бедность является актуальной социальной проблемой в Российской Федерации, несмотря на стабилизацию экономических показателей. Уровень жизни многих граждан остается низким, что подчеркивает необходимость анализа факторов, способствующих трудовой бедности. Официальные данные свидетельствуют о росте занятости и снижении безработицы, однако значительное число работающих оказывается за чертой бедности из-за низких заработных плат, нестабильных трудовых отношений и недостаточной квалификации. Трудовая бедность имеет не только экономические, но и социальные последствия, влияя на качество жизни и социальную

мобильность. Рост неполной занятости и изменения в структуре экономики, такие как цифровизация, требуют новых навыков от работников. Несмотря на усилия государства по улучшению условий жизни, уровень бедности среди трудоспособного населения остается высоким, что негативно сказывается на социально-экономическом развитии страны. В условиях глобализации вопрос снижения бедности требует комплексного подхода и системных решений.

Ключевые слова: бедность; трудовая бедность; бедность работающего населения; доходы населения; минимальная заработная плата; прожиточный минимум; государственная политика

TOOLS FOR OVERCOMING LABOR POVERTY AS A MEANS OF STATE MANAGEMENT OF THE WELL-BEING OF THE POPULATION

Yagmur E.A. Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, senior research associate, ORCID 0000-0002-3677-4492, e-mail: yagmurkat@mail.ru, SFI “Economic Research Institute”, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Novodevichinskaya M. V. Chief Economist, e-mail: sergeevaMV98@yandex.ru, SFI “Economic Research Institute”, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Abstract. Labor poverty is an urgent social problem in Russia, despite the stabilization of economic indicators. The standard

of living of many citizens remains low, which underlines the need to analyze the factors contributing to labor poverty. Official data

© Е.А. Ягмур, М.В. Новодевичинская, 2025

indicate an increase in employment and a decrease in unemployment, but a significant number of workers find themselves below the poverty line due to low wages, unstable labor relations and insufficient qualifications. Labor poverty has not only economic, but also social consequences, affecting the quality of life and social mobility. The growth of underemployment and changes in the structure of the economy, such as digitalization, require new skills from workers. Despite the Government's efforts to improve living conditions, the poverty rate among the working-age population remains high, which negatively affects the socio-economic development of the country. In the context of globalization, the issue of poverty reduction requires a comprehensive approach.

Keywords: poverty; labor poverty; poverty of the working population; income of the population; minimum wage; living wage; consumer basket; government policy.

► **Введение.** Проблема бедности остается одной из самых острых и многогранных социальных проблем современного мира. Несмотря на значительный прогресс в экономическом развитии многих стран, уровень бедности продолжает расти, особенно в условиях глобальных экономических, геополитических и социальных потрясений, климатических изменений и социального неравенства. По данным Всемирного банка, миллионы людей по-прежнему живут за чертой бедности, что ставит под сомнение достижения в области устойчивого развития и социальной справедливости.

► **Обзор литературы.** Углубление бедности наблюдается как в развивающихся, так и в развитых странах, что подчеркивает универсальность данной проблемы. В настоящее время проблема бедности и социального неравенства является достаточно проработанной как среди зарубежных, так и отечественных авторов. Теоретико-методологические основы проблемы заложены еще классиками

социальных наук, так, свои работы посвятили вопросам социальной стратификации и социального неравенства социологи М. Вебер, К. Маркс, Т. Парсонс др., а также экономисты А. Смит, Т. Мальтус, Д. Риккардо и др. [1, с. 76]. Такие признанные зарубежные специалисты, как Дж. Аткинсон, М. Пиор, Р. Эренберг и др., внесли весомый вклад в изучение феномена бедности как результата (следствия) экономического неравенства трудоспособного населения на рынке труда [2, с. 71].

Впервые в России этот вопрос был наиболее подробно рассмотрен учеными и специалистами экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которые подготовили и опубликовали базовый российский учебник по экономике труда. Данное издание получило высокую оценку в научно-экспертном сообществе и у представителей законодательной и исполнительной власти. Дальнейшее развитие исследований данного направления нашло в публикациях и научных работах таких российских специалистов, как В.Е. Гимпельсон, А.В. Шарунина, В. Дрямов, занимающихся трудовыми отношениями [3]. П. Таунсенд идентифицировал качественное содержание бедности, количественное определение сформировал М. Оршанский [4, с. 66]. Развернутую классификацию видов бедности представил К.Н. Григорьев [5, с. 4-10].

Исследования А.А. Разумова, О.В. Селивановой [2], С.Ш. Аслаевой, А.Ш. Гайсиной, А.Г. Каримова [6], Д.С. Константиновой [7, с. 4981-4994], А.Л. Сафонова, Ю.В. Долженковой, А.Б. Вешкуровой [8, с. 46-55], В.А. Аникина, Е.Д. Слободенюк [9, с. 23-41], П.И. Куконкова, С.В. Устинкина [10, с. 18-29], Р.Ф. Гатауллина, А.Г. Каримова [11] посвящены бедности работающего населения, в том числе сельского [12, с. 19-24].

Особое внимание уделяется и новым формам занятости, которые могут

способствовать улучшению экономического положения граждан и снижению уровня безработицы. В этом контексте рассмотрена цифровая занятость как новый вектор трудоустройства лиц, нуждающихся в работе или реновации карьерной траектории [13, с. 187-188]. Важным аспектом исследования является мониторинг рынка труда и степень его охвата цифровой занятостью, формирование перечня перспективных и востребованных профессий, а также определение направлений для развития данного сектора [13, с.191-195].

В работе «Стратегические ориентиры социально-экономического развития до 2033 года» [14, с.123-129; с.144-147], под редакцией А.В. Половяна, акцентируется внимание на необходимости интеграции различных программ и инициатив, направленных на повышение уровня занятости населения и улучшение социальных условий.

В последние годы количество исследований, посвященных бедности, значительно увеличилось. Разнообразие взглядов создает сложную картину, где отсутствует единство мнений относительно того, какие факторы являются определяющими в формировании бедности и какие меры могут быть наиболее эффективными для ее преодоления.

Цель исследования – сформировать направления и обосновать инструменты преодоления трудовой бедности как средств государственного управления благополучием населения на основе анализа современных тенденций на рынке труда в России и региональных программ по снижению доли малоимущего населения.

► **Данные и методы.** При проведении исследования использованы методы научного познания (анализ и синтез, индукция и дедукция) и эмпирические методы (описание, сравнение, обобщение).

¹ Российский статистический ежегодник 2022: Стат. сб. – М.: Росстат, 2022. – 691 с. (С. 165).

В работе использованы данные из приказов ведомств и постановлений Правительства РФ.

► **Результаты исследования.** Комплексный подход к решению проблемы трудовой бедности требует не только анализа текущих тенденций на рынке труда, но и активного участия государства в формировании условий для эффективного трудоустройства и социальной защиты населения.

По данным Росстата, за последнее десятилетие доля бедного (малоимущего) населения в общей его численности менялась незначительно. По данным Росстата¹, наблюдается положительная тенденция снижения численности населения, находящегося за чертой бедности (с 29% в 2000 г. до 11% в 2021 г.), его доля остается весьма значительной и свидетельствует о том, что миллионы человек не имеют средств необходимых для удовлетворения их базовых потребностей. В то же время ряд авторов (А.А. Мадьяров, Д.В. Зюкин, А.Ю. Черных и др.) [15] отмечают, что данная цифра может быть существенно выше.

В разные годы значение данного показателя варьировалось от 10,7% до 13,4%. При этом, как свидетельствуют статистические данные, бедность в стране приобрела хронический характер. Основные показатели бедности за период с 2012 по 2021 год представлены на рис. 1-3 [6, с. 283].

В «доковидном» 2019 г. в целом по России за официальной чертой бедности (со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (ПМ)) находилось 18,1 млн. чел., или 12,3% населения страны. При этом в зоне риска бедности (с доходами от 1,0 ПМ до 1,5 ПМ) в этом году находилось 14,1% населения страны (примерно 20,6 млн. чел.) (рис.2).

Рисунок 1 – Уровень бедности, %

Рисунок 2 – Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума/ Доля населения в зоне риска бедности от общей численности населения

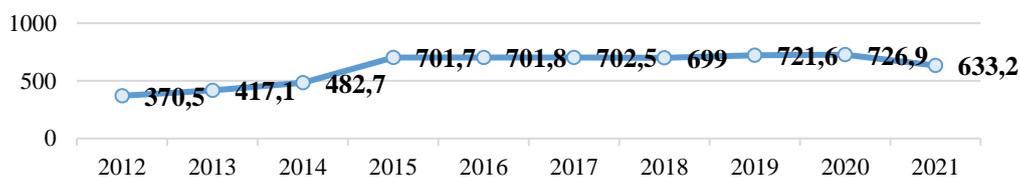

Рисунок 3 – Дефицит денежного дохода, млрд. руб.

Благодаря комплексу антикризисных мер государственной поддержки населения и бизнеса в 2020-2021 гг. рост бедности удалось сдержать, что выразилось в сокращении численности населения, находящегося как в зоне монетарной бедности (со среднедушевыми денежными доходами ниже границы бедности (далее - ГБ)), так и в зоне риска бедности (с доходами от 1 ГБ до 1,5 ГБ)¹ [6, с. 284].

¹ В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 2049 граница бедности определяется путем умножения значения базовой границы бедности на индекс потребительских цен за отчетный год к IV кварталу 2020 г., определяемый цепным

методом. По итогам 2021 г. численность населения со среднедушевыми доходами ниже границы бедности сократилась на 2,1 млн. чел., или на 1,3% по сравнению с данными 2019 г., составив 16,0 млн. чел. В зоне риска бедности со среднедушевыми денежными доходами в диапазоне 1,0-1,5 ГБ находилось 13,4% от численности населения страны (19,5 млн. чел.), что также

методом. Базовая граница бедности соответствует значению величины прожиточного минимума на душу населения. Поэтому прожиточный минимум стал выступать в качестве границы бедности (в дальнейшем данные понятия используются как эквивалентные).

Инструменты преодоления трудовой бедности как средства государственного управления благополучием населения

оказалось ниже показателей 2019 г. примерно на 1,1 млн. чел.

Анализ основных характеристик малоимущего населения страны показывает, что отличительной чертой российской бедности является преобладание семей с детьми (по данным за 2020 г. – 79,9% в общей численности малоимущих домашних хозяйств). При этом с ростом иждивенческой нагрузки бедность значительно возрастает. Еще одной характерной чертой российской бедности является и сформировавшаяся устойчивая группа семей с детьми, имеющих в своем составе так называемых «работающих бедных».

Исторически к появлению в России значительного числа так называемых «работающих бедных», т.е. «трудоспособных граждан, занятых в экономике, чьи трудовые доходы не позволяют обеспечивать среднедушевые доходы семьи на уровне, превышающем величину установленной монетарной черты бедности» [8, с. 46], привели высокий уровень безработицы, изменения в структуре занятости, неполная занятость и задержки заработной платы, а также экономические кризисы и пандемия. И хотя к 2021 г. доля работающих в структуре малоимущего населения снизилась до 26,2%, она по-прежнему остается достаточно высокой. В этой связи проблема бедности работающего населения не теряет своей значимости в современных условиях [9, с. 4983].

Важнейшим вопросом исследования бедности работающего населения

является определение методики ее оценки. В настоящее время в мировой практике в основном принято при измерении бедности исходить либо из установленного порогового значения (национальной черты бедности) заданного нормативного показателя, либо из соотношения уровня заработной платы (как дохода работающего населения) с определенными средними величинами, чаще всего в качестве них выступает среднемесячная заработная плата по стране или ее медианное значение. Второй подход, в частности, применяется в странах Европы и в США.

В России для определения количества бедного населения используется первый подход, где пороговым значением является прожиточный минимум трудоспособного населения (ПМтр). С 2021 г. методика расчета изменилась: теперь ПМтр устанавливается на уровне 109% от прожиточного минимума, который составляет 44,2% медианного дохода за предыдущий год, что приближает ее к практикам развитых стран.

В то же время изменение методики расчета порогового значения не привело к существенному росту прожиточного минимума трудоспособного населения в 2021 г., а его резкое увеличение в 2022 г. было вызвано инфляционными процессами, происходящими в экономике страны на фоне западных санкций (рис. 4) [7, с. 4985].

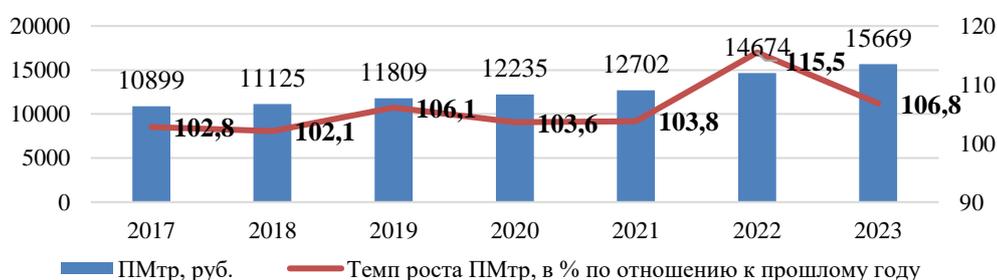

Рисунок 4 – Динамика прожиточного минимума трудоспособного населения

В целом как до изменения методики расчета, так и далее в 2023 г. цепной темп прироста прожиточного минимума трудоспособного населения находится в диапазоне 3-6%. По данным СПС «Гарант», на 2024 г. установлено значение ПМтр в размере 16844 руб., следовательно, в следующем году прирост составит 7%. С точки зрения анализа факторов, это может привести к увеличению числа работающих бедных, так как повышение порога бедности затрагивает людей с ранее более высокими зарплатами. Тем не менее, по данным Росстата, число работающих с зарплатой ниже прожиточного минимума значительно снизилось с 4 млн. чел. в 2011 г. до 0,7 млн. чел. в 2021 г.

За последние двенадцать лет доля малоимущих работников сократилась на 10%, однако остается значительное количество людей с зарплатой от 1 до 2 ПМтр, находящихся на грани бедности. Положительным фактором является то, что пандемия COVID-19 не привела к росту числа работающих бедных в 2021 г.

Изменения в расчете минимального размера оплаты труда (МРОТ) в 2018 и

2021 гг. способствовали улучшению ситуации, так как МРОТ стал превышать ПМтр. В 2023 г. разница составила 3,7%, а из установленных на 2024 г. размеров МРОТ и ПМтр следует, что разрыв между ними составит 14,2%, что должно способствовать еще большему сокращению числа работающих бедных [7, с. 4987].

В то же время следует учитывать, что МРОТ влияет по большей части на величину номинальной заработной платы, в то время как важное значение для сохранения покупательной способности занятого населения имеет реальная заработная плата (рис. 5) [7, с. 4988], чье изменение обусловлено колебаниями индекса потребительских цен. Существенное отставание темпов роста реальной заработной платы от номинальной, будет свидетельствовать о том, что у занятого населения сокращаются возможности удовлетворения потребностей из-за снижения покупательной способности, что, естественно, негативно сказывается на низкооплачиваемых группах работников.

Рисунок 5 – Динамика заработной платы населения РФ

Немаловажное значение для формирования группы «работающих бедных» имеет уровень образования. Так большинство работающих малоимущих граждан имеют невысокий уровень образования. По данным за 2019 г., среднее общее образование имели 21,1% малоимущих со статусом занятых в экономике, 35,1% – среднее профессиональное образование. Однако, нельзя не отметить, что значительная доля малоимущих работающих россиян имела высшее образование (18,3%). Это свидетельствует о сложившемся дисбалансе между спросом и предложением на рынке труда, несогласованности программ высшего профессионального образования с реальными потребностями работодателей, отсутствии достаточного практического опыта у выпускников вузов. Все это приводит часть семей с обладателями дипломов о высшем образовании за черту бедности.

Следующим немаловажным фактором, влияющим на уровень заработной платы в России, является вид экономической деятельности. Наблюдается значительная межотраслевая дифференциация: низкие зарплаты характерны для бюджетной сферы и сельского хозяйства, в то время как высокие доходы в добывающей и обрабатывающей промышленности часто обусловлены экспортом. В 2023 г. уровень оплаты труда в высокооплачиваемых отраслях более чем в три раза превышал его в низкооплачиваемых [7, с. 4988].

В 2019 г. большинство «работающих бедных» было занято в отраслях с низкой добавленной стоимостью, таких как образование, культура и общественное питание. Анализ за 2017-2023 гг. показал, что наибольшее количество работников с зарплатой ниже порога бедности сосредоточено в культуре и спорте (6,6%), административной деятельности (6,5%) и

образовании (6,0%). В то же время, в высокооплачиваемых отраслях, таких как металлургия, доля работающих бедных составляет всего 0,1% [6, с. 285].

Также вызывает опасения сложившаяся с 2021 г. тенденция увеличения разрыва между темпами роста номинальной и реальной заработной платы, что оказывает существенное влияние на возможности низкооплачиваемого работающего населения в области удовлетворения основных потребностей, меняет структуру их расходов. К негативным явлениям можно также отнести наличие отраслей, для которых характерна весьма значительная доля работающих бедных (6-8%), а треть работников, в которых получает заработную плату в размере не более двух прожиточных минимумов трудоспособного населения. В то же время в качестве позитивного момента следует отметить, что экономические санкции 2022 г. не привели к росту бедных среди работников высокооплачиваемых отраслей [7, с. 4991].

Исходя из вышеизложенного, необходима дальнейшая реализация государственных мер, направленных на поддержку определенных отраслей и импортозамещения (особенно в сельском хозяйстве), стимулирование занятости и предоставление социальных гарантий.

Так, государственная политика в области борьбы с бедностью охватывает широкий спектр мероприятий, направленных на создание условий для устойчивого экономического роста, повышение уровня жизни граждан и защиту наиболее уязвимых слоев населения. Основные ориентиры государственной политики по снижению уровня бедности населения обозначены в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 21

июля 2020 г. № 474 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 08.10.2024).

Одним из ключевых целевых индикаторов на ближайшее десятилетие определено двукратное снижение показателя «Уровень бедности» к 2030 г. Для достижения поставленных целей субъекты РФ разрабатывают и реализуют региональные программы по снижению доли малоимущего населения, в которых учтены социально-экономические, географические и инфраструктурные особенности развития территорий страны [6, с. 279-280].

Региональные программы по борьбе с бедностью включают в себя систему мероприятий, направленных на поддержку доходов и занятости, развитие малого и среднего предпринимательства (МСП), создание новых высокопроизводительных рабочих мест, рост производительности труда и др. [6, с. 287].

На основе анализа региональных программ по борьбе с бедностью в регионах России^{1,2,3,4,5,6} (в части трудоспособного населения с доходами ниже ПМ), а также по результатам исследований Разумова А.А., Селивановой О.В. [2, с. 76; 6,

с. 287-288] можем выделить следующие основные мероприятия, направленные на поддержку занятости населения и доходов от нее:

индексация заработной платы работников бюджетной сферы с учетом инфляции;

ликвидация задолженности по заработной плате;

заключение региональных соглашений о минимальной заработной плате и проведение коллективных переговоров об ее увеличении;

противодействие теневой занятости;

повышение квалификации и переподготовка женщин в декрете, а также неработающих женщин с детьми дошкольного возраста;

профессиональное обучение граждан старше 50 лет;

создание дополнительных рабочих мест для безработных и профессиональное обучение инвалидов;

обучение профессиям, востребованным на рынке труда;

¹ Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Новгородская» [Электронный ресурс]. – URL: <https://novgorodinvest.ru/info/osobaya-ekonomicheskaya-zona-promyshlenno-proizvodstvennogo-tipa-novgorodskaya.php> (дата обращения: 08.10.2024).

² О досрочном прекращении реализации региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в Московской области» на 2020-2030 годы и утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности в Московской области» на 2023-2030 годы : Постановление Правительства Московской области от 16 января 2024 г. № 20-ПП [Электронный ресурс]. – URL: <https://mosreg.ru/download/document/1284063> (дата обращения: 08.10.2024).

³ Об утверждении региональной программы Ростовской области «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности» : Постановление Правительства Ростовской области от 30 июня 2023 г. № 482 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.donland.ru/documents/17890/> (дата обращения: 08.10.2024).

⁴ Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности минимума в Приморском крае» : Постановление Правительства Приморского края от 22 октября 2020 г. № 913-пп. — URL: <https://www.sertrb.ru/docviewer.php?/document/570956467> (дата обращения: 08.10.2024).

⁵ Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в Краснодарском крае на период 2020-2030 годов» : Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 17 декабря 2020 г. № 858 [Электронный ресурс]. – URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/28d/28d925f65f88d276c0977dcb852b8f27.pdf> (дата обращения: 08.10.2024).

⁶ Об утверждении Региональной программы Республики Крым снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета министров Республики Крым : Постановление Совета министров Республики Крым от 14 августа 2023 г. № 585 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rknra.ru/document/5234> (дата обращения: 08.10.2024).

содействие безработным в переезде для трудоустройства;

создание рабочих мест для молодых специалистов, включая удаленную работу;

поддержка субъектов МСП и предоставление льготных займов;

поддержка малых форм хозяйствования на селе и создание потребительских кооперативов и др.

Проведенное исследование региональных программ показало, что особое внимание во всех субъектах РФ уделяется активным программам содействия занятости. Эти программы нацелены, прежде всего, на переобучение и повышение квалификации различных категорий населения (молодежь, лица пенсионного возраста, инвалиды и др.), обеспечение безработных граждан рабочими местами, помощь в трудоустройстве женщин с детьми дошкольного возраста и др.

Стимулирование и поддержка самозанятости, выведение из тени неформальной занятости, содействие инвестиционной активности, развитие сети детских дошкольных учреждений также входят в число важных направлений реализации региональных программ [6, с. 289].

Анализ региональных программ по сокращению бедности показал, что содержащиеся в них мероприятия в значительной степени охватывают малоимущее население в субъектах Федерации и имеют потенциал снижения бедности, в том числе среди работающего населения. Вместе с тем данные, содержащиеся в программных документах, не всегда позволяют с уверенностью оценить глубину проработки ситуации с бедностью в регионах, что крайне важно для принятия адекватных эффективных мер по ее преодолению. Слабой стороной многих региональных программ является отсутствие в них информации о бедности на уровне муниципальных образований, периоде пребывания семьи в состоянии бедности

(постоянно или периодически в силу внешних обстоятельств), иных данных о ситуации с бедностью в субъекте, которая позволяет разрабатывать более таргетированные, а значит и более действенные меры по ее снижению.

Лишь немногие субъекты (например, Свердловская и Магаданская области), реализуя активные программы занятости, включают в свои рабочие планы мероприятия, направленные на прогнозирование тенденций на рынке труда, расчет потребности в трудовых ресурсах, в первую очередь, в системообразующих отраслях региона. Вместе с тем отсутствие такой прогнозно-аналитической работы может оказать негативный эффект на результаты работы по профориентации и обучению граждан, ищущих работу.

В перечень мероприятий большинства региональных программ (за исключением Ростовской и Магаданской области, Приморского края) не включена работа по развитию института наставничества. Вопросы трудоустройства и сопровождения инвалидов вошли в повестку деятельности по сокращению бедности лишь в 32 из 72 субъектов [2, с. 76].

Также в большинстве региональных программ отсутствуют сведения о реализации мероприятий, связанных с определением актуальной потребности в кадрах на региональных рынках труда и предусматривающих систематическую прогнозно-аналитическую работу с привлечением квалифицированных аналитиков рынка труда, что существенно снижает эффективность реализуемых мер по профориентации и обучению граждан, ищущих работу. Не во всех регионах организуется обучение граждан, находящихся под угрозой увольнения [8, с. 290].

Проведенное исследование [10, с. 28; 11; 12; 16] позволило выделить следующие направления преодоления бедности работающего населения:

1) Создание условий для легализации доходов населения путем жесткого контроля за работодателями.

2) Изменение приоритетов социальной политики с акцентом на поддержку трудоспособного населения с активной жизненной позицией, готового работать и развиваться, повышение престижа неинтеллектуальных видов трудовой деятельности.

3) Развитие программ поддержки малого бизнеса для повышения предпринимательской активности и создания рабочих мест, в том числе в сфере социального предпринимательства.

4) Повышение качества медицинского обслуживания для улучшения здоровья населения и увеличения рождаемости, ужесточение норм безопасности на рабочих местах и внедрение гибких графиков работы.

5) Поддержка маятниковой трудовой миграции сельского населения для повышения доходов и улучшения занятости.

6) Регулярное изменение минимального размера оплаты труда с учетом инфляции и роста стоимости жизни.

7) Развитие программ профессионального обучения и переподготовки, образовательные инициативы для повышения квалификации работников.

8) Создание систем мониторинга для оценки эффективности программ по сокращению бедности и вовлечение граждан в процесс оценки.

Обобщив вышеизложенное, можно представить Примерную программу сокращения бедности работающего населения в регионах РФ (рис. 6).

Существенными элементами программы по преодолению трудовой бедности в Донецкой Народной Республике, учитывая также специфические военные

условия ее настоящего развития, могут стать разработанные, теоретически обоснованные посредством значительного количества публикаций в ведущих журналах [17-24] и частично апробированные на предприятиях Республики, проекты:

1. *«Мониторинг кадровых потребностей экономики»*, позволяющий сформировать единую информационную базу данных с широким спектром аналитических признаков, содержащую количественные и качественные оценки текущего и дополнительного спроса на специалистов со стороны экономики Республики, а также основу для разработки обоснованного государственного заказа для системы профессионального образования на подготовку кадров, структурированную по видам экономической деятельности, уровням образования и укрупненным группам специальностей.

2. *«Навигатор»*, предполагающий формирование условий для качественного профессионального выбора путем создания Республиканской системы карьерного консультирования, формирование базы абитуриентов, адекватной потребностям экономики, повышения ценности управления карьерными изменениями, осуществления индивидуальной работы с лицами, ищущими работу, по изменению карьерной траектории и с учетом предпочтений республиканского рынка труда.

3. *«Практико-ориентированная площадка»*, осуществляющая перефокус системы профессионального образования в Республике и усиление практической подготовки будущих специалистов в условиях реально функционирующих производств.

4. *«Школа удаленных профессий»*, целью создания которой является регулирование ситуации на рынке труда путем

Инструменты преодоления трудовой бедности как средства государственного управления благополучием населения

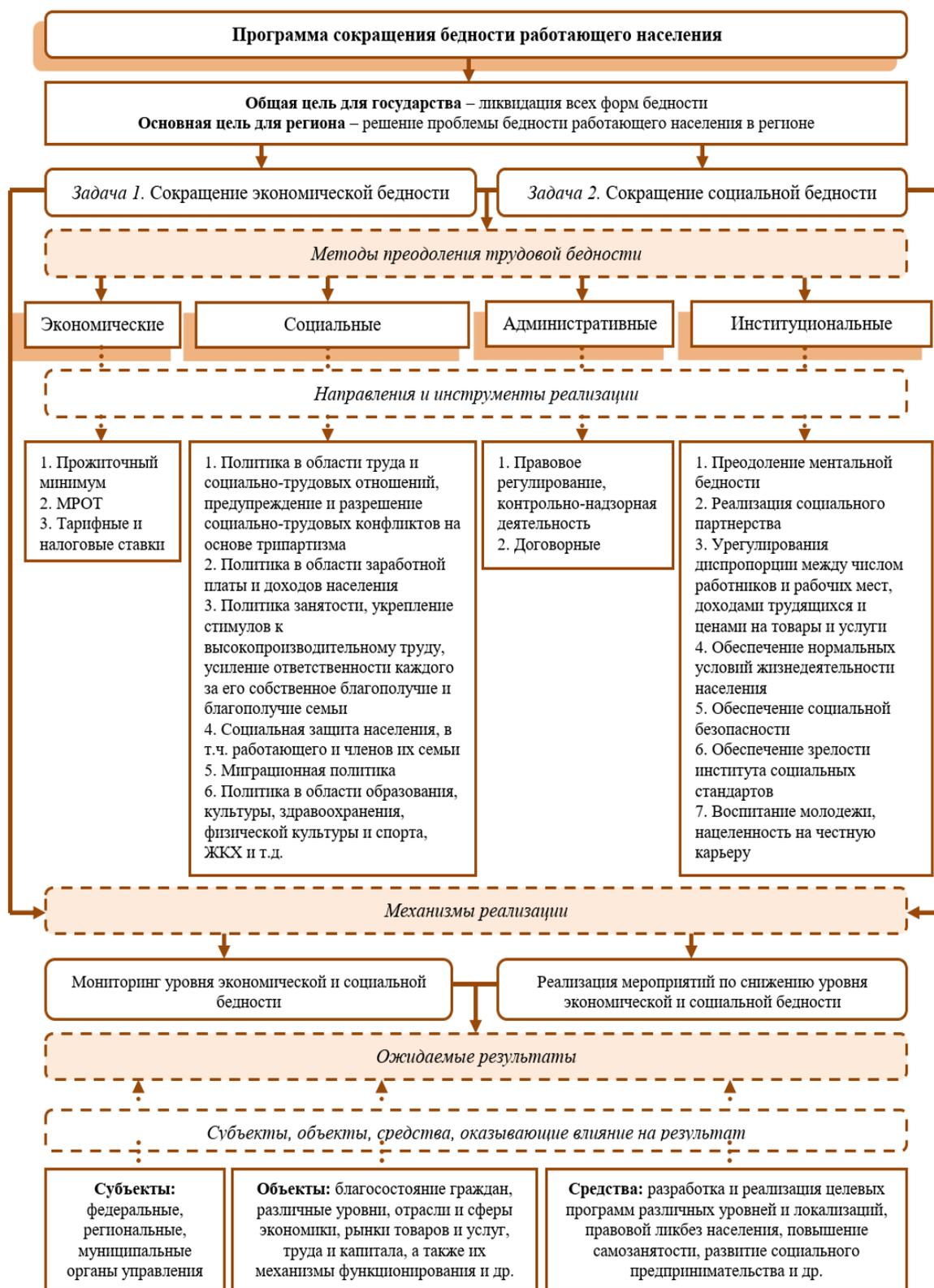

Рисунок 6 – Примерная программа сокращения бедности работающего населения в регионах РФ

Источник: составлено по данным^{1,2,3,4,5,6} [10, с. 28; 11; 12; 16].

помощи жителям ДНР, нуждающимся в выборе и освоении новой перспективной профессии, обусловленной влиянием цифровизации и позволяющей работать удаленно, в том числе за пределами Республики, а также их карьерное сопровождение и дальнейшее трудоустройство.

5. «Агентство регионального развития социального предпринимательства», в рамках которого презентована идея центра, организующего и поддерживающего социальных предпринимателей Республики, в том числе как центра генерации и агрегации идей по индивидуализированному решению социальных проблем и архитектора бизнес-моделей для их реализации с учетом особенностей политической и экономической ситуации новых регионов.

► **Выводы.** Таким образом, в условиях современных экономических реалий эффективное преодоление бедности работающего населения в России требует применение комплексного и многоуровневого подходов, которые включают в себя экономические, социальные и образовательные меры. Это позволит учитывать различные аспекты жизни граждан и создавать устойчивую систему поддержки.

Одним из ключевых направлений является создание условий для легализации доходов населения. Это не только увеличивает налоговые поступления, но и способствует социальной справедливости, улучшая финансовое положение граждан. Изменение приоритетов социальной политики в сторону поддержки активного трудоспособного населения позволяет создать стимулы для повышения

---

¹ Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Новгородская» [Электронный ресурс]. – URL: <https://novgorodinvest.ru/info/osobaya-ekonomicheskaya-zona-promyshlennoproizvodstvennogo-tipa-novgorodskaya.php> (дата обращения: 08.10.2024).

² О досрочном прекращении реализации региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в Московской области» на 2020-2030 годы и утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности в Московской области» на 2023-2030 годы : Постановление Правительства Московской области от 16 января 2024 г. № 20-ПП [Электронный ресурс]. – URL: <https://mosreg.ru/download/document/1284063> (дата обращения: 08.10.2024).

³ Об утверждении региональной программы Ростовской области «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности» : Постановление Правительства Ростовской области от 30 июня 2023 г. № 482 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.donland.ru/documents/17890/> (дата обращения: 08.10.2024).

⁴ Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже границы бедности минимума в Приморском крае» : Постановление Правительства Приморского края от 22 октября 2020 г. № 913-пп. — URL: <https://www.sertrb.ru/docviewer.php?/document/570956467> (дата обращения: 08.10.2024).

⁵ Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума в Краснодарском крае на период 2020-2030 годов» : Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 17 декабря 2020 г. № 858 [Электронный ресурс]. – URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/28d/28d925f65f88d276c0977dcb852b8f27.pdf> (дата обращения: 08.10.2024).

⁶ Об утверждении Региональной программы Республики Крым снижения доли населения с доходами ниже границы бедности и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета министров Республики Крым : Постановление Совета министров Республики Крым от 14 августа 2023 г. № 585 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rknpra.ru/document/5234> (дата обращения: 08.10.2024).

производительности труда и улучшения качества жизни. Повышение престижа неинтеллектуальных видов труда через программы обучения и общественные инициативы помогает привлечь молодежь в рабочие специальности, что важно для устойчивого развития экономики. Обеспечение доступности ипотечного и потребительского кредитования способствует улучшению жилищных условий и повышению уровня жизни граждан, что напрямую влияет на снижение бедности. Развитие программ поддержки малого бизнеса и предпринимательства создает новые рабочие места и возможности для граждан, что является важным фактором в борьбе с бедностью. Улучшение доступа к качественным медицинским услугам способствует повышению здоровья населения, что в свою очередь влияет на работоспособность и продуктивность. Стимулирование реального социального партнерства между работниками, работодателями и государством помогает создать условия

для более справедливого распределения ресурсов и улучшения условий труда. Введение систем мониторинга и оценки эффективности программ по борьбе с бедностью позволяет адаптировать меры к изменяющимся условиям и потребностям населения.

Реализация предложенных направлений способствует созданию устойчивой социальной структуры, повышению качества жизни граждан и укреплению экономической стабильности страны. Эффективные меры по борьбе с бедностью могут не только улучшить социальное положение граждан, но и способствовать общему экономическому росту. Прежде всего, необходимо осознать, что бедность обусловлена не только индивидуальными обстоятельствами, но и структурными проблемами экономики и социальной политики. Поэтому для эффективного решения данной проблемы важно учитывать как экономические, так и социальные факторы.

► Литература

1. Селиванова, С.С. Анализ гендерного аспекта в исследованиях проблемы «работающей бедности» в современной зарубежной и отечественной научной литературе / С.С. Селиванова. – Текст : непосредственный // Общество: социология, психология, педагогика. – 2021. – № 5. – С. 76-79.
2. Разумов, А.А. Основные причины и характеристики бедности работающего населения / А.А. Разумов, О.В. Селиванова. – Текст : непосредственный // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 52(3). – С. 68-79.
3. Гимпельсон, В.Е. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, А.В. Шарунина. – Текст : непосредственный // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 489-530.
4. Аслаева, С.Ш. Эконометрический анализ факторов бедности работающего населения / С.Ш. Аслаева, А.Ш. Гайсина, А.Г. Каримов. – Текст : непосредственный // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10. – № 2(35). – С. 65-68.

► References

1. Selivanova S.S. (2021). Analysis of the gender aspect in the research of the problem of "working poverty" in modern foreign and domestic scientific literature. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 5, 76-79. [In Russian]
2. Razumov A.A., Selivanova O.V. (2023). The main causes and characteristics of poverty of the working population. *Social and labor research*, 52(3), 68-79. [In Russian]
3. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Sharunina A.V. (2018). Low-paid jobs in the Russian labor market: is there a way out and where does it lead?. *The Economic Journal of the Higher School of Economics*, 4, 489-530. [In Russian]
4. Aslayeva S.Sh., Gaisina A.Sh., Karimov A.G. (2021). Econometric analysis of poverty factors of the working population. *Azimut of scientific research: economics and management*, 2(35), 65-68. [In Russian]

5. Григорьев, К.Н. Классификация видов бедности / К.Н. Григорьев. – Текст : непосредственный // Социология. – 2020. – № 2. – С. 4-10.
6. Селиванова, О.В. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня / О.В. Селиванова, А.А. Разумов. – Текст : непосредственный // Экономика труда. – 2023. – Том 10. – № 2. – С. 279-296.
7. Константинова, Д.С. Оценка бедности среди работающего населения в современной России / Д.С. Константинова. – Текст : непосредственный // Креативная экономика. – 2023. – Том 17. – № 12. – С. 4981-4994.
8. Сафонов, А.Л. Факторы бедности работающего населения и пути ее снижения / А.Л. Сафонов, Ю.В. Долженкова, А.Б. Вешкурова. – Текст : непосредственный // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 52(3). – С. 46-55.
9. Аникин, В.А. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за 20 лет? / В.А. Аникин, Е.Д. Слободенюк. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2021. – Т. 9. – № 4. – С. 23-41.
10. Куконков, П.И. Бедность работающих в регионах России: распространенность и динамика (на примере Приволжского федерального округа) / П.И. Куконков, С.В. Устинкин. – Текст : непосредственный // Власть. – 2020. – Том 28. – № 6. – С. 18-29.
11. Гатауллин, Р.Ф. Детерминанты бедности работающего населения и механизмы ее преодоления / Р.Ф. Гатауллин, А.Г. Каримов. – Текст : электронный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2020. – № 12. – URL: <https://e-koncept.ru/2020/203023.htm> (дата обращения: 08.10.2024)
12. Шабанов, В.Л. Бедность работающего сельского населения в России: социальный портрет / В.Л. Шабанов. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5. – С. 19-24.
13. Ягмур, Е.А. Цифровая занятость как новый вектор трудоустройства в Донецкой Народной Республике / Е.А. Ягмур, М.В. Новодевичинская. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономических исследований. – 2023. – № 3(31). – С. 184-195.
14. Борисенко, М.В. 3.1.5. Занятость. Социальная защита / М.В. Борисенко // Стратегические ориентиры социально-экономического развития Донецкой Народной Республики до 2033 года: коллективная монография / ГБУ «Институт экономических исследований»; под
5. Grigoriev K.N. (2020). Classification of types of poverty. *Sociology*, 2, 4-10. [In Russian]
6. Selivanova O.V., Razumov A.A. (2023). Poverty of the working population: analysis of the main trends and experience of the regions to reduce its level. *Labor economics*, 2, 279-296. [In Russian]
7. Konstantinova D.S. (2023). Assessment of poverty among the working population in modern Russia. *Creative Economics*, 12, 4981-4994. [In Russian]
8. Safonov A.L., Dolzhenkova Yu.V., Veshkurova A.B. (2023). Factors of poverty of the working population and ways to reduce it. *Social and labor research*, 52(3), 46-55. [In Russian]
9. Anikin V.A., Slobodenyuk E.D. (2021). Poverty of workers: how have the determinants changed in Russia in 20 years? *Sociological science and Social Practice*, 4, 23-41. [In Russian]
10. Kukonkov P.I., Ustinkin S.V. (2020). Poverty of workers in the regions of Russia: prevalence and dynamics (on the example of the Volga Federal District). *Power*, 6, 18-29. [In Russian]
11. Gataullin R.F., Karimov A.G. (2020). Determinants of poverty of the working population and mechanisms of its overcoming. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*, 12. [In Russian] <https://e-koncept.ru/2020/203023.htm>
12. Shabanov V.L. (2023). Poverty of the working rural population in Russia: social portrait. *Theory and practice of social development*, 5, 19-24. [In Russian]
13. Yagmur E.A., Novodevichinskaya M.V. (2023). Digital employment as a new vector of employment in the Donetsk People's Republic. *Bulletin of the Institute of Economic Research*, 3(31), 184-195. [In Russian]
14. Borisenko M.V., Polovyan A.V. (ed.). (2023). 3.1.5. Employment. Social protection. *Strategic guidelines for the socio-economic development of the Donetsk People's Republic until 2033*. Donetsk: SFI "Economic Research Institute". [In Russian]

науч. ред. А.В. Половяна. – Донецк, 2023. – С. 142-151. – Текст : непосредственный.

15. Мадьяров, А.А. Рост реальных доходов населения как инструмент решения проблем занятости и бедности / А.А. Мадьяров, Д.В. Зюкин, И.А. Наджафов, А.Ю. Черных, Е.В. Бобырева. – Текст : непосредственный // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2021. – № 4. – С. 117-123.

16. Гатауллин, Р.Ф. Бедность в России: масштабы и пути преодоления: монография / Р.Ф. Гатауллин, В.Г. Ишмуратова; Восточный ин-т экономики, гуманитарных наук, упр. и права. – Уфа: Восточный институт, 2006. – 102 с. – Текст : непосредственный.

17. Ягмур, Е.А. Практико-ориентированные площадки как инструмент реновации системы профессионального образования Донецкой Народной Республики / Е.А. Ягмур // Вестник Института экономических исследований. – 2022. – № 1(25). – С. 75-84.

18. Ягмур, Е.А. Особенности организации практико-ориентированной площадки под влиянием различных субъектов и источников финансирования ее деятельности / Е.А. Ягмур, М.В. Новодевичинская // Экономика XXI века: инновации, инвестиции, образование: Научно-практический и информационно-аналитический журнал / под общ. ред. Беляева В.В. – 2022. – №4. – Т. 10. – С. 26-31. – Текст : непосредственный.

19. Ягмур, Е.А. Оценка эффективности реализации проекта по внедрению практико-ориентированных площадок в систему профессионального образования / Е.А. Ягмур, М.В. Новодевичинская // Научный журнал «Вести Автомобильно-дорожного института = Bulletin of the Automobile and Highway Institute». – 2022. – № 1(40). – С. 120-128. – Текст : непосредственный.

20. Ягмур, Е.А. Элементы системы регламентного обеспечения деятельности практико-ориентированных площадок в сфере профессионального образования / Е.А. Ягмур, М.В. Новодевичинская. – Текст : непосредственный // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2022. – Т.2. – Вып.2. – С. 248-255. – DOI: 10.34130/2070-4992-2022-2-2-248.

21. Ягмур, Е.А. Школа удаленных профессий как инструмент профессиональной переориентации в плоскость актуальной

15. Magyarov A.A., Zyukin D.V., Najafov I.A., Chernykh A.Yu., Bobyreva E.V. (2021). Growth of real incomes of the population as a tool for solving problems of employment and poverty. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*, 4, 117-123. [In Russian]

16. Gataullin R.F., Ishmuratova V.G. (2006). *Poverty in Russia: the scale and ways to overcome*. Ufa: Oriental Institute. [In Russian]

17. Yagmur E.A. (2022). Practice-oriented platforms as a tool for the renovation of the vocational education system of the Donetsk People's Republic. *Bulletin of the Institute of Economic Research*, 1(25), 75-84. [In Russian]

18. Yagmur E.A., Novodevichinskaya M.V. (2022). Features of the organization of a practice-oriented platform under the influence of various subjects and sources of financing of its activities. *The economy of the 21st century: innovations, investments, education: A scientific, practical and information-analytical journal*, 10, 26-31. [In Russian]

19. Yagmur E.A., Novodevichinskaya M.V. (2022). Evaluation of the effectiveness of the project on the introduction of practice-oriented platforms in the professional education system. *Bulletin of the Automobile and Highway Institute*, 1(40), 120-128. [In Russian]

20. Yagmur E.A., Novodevichinskaya M.V. (2022). Elements of the regulatory support system for practice-oriented platforms in the field of professional education. *Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Bulletin of the Scientific Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment Syktyvkar State University*, 2, 248-255. [In Russian] <https://doi.org/10.34130/2070-4992-2022-2-2-248>

21. Yagmur E.A. (2022). School of remote professions as a tool of professional reorientation in the field of actual digital employment.

цифровой занятости / Е.А. Ягмур // Экономика и эффективность организации производства : сборник научных трудов / Под общей редакцией Е.А. Памфилова. – Вып.36. – Брянск: БГИТУ, 2022. – С. 25-30. – Текст : непосредственный.

22. Борисенко, М.В. Обобщение существующих практик функционирования бизнес-инкубаторов для решения проблем социального характера в Донецкой Народной Республике / М.В. Борисенко, Е.А. Ягмур. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономических исследований. – 2024. – № 1(33). – С. 5-21.

23. Ягмур, Е.А. Меры государственной поддержки социальных предпринимателей в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Е.А. Ягмур, М.В. Новодевичинская // Экономика и эффективность организации производства : сборник научных трудов / Под общей редакцией Е.А. Памфилова. – Вып.37. – Брянск: БГИТУ, 2023. – С. 41-46. – Текст : непосредственный.

24. Ягмур, Е.А. Особенности реализации социальных проектов в Донецкой Народной Республике: сущность проблематики и специфика формирования категориального аппарата / Е.А. Ягмур, М.В. Борисенко. – Текст : непосредственный // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2024. – № 2(110). – С. 34-46.

Для цитирования: Ягмур, Е.А. Инструменты преодоления трудовой бедности как средства государственного управления благополучием населения / Е.А. Ягмур, М.В. Новодевичинская // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 177-192.

Economics and efficiency of production organization, 36. Bryansk: BGITU. [In Russian]

22. Borisenko M.V., Yagmur E.A. (2024). Generalization of existing practices of business incubators for solving social problems in the Donetsk People's Republic. *Bulletin of the Institute of Economic Research, 1(33), 5-21. [In Russian]*

23. Yagmur E.A., Novodevichinskaya M.V. (2023). Measures of state support for social entrepreneurs in the Russian Federation. *Economics and efficiency of production organization, 37. Bryansk: BGITU. [In Russian]*

24. Yagmur E.A., Borisenko M.V. (2024). Features of the implementation of social projects in the Donetsk People's Republic: the essence of the problem and the specifics of the formation of the categorical apparatus. *Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management, 2(110), 34-46. [In Russian]*

Статья поступила в редакцию 11.02.25

For citation: Yagmur E.A., Novodevichinskaya M.V. (2025). Tools for overcoming labor poverty as a means of state management of the well-being of the population, 2(38), 177-192. [In Russian]

УДК 334.02

JEL: M14

ИЗМЕРЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПО Г. ХОФСТЕДЕ

Аренков И.А. д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики предприятия, предпринимательства и инноваций экономического факультета СПбГУ, ORCID 0000-0002-4707-2437, e-mail: i.arenkov@spbu.ru, Санкт-Петербургский государственный университет, экономический факультет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Зябриков В.В. канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры экономики предприятия, предпринимательства и инноваций экономического факультета СПбГУ, ORCID 0000-0002-4882-1129, e-mail: v.v.zyabrikov@spbu.ru, Санкт-Петербургский государственный университет, экономический факультет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аннотация. Основанные на сотнях тысяч обработанных анкет данные Г. Хофстеде в силу их доступности стали наиболее популярным инструментом измерения деловой культуры разных стран. Однако, оказалось, что среди индексов Г. Хофстеде есть взаимозависимые, по сути, избыточные. Кроме того, несмотря на многочисленные попытки, Г. Хофстеде не удалось провести корректную кластеризацию стран по деловой культуре и выявить страны со схожей деловой культурой. Поэтому явно назрела необходимость проведения вторичного анализа, то есть обобщения уже имеющихся данных, выявление среди индексов Г. Хофстеде наиболее

важных (фундаментальных) параметров, чему и посвящена настоящая статья.

В настоящей статье проведено ранжирование индексов Г. Хофстеде, показана фундаментальная роль двух измерений: Индекса индивидуализма и Индекса маскулинности. Кроме того, выявлено, что развитие инноваций в стране зависит не от величины Индекса избегания неопределенности, а от Индекса индивидуализма и Индекса долгосрочности ориентации.

Ключевые слова: национальная деловая культура; измерения Г. Хофстеде; кластеры культуры; деловая культура России.

MEASURING RUSSIAN BUSINESS CULTURE ACCORDING TO G. HOFSTEDE

Arenkov I.A. Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Enterprise Economics, Entrepreneurship and Innovation, Faculty of Economics, St. Petersburg State University, ORCID 0000-0002-4707-2437, e-mail: i.arenkov@spbu.ru, St. Petersburg State University, Faculty of Economics, St. Petersburg, Russian Federation.

Zyabrikov V.V. Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Enterprise Economics, Entrepreneurship and Innovation, Faculty of Economics, St. Petersburg State University, ORCID 0000-0002-4882-1129, e-mail: v.v.zyabrikov@spbu.ru, St. Petersburg State University, Faculty of Economics, St. Petersburg, Russian Federation.

© И.А. Аренков, В.В. Зябриков, 2025

Abstract. The Hofstede's data, due to their availability and hundreds of thousands of processed questionnaires, have become the most popular tool for measuring the business culture of different countries. However, it turned out that among Hofstede's indices there are interdependent, redundant ones. In addition, despite numerous attempts, Hofstede failed to correctly cluster countries by business culture and identify countries with similar business culture. Therefore, there is clearly a need for a secondary analysis, that is, a generalization of the existing data, identification of the most important parameters among Hofstede's indices, which is the subject of this article. This article ranks Hofstede's indices and shows the fundamental role of two dimensions: the Individualism Index and the Masculinity Index. In addition, it was revealed that the development of innovations in the country does not depend on the value of the Uncertainty Avoidance Index, but on the Individualism Index and the Long-Term Orientation Index.

Keywords: national business culture; G. Hofstede's dimensions; cultural clusters; business culture of Russia.

► **Введение.** Еще в конце 1960-х годов Г. Хофстеде начал свое исследование национальных различий сотрудников многочисленных подразделений компании IBM в 60 странах мира (Латинская Америка, Азия и Европа), которые занималась сборкой и продажей компьютеров. Всего собраны и обработаны сотни тысяч анкет. Однако попытки использовать эту методику для оценки российской деловой культуры пока не дают положительного результата, в первую очередь из-за большого разброса данных (табл.1).

Как показывает табл. 1, отследить динамику изменения параметров

Г. Хофстеде во времени для России невозможно из-за большого разброса данных. В то же время по четырем измерениям из пяти средние показатели табл. 1 весьма близки к актуальным (2024 г.) показателям, приведенным на сайте Г. Хофстеде.

Исключение составляет только Индекс Дистанции власти (*Power Distance Index, PDI*), среднее значение которого по данным российских исследователей равно 39 баллам со стандартным отклонением (среднеквадратичным отклонением) равным 10 баллам, а на сайте Г. Хофстеде – одно и то же фиксированное и, при этом, явно завышенное значение этого показателя в период с 2000 по 2024 года равное 93 баллам.

Значение Индекса дистанции власти показывает насколько люди принимают неравномерное распределение власти, считают правильной ее концентрацию на вершине управленческой пирамиды, относятся к власти как символической ценности (позиция «наемника»), а не деловому партнеру (позиция «эксперта») в терминологии В.П. Дубицкой и М.И. Тарарухиной [6, с. 59].

► **Обзор литературы.** Проведенный авторами настоящей статьи анализ среза данных сайте Г. Хофстеде¹ на 2024 год по 91 стране, показал, что такой показатель, как Индекс дистанции власти, тесно связан с Индексом индивидуализма (коэффициент корреляции в 2024 году равен минус 0,66). Высокий Индекс индивидуализма предполагает, что независимый и свободный человек принимает решения самостоятельно в собственных интересах и интересах своей семьи, не оглядываясь на мнение окружающих его коллег и не признает существенных иерархических различий.

¹ Сайт Г. Хофстеде [Электронный ресурс]. – URL: <https://geerthofstede.com/culture-geert->

[hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/](https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/) (дата обращения 07.09.24).

Таблица 1 – Измерение российской деловой культуры по данным разных авторов

N	Измерение Г. Хофстеде	1980 г. Хофстеде (оценка)	1996 г. Наумов А., Пфафер Ш.	2000 г. Хофстеде	2002 г. Латова Н.В.	2003 г. Данилова Е., Тарарухина М.	2004 г. Ю.В. и Н.В. Латовы	2006 г. Наумов А.И., Петровская И.А.	2010 г. Дубицкая В., Тарарухина М.И.	2016 г. Латова Н.В.	2016 г. Хофстеде Г. ¹	2024 г. Хофстеде Г. ¹	Среднее	Дисперсия
1	Индивидуализм (IDV)	<u>50</u>	41	<u>39</u>	51	55	60	36	39	61	<u>39</u>	46	47	9
2	Мускулидность (MAS)	<u>40</u>	55	<u>36</u>	41	2	35	48	31	36	<u>36</u>	36	36	13
3	Дистанция власти (PDI)	<u>95</u>	40	<u>93</u>	46	28	52	33	48	28	<u>93</u>	93	59	28
4	Избегание неопределенности (UAI)	<u>90</u>	68	<u>95</u>	51	121	109	70	116	91	<u>95</u>	95	91	21
5	Долгосрочность (LTO)	Нет данных	59	<u>81</u>	49	42	45	62	Нет данных	Нет данных	<u>81</u>	58	60	15

Источники: [1, с.359; 2, с.55; 3, с.158; 4, с.53; 5; 6, с.48, 49, 54, 58, 62; 7, с. 605; 8, с.163; 28]

¹ Сайт Г. Хофстеде [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool> (дата обращения: 01.01.2024).

Напротив, человек *коллективной культуры* воспринимает себя как часть общества, в которое он интегрирован, «знает в нем свое место».

Рассмотрим связь между Индексом индивидуализма (IDV) и Индексом дистанции власти (Power Distance Index - PDI) в разных странах по состоянию на 2024 год (рис. 1).

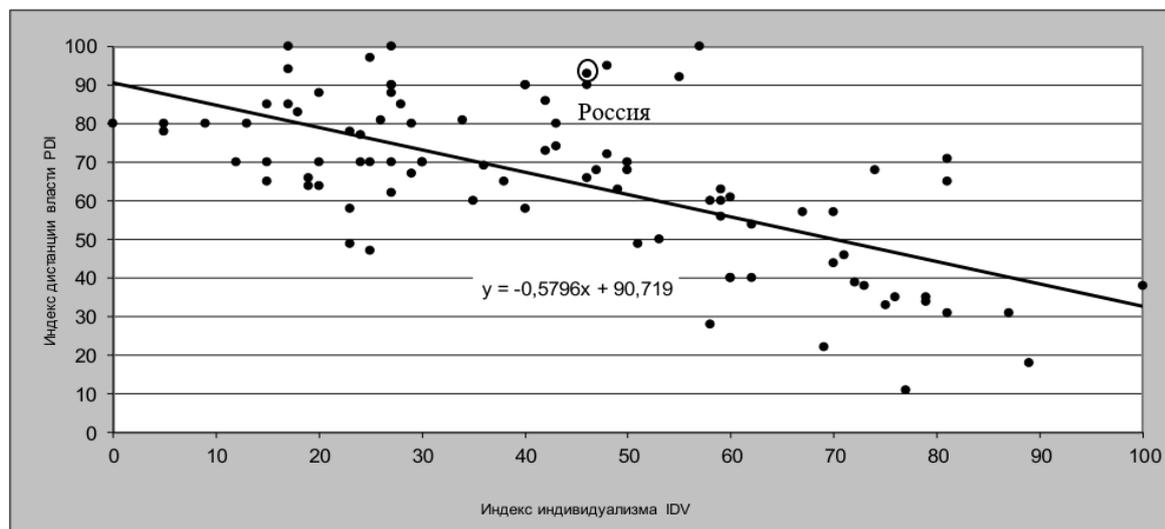

Рисунок 1 – Зависимость индекса дистанции власти PDI от индекса индивидуализма IDV

Примечание: отрицательный коэффициент корреляции -0,66 (Индексы России по данным сайта Г. Хофстеде 2024 г. IDV = 46, PDI = 93 – завышенное значение).

Подставляя такое значение индекса IDV для России, равное 46 баллам, в формулу, приведенную на рис. 1, получим значение Индекса дистанции власти равное 64, что близко к рассчитанному среднему значению 59 из табл. 1, ну уж никак не к искусственно завышенному значению 93.

Это также подтверждает и высказывания ряда российских исследователей. Так, по верному утверждению Ж.В. Зарицкой: «Относительно низкие показатели по «дистанции власти» можно объяснить наличием у россиян индивидуалистической ценности равенства и ценности справедливости, во многом ассоциируемой с равенством» [8, с. 93]. По справедливому утверждению В.Ю. Шаповалова: «Отношения начальник-подчиненный возлагают всю ответственность за принятие важных решений на первого, но не исключают и общения на равных. Однако отношения между начальником и

подчиненными в России носят гораздо менее формальный и более задушевный характер, чем во многих западных странах» [9, с. 114].

► Данные и методы.

Индекс индивидуализма Г. Хофстеде.

На сайте Г. Хофстеде справедливо указано, что проблема выбора между индивидуализмом (IDV) и коллективизмом является фундаментальной в деловой культуре любой страны. В рамках индивидуалистических культур самостоятельный, независимый от группы человек ценит разнообразную (немонотонную) работу, представляющую для него некоторый «вызов», но при этом желает, чтобы работа оставляла достаточно времени для личной и семейной жизни. Поведение индивидуалиста напоминает поведение знающего себе цену независимого профессионала, а личное время и пространство

индивидуалиста – это его неприкосновенная территория.

Напротив, работники коллективистской ориентации, ценят комфортные условия труда и стабильность сохранения своего рабочего места. При этом они спокойно относятся к тому, что организация распоряжается не только их рабочим, но и свободным временем. По словам Г. Хофстеде [10, с. 260] эти работники «знают свое место в жизни», они «...интегрированы в жесткие, сплоченные группы, которые на протяжении всей жизни человека, продолжают защищать их в обмен на безусловную лояльность». Отметим, что коллективизм по Г. Хофстеде не предполагает солидарности и взаимопомощи работников. Напротив, по словам Е. Ясина [11, с. 38] коллективизм обычно предполагает преимущественно авторитарный стиль руководства: ««...<коллективизм> может сопровождаться подчинением личности коллективу, отказом от своих прав, реально – в пользу лидера, ибо коллектива без лидера не бывает. Поэтому обратная сторона коллективизма – авторитаризм (А. Ахиезер) и безответственность: лидер объединяет права и ответственность членов, член коллектива уже не личность. Мы видим подобные явления и в нашей истории, и в сегодняшней жизни».

Индивидуалистические культуры описывают работников развитого капиталистического общества, поэтому не удивительно, что чем выше индекс индивидуализма (IDV), и, соответственно, выше самостоятельность в принятии решений, тем выше уровень экономического развития страны, измеренного как размер валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения по паритету покупательной способности (рис. 2).

¹ Рейтинг стран мира по индексу экономической свободы / The Heritage Foundation [Электронный ресурс]. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/economic-freedom> (дата обращения 04.09.2024).

Как видно из рис. 2, из общей закономерности в лучшую сторону выделяются только города-государства Сингапур и Люксембург, а также Норвегия (за счет нефтегазовых ресурсов) и Ирландия (за счет создания «налогового рая» для IT-компаний). С учетом Индекса IDV для России равного 46 баллов, ВВП на душу населения по формуле на рис.2 должен быть равен 39,8 тыс. долларов, что весьма близко к значению этого показателя по данным ВБ 2023 года 40,8 тыс. долларов.

Зависимость уровня развития экономики страны от индекса индивидуализма можно объяснить, связав его с Индексом экономической свободы¹, который характеризует степень благоприятности условий для ведения предпринимательской деятельности в стране (рис. 3).

Рис. 3 демонстрирует экспоненциальную форму рассматриваемой зависимости, указывающую на безусловную необходимость создания благоприятных условий для развития бизнеса резкого при достижении страной уровня ВВП примерно 40-50 тыс. долларов США, соответствующему сегодняшнему российскому уровню.

Индекс долгосрочности ориентации по Г. Хофстеде.

Для объяснения феномена исключительно высоких темпов роста стран Юго-Восточной Азии (так называемых «юго-восточных тигров») в число координат Г. Хофстеде² в начале 1990-ых годов было введено пятое измерение – Индекс долгосрочности ориентации культуры (LTO, Long Term Orientation), первоначально названный *Индексом конфуцианского динамизма*.

² Типология культурных измерений Хофстеде. Долгосрочная ориентация LTO [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 03.09.24).

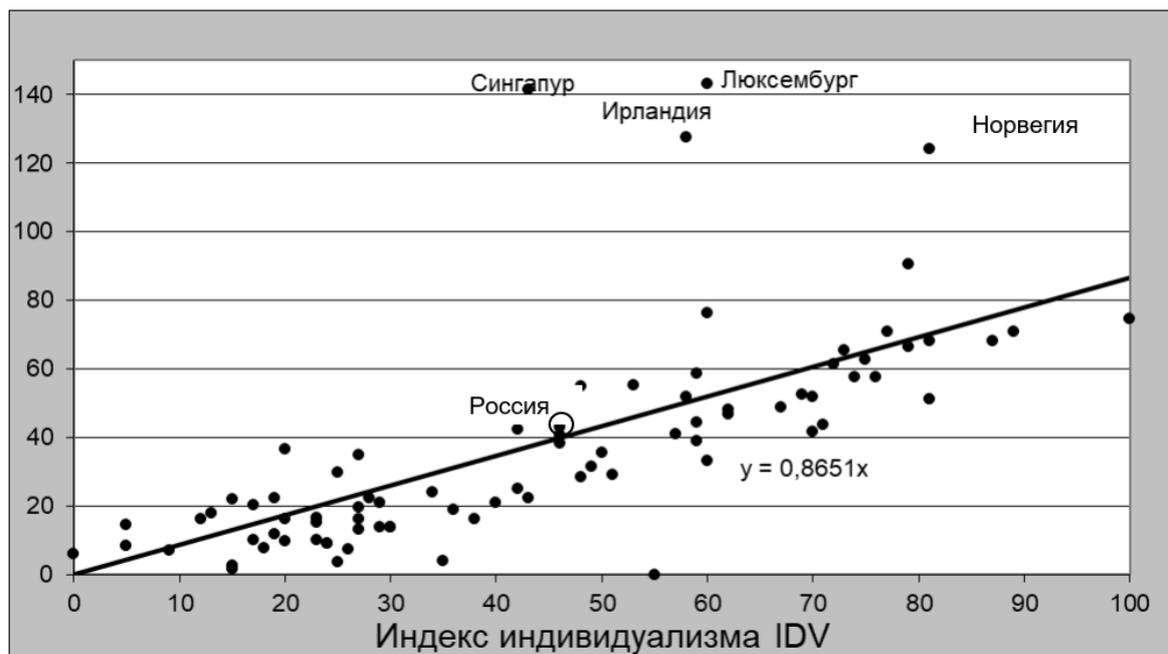

Рисунок 2 – Зависимость ВВП на душу населения по паритету покупательной способности по данным Всемирного Банка¹ от индекса индивидуализма

Примечание: коэффициент корреляции 0,72 (точка России выделена кружком: индекс индивидуализма для России по сайту Г. Хофстеде 2024 г. IDV=46, а значение ВВП на душу населения по паритету покупательной способности по данным Всемирного Банка (ВБ) в 2023 г. составляло 40,8 тыс. дол. США).

Долгосрочная ориентация предполагает акцент на добродетелях, предполагающих необходимость прагматичного отказа от *сегодняшних* удовольствий ради вознаграждения в *будущем*, т.е. концентрацию на решении стратегических, долгосрочных целей, желание заглядывать в далекое будущее, готовиться к которому нужно уже сегодня. Долгосрочная ориентация предполагает такие паттерны поведения как склонность к накоплению, получению универсального образования (как способа подготовки к неопределённому будущему) и настойчивости в адаптации к меняющимся обстоятельствам жизни. Величина Индекса долгосрочности Г. Хофстеде ориентации во многом

определяется религией, жизненной философией, а также уровнем образования в стране. Япония в 2024 г. имеет индекс долгосрочности ориентации – 100, Тайвань – 87, Южная Корея – 86, Китай – 77, Сингапур – 67, Гонконг – 61.

Напротив, краткосрочная ориентация предполагает поиск в прошлом «морального компаса» для оправдания сегодняшнего поведения: уважительное отношение к традициям, национальную гордость, желание сегодня выполнить социальные обязательства и «сохранить лицо». Турция в 2024 г. имеет Индекс долгосрочности ориентации равный всего лишь 35 баллам, а в южноевропейских странах этот индекс имеет умеренные значения:

¹ Список стран по ВВП (ППС) на душу населения (данные ВБ 2023 г.), в долларах [Электронный ресурс] // Википедия. – <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 04.09.2024).

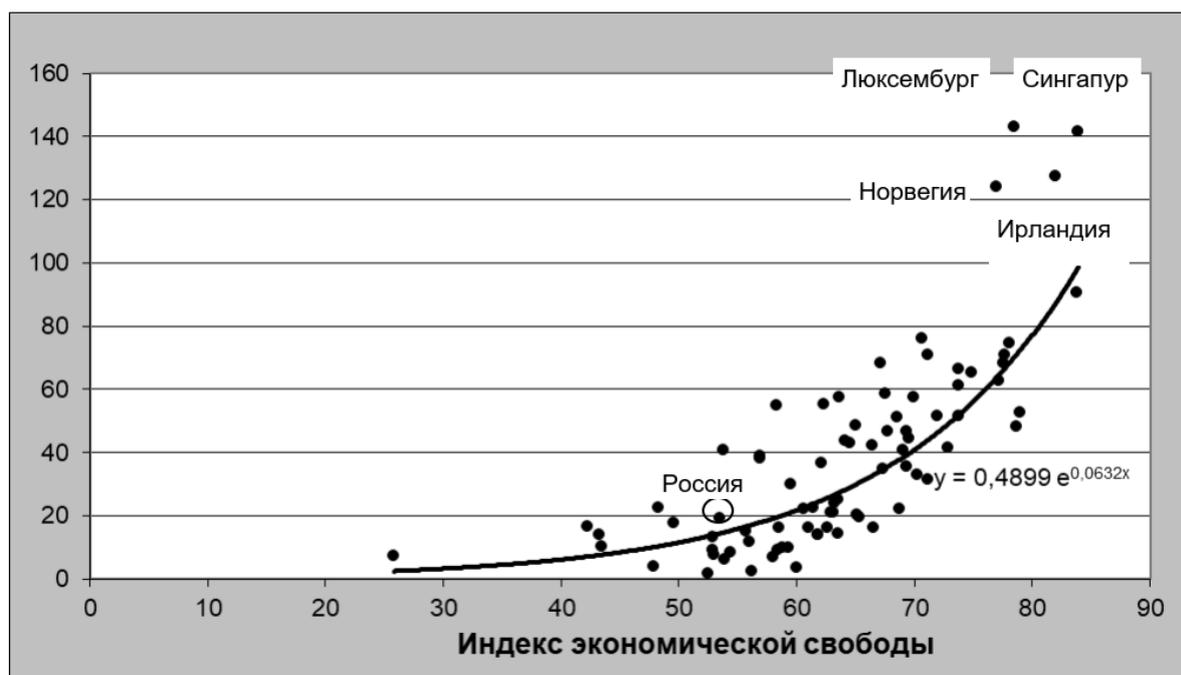

Рисунок 3 – Зависимость ВВП на душу населения по паритету покупательной способности по данным Всемирного Банка 2023 г.¹ от Индекса экономической свободы в 2023 году

Примечание: коэффициент корреляции 0,73 (точка России выделена кружком: Индекс экономической свободы равен 53,8, значение ВВП на душу населения по паритету покупательной способности по данным Всемирного Банка 40,8 тыс. дол. США).

в Италии – 39 баллов, Португалии – 42 и Испании – 47.

Значение Индекса долгосрочности ориентации России ЛТО равно 58 баллам (табл. 1) несколько превышает среднее значение для всей группы стран Г. Хофстеде 42 балла. Однако оно значительно ниже, чем у «восточноазиатских тигров» (Японии, Южной Кореи, Тайваня и Сингапура), что делает маловероятным повторение в нашей стране конфуцианского сценария развития экономики. Действительно, по данным Ф. Тромпенаарса [12, с. 261], полученным на основе Теста кругов Коттла, российская деловая культура сориентирована в основном в прошлое, а не будущее, а значит не должна

отличаться высоким значением Индекса долгосрочности ориентации.

Измерение маскулинности по Г. Хофстеде.

Наряду с показателем индивидуализма вторым по важности параметром национальной деловой культуры является Индекс маскулинности (MAS). Маскулинность (мужественность) означает нацеленность *достижение результата и успех* любой ценой самоуверенных и агрессивных работников, не исключаящих при необходимости и применение насилия. Для таких культур «размер имеет значение», а люди обычно измеряют успех деньгами и материальными ценностями. По сути, в странах с мускулинной культурой «люди живут, чтобы

¹ Список стран по ВВП (ППС) на душу населения (данные ВБ 2023 г.), в долларах [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 04.09.2024).

работать, а не работают, чтобы жить». Для работников этих стран них характерны напористость, целеустремлённость, акцент на соперничестве и конкуренции, а стрессы и конфликты считаются в мускулинной культуре обычным делом (так называемый, *жесткий* тип культуры). В таких культурах сильно выражено гендерное деление на мужские и женские роли. Страны с большим значением Индекса мускулинности в 2024 г. это: Япония – 95 баллов, Австрия и Швейцария – 79, Ирландия – 68, Германия, Великобритания и Китай – по 66 баллов.

Для работников стран с *мягкой* феминной (женской) культурой характерна скромность, заботливость и представление об относительно небольшом расхождении между мужскими и женскими гендерными ролями. Акцент делается на выстраивании прочных отношений, сохранении культурных ценностей и заботе о качестве жизни. Страны с низким значением Индекса мускулинности это: Швеция – 5 баллов, Норвегия – 8, Нидерланды – 14, Дания – 16, Финляндия - 26.

Феминная культура характерна и для России. Ее показатель мускулинности по данным табл. 1 равен лишь 36 баллам (при среднем значении данных с сайта Г. Хофстеде по всем 93 странам равном 48 баллам). По словам Ж.В. Зарицкой: «Эмпирически выявленная принадлежность русской культуры, по терминологии Хофстеде, к «феминному» типу свидетельствует о чужеродности приоритета личного успеха и индивидуальных достижений материального характера, полученных в результате собственной активности, инициативности, напористости индивида...» [13, с. 93]. Этой же точки зрения придерживается и А. Аузан, по образному выражению которого «маскулинность – это фактически напористость, готовность

следовать плану и соблюсти все 142 пункта инструкции. Это явно не про нас, потому что мы читаем инструкцию, когда телевизор уже сломался. А феминность – это высокая адаптивность, способность каждую ситуацию решать как уникальную... Маскулинные нации лучше занимаются массовым стандартизированным производством, а феминные нации, в том числе, мы с вами, - сервисными видами деятельности. На самом деле в эту сферу попадает не только сервис, но и креативная экономика, индивидуализированные виды продукта» [14, с.56-57].

Индекс избегания неопределенности по Г. Хофстеде.

Индекс избежания неопределенности (UAI, Uncertainty Avoidance Index), характеризует реакцию на двусмысленные ситуации, вызывающие тревогу и недоверие к будущим изменениям. По материалам сайта Г. Хофстеде¹ страны с высоким Индексом избежания неопределенности характеризуются желанием иметь «фиксированные привычки и ритуалы, знать правду», пристрастие к «планированию ради планирования», когда прежний план заменяется на новый без детального и честного «план-факт анализа». Напротив, для стран с низким показателем избегания неопределённости характерно проявление личной инициативы, спокойное принятие разногласий и толерантное отношение к инакомыслию.

В России значение Индекса избежания неопределенности (другими словами, Индекса тревожности) и по данным сайта Г. Хофстеде, и по данным российских исследователей, очень высоко – 95 баллов. Выше значение этого индекса только в Греции – 100, и Португалии – 99, а близкое к российскому значение имеет Бельгия – 94, и Япония – 92.

¹ Сайт Г. Хофстеде [Электронный ресурс]. – URL: <https://geerthofstede.com/culture-geert->

[hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/](https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/) (дата обращения 07.09.24).

Однако, возникает вопрос: насколько важен Индекс избегания неопределенности? На самом деле, в той или иной степени такое стремление к взять под свой контроль ситуацию и иметь возможность прогнозировать развитие событий является естественным для любого человека. Анализируя ошибки топ-менеджеров зарубежных компаний-неудачников, С. Финкельштейн пишет: «Человек устроен так, что стремится избежать неопределенности. Поэтому, когда мы видим кого-то, кто уверенно идет по намеченному пути и твердо следует избранной стратегии, это производит на нас благоприятное впечатление. Но ведь уверенность и определенность – это еще не все. Сколько раз нам приходилось сталкиваться с руководителями и организациями, которые, не оглядываясь по сторонам, решительно шагали к намеченной цели ... в то время как весь остальной мир стремительно удалялся от них, двигаясь в противоположном направлении» [15, с. 170].

Второй возникающий вопрос: насколько неприятие неопределенности затрудняет развитие инноваций в стране? Кажется естественным утверждение о том, что сверхвысокий российский индекс избегания неопределенности затрудняет выбор инновационного пути развития и развитие венчурных рынков, поскольку рост инноваций неминуемо ведет к росту неопределенности. На самом деле следует учитывать принципиальную разницу между категориями неопределенности ситуации и риска, как характеристикой поведения человека. Инновации неминуемо связаны с повышенным риском получения убытков, но при чем здесь неопределенность? На сайте Г. Хофстеде¹ прямо сказано «что избегание неопределенности

не имеет ничего общего с избеганием риска или следования правилам». Подобное утверждение приведено и на сайте Dialog.guide² в разделе Индекс тревожности: «Имейте в виду, что избегать неопределенности и избегать риска — не всегда тождественные понятия. Хофстеде утверждает, что в странах с высоким уровнем UAI /индекса избегания неопределенности/ можно найти людей, готовых к рискованному поведению именно потому, что это уменьшает двусмысленность, или позволяет избежать неудачи».

К примеру, Португалия при почти таком же как в России значении Индекса избегания неопределенности (99 баллов), тем не менее, имеет в 1,35 больший, чем в России и относительно высокое значение Глобального инновационного индекса, равное 44,9. Второй пример – это Япония. Эта страна при весьма высоком значении Индекса избегания неопределенности (92 балла), имеет очень высокий Глобальный инновационный индекс, равный 54,6 (в 1,6 раз больший, чем российский).

Отметим, что на сайте Г. Хофстеде в последние годы в состав индексов включен и шестой показатель – Индекс индугенции (IVR, Indulgence Versus Restraint), который характеризует поведение бизнесменов (снисходительное, расслабленное или сдержанное, напряженное). По мнению авторов настоящей статьи, этот индекс имеет второстепенное значение.

► Результаты исследования.

Глобальный инновационный индекс и измерения Г. Хофстеде.

Как показала обработка статистических данных сайта Г. Хофстеде⁸ в 2024 г., предпринятая авторами настоящей статьи, показала, что коэффициент корреляции между Индексом избегания неопределенности по Г. Хофстеду и Глобальным

¹ Сайт Г. Хофстеде [Электронный ресурс]. – URL: <https://geerthofstede.com/culture-geerthofstede-ger-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture/> (дата обращения 07.09.24).

² Сайт Dialog.guide [Электронный ресурс]. – URL: <https://dialog.guide/kulturnyie-izmiereniia-khofstiedie/#4-индекс-тревожности-uai/> (дата обращения 07.09.24).

инновационным индексом¹ составляет величину всего лишь минус 0,25, следовательно, тесной связи между этими индексами не существует. Это свидетельствует о том, что наряду с индексом избегания неопределенности на Глобальный инновационный индекс влияют другие, более важные факторы.

Это в первую очередь Индекс индивидуализма IDV (коэффициент корреляции по группе стран сайта Г. Хофстеде в 2024 г. составляет 0,81), действительно, открытия делают свободные независимые люди (рис.4).

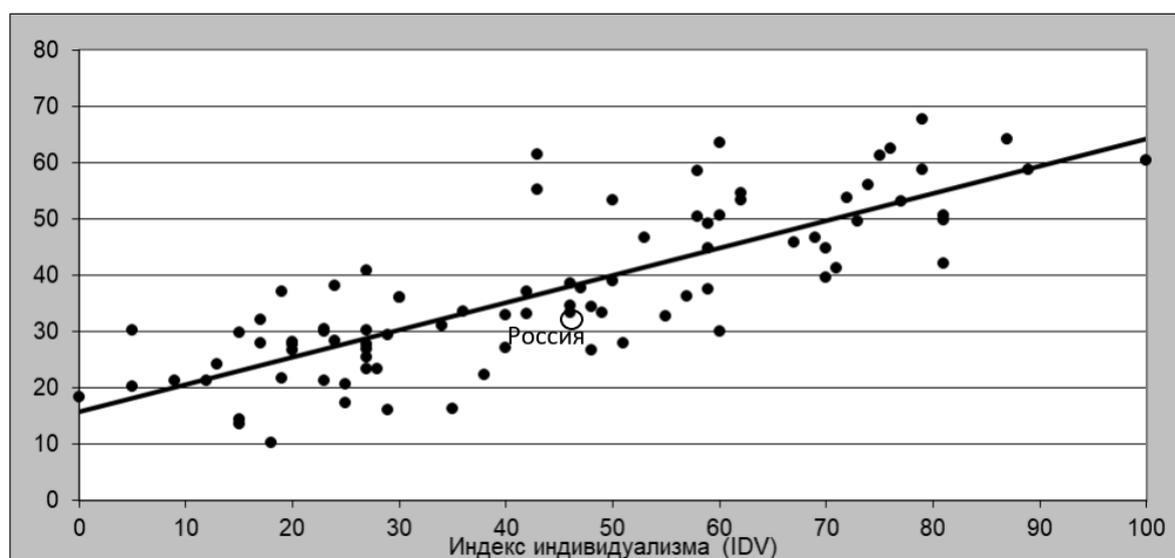

Рисунок 4 – Зависимость Глобального инновационного индекса от Индекса индивидуализма (IDV) в 2023 года

Примечание: величина Индекса индивидуализма в России равна 47, а величина Глобального инновационного индекса равна 33,3.

Выявленную зависимость можно прокомментировать словами А. Аузана [14, с. 53]: «...на основе индивидуализма возникают так называемые радикальные инновации, ведущие к перевороту, а на основе коллективизма – так называемые инкрементные: медленные постоянные совершенствования».

Во вторую очередь на Глобальный инновационный индекс влияет Индекс долгосрочности ориентации (коэффициент корреляции по группе стран сайта

Г. Хофстеде в 2024 году равен 0,66), что вполне естественно, так как долгосрочная ориентация характерна для стран, сориентированных в будущем, это - необходимое условие развития инноваций в стране. Для России значение Глобального инновационного индекса равно 33,3 балла (при максимальном значении этого индекса у Швейцарии – 67,6 баллов, и среднем по странам значении – 37,2). Напомним, что Россия по Индексу индивидуализма так же занимает среднее положение среди

¹ База данных Глобального инновационного индекса [Электронный ресурс] / WIPO (Всемирная организация Интеллектуальной Собственности). – 2023. – URL: https://www.wipo.int/global_

[innovation_index/ru/index.html](https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/index.html) (дата обращения 07.09.24).

рассматриваемых стран: IDV = 46 (при среднем значении 43), и имеет повышенное значение Индекса долгосрочности ориентации LTO = 58 баллов (при среднем значении 42), поэтому никаких противопоказаний для развития инноваций в нашей стране индексы деловой культуры Г. Хофстеде не содержат.

Таким образом, Индекс избегания неопределенности Г. Хофстеде, хотя и вносит определенные краски в описание деловой культуры и процесс принятия управленческих решений, но не является фундаментальным. По мнению М. Минкова, Б. Соколова и И. Ломакина [16, с.293] выделение этого индекса в

отдельное измерение культуры вообще является необоснованным.

Корреляция между измерениями Г. Хофстеде.

Дополнительные параметры имеет смысл вводить в систему показателей только в том случае, если они содержательно и статистически независимы от уже введенных. В табл. 2 показаны коэффициенты корреляции между показателями разных стран по всем шести измерениям Г. Хофстеде, в том числе включая Индекс дистанции власти (Power Distance Index, PDI) и Индекс индугенции (снисходительности, допущения) (Indulgence Versus Restraint, IVR) в 1987, 2020 и 2024 гг.

Таблица 2 – Коэффициенты корреляции между измерениями Г. Хофстеде в 1987 году (верхнее значение), 2020 году (среднее значение) и 2024 году (нижнее значение)

		1	2	3	4	5	6
		PDI	IDV	MAS	UAI	LTO	IVR
1	PDI		-0,69 -0,71 -0,66	0,12 0,06 0,05	0,16 0,30 0,29	0,04 -0,26	-0,38 -0,34
2	IDV			<u>-0,001</u> <u>0,10</u> <u>-0,12</u>	-0,28 -0,22 -0,03	0,12 0,54	0,18 0,14
3	MAS				0,13 -0,02 -0,02	0,01 -0,02	0,02 0,06
4	UAI					0,13 -0,10	-0,21 -0,17
5	LTO						-0,46 -0,29
6	IVR						

Как видно из табл. 2, имеет место уже описанная (рис.1) тесная связь между индексом дистанции власти (PDI) и индексом индивидуализма (IDV) (индекс корреляции в среднем по годам равен примерно минус 0,7), поэтому один из этих индексов (а именно PDI) необходимо исключить из фундаментального набора индексов. Действительно, страны с коллективистской культурой обычно имеют высокую дистанцию власти (так называемый, *вертикальный коллективизм* по Г. Триандису и М. Гелфанду [17]), а страны с индивидуалистической культурой – характеризуются малой дистанцией власти (так называемый, *горизонтальный индивидуализм*). Объяснение связи Индекса индивидуализма и Индекса дистанции власти дала Ж.В. Зарицкая: «При ориентации на индивида и убежденности в ценности личности, естественной считается ценность равенства, которая обычно обуславливает ценность демократии и низкую дистанцию власти. При ориентации на группу ценность каждой личности неравнозначна, поэтому естественным считается неравенство, на базе которого формируется авторитарная власть и высокая дистанция власти» [18, с. 59].

Поскольку Индекс индивидуализма внедрен в широкий экономический контекст (связан с показателем ВВП на душу населения, Индексом экономической свободы и Глобальным инновационным индексом) его следует включить как фундаментальную координату в систему критериев кластеризации, а Индекс дистанции власти – не включать.

Наряду с Индексом индивидуализма в качестве критерия кластеризации необходимо рассматривать Индекс маскулинности, поскольку он тоже существенно влияет на Глобальный инновационный индекс и при этом является практически независимым от Индекса индивидуализма (табл. 2). Эти два индекса составляют фундаментальный базис культурных измерений, поскольку они определяют процесс принятия управленческих решений. Действительно, решения принимаются

либо индивидуально, либо коллективно, при этом они принимаются либо рационально с акцентом на достижениях и получении результата (маскулинность), либо на эмоциональной основе с упором на сохранении равновесия (феминность).

Имеется существенная корреляция между расстоянием стран до России, рассчитанным по этим двум фундаментальным индексам и по всем шести индексам Г. Хофстеде (в 2024 г. этот коэффициент корреляции составил 0,64), то есть два важнейших индекса в основном правильно представляют всю совокупность шести индексов Г. Хофстеде.

Отметим, что правильную качественную оценку российской деловой культуры дала еще 2014 г. Ж.В. Зарицкая [18, с. 62]. Она охарактеризовала российскую деловую культуру как занимающую срединное положение между индивидуализмом и коллективизмом, имеющую преимущественно феминный (женский) тип и умеренную дистанцию власти.

К сожалению, сам Г. Хофстеде отдавал предпочтение другой паре критериев кластеризации: 1) Индекс дистанции власти и 2) Индекс избегания неопределенности. Ко всему прочему, коэффициент корреляции между этими индексами примерно в три раза больше (примерно равен 0,3), чем коэффициент корреляции между предлагаемой фундаментальной парой координат Индекс индивидуализма – Индекс маскулинности. Из-за выбора второстепенных и взаимосвязанных координат, Г. Хофстеде получил неверный набор кластеров национальных деловых культур, в котором три из четырех кластеров почему-то оказались бюрократическими. В такой системе координат у Г. Хофстеде даже суть кластера с семейной культурой (азиатский кластер) неудачно названа у Г. Хофстеде *бюрократией кадров*. Сразу скажем, что семейная культура на самом деле не имеет ничего общего с какой-либо бюрократией. Далее у Г. Хофстеде идут еще два бюрократических кластера «Пирамида» (с *полной бюрократией*, евролатинский и латиноамериканский кластер) и

«Хорошо смазанная машина» (с бюрократией деловых процессов, германский кластер).

На самом деле, по описаниям эти два кластера практически не отличаются друг от друга. Так, например, модель идеальной бюрократия по М. Веберу представляет собой одновременно и иерархическую структуру – «Пирамиду», и «Хорошо смазанную машину» с отлаженными процессами.

Только один, последний кластер у Г. Хофстеде имеет небюрократическую, а рыночную природу. Он назван «Деревенским рынком» (англо-американский и скандинавский кластер) и представляет собой структуру с *самоорганизующимися процессами* [19, с.240]. Отметим, что объединение англо-американских стран с неолиберальной рыночной моделью экономики и скандинавских стран с социальной рыночной экономикой вообще *недопустимо*, поскольку это принципиально разные модели экономики и культурные ориентации. Поэтому, закономерно, что попытка использовать кластеризацию Г. Хофстеде в исследовании В. Дубицкой [20, с.253] привела к весьма странным результатам. В. Дубицкая отвела России место в кластере с названием «Хорошо смазанная машина» с бюрократией деловых процессов с тенденцией перехода в будущем к «Пирамиде» (полной бюрократии).

На самом деле, как показано в работе В.В. Зябрикова [21, с. 693], правильно сформированную, географически ориентированную систему кластеров можно построить по двум наиболее важным (фундаментальным) и при этом независимым друг от друга Индексам: индивидуализма и маскулинности (рациональности). Построенная таким образом система кластеров включает в себя Восточный сегмент с семейной (клановой) культурой, в который, на самом деле и входит Россия, Центральный сегмент во главе с Германией с бюрократической (иерархической) культурой, Западный сегмент с центром в США и предпринимательской (рыночной) культурой и Северный

сегмент с центром в Дании и профессиональной (адхократической) культурой.

При таком подходе можно, наконец, разрешить спор о том, является ли российская культура западной или восточной? В правильной системе кластеров российская деловая культура оказывается семейной (клановой), которая характерна одновременно и для азиатских стран [22, с.53] и южно-европейских стран [23, с.107-108]. Это подтверждается при расчете расстояния от всех стран (за исключением постсоветских, которые естественно близки по деловой культуре к России) до России по всем шести координатам Г. Хофстеде (расстояние рассчитывается как корень квадратный из суммы квадратов разностей между индексами). Проведенные авторами настоящей статьи расчеты показали, что ближе всего к России культура Португалии (расстояние 39 баллов), далее идут Южная Корея (47), Франция и Турция (по 48) (данные с сайта Г. Хофстеде 2024 года).

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** В ходе ранжирования Индексов деловой культуры Г. Хофстеде выявлено, что Индекс индивидуализма и Индекс маскулинности являются наиболее важными, точнее, *фундаментальными*, и практически не зависят друг от друга (коэффициент корреляции между ними для всей группы стран Г. Хофстеде практически равен 0). Именно эти два индекса определяют специфику принятия управленческих решений: индивидуально или коллективно, на основе рациональных соображений (маскулинность) или эмоциональных соображений (феминность).

1. Чем выше в стране Индекс индивидуализма Г. Хофстеде, тем выше в ней Индекс экономической свободы, Глобальный инновационный индекс, а также размер ВВП на душу населения по паритету покупательной способности. Наряду с Индексом индивидуализма, большая величина Глобального инновационного индекса определяются высокими значениями Индекса долгосрочности ориентации Г. Хофстеде.

2. Помещенные на сайте Г. Хофстеде характеристики российской деловой культуры Индекс индивидуализма (IDV = 46 баллов) и Индекс маскулинности (MAS = 36 баллов) практически совпадают со средними показателями, рассчитанными по 11 измерениям различных, в первую очередь, российских, авторов произведенных в разные годы (соответственно, 47 и 36 баллов). Таким образом, российская деловая культура занимает по Индексу индивидуализма среднее положение, при этом она является *феминной* (*женственной*), с акцентом на скромности в поведении, важности выстраивания прочных отношений, сохранении культурных ценностей и заботе о качестве жизни. Для такой феминной культуры характерно относительно небольшое расхождение между мужскими и женскими гендерными ролями.

3. Построенные на паре фундаментальных индексов Г. Хофстеде четыре кластера: Восточный (включающий Россию), Центральный (Германия), Западный (США) и Северный (Дания), правильно передают специфику деловой культуры страны. Российская деловая культура имеет семейный (клановый) тип, характерный одновременно и для стран юга Европы, и азиатских стран. В состав восточного кластера, наряду с Россией, входят наиболее близкие к России по совокупности шести индексов Г. Хофстеде страны: Португалия, Южная Корея, Франция, и Турция, причем состав этой группы стран практически не меняется, по крайней мере, на протяжении последнего пятилетия.

► Литература

1. Виханский, О.С. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс / О.С. Виханский, А.И. Наумов. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 416 с. – Текст : непосредственный.
2. Данилова, Е. Российская производственная культура в параметрах Г. Хофстеда / Е. Данилова, М. Тарарухина. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 3 (65). – С. 53-64.

4. Приводимое на сайте Г. Хофстеде вот уже на протяжении четверти века неизменное значение Индекса дистанции власти для России (PDI = 93 балла) является искусственно завышенным и существенно превосходит истинное значение, приблизительно равное 60. Этот показатель определен с учетом среднего значения Индекса дистанции власти, полученного российскими исследователями (PDI = 59), а также значения, полученного по ансамблю стран Г. Хофстеде в 2024 году (PDI = 64) с учетом зависимости Индекса дистанции власти от Индекса индивидуализма.

5. Индекс избегания неопределенности Г. Хофстеде (UAI) характеризует *неопределенность*, как свойство ситуации, но не *риск*, как характеристику поведения человека. Поэтому крайне высокое значение Индекса избегания неопределенности для России на сайте Г. Хофстеде (UAI = 95), хотя в целом верно передает значение *тревожности* в обществе (по данным российских исследователей индекс имеет близкое значение UAI = 89), но практически никак не препятствует развитию инновационной экономики в нашей стране.

Перспективными направлениями дальнейших исследований может стать рассмотрение динамики изменения показателей Г. Хофстеде по времени (в том числе с учетом влияния пандемии), а также динамики изменения состава и типичных характеристик кластеров деловых культур разных стран, сформированных на базе фундаментальной системы индексов Г. Хофстеде (Индекса индивидуализма и Индекса маскулинности).

► References

1. Vikhansky O.S., Naumov A.I. (1995). *Management: man, strategy, organization, process*. Moscow: Moscow State University Publishing House. [In Russian]
2. Danilova E., Tararukhina M. (2003). Russian production culture in the parameters of G. Hofstede. *Monitoring of public opinion*, 3 (65), 53-64. [In Russian]

3. Латова, Н.В. Этнометрические измерения: теория и практика / Н.В. Латова. – Текст : непосредственный // Социология: 4М. – 2003. – №17. – С. 142-166.
4. Латов, Ю.В. Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Хофстеде / Ю.В. Латов, Н.В. Латова. – Текст : непосредственный // Мир России. – 2007 –№4. – С. 43-72.
5. Ansems, P. Kleur bekennen, kleedkamergesprekken over leiderschap / P. Ansems, J. – Moem Assen: Koninklijke Van Gorcum BV, 2010. – 188 p. – Текст : непосредственный.
6. Дубицкая, В.П. Быть ли России Америкой? Российское исследование управленческой культуры по методике Герта Хофстеде / В.П. Дубицкая, М.И. Тарарухина. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2010. – №10. – С. 42-65.
7. Виханский, А.И. Менеджмент / О.С. Виханский, А.И. Наумов; 6-е изд. перераб. и доп. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2015. – 656 с. – Текст : непосредственный.
8. Латова, Н.В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) / Н.В. Латова. – Текст : непосредственный // Вестник Института Социологии. – 2016. – № 4 (19). – С. 156-180.
9. Шаповалов, В.Ю. Характерные черты деловых культур Запада и Востока: их влияние на развитие деловой культуры современной России / В.Ю. Шаповалов. – Текст : непосредственный // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 4(6). – С. 111-115.
10. Hofstede, G. Cultures and organizations. Software of the Mind / G. Hofstede. – New York, San Francisco, Washington, D.C.: McGraw-Hill, 1997. – 260 p. – Текст : непосредственный.
11. Ясин, Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей / Е.Г. Ясин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 83 с. – Текст : непосредственный.
12. Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер; Пер.с англ. – Минск: Попурри, 2012. – 528 с. – Текст : непосредственный.
13. Зарицкая, Ж.В. Специфика русского коллективизма / Ж.В. Зарицкая. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2014. – Том 12. – Вып. 2. – С. 87–95.
14. Аузан, А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа / А.А. Аузан. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 160 с. – Текст : непосредственный.
15. Финкельштейн, С. Ошибки топ-менеджеров ведущих корпораций: Анализ и практические выводы / С. Финкельштейн; Пер. с англ.
3. Latova N.V. (2003). Ethnometric measurements: theory and practice. *Sociology: 4M*, 17, 142-166. [In Russian]
4. Latov Yu.V., Latova N.V. (2007). Discoveries and paradoxes of the ethnometric analysis of Russian economic culture using the method of G. Hofstede. *The World of Russia*, 4, 43-72. [In Russian]
5. Ansems P., Moem J. (2010). *How to Become an American Leader*. Moem Assen: Koninklijke Van Gorcum BV.
6. Dubitskaya V.P., Tararukhina M.I. (2010). Should Russia Be America? Russian Study of Management Culture Based on Geert Hofstede's Methodology. *Sociological Journal*, 10, 42-65. [In Russian]
7. Vikhansky O.S., Naumov A.I. (2015). *Management*. Moscow: INFRA-M. [In Russian]
8. Latova N.V. (2016). Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede). *Bulletin of the Institute of Sociology*, 4 (19), 156-180. [In Russian]
9. Shapovalov V.Yu. (2010). Characteristic features of business cultures of the West and the East: their influence on the development of business culture of modern Russia. *Historical and socio-educational thought*, 4 (6), 111-115. [In Russian]
10. Hofstede G. (1997). *Cultures and organizations. Software of the Mind*. New York, San Francisco, Washington, D.C.: McGraw-Hill.
11. Yasin E.G. (2003). *Modernization of the economy and the value system*. Moscow: Higher School of Economics. [In Russian]
12. Trompenaars F., Hampden-Turner Ch. (2012). *4 types of corporate culture*. Minsk: Popurri. [In Russian]
13. Zaritskaya Zh.V. (2014). Specificity of Russian collectivism. *Bulletin of NSU. Series: Philosophy*, 2, 87–95. [In Russian]
14. Auzan A.A. (2022). *Cultural codes of the economy: How values influence competition, democracy and welfare of the people*. Moscow: AST Publishing House. [In Russian]
15. Finkelstein S. (2006). *Mistakes of top managers of leading corporations: Analysis and practical conclusions*. Moscow: Alpina Business Books. [In Russian]

3-е изд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 394 с. – Текст : непосредственный.

16. Минков, М. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой / М. Минков, Б. Соколов, И. Ломакин. – Текст : непосредственный // Социологические обозрения. – 2023. – Т.22. – № 3. – С. 287-317.

17. Triandis, H.C. Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. / H.C. Triandis, M.J. Gelfand. – Текст : непосредственный // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – № 74 (1). – С. 118 – 128. – DOI: 10.1037/0022-3514.74.1.118.

18. Зарицкая, Ж.В. Эвристические возможности методики Г. Хофстеде в изучении ценностей индивидуализма / коллективизма / Ж.В. Зарицкая. – Текст : непосредственный // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2014. – Т.12. – Вып. 1. – С. 56-63.

19. Пивоваров, С.Э. Сравнительный менеджмент / С.Э. Пивоваров, И.А. Максимцев; 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 480 с. – Текст : непосредственный.

20. Дубицкая, В. Капитализм под копирку: Иллюзии эффективных менеджеров / В. Дубицкая. – М.: Альпина Паблшер, 2015. – 269 с. – Текст : непосредственный.

21. Зябриков, В.В. Российская деловая культура в контексте единой типологии / В.В. Зябриков. – Текст : непосредственный // Лидерство и менеджмент. – 2023. – Т. 10. – № 3. – С. 685-702.

22. Вязанкина, А.А. Современные модели корпоративной культуры и их перспективы в российском обществе / А.А. Вязанкина. – Текст : непосредственный // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-1 (66). – С. 51-53.

23. Магун, В. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) / В. Магун, М. Руднев. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2010. – №12. – С. 107-130.

16. Minkov M., Sokolov B., Lomakin I. (2023). Evolution of the Hofstede cultural dimensions model: parallels between objective and subjective culture. *Sociological reviews*, 3, 287-317. [In Russian]

17. Triandis, H.C., Gelfand, M.J. (1998). Converging measurement of horizontal and vertical individualism and collectivism. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74 (1), 118-128. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.1.118>.

18. Zaritskaya Z.V. (2014). Heuristic possibilities of G. Hofstede's methodology in studying the values of individualism / collectivism. *Bulletin of NSU. Series: Philosophy*, 1, 56-63. [In Russian]

19. Pivovarov S.E., Maksimtsev I.A. (2008). *Comparative Management*. St. Petersburg: Piter. [In Russian]

20. Dubitskaya V. (2015). *Carbon Copy Capitalism: Illusions of Effective Managers*. Moscow: Alpina Publisher. [In Russian]

21. Zyabrikov V.V. (2023). Russian Business Culture in the Context of a Unified Typology. *Leadership and Management*, 3. 685-702. [In Russian]

22. Vyazankina A.A. (2010). Modern models of corporate culture and their prospects in Russian society. *Bulletin of the Altai State University*, 2-1 (66), 51-53. [In Russian]

23. Magun V., Rudnev M. (2010). Basic values of Russians and other Europeans (based on surveys in 2008). *Questions of Economics*, 12, 107-130. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 27.11.24

Для цитирования: Аренков, И.А. Измерение показателей российской деловой культуры по Г. Хофстеде / И.А. Аренков, В.В. Зябриков // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 193-208.

For citation: Arenkov I. A., Zyabrikov V.V. (2025). Measuring Russian business culture according to G. Hofstede. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 193-208. [In Russian]

УДК 336.14

JEL: E42, H61, H83

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Манжула Т.Ю. доцент кафедры финансов и экономической безопасности, e-mail: tatyana.manzhula88@mail.ru, ФГБОУ ВО «ДОННУЭТ», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Верич Ю.Л. доцент кафедры финансов и экономической безопасности, ORCID 0000-0001-8878-0053 e-mail: yuwerych@yandex.ru, ФГБОУ ВО «ДОННУЭТ», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация. В статье исследуется потенциал внедрения цифрового рубля в бюджетный процесс Российской Федерации как инструмента повышения эффективности управления государственными финансами. На фоне внешних экономических вызовов и необходимости решения масштабных внутренних задач, анализируются возможности использования уникальных характеристик цифровой валюты центрального банка, таких как программируемость, «окрашивание» и прослеживаемость транзакций на базе технологий токенизации и смарт-контрактов. На основе анализа динамики основных показателей федерального бюджета РФ, действующей нормативно-правовой базы и

хода пилотного проекта, оцениваются перспективы интеграции цифрового рубля. Обосновывается, что его использование способно значительно повысить прозрачность бюджетных потоков, усилить контроль за целевым расходованием средств, снизить операционные издержки и коррупционные риски, ускорить проведение платежей. Также рассматриваются потенциальные риски, связанные с внедрением новой технологии в бюджетную сферу.

Ключевые слова: цифровой рубль; бюджетный процесс; государственные финансы; смарт-контракты; цифровые валюты центральных банков; ЦВЦБ.

USING THE DIGITAL RUBLE IN THE BUDGETARY PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Manzhula T.Yu. Associate Professor of the Department of Finance and Economic Security, e-mail: tatyana.manzhula88@mail.ru, FSBEI HE «DONNUET», Donetsk, DPR, Russian Federation.

Verich Yu.L. Associate Professor of the Department of Finance and Economic Security, ORCID 0000-0001-8878-0053, e-mail: yuwerych@yandex.ru, FSBEI HE «DONNUET», Donetsk, DPR, Russian Federation.

© Р.Н. Манжула Т.Ю. Верич Ю.Л., 2025

Abstract. The article explores the potential of implementing the digital ruble into the budgetary process of the Russian Federation as a tool to enhance the efficiency of public finance management. Against the backdrop of external economic challenges and the need to address large-scale domestic tasks, the possibilities of using the unique characteristics of the central bank digital currency (CBDC), such as programmability, «colouring» (earmarking), and transaction traceability based on tokenization and smart contract technology, are analyzed. Based on the analysis of the dynamics of the main indicators of the Russian Federation's federal budget, the current regulatory framework, and the progress of the pilot project, the prospects for digital ruble integration are assessed. It is argued that its use can significantly increase the transparency of budget flows, strengthen control over the targeted spending of funds, reduce operational costs and corruption risks, and accelerate payments. Potential risks associated with the introduction of the new technology into the budgetary sphere are also considered.

Keywords: digital ruble; budgetary process; public finance; smart contracts; central bank digital currencies; CBDC.

► **Введение.** Эффективное управление государственными финансами является необходимым фактором обеспечения стабильности и развития для любого государства. Экономика Российской Федерации последние несколько лет функционирует в условиях высочайшего санкционного давления, что оказывает понижающее воздействие на получение государственных доходов, и одновременно – необходимости решения масштабных задач по финансированию приоритетных государственных программ, включая обеспечение национальной безопасности,

а также восстановлению и интеграции новых территорий. Эти вызовы требуют максимально рационального и прозрачного использования бюджетных средств. Предотвращение нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств еще до момента совершения расходной операции возможно при обеспечении превентивного контроля, важную роль при осуществлении которого играют финансовые технологии. Особое место среди них занимает проект цифрового рубля – новой формы национальной валюты, эмитируемой Банком России. Цифровой рубль, благодаря своим характеристикам, таким как уникальность каждого токена и его программируемость, может рассматриваться как инструмент модернизации бюджетного процесса. Таким образом, исследование возможностей интеграции цифрового рубля в бюджетный процесс представляется актуальной задачей, решение которой может способствовать повышению эффективности управления государственными финансами, усилению прозрачности и действенности механизмов контроля в Российской Федерации.

► **Обзор литературы.** Использование цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) находится в фокусе внимания монетарных властей многих стран мира. По состоянию на февраль 2025 года¹ три страны полноценно запустили собственную цифровую валюту, 44 страны (в том числе Россия) находятся на этапе пилотного проекта, а 39 стран исследуют возможности. Международный Валютный Фонд в своем Виртуальном справочнике по цифровым валютам центральных банков охватывают широкий круг вопросов, начиная от методологии разработки ЦВЦБ и ее позиционирования в платежном ландшафте, до последствий для

---

¹ Central Bank Digital Currency Tracker [Электронный ресурс]. — URL:

<https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/> (дата обращения: 16.04.2025)

денежно-кредитных операций и трансмиссии монетарной политики. Значительное внимание уделяется потенциальным выгодам, таким как содействие финансовой доступности, и ключевым рискам и вызовам, включая обеспечение киберустойчивости, управление потоками капитала в цифровую эпоху, использование данных при защите конфиденциальности, разработку инклюзивных стратегий для посредников и пользователей. Однако, вопросы использования ЦВЦБ непосредственно в бюджетном процессе напрямую не затрагиваются¹. В то же время Й. Дётш утверждает, что использование ЦВЦБ стирает границы между денежно-кредитной и фискальной политиками [1, с. 97]. Н.В. Унижаева [2] анализирует преимущества цифрового рубля для усиления финансового контроля, особенно в контексте противодействия хищению бюджетных средств. А.Б. Иванюженко в своей работе [3] сосредоточился на правовых аспектах внедрения цифрового рубля. Исследователь рассматривает внедрение цифрового рубля через призму необходимости повышения адресности бюджетных расходов, противодействия коррупции, повышения эффективности социальной политики, а также как ответ на внешние санкционные ограничения. Перспективы использования цифрового рубля обозначаются Г.В. Пусурмановы [5]. Е.Е. Якушева [4] рассматривает цифровой рубль в контексте мирового опыта, а также акцентирует внимание на проблемах его правового регулирования в РФ.

► **Данные и методы.** В работе использовались методы синтеза теоретических положений, логического анализа нормативной базы и данных о бюджетном процессе, а также дедуктивного подхода к оценке потенциальных эффектов внедрения цифрового рубля. В качестве данных

использовались официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики и Министерства финансов Российской Федерации, Банка России, нормативно-правовые акты Российской Федерации, материалы научных публикаций и аналитических обзоров по теме исследования.

► **Результаты исследования.** Для анализа целесообразности внедрения цифрового рубля в бюджетный процесс Российской Федерации, важно изучить, как менялись основные показатели федерального бюджета. Эти данные приведены в табл. 1 и включают в себя: объем ВВП, доходы бюджета (в том числе налоговые, нефтегазовые и ненефтегазовые), расходы бюджета и дефицит/профицит бюджета, а также их процентное соотношение в объеме ВВП.

Согласно данным табл. 1, установлено, что объем ВВП в абсолютном выражении растет из года в год, что указывает на развитие экономики, однако темпы роста объема ВВП несколько замедляются в прогнозном периоде. Анализ данных, представленных в табл. 1, показывает, что существующий дефицит федерального бюджета (особенно выраженный в 2020, 2022, 2023 гг.), а также предварительный и прогнозируемый дефицит в 2024-2026 гг. требует повышенного государственного контроля за использованием бюджетных средств. Отсутствие прозрачности в финансовых операциях создает риск нецелевого использования бюджетных средств и возникновения коррупционных схем в бюджетной сфере.

На формирование дефицита или профицита бюджета влияет соотношение доходов и расходов. Поэтому важно проанализировать, как формируются доходы и на какие цели расходуются бюджетные средства.

¹ Central Bank Digital Currency (CBDC) - Virtual Handbook [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.imf.org/en/Topics/digital-payments-and->

[finance/central-bank-digital-currency/virtual-handbook](https://www.imf.org/en/Topics/digital-payments-and-finance/central-bank-digital-currency/virtual-handbook) (дата обращения: 16.04.2025)

Таблица 1 – Динамика основных показателей федерального бюджета Российской Федерации за период 2020-2026 гг.^{1,2,3,4}

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024*	2025**	2026**
ВВП	107658	135295	153435	166015	179956	190637	202304
Доходы бюджета, млрд.руб.	18719,1	25286,4	27824,4	28674,1	35065,3	33552,4	34051,0
Уд. вес в ВВП, %	17,4	18,7	18,1	17,3	19,5	17,6	16,8
Налоговые доходы, млрд.руб.	14652,2	19111,3	22044,8	23237,6	27396,2	28404,6	28901,8
Уд. вес в ВВП, %	13,6	14,1	14,4	14,0	15,2	14,9	14,3
Нефтегазовые доходы, млрд.руб.	5235,2	9056,5	11586,2	8863,5	11504,3	11759,8	11414,7
Ненефтегазовые доходы, млрд.руб.	13483,8	16229,9	16238,2	19810,5	23561,0	21792,6	22636,3
Расходы бюджета, млрд.руб.	22821,6	24762,1	31118,9	31674,8	36660,7	34382,8	35587,4
Уд. вес в ВВП, %	21,2	18,3	20,3	19,1	20,4	18,0	17,6
Дефицит бюджета (профицит), млрд.руб.	-4102,5	524,3	-3294,5	-3000,7	-1595,4	-830,4	-1536,4
Уд. вес в ВВП, %	-3,8	0,4	-2,1	-1,8	-0,9	-0,4	-0,8

*-предварительные данные

** -прогнозные данные

Доходы бюджета значительно выросли в 2021 г., что может быть связано с восстановлением экономики после пандемии COVID-19 и благоприятной конъюнктурой на сырьевых рынках. В 2023 г. рост доходов бюджета замедляется, но затем ожидается значительный скачок в 2024 г. В прогнозном периоде 2025-2026 гг. рост доходов становится незначительным. Удельный вес доходов в объеме ВВП колеблется, достигая пика в 2024 г. (19,5%), а затем снижается к 2026 г. (16,8%).

Основным источником доходов бюджета являются налоговые поступления. Динамика налоговых доходов в

целом соответствует динамике доходов бюджета. Удельный вес налоговых поступлений в объеме ВВП также колеблется, но в целом остается на относительно стабильном уровне.

Важным аспектом является эффективное взимание налогов, так как любые изменения в налоговой сфере влияют на наполняемость доходной части бюджета государства. Это, в свою очередь, приводит к увеличению или снижению доходов на всех уровнях бюджетной системы, что влияет на сбалансированность бюджета и на социально-экономическое развитие страны в целом. Введение цифрового рубля позволит упростить процесс уплаты

¹ Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://minfin.gov.ru/>

² Результаты проверки и анализа объемов прогнозируемых доходов проекта федерального бюджета на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/budget/project-2024/07%20-%20доходы%20Н+НН.docx>

³ Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2023)

⁴ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304155 (дата обращения: 21.04.2025)

налогов, повысить прозрачность налоговой базы и поможет снизить уклонение от уплаты налогов.

Наличие теневой экономики приводит к недополучению налоговых доходов и снижению бюджетных поступлений. Цифровой рубль позволит снизить долю наличных расчетов, которые часто используются в теневых схемах экономики. Все транзакции в цифровых рублях будут фиксироваться, что затруднит осуществление нелегальных операций и снизит стимулы для уклонения от уплаты налогов.

Существенную часть бюджета составляют нефтегазовые доходы. Нефтегазовые доходы напрямую зависят от цен на нефть и газ, а также от объемов экспорта. В 2022 г. наблюдался значительный рост нефтегазовых доходов, вероятно, вызванный благоприятной ценовой конъюнктурой на энергоносители. Однако, в 2023 г. отмечено снижение нефтегазовых доходов что может быть обусловлено падением цен на нефть и газ, а также влиянием санкционных ограничений. В будущем прогнозируется стабилизация доходов от нефтегазового сектора.

Волатильность цен на нефть и газ создает потенциальные риски для стабильности и устойчивости бюджета. Внедрение цифрового рубля, независимого от международной финансовой инфраструктуры, укрепит финансовый суверенитет страны и снизит зависимость от колебаний мировых цен на сырье.

Расходы бюджета, согласно данным таблицы, демонстрируют устойчивую тенденцию к росту в абсолютном выражении с 22821,6 млрд. руб. в 2020 г. до 35587,4 млрд. руб. в 2026 г. (прогноз). Доля расходов бюджета в объеме ВВП колебалась на протяжении рассматриваемого периода. Наибольшее значение было зафиксировано в 2020 г. (21,2%), а к 2026 г. прогнозируется снижение до 17,6%.

С целью оценки целесообразности внедрения цифрового рубля в бюджетный процесс, необходимо детально проанализировать структуру бюджетных расходов (табл. 2).

На основе данных табл. 2, установлено, что общий объем расходов бюджета демонстрирует тенденцию к росту в период с 2020 г. по 2024 г., затем наблюдается некоторое снижение в 2025 г. и снова рост в 2026 г. на протяжении всего исследуемого периода наибольшая доля расходов приходится на социальную политику, национальную оборону и национальную экономику.

Расходы на социальную политику демонстрируют относительную стабильность в абсолютном выражении в период с 2020 г. по 2026 г., Наблюдается небольшое снижение с 2020 г. по 2023 г., за которым следует рост к 2024 г. и стабилизация. Доля расходов на социальную политику значительно снижается с 30,6% в 2020 г. до 22,1% в 2026 г. Это говорит о том, что, несмотря на некоторое увеличение абсолютных значений, другие статьи расходов растут быстрее, что приводит к уменьшению относительной доли социальных расходов в бюджете.

Цифровой рубль может упростить выплаты пенсий, пособий и других социальных выплат населению, а также снизить риски мошенничества, ошибок, нецелевого использования средств и т.д. Кроме того, он может обеспечить более адресную поддержку нуждающимся.

Расходы на национальную экономику демонстрируют волнообразную динамику. Установлен рост с 2020 г. по 2021 г., затем запланировано снижение к 2025 г., и небольшой рост к 2026 г. Доля расходов на национальную экономику также снижается с 15,3% в 2020 г. до 10,3% в 2026 г., что отражает приоритизацию других сфер.

Таблица 2 – Динамика и структура расходов федерального бюджета Российской Федерации за период 2020-2026 гг.^{1,2,3,4}

Показатель	2020	2021	2023	2024*	2025**	2026**
Всего расходов	22821,6	24762,1	30265,8	36660,7	34382,8	35587,4
Общегосударственные вопросы, млрд.руб.	1507,7	1759,5	2324,4	2171,0	2286,9	2410,8
Уд.вес в структуре расходов, %	6,6	7,1	7,7	5,9	6,7	6,8
Национальная оборона, млрд.руб.	3168,8	3573,6	6406,7	10775,4	8534,1	7409,0
Уд. вес в структуре расходов, %	13,8	14,4	21,2	29,4	24,8	20,8
Нацбезопасность и правоохрана, млрд.руб.	2226,6	2335,9	3225,6	3388,6	3275,2	3406,4
Уд.вес в структуре расходов, %	9,8	9,4	10,7	9,2	9,5	9,6
Национальная экономика, млрд.руб.	3483,9	4356,6	4125,6	3890,0	3248,1	3665,6
Уд.вес в структуре расходов, %	15,3	17,6	13,6	10,6	9,4	10,3
Образование, млрд.руб.	956,9	1064,4	1464,4	1546,6	1311,7	1411,7
Уд.вес в структуре расходов, %	4,2	4,3	4,8	4,2	3,8	3,9
Здравоохранение, млрд.руб.	1334,4	1473,9	1570,0	1620,3	1634,5	1615,3
Уд.вес в структуре расходов, %	5,8	5,9	5,2	4,4	4,8	4,5
Социальная политика, млрд.руб.	6990,3	6675,8	6492,7	7731,9	7693,2	7855,2
Уд.вес в структуре расходов, %	30,6	36,9	21,5	21,1	22,4	22,1
Другие расходы, млрд.руб.	3153,0	3522,4	4656,4	5536,9	6340,1	7814,3
Уд.вес в структуре расходов, %	13,8	14,2	15,3	15,1	18,4	21,9

* - предварительные данные

** - прогнозные данные

¹ Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://minfin.gov.ru/>

² Результаты проверки и анализа объемов прогнозируемых доходов проекта федерального бюджета на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/budget/project-2024/07%20-%20доходы%20Н+НН.docx>

³ Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2023)

⁴ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304155 (дата обращения: 21.04.2025)

Использование цифрового рубля в бюджетном процессе Российской Федерации

Внедрение цифрового рубля может стимулировать развитие цифровой экономики, упростить проведение платежей и расчетов между предприятиями, а также снизить транзакционные издержки. Это может способствовать росту инвестиций, инноваций, цифровых технологий, а также повышению конкурентоспособности российской экономики на международном уровне [6].

Расходы на национальную оборону показывают наиболее значительный рост. С 3168,8 млрд. руб. в 2020 г. они

увеличиваются до 7409,0 млрд. руб. к 2026 г., с пиком в 10775,4 млрд. руб. в 2024 г. Доля расходов на оборону значительно возрастает с 13,8% в 2020 г. до 20,8% в 2026 г., с пиковым значением в 29,4% в 2024 г. Это указывает на существенное увеличение приоритета национальной обороны в бюджетной политике.

Сумма накопленных ранее бюджетных дефицитов государства за минусом бюджетного профицита образует государственный долг (табл. 3).

Таблица 3 – Динамика государственного долга Российской Федерации за период 2020-2026 гг.^{1,2,3,4}

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024*	2025**	2026**
Объем государственного долга млрд.руб.	18940,4	20921,9	22819,5	29176,8	32502,5	35875,8	40088,2
Уд. вес в ВВП, %	17,6	15,5	14,9	17,6	18,1	18,8	19,8
Внутренний государственный долг, млрд.руб.	14751,4	16486,4	18781,0	23221,5	26637,5	30159,3	34356,5
Уд. вес в общем объеме, %	77,9	78,8	82,3	79,6	82,0	84,1	85,7
Внешний государственный долг, млрд.руб.	4189,0	4435,4	4038,6	5955,3	5865,0	5716,5	5731,7
Уд. вес в общем объеме, %	22,1	21,2	17,7	20,4	18,0	15,9	14,3

* - предварительные данные

** - прогнозные данные

На основе данных, представленных в табл. 3, установлено, что общий объем государственного долга Российской Федерации демонстрирует устойчивый рост на протяжении всего рассматриваемого периода. С 18940,4 млрд. руб. в 2020 г. он увеличится до 40088,2 млрд. руб. к 2026 г. Доля государственного долга в объеме

ВВП также увеличивается, хотя и не всегда линейно. После снижения в 2021-2022 гг., показатель растет с 17,6% в 2023 г. до 19,8% в 2026 г.

Внутренний государственный долг составляет значительную и увеличивающуюся часть общего государственного долга. Его доля в общем объеме

¹ Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://minfin.gov.ru/>

² Результаты проверки и анализа объемов прогнозируемых доходов проекта федерального бюджета на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/budget/project-2024/07%20-%20доходы%20Н+НН.docx>

³ Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2023)

⁴ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304155 (дата обращения: 21.04.2025)

возрастает с 77,9% в 2020 г. до 85,7% в 2026 г. Стоит отметить, что рост общего государственного долга в основном обусловлен увеличением именно внутреннего долга.

Внешний государственный долг составляет меньшую часть общего долга государства, и его доля постепенно снижается с 22,1% в 2020 г. до 14,3% в 2026 г.

Основные факторы, влияющие на динамику государственного долга: макроэкономические процессы (рост/замедление объема ВВП, инфляция и т.д.); бюджетная политика правительства страны; внешние факторы (геополитическая обстановка, мировые экономические кризисы, санкции, цены на сырьевые товары и т.д.); курс национальной валюты (влияет на стоимость внешнего долга в рублевом выражении) и т.д.

В целом, анализ табл. 3 указывает на тенденцию к увеличению государственного долга Российской Федерации, при этом основную роль в этом росте играет внутренний долг. Одной из основных причин роста государственного долга является дефицит бюджета, когда расходы государства превышают его доходы.

Внедрение цифрового рубля обеспечит отслеживание движения бюджетных средств государства, снизит коррупционные риски и минимизирует нецелевое использование бюджета. Использование цифрового рубля в операциях с государственным долгом упростит управление долгом и сократит транзакционные издержки. Цифровой рубль предоставит доступ к финансовым услугам для широких слоев населения, в том числе в отдаленных регионах, что будет стимулировать экономический рост и увеличит налоговые поступления, уменьшая потребность в займах. Прозрачность операций с

цифровым рублем упростит контроль за уплатой налогов и сборов, что приведет к увеличению бюджетных доходов государства.

Потенциал цифрового рубля для решения этих задач был обозначен еще на ранних этапах проекта. Так, в Концепции цифрового рубля, представленной Банком России в 2021 году, были обозначены такие преимущества, как контроль за расходованием бюджетных средств поскольку платформа цифрового рубля обеспечит гарантированную адресную доставку целевых выплат гражданам и бизнесу; снижение издержек на администрирование бюджетных платежей (применение смарт-контрактов позволит автоматизировать и значительно упростить процессы администрирования бюджетных средств, повысить их эффективность и минимизировать операционные риски)¹.

Для реализации этих и других возможностей была сформирована следующая нормативно-правовая база (табл. 4).

По словам директора департамента финансовой политики Минфина О. Кабалоева, ведомство внесло в Правительство РФ поправки в Бюджетный кодекс. Данные изменения направлены на то, чтобы разрешить прямое использование цифрового рубля в бюджетной сфере, включая выделение ассигнований в цифровых рублях и открытие Казначейством счетов для соответствующих операций².

Банк России реализует пилотный проект с 15 августа 2023 года и пока в нем принимает участие ограниченный круг клиентов. Но анализ динамики масштабирования проекта показывает наращивание числа участников. Так, за год количество граждан-пользователей увеличилось в 15

---

¹ Концепция цифрового рубля / Банк России [Электронный ресурс]. – Москва, 2021. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf

² Минфин внес поправки об использовании цифрового рубля в бюджетном процессе [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23705967> (дата обращения: 21.04.2025)

**Использование цифрового рубля в бюджетном процессе
Российской Федерации**

Таблица 4 – Обзор правовой основы цифрового рубля в Российской Федерации

Нормативный акт	Направление регулирования
1	2
О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ	Вносит изменения в Гражданский кодекс РФ, определяя цифровой рубль как объект гражданско-правовых отношений (ст. 128), уточняет правила расчетов (ст. 861, 862), регулирует наследование счетов ЦР (ст. 1128, 1174)
О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ	Определяет основы обращения цифрового рубля посредством внесения изменений в федеральные законы, в частности «О банках и банковской деятельности», «О Центральном банке РФ», «О несостоятельности (банкротстве)», «О валютном регулировании и валютном контроле», «Об исполнительном производстве», «О национальной платежной системе» и «О таможенном регулировании»
О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах от 19.12.2023 N 610-ФЗ	Адаптирует Налоговый кодекс для использования цифрового рубля, задает регуляторные рамки по взысканию налоговой задолженности и приостановлению операций по счетам цифрового рубля налоговыми органами; устанавливает налоговые льготы для операций с цифровым рублем
О банках и банковской деятельности : Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1	Устанавливает запрет на привлечение цифровых рублей во вклады (депозиты); регулирует порядок прекращения операций и доступа к платформе цифрового рубля при банкротстве/ликвидации банков; распространяет режим банковской тайны на счета и операции с цифровыми рублями
О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ	Закрепляет статус Банка России как оператора платформы ЦР; наделяет его полномочиями по организации и обеспечению функционирования платформы; определяет порядок предоставления доступа (в т.ч. прямого); включает платформу в сферу надзора по ПОД/ФТ
О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ	Регулирует операционные и функциональные аспекты платформы цифрового рубля, определяет ее участников и их роли, правила доступа, порядок открытия/ведения счетов цифрового рубля, виды и правила совершения операций, требования к безопасности и информированию
О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ	Интегрирует цифровой рубль в механизмы таможенного контроля и взыскания: определяет процедуры списания средств и приостановления операций по счетам цифровых рублей таможенными органами при взыскании платежей
О валютном регулировании и валютном контроле : Федеральный закон от 10.12.2003 № 172-ФЗ	Регулирует доступ нерезидентов к платформе ЦР, открытие им счетов и право на проведение операций; разрешает использование ЦР нерезидентами в отдельных трансграничных расчетах

1	2
Концепция цифрового рубля (Банк России, 2021)	Описывает видение и цели проекта цифрового рубля, архитектуру платформы (двухуровневая модель), выбор модели цифрового рубля, технологические подходы, подходы к информационной безопасности, защите прав потребителей
О платформе цифрового рубля : Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П	Детализирует правила функционирования платформы цифрового рубля: функции и требования к оператору и участникам, порядок открытия/закрытия счетов цифрового рубля, виды операций, взаимодействие участников, правила исполнения распоряжений, идентификацию пользователей (в т.ч. через ЕСИА)
О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля : Положение Банка России от 07.12.2023 № 833-П	Регламентирует требования к обеспечению защиты информации при осуществлении операций с цифровыми рублями, к защите ИТ-инфраструктуры, использованию криптографии и электронной подписи, управлению ключами
Бухгалтерский учет операций с цифровым рублем : Информационное сообщение Министерства финансов РФ от 18.09.2023 № ИС-учет-47	Разъясняет порядок бухгалтерского учета операций с цифровым рублем организациями, приводит примеры отражения операций в учете
Основные направления государственной денежно-кредитной политики (ОНДКП) на 2023 г. и период 2024 и 2025 гг.	Отмечают особенности изменения баланса клиента банка при операциях с цифровым кошельком на платформе цифрового рубля (аспекты учета с точки зрения ЦБ)

раз (с 600 в 2023-м до 9000 человек в 2024 г.), торгово-сервисных предприятий – в 40 раз (с 30 до 1200), банков – на 2 (с 13 до 15)^{1,2}. Интенсифицировалась практическая апробация Платформы цифрового рубля. Так, в течение 2023 года было зафиксировано проведение 17,5 тыс. операций, из которых более 3 тыс. пришлось на долю автоплатежей. К концу 2024 года было совершено более 40 тыс. переводов между пользователями, осуществлено свыше 10 тыс. оплат товаров и услуг, а также исполнено более 7 тыс. смарт-контрактов. Общее количество

открытых кошельков для физических и юридических лиц превысило 1,5 тыс.^{3,4}.

Планировалось, что с 1 июля 2025 года крупнейшие банки должны будут обеспечить своим клиентам возможность проводить операции с цифровыми рублями, а торговые компании и предприятия с годовой выручкой более 30 млн рублей – принимать оплату в цифровых рублях. До 1 июля 2026 года к операциям с цифровым рублем должны были в обязательном порядке присоединиться банки с универсальной лицензией и компании с годовой выручкой более 20 млн рублей, но менее 30 млн рублей, а до 1 июля 2027 года

¹ Годовой отчет Банка России за 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49041/ar_2023.pdf (дата обращения: 30.03.2024)

² Годовой отчет Банка России за 2024 год [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 07.04.2025)

³ Годовой отчет Банка России за 2023 год [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49041/ar_2023.pdf (дата обращения: 30.03.2024)

⁴ Годовой отчет Банка России за 2024 год [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 07.04.2025)

– все остальные¹. Но в конце февраля 2025 года Центральный банк РФ сообщил, что полномасштабное внедрение начнется позднее, точные даты регулятор объявит позже.

Работа по внедрению цифрового рубля в бюджетный процесс ведется совместно Министерством финансов РФ, Банком России и Федеральным казначейством.

Федеральное казначейство выступает как специальный участник платформы цифрового рубля. В отличие от остальных юридических и физических лиц, Казначейству для выполнения операций с цифровым рублем нет необходимости взаимодействовать с финансовыми посредниками, оно осуществляет операции напрямую со своего собственного цифрового кошелька. Эти операции направлены на обеспечение деятельности бюджетных организаций. Техническое подключение Федерального казначейства к платформе цифрового рубля и открытие ему кошелька осуществляется Банком России.

В конце 2024 года совместно с рядом банков успешно проведены тестовые операции по выплате стипендий и оплате штрафов².

Внедрение цифрового рубля позволит государству эффективнее контролировать движение бюджетных средств. Ключевым технологическим преимуществом является уникальность каждого токена (единицы цифрового рубля), что позволяет отслеживать полный цикл движения средств [7].

Благодаря тому, что все операции будут проводиться на платформе

Центробанка и отслеживаться, исключается возможность нецелевого использования денег, выделенных как из федерального, так и из региональных бюджетов. Это касается как крупных государственных контрактов, так и социальных выплат.

Принципиальное значение имеет обязательная идентификация всех участников и возможность отслеживания жизненного цикла каждого цифрового рубля. Все пользователи платформы проходят процедуру идентификации. Кроме того, архитектура системы позволяет проследить всю цепочку транзакций с конкретным цифровым рублем с момента его выпуска Банком России [2, с. 826].

Так, прослеживаемость цифрового рубля в перспективе сможет обеспечить высочайший уровень контроля за расходованием средств при финансировании нацпроектов или крупных госзакупок, поскольку можно будет проследить движение бюджетных средств по всей цепочке исполнителей и субподрядчиков, автоматически проверяя выполнение условий контрактов на каждом этапе и минимизируя риски нецелевого использования, хищений или завышения смет.

Цифровой рубль невозможно анонимно обналичить [2, с. 287] и вывести через неконтролируемые каналы. Конечно, денежные средства можно вывести на банковский счет, но это будет отслеживаемая операция. Прослеживаемость и неанонимный характер цифрового рубля затрудняет многие традиционные схемы хищений и нецелевого использования бюджетных средств.

Использование смарт-контрактов создает возможности для

¹ Платежная инфраструктура откроется для цифрового рубля: предложения Банка России / Банк России [Электронный ресурс]. — URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=20991> (дата обращения: 21.04.2025)

² Годовой отчет Банка России за 2024 год [Электронный ресурс]. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf (дата обращения: 07.04.2025)

программирования целевого использования (потратить только на определенные нужды), автоматизированной проверки условий исполнения бюджетных обязательств перед совершением платежа. Маркирование или «окрашивание» цифровых рублей (механизм присвоения им метаданных) предполагает встраивание программных правил использования непосредственно в структуру цифрового рубля, что создает перспективы для автоматизации контроля за расходованием средств в бюджетной сфере, дополняя или даже заменяя существующие ручные или полуавтоматизированные методы. Благодаря маркированию цифровых рублей можно установить условия их расходования, что позволит отслеживать всю цепочку движения бюджетных средств, обеспечить целевое направление бюджетной выплаты и даже заблокировать выплату в случае нарушения установленных правил.

Применение смарт-контрактов позволит не только усилить контроль, но и за счет автоматизации процессов существенно снизить административные издержки, ускорить проведение операций и минимизировать операционные риски

Маркирование цифрового рубля, в случае реализации такой инициативы, позволит повысить бюджетную дисциплину и прозрачность расходования бюджетных средств. Но степень детализации метаданных (например, жесткая привязка к кодам бюджетной классификации или конкретным контрагентам) зависит от возможностей системы ЦВЦБ.

Детальная и неизменная история транзакций, хранящаяся в распределенной базе данных платформы, представляет собой ценный массив данных для финансового мониторинга [2, с. 829]. Применение систем на основе искусственного интеллекта позволяет анализировать эти

данные для обнаружения аномалий, потенциально указывающих на мошеннические действия или сговор, например, при проведении государственных закупок.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Таким образом, внедрение цифрового рубля в бюджетный процесс открывает возможности для повышения прозрачности бюджетного процесса, обеспечивая отслеживание движения бюджетных средств на всех его этапах; усиления контроля и обеспечения целевого использования финансов; повышения эффективности операционных процессов и оперативности проведения бюджетных операций; снижения коррупционных рисков благодаря затруднению схем хищений и нецелевого использования, и в целом оптимизации управления государственными и муниципальными финансами. Несмотря на очевидные преимущества, интеграция цифрового рубля в бюджетную сферу сопряжена с потенциальными рисками, требующими внимания. Перемещение средств на платформу цифрового рубля, в том числе бюджетных организаций, способно повлиять на ликвидность банковского сектора. Централизованный характер системы, обрабатывающей значительные бюджетные потоки, повышает уязвимость к кибератакам, что требует обеспечения высочайшего уровня защиты для предотвращения дестабилизации финансовой системы. Успешное внедрение также зависит от преодоления начальных операционных и технологических сложностей, включая необходимость масштабного обучения персонала. Наконец, высокая прозрачность платформы, необходимая для контроля, одновременно порождает риски нарушения конфиденциальности чувствительных бюджетных данных о госрасходах и их получателях, что обуславливает необходимость применения строгих мер по защите информации.

► **Литература**

1. Dötsch, J.J. Economic Policy in the Digital Age: How Technology is Challenging the Principles of the Market Economy / J.J. Dötsch. – Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. – 207 p. – ISBN 978-3-031-53049-4. – Текст : непосредственный

2. Унижаев, Н.В. Анализ преимуществ финансового контроля с использованием цифрового рубля / Н.В. Унижаев. – Текст : непосредственный // Russian Journal of Innovation Economics. – 2023. – Т. 13. – № 2. – С. 821-836.

3. Иванюженко, А.Б. Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля / А.Б. Иванюженко. – Текст : непосредственный // Теоретическая И Прикладная Юриспруденция. – 2024. – № 1 (19). – С. 23-36.

4. Якушева, Е. Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта / Е. Якушева. – Текст : непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 4. – С. 254-277.

5. Пусурманов, Г.В. Правовые и экономические аспекты введения цифрового рубля в Российской Федерации / Г.В. Пусурманов. – Текст : непосредственный // Право и практика. 2023. – № 3. – С. 100-107.

6. Хорошева, Е.И. Цифровой рубль: старт и перспективы / Е.И. Хорошева, Л.С. Михальская, А.С. Хорошева // Цифровой Рубль. – Донецк: ФЛП Кириенко С.Г., 2023. – С. 30-33. – Текст : непосредственный.

7. Горохова, Д.В. Совершенствование механизмов прослеживаемости бюджетных средств для целей государственного финансового контроля / Д.В. Горохова. – Текст : непосредственный // Экономика И Предпринимательство. – 2024. – № 5 (166). – С. 509-512.

Для цитирования: Манжула, Т.Ю. Использование цифрового рубля в бюджетном процессе Российской Федерации / Т.Ю. Манжула, Ю.Л. Верич // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 209-221.

► **References**

1. Dötsch J.J. (2024). Economic Policy in the Digital Age: How Technology is Challenging the Principles of the Market Economy: Contributions to Economics. Economic Policy in the Digital Age. Cham: Springer Nature Switzerland.

2. Unizhaev N.V. (2023). Analysis of the advantages of financial control using the digital ruble. Russian Journal of Innovation Economics, 2, 821-836. [In Russian]

3. Ivanyuzhenko A.B. (2024). Legal aspects of the possible application of the digital ruble. Theoretical and Applied Jurisprudence, 1(19), 23-36. [In Russian]

4. Yakusheva E.E. (2024). The digital ruble as a national digital currency: problems and prospects for development in the context of global experience. Law. Journal of the Higher School of Economics, 4, 254-277. [In Russian]

5. Pусurmanov G.V. (2023). Legal and economic aspects of introducing the digital ruble in the Russian Federation. Law and Practice, 3, 100-107. [In Russian]

6. Khorosheva E.I., Mikhalskaya L.S., Khorosheva A.S. (2023). Digital Ruble: Start and Prospects. Digital Ruble. Donetsk: FLP Kirienko S.G. [In Russian]

7. Gorokhova D.V. (2024). Improving the mechanisms for tracing budget funds for state financial control purposes. Economics and Entrepreneurship, 5(166), 509-512. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 22.04.25

For citation: Manzhula T.Yu., Verich Yu.L. (2025). Using the digital ruble in the budgetary process of the Russian Federation. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 209-221. [In Russian]

Экономико-правовые аспекты обеспечения экономической безопасности

УДК 332.025.12:346.548

JEL: K23

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Хараберюш И.Ф. д-р юрид. наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем экономической безопасности, e-mail: hif52@mail.ru, ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация: В статье рассматривается направление правового обеспечения экономической безопасности Донецкой Народной Республики. Отмечается, что недостаточное внимание уделяется вопросам практической реализации стратегии по обеспечению экономической безопасности на уровне субъектов РФ. Рассмотрена практика законодательного регулирования безопасности регионов, которая показала, что она присуща практически всем регионам, но не охватывает все базовые приоритеты обеспечения национальной безопасности, определенные в Стратегии национальной безопасности РФ. Модель такого законодательного регулирования региональной безопасности не отвечает требованиям времени. Исходя из проведенного анализа нормативно-правых актов отмечается, что Закон РФ «О безопасности» требует значительной корректировки и уточнений, прежде всего легализации унифицированного понятийного аппарата в сфере безопасности, определения основных параметров безопасности, базовых приоритетов обеспечения национальной безопасности, обеспечения взаимодействия всех

нормативных правовых актов в области безопасности. Подчеркивается, что Закон «О безопасности» должен быть базовым для иных нормативных актов в сфере обеспечения безопасности. Аналогичная ситуация и с Законом ДНР «О безопасности». Определяется состав базовых приоритетов обеспечения безопасности, которые необходимы для корректировки законов РФ и ДНР «О безопасности». Предлагается новая структура Закона Донецкой Народной Республики «О безопасности» и структура его главы «Экономическая безопасность Донецкой Народной Республики». Структура главы «Экономическая безопасность Донецкой Народной Республики» разработана согласно «Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти». Она обеспечивает логическое развитие темы исследования и раскрывает предмет правового регулирования – экономическую безопасность ДНР.

Ключевые слова: закон; безопасность; базовые приоритеты; экономическая безопасность; структура.

IMPROVING THE LEGISLATION ON ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

© И.Ф. Хараберюш, 2025

Kharaberyush I.F. Doctor of Legal Sciences, Professor, leading researcher, Department of Economic Security Research, e-mail: hif52@mail.ru, State Budgetary Institution "Institute of Economic Research", Donetsk, DPR, Russian Federation.

Abstract: The article considers the direction of legal support for economic security of the Donetsk People's Republic. It is noting that insufficient attention is paid to the issues of practical implementation of the strategy for ensuring economic security at the level of the constituent entities of the Russian Federation. The practice of legislative regulation of regional security is considering, which showed that it is inherent in almost all regions, but does not cover all the basic priorities of ensuring national security defined in the National Security Strategy of the Russian Federation. The model of such legislative regulation of regional security does not meet the requirements of the time. Based on the analysis of regulatory legal acts, it is noted that the Law of the Russian Federation «On Security» requires significant adjustments and clarifications, primarily the legalization of a unified conceptual apparatus in the field of security, the definition of the main parameters of security, basic priorities for ensuring national security, ensuring the interaction of all regulatory legal acts in the field of security. It is emphasizing that the Law «On Security» should be the basis for other regulatory acts in the field of security. A similar situation is with the Law of the DPR «On Security». The composition of the basic priorities of security is determined, which are necessary for adjusting the laws of the Russian Federation and the DPR «On Security». A new structure of the Law of the Donetsk People's Republic «On Security» and the structure of its chapter «Economic Security of the Donetsk People's Republic» are proposed. The structure of the chapter «Economic Security of the Donetsk People's Republic» is elaborating in accordance with the «Methodological Rules for Organizing Legislative Work of Federal Executive Authorities». It ensures the logical development of the research topic and reveals the subject of legal

regulation - the economic security of the DPR.

Keywords: law; security; basic priorities; economic security; structure.

► **Введение.** Мы живем в эпоху стремительного преобразования глобальных проблем и рисков в новые пути развития социально-экономической сферы, что стимулирует создание институтов развития, закрепленных на законодательном уровне и охватывающих все ключевые области общественной жизни [1, с. 759]. Поэтому устойчивость экономической безопасности (далее – ЭБ) государства и регионов зависит от своевременного реагирования на вновь образовавшиеся проблемы современности и принятия адекватных решений по ликвидации негативных последствий. В данном контексте не последнее место в системе обеспечения ЭБ занимает нормативно-правовое регулирование экономической безопасности регионов. Это стимулирует разработку и внедрение федеральных и региональных законов, региональных стратегий экономической безопасности, особенно актуальных для новых субъектов, присоединенных к Российской Федерации.

► **Обзор литературы.** В исследованиях российских ученых отмечается формирование достаточно обширной нормативно-правовой базы на государственном уровне, уточняющей основополагающие моменты Стратегии экономической безопасности до 2030 г. и регламентирующей вопросы реализации принципов и задач в области обеспечения экономической безопасности. При этом на региональном уровне, мы это подчеркиваем, вопросы нормативно-правового регулирования обеспечения экономической безопасности проработаны в меньшей степени. Отмечается учеными, что недостаточное

внимание уделяется вопросам практической реализации стратегии на уровне субъектов Российской Федерации [2, с. 20]. Поэтому представляется вполне логичным предложить вариант решения проблемы повышения эффективности нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения экономической безопасности регионов и, в частности, Донецкой Народной Республики.

Вопросами нормативно-правового регулирования экономической безопасности занимались Е.М. Бухвальд [3], О.А. Колоткина [4], М.Ю. Лев [5], Г.З. Мансуров [6], Т.Ю. Феофилова [7] и другие исследователи, но вопрос нормативно-правового регулирования экономической безопасности регионов и конкретно Донецкой Народной Республики требует дополнительного рассмотрения.

Целью статьи является обоснование возможности законодательного обеспечения экономической безопасности регионов и структуры закона в сфере безопасности Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

В соответствии с действующей структурой нормативных правовых актов, основным (базовым) законом, который регулирует обеспечение национальной безопасности РФ, является Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее – Закон № 390-ФЗ)¹. Он определяет общие правовые отношения в сфере обеспечения безопасности. Это прямо обозначает в своей работе Е.М. Бухвальд, который также выражает озабоченность отставанием законодательной базы по вопросам национальной и экономической безопасности. Автором даются предложения по совершенствованию Закона № 390-ФЗ в направлении стратегического планирования и прогнозирования уровня экономической безопасности [3, с. 61]. Нам понятен такой

подход к совершенствованию законодательства по национальной и экономической безопасности, хотя он носит достаточно общий характер.

Более конкретно в отношении Закона № 390-ФЗ высказывается Г.З. Мансуров, который утверждает, что он должен быть основой для других нормативных актов, иметь статус конституционного федерального закона в области обеспечения безопасности и содержать базовые приоритеты обеспечения национальной безопасности. Поэтому для того чтобы Закон № 390-ФЗ выполнял свою функцию, необходимо внести в него изменения. В частности, он должен содержать унифицированный понятийный аппарат в сфере безопасности, основные параметры безопасности и *базовые приоритеты обеспечения национальной безопасности*. Кроме того, Закон № 390-ФЗ должен предусматривать систему взаимодействия всех нормативно-правовых актов в области безопасности [6, с. 49, 51].

В разделе IV Стратегии национальной безопасности РФ (далее – Стратегия) зафиксированы базовые приоритеты обеспечения национальной безопасности. К ним относятся:

- сохранение народа России и развитие человеческого потенциала;
- оборона страны;
- государственная и общественная безопасность;
- информационная безопасность;
- экономическая безопасность;
- научно-технологическое развитие;
- экологическая безопасность и рациональное природопользование;
- защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество².

---

¹ О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417>

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. – URL:

Исследование, которое провел М.Ю. Лев, показало, что экономическая безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности и ее следует считать отдельным правовым институтом, имеющим свои специфические признаки. Важным в данной работе является анализ документов, регулирующих национальную безопасность (более 70 указов Президента и около 200 федеральных законов), который показал несовершенство системы обеспечения экономической безопасности. Данная проблема, по мнению автора, может быть решена принятием федерального закона об экономической безопасности в РФ [5, с. 454]. В общем поддерживая позицию автора, мы видим направление по созданию условий для проведения необходимых реформ в области национальной и экономической безопасности не в принятии нового закона, а в совершенствовании ныне существующего федерального Закона № 390-ФЗ и регионального Закона ДНР «О безопасности».

О.А. Колоткина, исследуя правовое регулирование экономической безопасности РФ в современных условиях, выделяет экономическую безопасность как основной стратегический элемент, влияющий на обеспечение национальной безопасности. Отмечается, что задача правовых документов состоит в определении основных направлений деятельности государства и его субъектов и обеспечении комплексной работы всех институтов общества [4, с. 52]. Это подтверждает наш подход к совершенствованию процесса обеспечения экономической безопасности путем выделения системообразующего базового законодательного акта и приведение его в соответствие с требованиями, о которых мы поговорим ниже.

В данном исследовании мы поддерживаем идею системного подхода для обеспечения экономической

безопасности региона, обоснованную Т.Ю. Феофиловой в своей докторской диссертации, которая ввела группу «Нормативные и правовые акты, регулирующие область экономической безопасности региона» в структуру системы ЭБ. Основу этой группы составляет региональный закон «Об экономической безопасности» и стандарты эталонных потребностей населения. В работе «на основе обобщения факторов и негативных последствий, сформированных ими, применяя метод логического моделирования, выделены причинно-следственные связи между источниками возникновения негативных воздействий и составляющими ущерба социально-экономической системе региона, в рамках которых представлены: 23 рискообразующих фактора, 34 риска, 38 угрозоформирующих рисков и 20 угроз, а также связи между ними» [7, с. 26-34]. Это очень важный момент для формирования системы экономической безопасности Донецкой Народной Республики.

► **Результаты исследования.** Изучение практики законодательного регулирования безопасности регионов показало, что она присуща практически всем регионам, но не охватывает все базовые приоритеты обеспечения национальной безопасности, определенные в Стратегии. Во многих субъектах РФ приняты свои концепции и законы о безопасности, созданы и функционируют Советы безопасности субъектов РФ, принят ряд других законов и подзаконных нормативных правовых актов по вопросам региональной безопасности. К числу таких субъектов РФ можно отнести г. Москву, Республики Татарстан, Дагестан и Карачаево-Черкессию; края Краснодарский и Ставропольский; Московскую, Омскую, Свердловскую, Саратовскую, Астраханскую Белгородскую и Калининградскую области [8, с. 95].

Пример законодательства органов государственной власти г. Москвы

---

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

показывает недостаточную широту охвата проблем в области региональной безопасности, что можно проиллюстрировать действующими в настоящее время в Москве законами:

О защите населения и территорий города от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера от 05.11.1997 г. № 46;

О пожарной безопасности в городе Москве от 12.03.2008 г. № 13;

Кодекс города Москвы об административных правонарушениях от 21.11.2007 г. № 45;

О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в городе Москве от 07.04.1999 г. № 16;

О Московской городской народной дружине от 26.06.2002 г. № 36;

Об общественных пунктах охраны порядка в городе Москве от 10.12.2003 г. № 77.

Аналогичная ситуация в области законодательного регулирования экономической безопасности и в других субъектах федерации, однако необходимо отметить, что в зависимости от географического положения, национальных традиций коренного населения и т.д., принимаются специальные региональные законы, регулирующие особенности этих субъектов. Например: «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» от 22.09.1999 г.; «О регулировании отдельных отношений в сфере организации дорожного движения на территории Краснодарского края» от 11.11.2019 г., «О перемещении задержанных транспортных средств и маломерных судов на специализированные стоянки на территории Краснодарского края, об их хранении, оплате расходов на перемещение и хранение и о возврате задержанных транспортных средств и маломерных судов» от 04.06.2012 г. и т.д.

Требует внимания и тот факт, что до принятия Закона № 390-ФЗ в ряде регионов, прежде всего в показательном по

уровню, в том числе экономического развития, Татарстане действовал Закон Республики Татарстан от 26.05.1999 г. № 2181 «О безопасности», введенный в действие постановлением Государственного Совета Республики Татарстан, которым закрепляются правовые основы обеспечения безопасности личности, общества, государства Республики Татарстан (далее – РТ) и ее суверенитета как неотъемлемого качественного состояния; определяется система безопасности и ее функции в РТ; устанавливается порядок организации и финансирования деятельности по обеспечению безопасности в РТ. Данный Закон состоял из 5 разделов, а именно:

«Общие положения», закрепляющий – понятие безопасности и ее объекты, среди которых выделяется и экономическая стабильность, субъекты обеспечения безопасности, основным из которых является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти, законодательную основу обеспечения безопасности в Республике Татарстан, принципы обеспечения безопасности, обеспечение безопасности, которое достигается в том числе системой мер экономического характера, соблюдение прав и свобод граждан при обеспечении безопасности;

«Система безопасности Республики Татарстан», закрепляющий – основные элементы системы безопасности, функции системы безопасности, силы и средства обеспечения безопасности;

«Совет Безопасности Республики Татарстан», закрепляющий – статус Совета Безопасности Республики Татарстан как конституционного органа, рассматривающего стратегические проблемы, в том числе экономической безопасности и вопросы его функционирования;

«Финансирование деятельности по обеспечению безопасности в Республике Татарстан»;

«Контроль за деятельностью по обеспечению безопасности, осуществляемый в отношении деятельности министерств, государственных комитетов и ведомств, предприятий, учреждений и организаций»¹.

В данном контексте интересно и уместно рассмотреть действующий «Примерный стандарт деятельности служб экономической безопасности предприятий и организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Татарстан», утвержденный Приказом Министерства экономики Республики Татарстан от 6.06.2016 г. № 181. Данный Примерный стандарт состоит из 7 Разделов, среди которых:

«Общие положения», определяющих – правовые основы, цели стандарта: обеспечение условий для устойчивого, эффективного функционирования организаций Республики Татарстан и методическая помощь предприятиям и организациям в процессе создания, функционирования и интеграции в общую систему менеджмента организации системы обеспечения экономической безопасности;

«Основные принципы обеспечения экономической безопасности», среди которых – экономической целесообразности, сочетания превентивных и реактивных мер, непрерывности, дифференцированности (что предполагает выбор мер по преодолению возникших угроз в зависимости от характера угрозы и степени тяжести последствий ее реализации), координации, полной подконтрольности;

«Термины и определения», определяющий среди прочего – систему экономической безопасности организации, экономическую безопасность организации, угрозу экономической безопасности;

«Система безопасности организации», закрепляющий ряд следующих

подсистем безопасности организации: экономическую, техногенную, экологическую, информационную, психологическую, научно-техническую, пожарную, имущественную и кадровую;

«Этапы создания службы экономической безопасности», что подразумевает – анализ основных рисков и направлений обеспечения экономической безопасности и разработка предложений о целях, задачах, о составе процессов и функций службы экономической безопасности; принятие решений органами управления организации о создании и деятельности службы экономической безопасности; принятие локальных нормативных актов о создании и функционировании службы экономической безопасности; внесение изменений в штатное расписание организации, бюджеты;

«Деятельность службы экономической безопасности организации, типовые деловые процессы и функции», что включает – деловой процесс «Выполнение практических задач по обеспечению экономической безопасности в рамках подразделения экономической безопасности организации», состоящий из подпроцессов; деловой процесс «Организация и координация работ по соблюдению требований экономической безопасности», состоящий из подпроцессов; деловой процесс «Управление деятельностью служб экономической безопасности в организации», состоящий из подпроцессов;

«Типовой паспорт службы экономической безопасности организации», подразумевающий – общие сведения, характеристику службы экономической безопасности предприятия (организации), наличие технических средств, прочие сведения, информацию о привлекаемых сторонних организациях для осуществления охранной деятельности².

¹ О безопасности: Закон Республики Татарстан от 26.05.1999 г. № 2181 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/917004552?ysclid=m6fl1gy6m3230033851>

² Об утверждении примерного стандарта деятельности служб экономической безопасности предприятий и организаций, осуществляющих свою деятельность на территории Республики Татарстан : Приказ Министерства экономики

Сложившаяся к настоящему времени модель такого законодательного регулирования региональной безопасности, по мнению некоторых авторов, не отвечает требованиям времени [9, с. 49]. Мы присоединяемся к мнению автора и видим решение этой проблемы, как уже отмечалось выше, в совершенствовании ныне действующего Закона ДНР «О безопасности».

Для нашего исследования также интересен опыт Республики Таджикистан, где принят Закон «О безопасности» от 27.11.2014 г., № 1137 (ред. от 03.08.2018 г., № 1540)¹ (далее – ЗРТ № 1137), который определяет правовые основы обеспечения безопасности человека и гражданина, общества и государства, регулирует систему обеспечения безопасности, ее функции, цели и основные направления, устанавливает полномочия Президента, органов государственной власти, органов самоуправления посёлков и сёл и организаций, независимо от их организационно-правовой формы в области обеспечения безопасности. ЗРТ № 1137 состоит из шести глав и тридцати трех статей.

В ЗРТ № 1137 с положительной стороны следует отметить:

наличие основных понятий (национальная безопасность, национальные интересы, объекты безопасности, субъекты безопасности, угрозы безопасности, экономическая безопасность и т.д.) (ст. 1);

законодательное определение субъектов безопасности (ст. 4);

указание основных угроз безопасности (ст. 6);

наличие отдельной главы «Система обеспечения безопасности и её основные функции» (гл. 2, ст. 7-9);

наличие отдельной главы «Обеспечение безопасности», в которой содержатся основные приоритеты обеспечения

безопасности Республики Таджикистан (гл. 4, ст. 16-26).

Необходимо выделить в базовых приоритетах обеспечения безопасности Республики Таджикистан ЗРТ № 1137, такой приоритет, имеющий для нас важное значение, как «обеспечение экономической безопасности» (ст. 18), который имеет следующие особенности:

экономическая безопасность обеспечивается решениями и действиями государственных органов, органов самоуправления посёлков и сёл, организаций, независимо от их организационно-правовой формы, должностных лиц и граждан, направленными на: обеспечение экономической независимости; сохранение и укрепление ресурсно-энергетической основы экономики страны; максимальное уменьшение степени уязвимости экономики страны, связанной с воздействием возможных отрицательных факторов, возникающих в геополитическом окружении государства; обеспечение взаимовыгодного сотрудничества с отечественными, международными финансовыми институтами, приоритетность направления внутренних, внешних кредитных ресурсов и инвестиционных возможностей на восстановление и развитие отечественной экономики; непревышение предельно допустимого уровня дефицита государственного бюджета и укрепление его доходной части; недопущение нецелевого использования бюджетных средств и государственных ресурсов; недопущение угрожающего дисбаланса в социально-экономическом развитии регионов страны и его устранение; увеличение доли товаропроизводителей в экономике страны при условии поощрения конкуренции и ограничении монополистической деятельности; обеспечение экономического роста страны;

Республики Татарстан от 6.06.2016 г. № 181 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/429063577#1VPUT3T>

¹ О безопасности : Закон Республики Таджикистан 27.11.2014 г., № 1137 (ред. от

03.08.2018 г., № 1540) [Электронный ресурс]. – URL: https://ct-secretariat.tj/images/docs/menu/information/relevant/721_ru.pdf

государство осуществляет контроль состояния и использования объектов экономики страны, находящихся в управлении или собственности иностранных организаций и совместных иностранных и отечественных организаций;

требования по обеспечению экономической безопасности в обязательном порядке учитываются при заключении контрактов по использованию стратегических ресурсов страны, выполнении этих контрактов и контроле их исполнения;

не допускается принятие решений и совершение действий, противоречащих интересам формирования и бесперебойного функционирования следующих структур: рыночного пространства, в пределах которого осуществляется свободное перемещение трудовых, финансовых и иных ресурсов; единой и самостоятельной финансовой системы, в том числе обращения на всей территории страны национальной валюты; единых и самостоятельных коммуникационной и энергетической систем страны.

Включение приоритета «экономическая безопасность» в Закон Республики Таджикистан «О безопасности» и другие положительные особенности этого закона могут быть реализованы в Законе ДНР «О безопасности».

Следует также уделить внимание Закону Туркменистана «О национальной безопасности Туркменистана» от 04.05.2013 г. № 388-IV¹ (далее – Закон № 388-IV). Он хорошо структурирован, имеет пять глав и тридцать статей, обозначение основных понятий, приоритеты национальной безопасности, перечень основных угроз национальной безопасности, систему обеспечения национальной безопасности, порядок обеспечения национальной безопасности, соотношение

¹ О национальной безопасности Туркменистана: Закон Туркменистана от 04.05.2013 г. № 388-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.03.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=3212654

Закон № 388-IV с иными нормативными правовыми актами.

В ст. 4 Закона № 388-IV определены виды национальной безопасности (базовые приоритеты), к которым относятся: общественная, военная, политическая, экономическая, информационная, экологическая. В аналогичных законах РФ и ДНР соответствующие базовые приоритеты также необходимо отразить.

Следует отметить с положительной стороны ст. 22 Закона № 388-IV, в которой определяется состав экономической безопасности. Экономическая безопасность включает: финансовую, продовольственную, энергетическую, транспортную. Этот перечень составных элементов экономической безопасности носит дискуссионный характер, но сам принцип включения его в Закон следует взять на вооружение при формировании регионального законодательства в сфере безопасности.

Исходя из проведенного анализа нормативно-правых актов, мы должны отметить, что Закон 390-ФЗ требует значительной корректировки и уточнений, прежде всего легализации унифицированного понятийного аппарата в сфере безопасности, определения основных параметров безопасности, базовых приоритетов обеспечения национальной безопасности, обеспечения взаимодействия всех нормативно-правовых актов в области безопасности.

Аналогичная ситуация и с Законом ДНР «О безопасности»², который был разработан и принят в полном соответствии с федеральным Законом 390-ФЗ до вхождения Донецкой Народной Республики в состав РФ.

На наш взгляд, прежде всего, необходимо сформулировать содержание

² О безопасности : Закон Донецкой Народной Республики от 12.12.2014 г. № 04-ПНС (С изменениями, внесенными Законом от 12.03.2020 № 108-ПНС) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/406373371/>

статьи 1 «Предмет регулирования настоящего Закона», уточнив предмет его регулирования в соответствии с базовыми приоритетами обеспечения национальной безопасности и изложить ее в такой редакции:

«Настоящий Закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению: государственной и общественной безопасности; информационной безопасности; экономической безопасности; экологической безопасности и рационального природопользования; иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации (далее - безопасность, национальная безопасность); сбережению народа региона и развитию человеческого потенциала; обороны страны; научно-технологического развития; защиты традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегической стабильности и взаимовыгодного международного сотрудничества; полномочий и функций органов государственной власти Донецкой Народной Республики, органов местного самоуправления в области безопасности, а также статуса Совета Безопасности Донецкой Народной Республики».

Кроме структурного изменения Закона ДНР «О безопасности» необходимо привести в соответствие с российским законодательством содержание первых трех глав этого закона, что может являться предметом отдельного исследования. Также предлагается статью 2 Закона ДНР «О безопасности» изложить в следующей редакции: *«Основные понятия и принципы обеспечения безопасности».*

С учетом рассмотренного федерального законодательства в области безопасности, опыта других государств, регионов РФ, рассмотренных научных

исследований в этой области предлагается структура Закона ДНР «О безопасности», который обеспечит принцип системного воздействия права. Предлагаемая структура закона состоит из трех разделов:

Раздел 1. Общие положения. Основу данного раздела составляет ныне действующий Закон, который должен быть приведен в соответствие с федеральным законодательством РФ;

Раздел 2. Базовые приоритеты обеспечения национальной безопасности. В данный раздел включаются отдельными главами девять базовых приоритетов, определенных в Стратегии. Содержание каждой главы должно раскрывать отдельный элемент системы безопасности региона, регулирующий определенные правоотношения. Отдельной главой включается приоритет «Экономическая безопасность Донецкой Народной Республики».

Раздел 3. Заключительные положения.

Структура главы «Экономическая безопасность Донецкой Народной Республики» разработана согласно «Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти». Она обеспечивает логическое развитие темы нашего исследования и раскрывает предмет правового регулирования – экономическую безопасность ДНР¹. С этой целью в структуру главы включены следующие статьи:

Статья 1. Цели и задачи.

Статья 2. Основные понятия и определения

Статья 3. Система экономической безопасностью ДНР.

Статья 4. Законодательство в сфере экономической безопасности.

Статья 5. Рискообразующие факторы, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР.

¹ Об утверждении методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти: приказ Минюста РФ № 3, Института законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве РФ № 51 от 10.01.2001 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=43289#h85>

Статья 6. Риски, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР.

Статья 7. Угрозоформирующие риски, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР.

Статья 8. Угрозы, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР.

Статья 9. Ущерб, влияющий на состояние экономической безопасности ДНР.

Основной целью обеспечения экономической безопасности ДНР является обеспечение такого развития региональной экономической системы, при которой были бы обеспечены приемлемые условия для жизни населения и развития личности, социально-экономической стабильности, а также успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи обеспечения экономической безопасности региона:

- формирование эффективной системы экономических отношений субъектов хозяйствования;

- создание специального финансового и правового климата, направленного на недопущение деструктивного развития территории;

- обеспечение оптимального соотношения между административными, экономическими и правовыми инструментами повышения экономической безопасности;

- прогнозирование возникновения как внутренних, так и внешних угроз (дестабилизирующих процессов), их анализ, снижение и ликвидация ущерба;

- формирование благоприятных условий обеспечения экономической безопасности отдельных субъектов хозяйственной деятельности;

- организация социально-экономического взаимодействия региона с внешней средой, не наносящего ущерба безопасности внешней среды и

способствующего устойчивому развитию региона в этой среде;

- установление нормативными правовыми актами ДНР стандартизированного перечня услуг, продукции и работ, обеспечивающий минимум основных биологических и социальных потребностей, а также гражданских прав, материальных и духовных благ, гарантированных государством;

- разработка концептуальных положений, которые раскрывают перспективы рационального потребления местных ресурсов с целью обозначения приоритетов социально-экономического развития региона;

- разработка критериев и показателей, позволяющих оценивать уровень социально-экономического развития на краткосрочную и долгосрочную перспективу с целью выведения региона на достойный уровень;

- развитие инфраструктурных систем на межрегиональном уровне [10, с. 14-15].

Немаловажное значение для формирования главы «Экономическая безопасность Донецкой Народной Республики» имеет ст. 2 «Основные понятия и определения», в которой мы предлагаем изложить понятие «экономическая безопасность региона» в такой редакции: *«Экономическая безопасность региона – это способность региона обеспечить устойчивость и поступательность развития территории в условиях экономической самостоятельности и интеграции с экономикой государства при возможном воздействии неблагоприятных факторов (угроз безопасности), обеспечить институционально закрепленные стандартизированные потребности населения (эталонные потребности населения), способность сохранять иммунитет к действию угроз, ослаблять и нейтрализовать их действие»* [11, с. 18].

Как и всякая система, система экономической безопасности ДНР представляет собой совокупность элементов,

функционирующих как единое целое. Элементы системы связаны между собой, а через внешнюю среду – с другими системами (базовыми приоритетами), посредством прямой и обратной связи. Каждый элемент в системе для целей анализа и управления можно рассматривать как самостоятельную, относительно обособленную систему. За основу взята система, предложенная и обоснованная Т.Ю. Феофиловой [7].

Система экономической безопасности ДНР базируется на ряде ключевых компонентов, к которым относятся: субъекты, определяющие управление отношениями в области экономической безопасности; объекты, подлежащие управлению в этой области; нормативно-правовая база, регламентирующая экономическую безопасность ДНР; факторы, оказывающие отрицательное воздействие и влияющие на состояние экономической безопасности ДНР; показатели и индикаторы, характеризующие состояние экономической безопасности ДНР.

В число субъектов, обеспечивающих управление отношениями в области экономической безопасности ДНР, входят: Народный Совет ДНР; органы власти, реализующие исполнительную функцию в ДНР; консультативные и совещательные органы, действующие при государственных должностных лицах и органах власти ДНР; профессиональные организации и объединения.

В качестве объектов, подлежащих управлению в сфере экономической безопасности ДНР, выступают: предприятия, производящие продукцию, предоставляющие услуги или выполняющие работы; организации и учреждения, выполняющие задачи, относящиеся к области экономической безопасности; работодатели и плательщики налогов и сборов в региональный бюджет; лица и структуры, создающие контролируемые негативные факторы (социальные группы, отдельные представители власти или подразделения, участники теневой экономики).

Нормативные правовые акты, регулирующие экономическую безопасность ДНР включают: Закон ДНР «О безопасности»; Концепцию экономической безопасности ДНР; Стратегию экономической безопасности ДНР; стандарты, устанавливающие эталонные потребности населения.

Негативные воздействия, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР состоят из: рисков, включая рискообразующие факторы; угрозоформирующих рисков; угроз; ущерб социально-экономической системе.

Группу показателей и индикаторов, характеризующих состояние экономической безопасности ДНР составляют: показатели, характеризующие средства ДНР, направленные на обеспечение экономической безопасности; показатели, характеризующие удовлетворение эталонных потребностей населения ДНР; показатели, характеризующие влияние негативных воздействий; показатели, характеризующие ущерб социально-экономической системе ДНР от влияния негативных воздействий экономической безопасности.

Законодательство в сфере экономической безопасности ДНР включает основную группу нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность по различным направлениям и сферам обеспечения экономической безопасности, включая Законы ДНР, Указы Главы ДНР, Постановления Правительства ДНР, которые приняты до вхождения ДНР в состав РФ и требующие приведения их в соответствие с федеральным законодательством. Эту группу составляют нормативно-правовые акты обеспечивающие:

экономическую безопасность в условиях проведения СВО;

создание, регистрацию, функционирование и ликвидацию юридических лиц и физических лиц-предпринимателей.

экономическую безопасность в сфере информационно-коммуникационных технологий;

трудовую безопасность;

безопасность и качество продукции, защиту прав потребителей;

инвестиционную безопасность;

поддержку субъектов хозяйствования;

налоговое и таможенное регулирование;

экономическую безопасность производственных объектов;

экономическую безопасность на стадии реализации продукции.

Достаточно подробно состав каждой группы, указанных нормативно-правовых актов рассмотрен в коллективной монографии «Экономическая безопасность в сфере хозяйствования: правовые аспекты» [10, с. 34-38].

Используя результаты наших исследований [10], научных работ в области обеспечения региональной безопасности [7; 12], опыта других регионов РФ [13], можем выделить основные негативные воздействия на состояние экономической безопасности ДНР:

рискообразующие факторы, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР, включают: проведение СВО; изменение объема полномочий между уровнями государственной власти и уровнем государственной власти субъектов РФ, и муниципальными образованиями; коррупция в органах власти; увеличение имущественного расслоения населения, включая рост доли малообеспеченного населения; увеличение среднего возраста населения;

риски, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР: превышения и злоупотребления должностными полномочиями; миграционный рост; административные барьеры в организации и осуществлении предпринимательской деятельности; неэффективный государственный контроль; увеличение объемов нецелевого и нерационального использования средств бюджета региона; ухудшение качества подготовки кадров; сокращение объемов промышленных НИОКР, их неэффективность и ограниченность

внедрения результатов в финансово-хозяйственный оборот субъектов экономики; неудовлетворительная транспортная инфраструктура; сокращение численности экономически активного населения, в том числе трудоспособного;

угрозоформирующие риски, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР: сокращение объемов регионального производства; сокращение налогоплательщиков; увеличение теневой составляющей экономики региона; увеличение себестоимости продукции; нецелевое и нерациональное расходование средств бюджета региона; ухудшение качества или объема продукции (работ, услуг), относимой к эталонным потребностям (ЭтП); снижение уровня конкурентоспособности экономики региона; увеличение объема противозаконной деятельности; дефицит трудовых ресурсов; увеличение социальных расходов бюджета региона;

угрозы, влияющие на состояние экономической безопасности ДНР: уменьшение объемов налоговых доходов бюджета; уменьшение денежных доходов населения; снижение уровня конкурентоспособности региональной продукции; сокращение расходов бюджета на обеспечение ЭтП; сокращение бюджетных расходов на обеспечение экономической безопасности (ОЭБ); увеличение себестоимости продукции; увеличение расходов бюджета региона на поддержание стабильности и ликвидацию конфликтов; уменьшение расходов на оплату труда; уменьшение объемов расходов бюджета на дотации и прочие формы поддержки хозяйствующих субъектов;

ущерб, влияющий на состояние экономической безопасности ДНР: сокращение объемов расходов, направляемых на ОЭБ из средств регионального бюджета; увеличение стоимости ЭтП; увеличение доли расходов, не относящихся к обеспечению ЭтП; сокращение средства регионального бюджета, направляемых на ОЭБ.

► **Выводы и дальнейшая дискуссия.** Таким образом, целесообразно в качестве системообразующего нормативного правового акта в сфере обеспечения безопасности ДНР и других регионов применять Закон «О безопасности»,

► **Литература**

1. Караваяева, И.В. Теория экономической безопасности суверенного государства в российской академической науке – к 300-летию РАН / И.В. Караваяева. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность. – 2024. – Т.7. – № 4. – С. 745-770. DOI: 10.18334/ecsec.7.4.120960

2. Бадылевич, Р.В. Практика правового регулирования обеспечения экономической безопасности на федеральном и региональном уровнях / Р.В. Бадылевич, М.В. Ульченко, Д.Л. Кондратович. – Текст : электронный // Фундаментальные исследования. – 2019. – № 7. – С. 13-20. – URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42505>

3. Бухвальд, Е.М. Правовые и институциональные проблемы интеграции требований экономической безопасности в систему стратегического планирования / Е.М. Бухвальд. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность. – 2019. – № 1. – С. 56-63.

4. Колоткина, О.А. Правовое регулирование экономической безопасности в условиях новых вызовов / О.А. Колоткина. – Текст : непосредственный // Бюллетень инновационных технологий. – 2022. – Т.6. – № 3 (23). – С. 49-52.

5. Лев, М.Ю. Правовая природа экономической безопасности государства и ее институциональные аспекты / М.Ю. Лев. – Текст : непосредственный // Экономические отношения. – 2020. – Т.10. – № 2. – С. 447-466. – DOI: 10.18334/eo.10.2.100903

6. Мансуров, Г.З. Новый закон о безопасности и старые проблемы законодательства о безопасности / Г.З. Мансуров. – Текст : непосредственный // Управленец. – 2011. – № 1-2(11-12). – С. 48-51.

7. Феофилова, Т.Ю. Экономическая безопасность в обеспечении развития социально-экономической системы региона: теория и методология : спец. 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (экономическая безопасность) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. экон. наук / Феофилова Татьяна

структура которого представлена на обсуждение. Экономическая безопасность ДНР, как один из базовых приоритетов, входит в состав Закона «О безопасности» отдельной главой и формируется во взаимосвязи с другими приоритетами.

► **References**

1. Karavaeva I.V. (2024). Theory of economic security of a sovereign state in Russian academic science – on the occasion of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences. *Economic security*, 4, 745-770. [In Russian] <https://doi.org/10.18334/ecsec.7.4.120960>

2. Badylevich R.V., Ulchenko M.V., Kondratovich D.L. (2019). Practice of legal regulation of economic security at the federal and regional levels. *Fundamental research*, 7, 13-20. [In Russian] <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42505>

3. Bukhvald E.M. (2019). Legal and institutional problems of integrating economic security requirements into the strategic planning system. *Economic security*, 1, 56-63. [In Russian]

4. Kolotkina O.A. (2022). Legal regulation of economic security in the context of new challenges. *Bulletin of innovative technologies*, 3(23), 49-52. [In Russian]

5. Lev M.Yu. (2020). Legal nature of the economic security of the state and its institutional aspects. *Economic relations*, 2, 447-466. [In Russian] <https://doi.org/10.18334/eo.10.2.100903>

6. Mansurov G.Z. (2011). New law on security and old problems of security legislation. *Manager*, 1-2 (11-12), 48-51. [In Russian]

7. Feofilova T.Yu. (2014). *Economic security in ensuring the development of the socio-economic system of the region: theory and methodology* [Extended abstract of doctoral dissertation]. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg. [In Russian]

Совершенствования законодательства по обеспечению экономической безопасности Донецкой Народной Республики

Юрьевна. – Санкт-Петербург: СПУ МВД РФ, 2014. – 47 с. – Текст : непосредственный.

8. Вахаев, М.Х. Проблемы нормативно-правового обеспечения региональной безопасности Российской Федерации / М.Х. Вахаев, С.В. Алексеев. – Текст : непосредственный // Право и безопасность. – 2011. – № 1(38). – С. 92-97.

9. Никитина, И.Ф. Организационные и правовые основы региональной безопасности в России / И.Ф. Никитина, И.К. Советов. – Текст : непосредственный // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 2 (77). – С. 41–50.

10. Экономическая безопасность в сфере хозяйствования: правовые аспекты: монография / коллектив авторов ГБУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. Н.Л. Шелухина. – Донецк, 2024. – 544 с. – Текст : непосредственный.

11. Научно–технологическая безопасность регионов России: методические подходы и результаты диагностирования: монография / под ред. А.И. Татаркина, А.А. Куклина. – Екатеринбург: Изд–во Урал. ун–та, 2000. – 414 с. – Текст : непосредственный.

12. Фефилова, Т.Ю. Модель управления экономической безопасностью региона / Т.Ю. Фефилова. – Текст : электронный // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2014. – № 6. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/126EVN614.pdf>

13. Богданова, М.А. Анализ экономической безопасности Волгоградской области и её потенциала / М.А. Богданова. – Текст : непосредственный // Исследование проблем экономики и финансов. – 2022. – №1. – С. 1-12.

8. Vakhaev M.Kh., Alekseev S.V. (2011). Problems of Normative-Legal Support of Regional Security of the Russian Federation. *Law and Security*, 1 (38), 92-97. [In Russian]

9. Nikitina I.F., Sovetov I.K. (2017). Organizational and Legal Foundations of Regional Security in Russia. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*, 2 (77), 41-50. [In Russian]

10. Sheloukhin N.L. (ed.). (2024). *Economic security in the economic sphere: legal aspects*. Donetsk: SFI “Economic Research Institute”. [In Russian]

11. Tatarkin A.I., Kuklin A.A. (eds.). (2000). *Scientific and technological security of the regions of Russia: methodological approaches and diagnostic results*. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University. [In Russian]

12. Feofilova T.Yu. (2014). Model of management of regional economic security. *Internet journal "NAUKOVEDENIE"*, 6. [In Russian] <http://naukovedenie.ru/PDF/126EVN614.pdf>

13. Bogdanova M.A. (2022). Analysis of economic security of the Volgograd region and its potential. *Research of problems of economics and finance*, 1, 1-12. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 20.03.25

Для цитирования: Харабериуш, И.Ф. Совершенствования законодательства по обеспечению экономической безопасности Донецкой Народной Республики / И.Ф. Харабериуш // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 222-235.

For citation: Kharaberyush I.F. (2025). Improving the legislation on ensuring economic security of the Donetsk People’s Republic. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 222-235. [In Russian]

Правовое регулирование государственного управления в экономической сфере

УДК 346.5:338.45(477.62)

JEL: K23, O25, R58, K29

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Куш Л.И. канд. юрид. наук, заведующий отделом экономико-правовых исследований, e-mail: lyubov-kushh@yandex.ru, ГБУ «Институт экономических исследований г. Донецк, ДНР, Российская Федерация.

Аннотация. В статье на основе анализа законодательства Российской Федерации и Донецкой Народной Республики о промышленной политике и научной литературы определена значимость ее правового обеспечения, выявлены проблемы, которые характерны для регионального

законодательства, а также обоснованы предложения по устранению этих проблем.

Ключевые слова: правовое обеспечение; промышленная политика; законодательство; промышленность; интеграция; экономика.

LEGAL SUPPORT FOR THE FORMATION AND IMPLEMENTATION OF INDUSTRIAL POLICY IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC INTEGRATION

Kushch L.I. Candidate of Legal Sciences, Head of the Economic and Legal Research Department, e-mail: lyubov-kushh@yandex.ru, SFI "Economic Research Institute", Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation.

Abstract. Based on the analysis of the legislation of the Russian Federation and the Donetsk People's Republic on industrial policy and scientific literature, the article defines the importance of legal support for such a policy, identifies problems that are characteristic of the legislation of the Republic under consideration, and substantiates proposals to eliminate these problems.

Keywords: legal support; industrial policy; legislation; industry; integration; economy.

► **Введение.** Одним из направлений участия органов государственной власти в отношениях, связанных с формированием и реализацией промышленной политики, является установление и применение

правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала государства и его регионов, а также обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции. При этом воздействие таких органов на рассматриваемые отношения осуществляется посредством правового обеспечения как совокупности законодательных и иных нормативных правовых актов, определяющих основу промышленной политики, которые принимаются на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Немаловажное значение в этом случае имеет региональные нормативные правовые акты, поскольку их наличие обеспечивает, во-первых, надлежащее

© Л.И. Куш, 2025

урегулирование отношений в этом сегменте экономики региона, во-вторых, развитие промышленности конкретного региона, в-третьих, основу для разработки муниципальных актов, направленных на стимулирование деятельности в сфере промышленности на территории соответствующих муниципальных образований.

А поэтому от содержания региональных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере промышленной политики, зависит развитие промышленности конкретного региона, в частности, и самого государств в целом, что обуславливает актуальность вопроса правового обеспечения формирования и реализации промышленной политики любого субъекта Российской Федерации (далее – РФ).

Следовательно, в этом случае не является исключением и Донецкая Народная Республика (далее – ДНР), представляющая один из промышленных регионов России. А поэтому вопросы правового обеспечения промышленной политики Республики не вызывают никаких сомнений относительно их актуальности, а тем более с учетом состояния ее экономики и активных интеграционных процессов, которые проходят во всех ее сферах экономики, в том числе в промышленности.

► Обзор литературы. Вопросы промышленной политики, а также проблемы, связанные с ее формированием и реализацией, являются предметом исследований многих ученых и практиков в сфере права и экономики. Среди них Т.В. Щукина [1, с. 74-87], О.А. Дементьева и В.А. Бахметьев [2, с. 15-20], А.К. Солнцев и А.А. Докунина [3, с. 681-701], Р.А. Голоднюк [4], А.В. Хорошавин [5] и др. [6, с. 124-134; 7, с. 8-18].

В научных публикациях ученых юристов и экономистов исследуются различные теоретические и прикладные аспекты рассматриваемой политики. При

этом практически все они придерживаются единого мнения о том, что наличие законодательных и иных нормативных правовых актов, определяющих основу промышленной политики, принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, являются ключевым фактором развития промышленности регионов России, поскольку только путем надлежащего урегулирования отношений в этом сфере экономики возможно достижение поставленных целей развития промышленности регионов и государства.

Так, Т.В. Щукиной путем исследования преобразований публичного управления в сфере промышленной политики, места и роли государства в этом процессе, особенностей реализации новых стратегий государственного развития были сформулированы особенности публичного управления в сфере промышленной политики, определено значение, содержания и видов сетевого взаимодействия в области управления промышленностью, характеристика общественных сетей в этой области, на основе чего автором обоснованы выводы, что «государство должно реагировать на запросы сетей и принимать отвечающие им законодательные и иные нормативные правовые акты. В части функционирования общественных регулируемых сетей именно правовые акты выступают их главным инструментом координации и жизнеспособности» [1, с. 86].

Кроме того, О.А. Дементьева и В.А. Бахметьев, обосновывают наличие такой проблемы как отсутствие законодательно закрепленных механизмов согласования положений правовых актов различного уровня с целью обеспечения непротиворечивости целей, задач и способов реализации промышленной политики в РФ на федеральном, региональном и местном уровне. При этом они уделяют особое внимание состоянию регионального законодательства. Так, анализируя

ряд законов субъектов РФ, авторы уточняют, что в этих законодательных актах конкретизированы не только распределение полномочий органов государственной власти субъектов Федерации, но и цели их промышленной политики, положения о стимулировании промышленной деятельности, в том числе за счет средств регионального бюджета. Вместе с тем, они обосновывают, что региональные нормативные правовые акты не содержат конкретных приоритетов в развитии промышленности на региональном уровне, а также общих положений о приоритетных направлениях развития промышленности на территории конкретного субъекта Федерации [2, с. 15-17].

А.И. Татаркин и О.А. Романова, проводя исследования еще на стадии принятия Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации», рассматривают промышленную политику как важнейший инструмент государственного воздействия на экономику, поскольку именно промышленность является ее системообразующим сектором [8, с. 13]. При этом авторы уделяют особое внимание региональному аспекту этой политики и обосновывают актуальность формирования субъектами РФ самостоятельной государственной региональной политики, что обусловлено высокой значимостью промышленного комплекса в экономике регионов, прогрессирующим низкотехнологичным равновесием структуры промышленности регионов, остротой социальных, экологических и прочих проблем [8, с. 14-15].

В свою очередь А.К. Солнцев и А.А. Докунина, изучая особенности и противоречия промышленной политики на современном этапе, утверждают, что в первую очередь необходимо преодоление таких препятствий, как отсутствие единой терминологии, разрозненность нормативной базы, несогласованность действий ведомств, излишняя бюрократизи-

рованность системы, что возможно путем унификации законодательства в части рассматриваемой политики [3, с. 681-682].

Р.А. Голоднюк, исследуя теоретические, методические и практические вопросы формирования и реализации промышленной политики в условиях реиндустриализации экономики ДНР, обосновывает ее основные направления развития институционального обеспечения, среди которых одним из таких направлений является нормативно-правовое обеспечение этой политики [4, с. 11-12].

С точки зрения А.В. Хорошавина, в процессе формирования промышленной политики субъектов РФ особое внимание следует уделить нормативно-правовой поддержке развития промышленности путем разработки Стратегии социально-экономического развития области, Программы социально-экономического развития области на среднесрочную перспективу и других документов, определяющих цели, задачи и параметры развития промышленности [5, с. 12].

Следовательно, в процессе определения правового обеспечения формирования и реализации промышленной политики ДНР в условиях экономической интеграции, необходимо учесть результаты научных исследований, ранее проводимых по заявленной теме. Целесообразность такого подхода обусловлена тем, что именно в процессе этих исследований была обоснована значимость наличия соответствующих нормативных правовых актов, обеспечивающих развития промышленности, а также выявлены проблемы, возникающие в правоприменительной практике других субъектов РФ по причине несовершенства их регионального законодательства. В связи с этим в законодательстве ДНР особое внимание должно быть уделено вопросам надлежащего урегулирования рассматриваемых отношений с целью недопущения ранее выявленных проблем, а также

обеспечения активного развития промышленности Республики.

Цель статьи: исследование правового обеспечения формирования и реализации промышленной политики ДНР в условиях экономической интеграции, а также обоснование предложений по совершенствованию нормативных правовых актов ДНР, направленных на надлежащее урегулирование отношений в этой сфере общественных отношений.

► **Данные и методы.** Методологическая база данного исследования опирается на обзор научных публикаций в сфере промышленной политики, анализ нормативных правовых актов РФ и нормативных правовых актов ДНР, регулирующих отношения, связанных с формированием и реализацией промышленной политики, практики их применения и т.д.

Методология выполненного исследования базируется на использовании методов формально-логического, аналитического обобщения, системного анализа, сравнительно-правового метода, других методов научного познания.

► **Результаты исследования.** В настоящее время в ДНР идет процесс формирования регионального законодательства о промышленной политике, основой которого должно быть федеральное законодательство, представленное общими и специальными нормативными правовыми актами. К общим актам, прежде всего относятся законодательные и подзаконные нормативные правовые акты:

о стратегическом планировании, определяющие место и роль промышленности в экономической системе страны, а

также ключевые показатели долгосрочного планирования ее развития;

об инвестиционной и инновационной деятельности, обеспечивающие привлечение инвестиций и реализацию инновационных проектов в этой сфере экономики, а также создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее деятельности;

об организации публичной власти в субъектах РФ, определяющие полномочия органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения, в том числе об участии в осуществлении промышленной политики и др.

К специальным нормативным правовым актам, прежде всего относится Федеральный закон от 31.12. 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ о промышленной политике), регулирующий отношения между субъектами, в процессе осуществления промышленной политики, в том числе и органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, а также формирующий основу для оказания мер поддержки и развития перспективных способов ее оказания.

Также к специальным федеральным нормативным правовым актам, содержащим положения о промышленной политике, следует отнести:

постановление Правительства РФ от 04.08.2015 г. № 794 «Об индустриальных (промышленных) парках и управляющих компаниях индустриальных (промышленных) парков»²;

¹О промышленной политике в Российской Федерации: Федер. закон № 488-ФЗ [принят Гос. Думой 31.12. 2014] // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 41.

²Об индустриальных (промышленных) парках и управляющих компаниях индустриальных (промышленных) парков (с изменениями и

дополнениями) : постановление Правительства РФ № 794 [принято 04.08.2015] // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102377210&intelsearch=%E8%ED%E4%F3%F1%F2%F0%E8%E0%EB> (дата обращения: 13.01.2025)

постановление Правительства РФ от 01.04.2024 г. № 413 «Об индустриальных (промышленных) парках и управляющих компаниях индустриальных (промышленных) парков, промышленных технопарках и управляющих компаниях промышленных технопарков, технопарках в сфере высоких технологий и управляющих компаниях технопарков в сфере высоких технологий, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»¹ (далее – постановление Правительства Российской Федерации от 01.04.2024 г. № 413) и многие другие.

Отсюда, в федеральном законодательстве существенное внимание уделяется урегулированию отношений, связанных с формированием и реализацией промышленной политики, в том числе на территории новых регионов России, поскольку, как справедливо отмечает А.А. Афанасьев, промышленность является базой материального производства, определяющей производственный и научно-технический потенциал, уровень и эффективность использования природных, материальных и трудовых ресурсов, индустриального развития территорий, обеспечивающей основу экономического благополучия страны [9, с. 23].

При этом следует обратить внимание, что с экономической точки зрения, «промышленная политика на уровне отдельного региона требует особого рассмотрения и формирования общей

¹Об индустриальных (промышленных) парках и управляющих компаниях индустриальных (промышленных) парков, промышленных технопарках и управляющих компаниях промышленных технопарков, технопарках в сфере высоких технологий и управляющих компаниях технопарков в сфере высоких технологий, расположенных на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области : постановление Правительства РФ № 413 [принято 01.04.2024] //

концепции развития территории» [10, с. 222]. А в основе этой концепции должно быть соответствующее региональное законодательство, содержащие основные положения о формировании и реализации промышленной политики, направленные на развитие промышленного потенциала и обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукции каждого субъекта РФ.

Вопрос наличия такого законодательства ДНР является актуальным еще и потому, что Республика «интегрируется в экономику РФ, и в этой связи важно объективно оценить промышленный потенциал и ресурсы ДНР как факторы обеспечения промышленного суверенитета РФ» [11, с. 63], но с учетом наличия различных негативных последствий, связанных с военным противостоянием на территории региона, его экономической изоляцией и многолетней неопределенностью статуса.

А поэтому «для устранения проблем, тормозящих развитие промышленного потенциала региона, необходимо формирование сбалансированной и адекватной современным экономическим условиям промышленной политики» [12, с. 57], правовая основа которой должна быть определена в законодательстве субъекта Федерации.

В связи с этим неслучайно одним из первых законодательных актов Республики, как нового субъекта РФ, стал Закон ДНР от 17.05.2023 г. № 445-ПНС «О промышленной политике в Донецкой Народной Республике»² (далее – Закон ДНР о

Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 33. – Ст. 4827.

² О промышленной политике в Донецкой Народной Республике : Закон ДНР № 445-ПНС [принят Народным Советом ДНР 17.05.2023] // Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-promyshlennoj-politike-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (дата обращения: 14.01.2025)

промышленной политике), определяющий состав участников формирования и реализации этой политики, полномочия органов государственной власти, меры и формы поддержки субъектов в сфере промышленности, статус государственных фондов развития промышленности, положения о специальном инвестиционном контракте, индустриальных (промышленных) парках, промышленных технопарках и кластерах и др.

Вместе с тем наличия этого Закона ДНР не решает вопрос формирования и реализации промышленной политики в Республике, что обусловлено наличием некоторых проблем, непосредственно связанных с подготовкой и состоянием рассматриваемого законодательства ДНР, которые необходимо представить далее.

Одна из этих проблем касается в целом содержания Закона ДНР о промышленной политике, в котором закреплены положения, регулирующие отношения в этой сфере экономики без учета реального состояния промышленности Республики. Такой подход к определению содержания этого Закона обусловлен тем, что в процессе его разработки вероятней всего был использован пример законодательных актов других субъектов РФ, состояние промышленности которых находится на более высоком уровне развития и характеризуется совершенно иными показателями. В то время как в настоящее время часть объектов промышленности Республики находятся в разрушенном состоянии в результате боевых действий, а другие нуждаются в комплексной перестройке и обновлении. Следует указать, что такое состояние характерно и для объектов промышленности, которые находятся на пока неподконтрольной ДНР территории.

А поэтому при формировании законодательства ДНР о промышленной политике необходимо учитывать реальное состояние ее производственных мощностей, поскольку как справедливо утверждают

другие авторы, промышленность Республики требует не только восстановления, но и структурной перестройки [13].

Отсюда, в Законе ДНР о промышленной политике должны быть закреплены положения с учетом реального состояния промышленности на всей территории Республики, направленные, прежде всего, на восстановление промышленных объектов, их структурной перестройки и только потом на формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, создание и развитие современной промышленной инфраструктуры, поддержки деятельности в сфере промышленности, соответствующих целям и задачам, определенным документами стратегического планирования, в том числе и на федеральном уровне. Такой подход к определению содержания рассматриваемого Закона обусловлен еще и тем, что «главной целью региональной промышленной политики в качестве базовой компоненты стратегии социально-экономического развития ДНР должно стать восстановление роли и места промышленности в социально-экономическом развитии региона» [14, с. 36].

Следующая проблема связана с тем, что до настоящего времени не приняты подзаконные нормативные правовые акты ДНР, обеспечивающие реализацию норм Закона ДНР о промышленной политике, направленного на формирование и реализацию промышленной политики несмотря на то, что в этом Законе четко определен перечень таких актов. Так, в соответствии со ст. 8 этого Закона орган исполнительной власти в сфере промышленной политики наделен полномочиями по разработке проектов:

- 1) документов стратегического планирования в сфере промышленности;
- 2) порядка формирования и ведения реестра производителей Республики;

3) порядка применения мер стимулирования субъектов деятельности в сфере промышленности;

4) критериев эффективности реализации промышленной политики в регионе;

5) дополнительных требований к индустриальным (промышленным) паркам, промышленным технопаркам, промышленным кластерам и их управляющим компаниям, специализированным организациям промышленных кластеров;

6) порядка формирования и ведения реестра индустриальных (промышленных) парков, управляющих компаний индустриальных (промышленных) парков в ДНР;

8) порядка формирования и ведения реестра промышленных кластеров, специализированных организаций промышленных кластеров в ДНР;

9) порядка формирования и ведения реестра промышленных технопарков, управляющих компаний промышленных технопарков в ДНР и др.

А Правительство ДНР в соответствии со ст. 7 Закона ДНР о промышленной политике наделено полномочием по утверждению вышеуказанных подзаконных нормативных правовых актов.

При этом согласно ст. 21 Закона ДНР о промышленной политике Правительство ДНР в течение шести месяцев со дня вступления в силу этого Закона обязано принять нормативные акты,

предусмотренные этим Законом, а также привести свои нормативные акты в соответствие с ним. А поскольку рассматриваемый Закон ДНР вступил в силу 28.05.2023 г., то такие нормативные акты должны были приняты не позднее 28.10.2023 г.

В настоящее время из всех перечисленных выше нормативных правовых актов имеется только приказ Министерства агропромышленной политики и продовольствия ДНР от 27.01.2022 г. № 28 «Об утверждении Порядка создания и ведения Реестра производителей агропромышленного комплекса Донецкой Народной Республики»¹ и приказ Министерства промышленности и торговли ДНР от 10.01.2022 г. № 01-ОП «Об утверждении Порядка создания и ведения Реестра производителей Донецкой Народной Республики»².

Относительно всех остальных нормативных правовых актов, которые должны были быть приняты в соответствии с Законом ДНР о промышленной политике в установленные этим Законом сроки, информация на Официальном интернет-портале правовой информации отсутствует. В то время как в соответствии с Указом Президента РФ от 02.04.2014 г. № 198 «О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации»³ (www.pravo.gov.ru)» с 1 декабря

¹Об утверждении Порядка создания и ведения Реестра производителей агропромышленного комплекса Донецкой Народной Республики : приказ Мин. агропром. политики и продовольствия ДНР № 28 [утв. 27.01.2022] // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8001202401170005?index=1> (дата обращения: 14.01.2025)

²Об утверждении Порядка создания и ведения Реестра производителей Донецкой Народной Республики: приказ Мин. пром. и торговли ДНР № 01-ОП [утв. 10.01.2022] // Официальный сайт

Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – URL: http://doc.dnronline.su/wp-content/uploads/2022/02/PrikazMP_T_N01_op_10012022.pdf (дата обращения: 14.01.2025)

³О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» : указ Президента РФ № 198 [утв. 02.04.2014] // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201404020033> (дата обращения: 14.01.2025)

2023 г. в обязательном порядке должны размещаться (быть опубликованы) нормативные правовые акты субъектов РФ, в том числе и ДНР. А поскольку, предусмотренные Законом ДНР о промышленной политике нормативные акты не содержат информацию с ограниченным доступом, не размещение их на Официальном интернет-портале правовой информации указывает на отсутствие этих нормативных правовых актов в системе законодательства ДНР о промышленной политике.

При этом следует обратить внимание, что со стороны федеральных органов вопросам создания и развития индустриальных (промышленных) парков, технопарков и промышленных кластеров на территории новых регионов, в том числе ДНР, уделяется особое внимание, поскольку это один из наиболее эффективных способов восстановления промышленной инфраструктуры, обеспечивающих запуск производственных мощностей Республики. В связи с этим в ФЗ о промышленной политике в декабре 2023 г. был определен упрощенный порядок создания и развития таких технопарков и кластеров. А постановлением Правительства Российской Федерации от 01.04.2024 г. № 413 с целью конкретизации этого порядка были установлены: 1) требования к индустриальным (промышленным) паркам, промышленным технопаркам, технопаркам в сфере высоких технологий и их управляющим компаниям, расположенным на территориях новых регионов РФ; 2) Правила подтверждения их

¹Об утверждении Порядка предоставления целевых займов субъектам деятельности в сфере промышленности : постановление Правительства ДНР № 58-3 [принято 18.07.2022] // Официальный сайт Правительства ДНР [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-18-iyulya-2022-g.-№-58-3-ob-utverzhdanii-poryadka-predostavleniya-czelevyh-zajmov-subektam-deyatelnosti-v-sfere-promyshlennost/> (дата обращения: 14.01.2025)

соответствия установленным требованиям, в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности.

Правительством ДНР была проведена определенная работа по разработке и принятию отдельных нормативных правовых актов, касающихся порядка применения мер стимулирования субъектов деятельности в сфере промышленности¹². Однако эти акты были приняты до включения ДНР в состав РФ и, соответственно, до принятия Закона ДНР о промышленной политике, что не исключает необходимость приведения их в соответствие с федеральным и действующим региональным законодательством.

Отсюда, органам исполнительной власти ДНР необходимо в кратчайшие сроки разработать и принять подзаконные нормативные правовые акты, предусмотренные Законом ДНР о промышленной политике, поскольку их отсутствие негативно влияет на урегулирование отношений в этой сфере и, соответственно, исключает вероятность надлежащей реализации промышленной политики ДНР.

Также к проблемным вопросам следует отнести не соответствие других нормативных правовых актов ДНР, регулирующих отношения в рассматриваемой сфере, федеральному законодательству в связи с внесением в него изменений и принятием Закона ДНР о промышленной политике.

Такие изменения, например, касаются положений территориального

²Об утверждении Порядка предоставления грантов субъектам деятельности в сфере промышленности : постановление Правительства ДНР № 58-4 [принято 18.07.2022] // Официальный сайт Правительства ДНР [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-18-iyulya-2022-g.-№-58-4-ob-utverzhdanii-poryadka-predostavleniya-grantov-subektam-deyatelnosti-v-sfere-promyshlennosti/> (дата обращения: 14.01.2025)

развития промышленности, которые закреплены в главе 3 ФЗ о промышленной политике. Так, в соответствии с ФЗ от 12.12.2023 г. № 577-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ от 12.12.2023 г. № 577-ФЗ) ФЗ о промышленной политике был дополнен статьей 19.3 «Особенности применения отдельных положений настоящей главы на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области», определяющей сроки неприменения положений статей 19, 19.1, 19.2 и части 3 статьи 20 ФЗ о промышленной политике (до 1 января 2028 г.) и порядок применения мер стимулирования деятельности в сфере промышленности до истечения установленного срока.

А поэтому в Закон ДНР о промышленной политике целесообразно внести изменения, указывающие на наличие особенностей применения мер стимулирования в сфере промышленности в форме отсылочной нормы на ФЗ о промышленной политике.

Кроме того, принятие Закона ДНР о промышленной политике обусловило необходимость внесения изменений в законодательство ДНР, регулирующие рассматриваемые отношения. Необходимость внесения таких изменений обусловлена тем, что, например, в апреле 2022 г. был принят Закон ДНР от 15.04.2022 г. № 362-ПНС «Об особенностях оказания государственной финансовой поддержки

субъектам деятельности в сфере промышленности»² (далее – Закон ДНР от 15.04.2022 г. № 362-ПНС), в котором определены: правовое положение государственных фондов развития промышленности; порядок их создания и осуществления финансовой поддержки субъектам деятельности в сфере промышленности; виды информационно-консультационной поддержки; полномочия компетентного республиканского органа исполнительной власти, направленные на предоставление финансовой поддержки субъектам деятельности в сфере промышленности; особенности осуществления полномочий Правительством ДНР в рамках этой поддержки; порядок предоставления займов, грантов и мониторинга реализации проектов предприятий и т.д.

Однако анализ Закона ДНР от 15.04.2022 г. № 362-ПНС указывает на наличие в нем устаревших норм (в частности, ссылок на гражданское законодательство ДНР и др.), а также норм, которые дублируются в Законе ДНР о промышленной политике или противоречат последнему, например, касающиеся правового положения государственных фондов развития промышленности, системы органов, наделенных полномочиями по оказанию финансовой поддержки, видов информационно-консультационной поддержки и т.д.

Определенные изменения также следует внести в подзаконные нормативные правовые акты, которые были приняты до принятия Закона ДНР о промышленной политике. К таким актам необходимо

¹О внесении изменения в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»: Федер. закон № 577-ФЗ [принят Гос. Думой 12.12.2023] // Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312120010> (дата обращения: 14.01.2025)

²Об особенностях оказания государственной финансовой поддержки субъектам

деятельности в сфере промышленности: закон ДНР № 362-ПНС [принят Народным Советом ДНР 15.04.2022] // Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – URL: <https://dnrsovet.gov.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-osobennostyah-okazaniya-gosudarstvennoj-finansovoj-podderzhki-subektam-deyatelnosti-v-sfere-promyshlennosti/> (дата обращения: 14.01.2025)

отнести постановление Правительства ДНР от 18 июля 2022 г. № 58-3 «Об утверждении Порядка предоставления целевых займов субъектам деятельности в сфере промышленности», постановление Правительства ДНР от 18 июля 2022 г. № 58-4 «Об утверждении Порядка предоставления грантов субъектам деятельности в сфере промышленности», с целью приведения их в соответствие с вышеуказанным Законом.

► **Выводы.** Исходя из вышеизложенного следует сделать выводы, что:

1) в настоящее время законодательство ДНР о промышленной политике находится в стадии формирования, основа которого представлена Законом ДНР о промышленной политике;

2) вместе с тем рассматриваемому законодательству ДНР характерны некоторые проблемы, касающиеся непосредственно содержания Закона ДНР о промышленной политике, непринятия подзаконных нормативных правовых актов ДНР, обеспечивающих реализацию норм этого Закона, а также не приведения нормативных правовых актов ДНР, регулирующих отношения этой сфере, федеральному законодательству в связи с внесением в него изменений и принятием Законом ДНР о промышленной политике;

3) для решения этих проблем необходимо:

► Литература

1. Шукина, Т.В. Правовое регулирование промышленной политики, организации и деятельности промышленных кластеров, сетевое взаимодействие в области управления промышленностью и характеристика общественных сетей / Т.В. Шукина. – Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2018. – № 3. – С. 74–87.

2. Дементьева, О.А. Нормативное правовое обеспечение реализации промышленной политики в Российской Федерации: федеральный, региональный и местный уровни / О.А. Дементьева, В.А. Бахметьев. – Текст : электронный // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2023. – № 7–9. – С. 15–20. –

– содержание Закона ДНР о промышленной политике определить с учетом реального состояния промышленности на всей территории Республики путем закрепления прежде всего положений, направленных на восстановление промышленных объектов, их структурной перестройки и только потом на формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, создание и развитие современной промышленной инфраструктуры;

– органам исполнительной власти ДНР в кратчайшие сроки разработать и принять подзаконные нормативные правовые акты, предусмотренные Законом ДНР о промышленной политике и обеспечивающие его реализацию;

– привести законодательство ДНР о промышленной политике в соответствие с федеральным законодательством и Законом ДНР о промышленной политике.

Внедрение вышеуказанных предложений будет положительно влиять на реализацию промышленной политики, и, как следствие, формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, создание и развитие современной промышленной инфраструктуры, поддержки деятельности в сфере промышленности.

► References

1. Shchukina T.V. (2018). Legal regulation of industrial policy, organization and activities of industrial clusters, network interaction in the field of industrial management and characteristics of public networks. *Legal science*, 3, 74-87. [In Russian]

2. Dementyeva O.A., Bakhmetyev V.A. (2023). Regulatory legal support for the implementation of industrial policy in the Russian Federation: federal, regional and local levels. *Industrial policy in the Russian Federation*, 7-9, 15-20. [In Russian] https://prompolit-press.ru/images/archive/2023_7-9.pdf

URL: https://prompolit-press.ru/images/archive/2023_7-9.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

3. Солнцеv, А.К. Особенности и противоречия промышленной политики на современном этапе: правовое регулирование, управление, процессы / А.К. Солнцеv, А.А. Докунина. – Текст : непосредственный // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – № 3. – С. 681–701.

4. Голоднюк, Р.А. Формирование и реализация промышленной политики в условиях реиндустриализации экономики : спец. 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям сферы деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. экон. наук / Голоднюк Роман Александрович. – Донецк: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021. – 23 с. – Текст : непосредственный.

5. Хорошавин, А.В. Формирование промышленной политики субъектов Российской Федерации : спец. 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям сферы деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами) : дис. на соиск. учен. степ. докт. экон. наук / Хорошавин Александр Вадимович. – Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2010. – 353 с. – Текст : непосредственный.

6. Костырев, А.П. Региональное законодательство как элемент институционального обеспечения промышленной политики / А.П. Костырев. – Текст : непосредственный // Вестник Академии знаний. – 2018. – № 4 (27). – С. 124–134.

7. Мантуров, Д.В. Принципы и подходы к реализации региональной промышленной политики на федеральном уровне / Д.В. Мантуров. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7. – № 4 (25). – С. 8–18.

8. Татаркин, А.И. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение / А.И. Татаркин, О.А. Романова. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2014. – № 2. – С. 9-21.

9. Афанасьев, А.А. Приоритеты промышленной политики России, организационная и нормативно-правовая основа реализации / А.А. Афанасьев. – Текст : непосредственный // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12. – № 2А. – С. 22-31. – DOI: 10.34670/AR.2022.96.94.003.

3. Solntsev A.K., Dokunina A.A. (2024). Features and contradictions of industrial policy at the present stage: legal regulation, management, processes. *Economy, entrepreneurship and law*, 3, 681-701. [In Russian]

4. Golodnyuk R.A. (2021). *Formation and implementation of industrial policy in the context of economic reindustrialization*. [Extended abstract of candidate dissertation]. State Educational Institution of Higher Professional Education "Donetsk National University". Donetsk. [In Russian]

5. Khoroshavin A.V. (2010). *Formation of industrial policy of the constituent entities of the Russian Federation*. [Unpublished doctoral dissertation]. Khabarovsk. [In Russian]

6. Kostyrev A.P. (2018). Regional legislation as an element of institutional support for industrial policy. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 4 (27), 124-134. [In Russian]

7. Manturov D.V. (2017). Principles and approaches to the implementation of regional industrial policy at the federal level. *Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 4 (25), 8-18. [In Russian]

8. Tatarkin A.I., Romanova O.A. (2014). Industrial policy: genesis, regional features and legislative support. *Economy of the region*, 2, 9-21. [In Russian]

9. Afanasyev A.A. (2022). Priorities of industrial policy of Russia, organizational and regulatory framework for implementation. *Economy: yesterday, today, tomorrow*, 2A, 22-31. [In Russian] <https://doi.org/10.34670/AR.2022.96.94.003>.

10. Низамутдинов, И.К. Сущность и значение современной промышленной политики / И.К. Низамутдинов. – Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2024. – Т. 59. – № 4. – С. 216–237. – DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-10. – URL: <https://msuecon.elpub.ru/jour/article/view/1158/571> (дата обращения: 14.01.2025).
11. Половян, А.В. Промышленный суверенитет и развитие новых регионов России / А.В. Половян, Р.Н. Лепа, С.Н. Гринеvская. – Текст : непосредственный // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 2 (203). – С. 61-72.
12. Ларионов, А.О. Оценка промышленного потенциала региона / А.О. Ларионов. – Текст : непосредственный // Проблемы развития территории. – 2015. – Вып. 2 (76). – С. 45-61.
13. Бражникова, Л.Н. Теоретическое обоснование антикризисной промышленной политики в условиях непризнанной государственности (на примере Донецкого региона) / Л.Н. Бражникова, И.А. Мызников. – Текст : электронный // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2022. – №1 (69). – URL: <https://eee-region.ru/article/6906/> (дата обращения: 14.01.2025).
14. Половян, А.В. Региональная промышленная политика как ключевой элемент социально-экономического развития ДНР / А.В. Половян, Л.Н. Бражникова, М.А. Мызникова. – Текст : непосредственный // Вестник Института экономических исследований. – 2024. – № 1. – С. 22-40.
10. Nizamutdinov I.K. (2024). The essence and significance of modern industrial policy. *Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy*, 4, 216–237. [In Russian] <https://msuecon.elpub.ru/jour/article/view/1158/571>
11. Polovyan A.V., Lepa R.N., Grinevskaya S.N. (2024). Industrial sovereignty and development of new regions of Russia. *Problems of forecasting*, 2(203), 61-72. [In Russian]
12. Larionov A.O. (2015). Assessment of the industrial potential of the region. *Problems of development of the territory*, 2(76), 45-61. [In Russian]
13. Brazhnikova L.N., Myznikov I.A. (2022). Theoretical substantiation of anti-crisis industrial policy in the context of unrecognized statehood (on the example of the Donetsk region). *Regional economy and management: electronic scientific journal*, 1(69). [In Russian] <https://eee-region.ru/article/6906/>
14. Polovyan A.V., Brazhnikova L.N., Myznikova M.A. (2024). Regional industrial policy as a key element of the social and economic development of the DPR. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 1, 22–40. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 20.01.25

Для цитирования: Кушч, Л.И. Правовое обеспечение формирования и реализации промышленной политики в Донецкой Народной Республике в условиях экономической интеграции / Л.И. Кушч // Вестник Института экономических исследований. – 2025. – № 2(38). – С. 236-247.

For citation: Kushch L.I. (2025). Legal support for the formation and implementation of industrial policy in the Donetsk People's Republic in the conditions of economic integration. *Vestnik of Institute of Economic Research*, 2(38), 236-247. [In Russian]

Научное издание

ГБУ «ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

**ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

VESTNIK OF INSTITUTE OF ECONOMIC RESEARCH

№ 2(38) - 2025

---

*Оригинал-макет подготовлен редакционно-издательской группой
ГБУ «Институт экономических исследований»*

Научные редакторы *Н.В. Шемякина
О.А. Ашурков*

Компьютерная верстка *Н.А. Алексейчук,
Т.Н. Синельникова*

Ответственный за издание *Я.С. Голоднюк*

Электронная версия журнала размещена на сайте
<http://journals.econri.org/index.php/journal>

Подп. в печать: 30.06.2025 г.

Формат 60x84/8

Усл. печ. листов: 28,64

Заказ №

Тираж: 100 экз.(ППТ1 30 экз.)

Адрес редакции: 283048, г. Донецк, ул. Университетская, 77
Тел. + 7 (856) 311-57-90, + 7 (949) 331-99-26
E-mail: vestnik@econri.org

Отпечатано ИП Кириенко Сергей Григорьевич
Свидетельство о государственной регистрации от 10.01.23 г.
№ 323930100004282

283003 Донецкая Народная Республика,
г. Донецк, пр. Дзержинского д. 55, кв. 105